

ВАДИМ АРИСТОВ

Алексей Шахматов
и раннее летописание

**Алексей Шахматов
и раннее летописание**

ВАДИМ АРИСТОВ

**АЛЕКСЕЙ ШАХМАТОВ
И РАННЕЕ ЛЕТОПИСАНИЕ**

Метод, схема, традиция

КИЕВ · LAURUS · 2018

УДК 930.272(47+52)
А 81

Вадим Аристов

А81 Алексей Шахматов и раннее летописание. Метод, схема, традиция. —
К.: Laurus, 2018. — 316 с.

ISBN 978-966-2449-79-2

Летописи концентрируют на себе внимание ученых не просто как важнейший исторический источник Древней Руси. История начального летописания уже давно превратилась в самостоятельную сферу исследований. Что мы знаем о происхождении текста «Повести временных лет», древнейшего дошедшего памятника киеворусской историографии? На протяжении более ста лет большинство ответов на этот вопрос основывается на гипотезах Алексея Шахматова (1864–1920), самого влиятельного исследователя летописания.

С помощью каких методов Шахматов работал с текстами? Как возникли его представления об истории раннего летописания? И почему шахматовская система взглядов оказалась настолько успешной в науке? Об этом и рассказывает книга.

*Книга издана про поддержке
Германского исторического института в Москве*

Редактор *Николай Климчук* · Верстка *Дениса Пиорко* ·
Корректоры *Константин Горобенко, Мария Яковлева*

ISBN 978-966-2449-79-2

2018 © Вадим Аристов
2018 © Laurus

Оглавление

<i>Список сокращений</i>	7
<i>Предисловие</i>	9
<i>Вступление. Контуры исследования</i>	13

ГЛАВА ПЕРВАЯ · МЕТОД

Исследования Шахматова в интеллектуальных контекстах XIX – начала XX века	29
--	----

1.1. Вопросы о методе	31
1.2. Более чем полное собрание летописей	35
1.3. Общая теория сводов	53
1.4. Дело техники. Шахматов и критика текста	69
1.5. Наука и искусство	96
1.6. Обрастание историей	113
1.7. Человек и метод	135
1.8. Великие текстологические открытия	142

ГЛАВА ВТОРАЯ · СХЕМА

Ключевые идеи Шахматова по истории раннего летописания	150
---	-----

2.1. Предшественники «Повести временных лет»	154
2.2. Переоценка новгородской летописи	158
2.3. Вопрос о Несторе	169
2.4. Когда и как возник «Начальный свод»	179
2.5. «Начальный хронограф»	194
2.6. Древнейшие своды: даты и создатели	198

2.7. Первые исторические тексты.....	204
2.8. Десятичные анналы – быть или не быть?.....	219
2.9. Редакции «Повести временных лет».....	222
2.10. Шахматов историографический и реальный.....	233

ГЛАВА ТРЕТЬЯ · ТРАДИЦИЯ

«Шахматовский переворот» в изучении летописей.....	239
3.1. Критика и альтернативы.....	241
3.2. Секреты научного успеха.....	249
3.3. Культ Шахматова и начала традиции.....	265
3.4. Описательные модели.....	281
<i>Эпилог</i>	288
<i>Приложение № 1. Воспроизведение «схемы Шахматова» в работах исследователей летописания XX – начала XXI века.....</i>	<i>292</i>
<i>Приложение № 2. Планы «Разысканий о древнейших летописных сводах» 1903 г. и исследования о «Повести временных лет» 1907 г.....</i>	<i>297</i>
<i>Приложение № 3. Черновик А. А. Шахматова: краткое содержание «Разысканий».....</i>	<i>302</i>
<i>Приложение № 4. Основные гипотезы по истории раннего летописания во взглядах А. А. Шахматова.....</i>	<i>304</i>
<i>Указатель</i>	

Список сокращений

АРАН	Архив Российской академии наук
АСПИИ РАН	Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук
Воскр	Воскресенская летопись
Дрsv	Древнейший свод
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗНТШ	Записки Наукового товариства імені Шевченка
ИОРЯС	Известия Отдела русского языка и словесности
Ипат	Ипатьевская летопись / Ипатьевский список
Лавр	Лаврентьевская летопись / Лаврентьевский список
ЛН	Летопись Нестора
MGH	Monumenta Germaniae Historica
MPH	Monumenta Poloniae Historica
Н4	Новгородская четвертая летопись
НПЛ	Новгородская первая летопись
НПЛмл	Новгородская первая летопись младшей редакции
НПЛст	Новгородская первая летопись старшей редакции
Нсв	Начальный свод
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
ПФА РАН	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
Соф1	Софийская Первая летопись
Тв	Тверская летопись
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы
ХВИ	Хронограф по великому изложению

Предисловие

Большая часть сведений об истории Киевской Руси почерпнута из летописей. Этим важным памятникам древней историографии посвящена необозримая литература. История летописания давно выделилась в отдельную область исследований, не менее занимательную, чем собственно история Руси. Наиболее привлекательным для ученых было и остается древнейшее, или раннее летописание. Под этим термином я понимаю ту фазу древнерусского историописания, которая завершилась в 10-х годах XII века. В это время была создана «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ) в том виде, в каком она представлена в дошедших до нас списках¹. Тогда же разошлись самостоятельные летописные традиции: киевская, новгородская, чуть позднее — владими́ро-суздальская.

Составить представление о том, что было «до» создания ПВЛ, не зря называемой «Начальной летописью», гораздо сложнее, чем рассказать об истории более позднего летописания. Но именно там, будто за горизонтом событий черной дыры, в тумане неизвестности, кроется искушающая загадка, там сидит притягательный «идол начала». Именно туда чаще всего устремляют взоры исследователи, старающиеся разглядеть нечеткие силуэты, которые зачастую оказываются миражами. Усилиям, прилагавшимся к изучению раннего летописания, и посвящена эта книга.

* Прилагательное «русский» используется как производное от слова Русь (страна / государство) или русь (этноним) и относится к (ранне)средневековым реалиям эпохи Киевской Руси. Это сделано во избежание путаницы с прилагательным «русский», относящимся к этнониму «русские» и связанным с ним историческим реалиям, находящимся в другом географическом и хронологическом контексте.

¹ ПВЛ, как известно, не существует в отдельном виде. «Повестью временных лет» принято называть начальную часть большинства древнейших рукописей, содержащих в себе летописные тексты.

Так называемое «летописеведение» оказалось ключевой дисциплиной. От ее успехов зависит не только взгляд на историю летописных текстов, но и достоверность описанных в них событий. Летописеведческие концепции опираются на то или иное представление о сущности летописей и характере работы древних книжников. В свою очередь такого рода представления определяются методологической ориентацией ученых, в частности, моделями, заимствованными у авторитетных коллег. По меткому наблюдению Томаса Куна, ученые в своей работе исходят из моделей, которые усвоили в процессе обучения или обнаружили в литературе, часто не зная и не желая знать, что придало этим моделям их высокий статус в научной среде². Однако нет сомнений в том, что знание о происхождении собственного метода или базовой теории имеет ключевое практическое значение.

Согласно замечанию американского социолога Рэндалла Коллинза, любая интеллектуальная традиция развивается по направлению к бóльшей абстракции и рефлексии³. В исторических дисциплинах это проявляется, среди прочего, в анализе методов исследования, «раскапывании» концептуальных основ, изучении «внутренних историй». Мою книгу следует рассматривать именно в контексте такого «самоанализа» науки. Я исследую происхождение того идейного и методологического каркаса летописеведения, который держится уже около столетия и опирается на работы известнейшего российского филолога Алексея Александровича Шахматова (1864–1920).

Как мне кажется, глубина рефлексии над опытом летописеведения еще недостаточна по сравнению с объемом литературы, посвященной собственно летописям. Как правило, ученые подходят к этому делу инструментально: их методологические и историографические рассуждения подчинены задаче обосновать собственные концепции истории летописания. Несмотря на то, что в последнее время появились специальные труды по истории летописеведения (в частности, монография В. Г. Вовиной-Лебедевой⁴), они не охватили всего спектра проблем в этой области. Не до конца понятно, как соотносились методы работы Шахматова и его предшественников с текстуальной критикой, практиковавшейся в Европе XIX – начала XX века. Исследовательская «кухня», в которой готовились ключевые

² Кун Т. Структура научных революций [Пер. англ., сост. В. Ю. Кузнецов]. – М., 2003. – С. 76.

³ Collins R. The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change. – Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 2002. – P. 787.

⁴ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. – СПб., 2011.

для последующего столетия летописеведческие гипотезы, остается во многом не раскрытой. В конце концов, не выяснены в достаточной степени причины удивительного успеха концепций Шахматова.

Следует добавить, что «самоанализ» дисциплины нуждается в чем-то большем, нежели привычное описание движения историографии, упорядоченное с помощью связующих понятий (например, «школа», «парадигма», «метод»). Здесь требуется выяснение того, как (с помощью каких категорий и рамок) это самое описание происходит, т. е. наблюдение «второго порядка», как его назвал Никлас Луман⁵. Наблюдением «первого порядка» в нашем случае будет изучение летописей, наблюдением «второго порядка» — анализ процесса изучения и поведения изучающих.

Итак, настоящая работа предполагает наблюдения на двух уровнях. На одном рассматриваются представления ученых XIX — начала XX века (и прежде всего Шахматова) о средневековых текстах. На другом — как воспринимался их опыт в последующей научной литературе и как это восприятие влияло на академические практики.

Стоит заметить, что данная книга не только о Шахматове и летописеведении. Ее материал позволяет ставить и более общие теоретические вопросы: как возникают идеи? что обеспечивает историографический успех? как складываются научные традиции? Хочется надеяться, что читатель найдет в этом издании пищу для размышлений.

* * *

Признаю, что в настоящей книге были учтены не все относящиеся к теме работы, в частности, те, которыми историография «приросла» за время, прошедшее между написанием и изданием. Не все возможные материалы были привлечены, не все вопросы поставлены и, тем более, не все ответы даны. Эти и другие недостатки книги лежат исключительно на моей совести. Но положительный результат работы я разделяю со всеми, кто помогал и содействовал моему предприятию.

Прежде всего, хочу высказать глубочайшую благодарность Алексею Петровичу Толочко — научному руководителю моей диссертации, превратившейся в итоге в эту книгу. Без его помощи, советов и личного примера вряд ли эта работа появилась бы на свет. Я очень признателен за содействие и критику участникам обсуждений моей

⁵ Луман Н. Реальность массмедиа [Пер. с нем. А. Ю. Антоновского]. — М., 2005. — С. 181–189.

Предисловие

диссертации: Игорю Николаевичу Данилевскому, Вадиму Изяславовичу Ставискому, Владимиру Михайловичу Рычке, Татьяне Леонидовне Вилкул. Я безусловно благодарен всем сотрудникам Института истории Украины Национальной академии наук Украины, причастным к обсуждению и реализации этого исследования, и, конечно, его директору Валерию Андреевичу Смолию.

Моим друзьям и коллегам Ярославу Затылюку, Катерине Кириченко, Сергею Багро я искренне благодарен за советы и поддержку во время работы над этой темой. С ними я мог обсуждать сюжеты, связанные с моими трудами, в неформальной теплой атмосфере. Хочу высказать огромную признательность Виталию Штефану за тщательную редактуру и ценные дополнения к отдельным главам.

Большую роль в работе над книгой сыграли «вторичные семинары» при Обществе исследователей Центрально-Восточной Европы, которые проводятся на кафедре истории Национального университета «Киево-Могилянская академия». Главе семинара, Наталье Николаевне Яковенко, и всем его участникам, обсуждавшим положения книги, — моя искренняя благодарность.

Хочу поблагодарить также своих польских коллег Славомира Гавляса и Адриана Юсуповича, помогавших во время моих стажировок при Историческом институте Варшавского университета. Благодаря стипендии Немецкой службы академических обменов (DAAD) мне представилась возможность осенью 2013 года поработать при университете города Гиссен. За содействие в получении стипендии и покровительство выражаю признательность профессорам Томасу Бону и Хансу-Юргену Бёмельбургу. Искренняя благодарность моему товарищу и коллеге Назарию Гуцулу за всяческую помощь во время моего пребывания в Германии. Я признателен моему французскому другу и коллеге Флорану Мушару, помогавшему мне получить некоторую необходимую литературу.

Выражаю также благодарность Германскому историческому институту в Москве, который материально поддержал публикацию книги, и киевскому издательству Laugus, взявшему на себя этот нелегкий труд.

Контурсы исследования

Факты, проблемы, задачи

Человек, решивший ознакомиться с литературой о начальном летописании Руси⁶, обнаружит любопытные вещи. Выяснится, что за двести лет исследования летописей самые весомые достижения были достигнуты на рубеже XIX–XX веков и принадлежат российскому филологу Алексею Александровичу Шахматову. Именно этот автор обладает наивысшим «индексом цитируемости». Более глубокое погружение в литературу обнаружит выразительную тенденцию: принципы работы с источниками, основополагающие гипотезы и понятийный аппарат большинство исследователей заимствует у Шахматова. В чем именно заключается это заимствование?

Во-первых, предлагаемые учеными схемы истории раннего летописания в большинстве своем выглядят модификациями построений Шахматова. В этих схемах воспроизводится взгляд на летописание как на последовательность гипотетических «сводов» — выдержанных в едином идеологическом ключе редакций, которые перерабатывали и дополняли вставками предшествующий исторический текст (тоже, как правило, «свод»). Последним из ранних сводов признается ПВЛ. Предшествующие ей своды рассматриваются одновременно и как самостоятельные исторические произведения, и как стадии формирования текста ПВЛ.

Во всех этих схемах предполагается четыре таких стадии (реже — три или пять). Первую — древнейший русский исторический нарратив — датируют не позднее, чем серединой XI века, вторую — 1070-ми годами, третью — 1090-ми. Сама же ПВЛ (1110-е годы) выступает как

⁶ Под «начальным», или «ранним», летописанием понимается период примерно до 1120 г. Его верхней границей служит создание текста «Повести временных лет», который дошел до нас. Иными словами, раннее летописание — это все то, что могло предшествовать составлению этого летописного памятника.

произведение, которое за несколько лет пережило три или две редакции — также в полном соответствии с идеями Шахматова (детальнее см. Приложение 1). До сего дня в т. н. «схему Шахматова» было внесено немало «поправок». Но это только свидетельствует о зависимости ученых от схемы или, точнее, «модели» Шахматова (ведь речь идет не о единой схеме, а о модели создания разных, хотя и сходных схем)⁷ и о ее потенциале.

Во-вторых, летописеведы XX–XXI веков широко используют унаследованный от Шахматова понятийный аппарат, центральный элемент которого — понятие «(летописного) свода». Оно применяется почти ко всем реальным и предполагаемым летописным произведениям и фактически не имеет строгого определения, хотя и несет стабильный набор коннотаций. Например, «летописный свод» часто понимают как текст политически мотивированный или, по крайней мере, написанный под важное государственное или церковное событие. Кроме того, в большинстве работ воспроизводятся названия отдельных сводов, присвоенные им Шахматовым («Начальный свод», «Древнейший свод») или структурно производные от них.

В-третьих, большинство ученых разделяет представления Шахматова о методах анализа летописных текстов и целях летописеведения, по крайней мере в области истории раннего летописания. Основную роль при этом играет т. н. «стратификационный» подход, когда цель исследователя — расслоить существующий текст (в частности, ПВЛ) на разновременные текстуальные пласты разного авторства и подробно реконструировать редакторскую работу (а по возможности и текстуально восстановить гипотетические памятники). Считается, что выделяемые слои отображают отдельные «своды» — редакции, нарастающие на текст «ядра» подобно годовым кольцам деревьев⁸.

Теория и практика работы с летописями, восходящая к Шахматову, понимается как единый метод, именуемый «сравнительно-историческим», «сравнительно-текстологическим», «логически-смысловым», а то и просто «методом Шахматова».

Наконец, в-четвертых, многие исследователи, работающие «пошахматовски», сознательно считают себя продолжателями трудов ученого, его учениками и, таким образом, признают зависимость

7 Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет I // Славяноведение. № 5. — 2007. — С. 22; Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н. А. Макаров. — Москва; Вологда, 2012. — С. 39.

8 Там же. — С. 39, 51.

от его методологии и концепций⁹. Есть попытки даже формально/структурно уподобить новейшие исследования шахматовским «Разысканиям»¹⁰. Симптоматично, что Шахматов служит «точкой отсчета» в истории дисциплины, как ее понимает большинство летописеведов и историков, занимающихся древнерусской тематикой. Предшествующая Шахматову историография в лучшем случае выступает «предысторией», а то и вообще игнорируется.

Приведенные наблюдения достаточно убедительно свидетельствуют о существовании научной традиции. Даже в отличных по задачам, предмету и содержанию работах легко виден единый «концептуальный каркас» – совокупность положений, методических принципов и правил, определяющих результаты исследования и устанавливающих «коридор» решений¹¹. Существование традиции было осознано давно. Как писал Д. С. Лихачев, «вся новая наука о летописании, отталкиваясь или присоединяясь, строится на работах Шахматова, исходит из них»¹². С тех пор ситуация не претерпела существенных изменений.

В историографии XX века сложилось несколько стереотипов о Шахматове-летописеведе, которые кочевали из одной публикации в другую и определили литературный образ ученого.

- 1) Шахматов первым применил в исследованиях раннего летописания «действительно научный подход». Предшествующая историография была не вполне научной. Настоящая история дисциплины начинается с Шахматова.
- 2) Воплощением «научности» был т. н. «метод Шахматова». Несмотря на отсутствие четкого определения (или даже невозможность его дать) и вариативность описания его сущности, из работу в работу переходит тезис о наличии у Шахматова особого «метода».
- 3) Между методологией и концепциями Шахматова и его предшественников существует разрыв. Шахматов не зависел от более ранних исследователей, а его труды знаменовали «методологическую революцию» в летописеведении, подняв его на принципиально новый уровень.

⁹ Конечно, нередко зависимость от Шахматова прямо не признается, но от этого не исчезает.

¹⁰ Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? (Славяно-германские исследования. Т. 6.). – М., 2011.

¹¹ Gilbert F. Intellectual History: its Aims and Methods. – P. 91.

¹² Лихачев Д. С. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 5. Вып. 5. – М., 1946. – С. 428.

- 4) Шахматову была присуща гениальная интуиция и способность охватить вниманием колоссальный объем материала и держать в уме многочисленные детали. Благодаря своему таланту он выдвигал смелые и остроумные гипотезы, не переходившие в фантазии. Даже будучи ошибочными в отдельных элементах, в целом они сохранили познавательную силу и могут быть уточнены и усовершенствованы.
- 5) В процессе трудов ученого появилась «схема Шахматова», схема истории раннего летописания, определявшая количество и датировку летописных сочинений XI – начала XII веков, а также взаимоотношения между ними. К «схеме» (подобно «методу») зачастую апеллируют как к чему-то целостному.

Если суммировать и несколько утрировать для выразительности образ Шахматова, получится следующее. Перед нами легендарный основатель научной дисциплины, ученый-самородок, владеющий универсальным «методом», творец масштабной «схемы» и образец для подражания, символ и авторитет. Его надлежит защищать от фундаментальной критики, а «отход» от его воззрений может вызвать осуждение коллег¹³. Такой Шахматов – удобный образ, живущий на страницах статей и монографий, вписанный почти в каноническую рамку.

Конечно, далеко не все исследователи были и являются последователями Шахматова. Значительное количество ученых приняли его гипотезы очень выборочно или вообще скептически отнеслись к его основным идеям, понятийному аппарату и приемам работы. Среди них следует назвать В. М. Истрина, Н. К. Никольского, С. А. Бугославского, И. П. Еремина, Л. Мюллера, А. Г. Кузьмина¹⁴, среди современ-

¹³ Черепнин Л. В. Повесть временных лет. – С. 296–301; Кистерев С. Н. Вехи в историографии русского летописеведения. – С. 13–14. Также см. далее п. 3.4.

¹⁴ Предложенный список вовсе не претендует на полноту. Здесь указаны лишь некоторые важнейшие работы. Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. – Пг., 1922. – С. 418–422; Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (окончание) // ИОРЯС – 1922. – Том XXVII. – Л., 1924. – С. 207–251; Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). – М., 2003. – С. 180–183. Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры // Сборник по русскому языку и словесности. Том 2. Вып. 1. – Л., 1930. Бугославский С. А. «Повесть временных лет» (списки, редакции, первоначальный текст) // Старинная русская повесть. Статьи и исследования / Под ред. Н. К. Гудзия. – М.-Л., 1941. – С. 7–37. Еремин И. П. «Повесть временных лет» как памятник литературы // Литература Древней Руси. – М.-Л., 1966. – С. 42–97. Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. Пер. с нем. – М., 2000. – С. 141–182. Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. – Рязань, 1969;

ных ученых: Т. Л. Вилкул, Д. Островски, В. Н. Русинова, А. П. Толочко, Г. М. Прохорова и других¹⁵. Вместе с тем, как отметила В. Г. Вовина-Лебедева, «что касается летописания, то, в сущности, вся дальнейшая история его изучения в XX веке — это споры с Шахматовым как по отдельным моментам его схемы, так и по методам его исследования, причем вне зависимости от того, идет ли речь о последователях или же о противниках его концепций»¹⁶.

Вся историография летописания так или иначе концентрируется на Шахматове. Даже несогласные с ним не могут обойти его персону. «Шахматовоцентричность» — примечательная черта летописеведения последних ста лет. Это историографическое явление — неоспоримый факт, требующий объяснения. В этом и состоит основная мотивация настоящей работы.

Но чтобы понять, как и почему возникли представления о «методе» и «схеме» Шахматова, надо выяснить, на основе чего и как формировались концепции и исследовательские практики самого Шахматова, чем были его методы и идеи в свое время, на фоне науки конца XIX — начала XX века.

В фокусе этой книги находятся преимущественно труды по раннему летописанию, которое составляло ядро интересов Шахматова и его коллег по дисциплине. На материале раннего летописания отрабатывался исследовательский инструментарий и формировался понятийный аппарат. Именно в этой области самым отчетливым обра-

Кузьмин А. Г. Начало новгородского летописания // Вопросы истории. № 1. — М., 1977. — С. 59–77; Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. — М., 1977.

¹⁵ Вилкул Т. Л. Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*, XI. — Cambridge, Mass., 2003. — P. 5–35; Вилкул Т. Л. Повесть временных лет и Хронограф // *Palaeoslavica*, XV. — Cambridge, Mass., 2007. — P. 56–116; Вилкул Т. Л. Літопис і Хронограф. Студії з текстології домонгольського киявського літописання. — К. 2015. Ostrowski D. The Nacalnyj Svod theory and the Povest' vremennykh let // *Russian linguistics*. Vol. 31. 2007. — P. 269–308. Русинов В. Н. Летописные статьи 1051–1117 гг. в связи с проблемой авторства и редакций «Повести временных лет» // Вестник Нижегородского у-та им. Н. И. Лобачевского. Серия «История». Вып. 1 (2). — Нижний Новгород, 2003. — С. 111–147. Толочко А. П. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // *Ruthenica*. Vol. 7. — К., 2008. — С. 154–165; Tolochko O. P. Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus' // *Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200)* / Ed. by Ildar Garipzanov. — 2011. — P. 207–229; Толочко А. П. Очерки начальной руси. К.—СПб., 2015. — С. 20–68. Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое. — М.—СПб., 2014. — С. 246–268. Фоллин С. Об одном возможном источнике предисловия к Начальному своду // *Ruthenica*. Vol. 7. — К., 2008. — С. 140–153; Севальнев А. В. К критике гипотезы о Начальном своду // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. № 33. — М., 2008. — С. 61–63.

¹⁶ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. — СПб., 2011. — С. 226–227.

зом прослеживается шахматовская традиция. Ученый следовал известной тенденции – «концентрироваться на древнейших периодах, где возможность достичь весомых результатов минимальна»¹⁷. Исследование позднейших, но реальных летописных памятников было нужно Шахматову для достижения главной цели – реконструкции древнейшего летописания.

Историография об историографии

Вклад Шахматова в летописеведение активно обсуждается на протяжении последних ста лет. Однако дискуссии преимущественно ведутся не на страницах специальных историографических работ, а в исследованиях по истории летописания. Фактически в каждом из подобных исследований Шахматову уделяется большее или меньшее внимание, но, как правило, во вступительных и заключительных замечаниях. Специальных работ на эту тему (статей, монографий, разделов в книгах) относительно немного¹⁸. Разбирать здесь весь массив высказываний о Шахматове я не считаю возможным. Постараюсь очертить основные подходы к феномену Шахматова и выделить направления в дискуссии о нем.

Каждое новое поколение ученых находилось в иной историографической ситуации и оценивало Шахматова в соответствии с ней. По мере накопления опыта и увеличения временной дистанции изменялся и контекст, в котором рассматривались шахматовские построения.

Первые попытки вписать Шахматова в историю летописеведения были сделаны еще при его жизни. Недавно Вовина-Лебедева ввела в научный оборот анонимный текст 1916 года «Историческая литература о летописях» (далее – Аноним). Он хранится в архиве А. И. Яковлева и, возможно, был написан одним из его учеников, а затем правлен и дописан им самим¹⁹. Текст представляет собой детальный обзор трудов по древнерусскому летописанию от его первых исследователей до Шахматова включительно с минимальными аналитическими комментариями²⁰. Значительная часть тек-

¹⁷ Lind J. The Novgorod Karamzin Chronicle and the Making of the Fourth Novgorod Chronicle // The Medieval Text: Editors and Critics: a Symposium. – Odense, 1990. – P. 68.

¹⁸ Впрочем, в некоторых случаях нелегко отделить специальные работы или экскурсии от «инструментальных» замечаний о шахматовских концепциях и методах.

¹⁹ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. – СПб., 2011. – С. 25–33.

²⁰ АРАН. – Ф. 665. – Оп. I. – Д. 12.

ста посвящена Шахматову. Автор пытался очертить схему развития представлений о летописях, в частности, о ПВЛ: от идеи о произведении одного автора (Нестора), которую поддерживал Шлецер, до идеи свода различного, в т. ч. летописного, материала, которой придерживались ученые середины – второй половины XIX века. Аноним считал, что Шахматов заимствовал идею свода у непосредственных предшественников, а план восстановления древнейших летописей – у Шлецера.

Произведение Анонима – не первый очерк истории летописеведения, учитывавший Шахматова. В том же 1916 году вышло уже третье издание труда Е. В. Петухова о русской литературе (первое – в 1911-м²¹), в котором содержалась детальная характеристика творчества Шахматова на фоне предшественников²².

Другой ранний обзор сделал М. С. Грушевский в экскурсе к первому тому «Истории Украины-Руси» (в издании 1913 года)²³. Историк изобразил изучение летописания как постепенный процесс накопления знаний и плодотворных споров, в котором время от времени случались «затухания». Грушевский считал, что Шахматов возродил научные дискуссии после более чем двадцатилетнего перерыва, когда «справа літописи здавалася майже вичерпаною».

Детальный срез мнений о Шахматове-летописеведе дает 25-й том ИОРЯС, вышедший после смерти ученого и посвященный его памяти²⁴. Он собрал статьи ведущих историков и филологов о личности Шахматова, его вкладе в лингвистику и историческую науку, его роли в академических учреждениях. В них зафиксирован новый взгляд на историографию летописания XIX – начала XX века, который держится в литературе до сих пор. А. Е. Пресняков впервые выдвинул тезис о трех периодах в историографии летописания, которые олицетворяли Татищев и Шлецер, Строев и Бестужев-Рюмин, а также Шахматов²⁵. Исследователь решительно отделил Шахматова от предшественников, связав с ним качественно новый подход к изучению летописания, а именно летописных «сводов» как отдельных культурно-исторических явлений.

²¹ Петухов Е. В. Русская литература. Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода. Древний период. – Юрьев, 1911.

²² Петухов Е. В. Русская литература... 3-е изд. – Петроград, 1916. – С. 20–23.

²³ Грушевський М. С. Найдавніша киявська літопись. Екскурс I // Історія України-Руси в 11 т. і в 12 кн. – К., 1991. – Т. 1. – С. 580–583.

²⁴ ИОРЯС. – Т. 25. – 1920. – Пг., 1922.

²⁵ Пресняков А. Е. А. А. Шахматов в изучении русских летописей // ИОРЯС. – Т. 25. – 1920. – С. 163–164.

В целом, коллеги и ровесники Шахматова разделяли мнение, что он — «последнее слово» в дисциплине. И все же можно заметить, что внимание ученых постепенно смещалось с того, что объединяло Шахматова с предшественниками, к тому, что разделяло. Картина поступательного развития летописеведения, увенчанного трудами Шахматова, на протяжении 1910–1920-х годов уступила место картине разрыва с прошлым. Не удивительно, что это изменение совпало с революцией, смертью Шахматова и крахом российской дореволюционной науки.

В середине — второй половине XX века наметились две ведущие тенденции в оценках Шахматова: 1) попытки вписать его научное наследие в рамки советской науки; 2) превращение Шахматова в удобный образ для легитимизации собственных тем и концепций исследователей. Вторая тенденция, правда, проявилась еще при жизни ученого. Так, Пресняков в тезисах своего сочинения «Об изучении русских летописей» главным открытием Шахматова признавал реконструкцию «общерусского» московского летописного свода²⁶. Достижения ученого в изучении раннего летописания при этом отодвигались на второй план. Частично это объясняется временем создания рукописи Преснякова — около 1901–1903 годов, еще до выхода шахматовских «Разысканий о древнейших русских летописных сводах» (1908). Но такая оценка, судя по всему, обусловлена и специализацией Преснякова — московское летописание XV–XVI веков.

Советские ученые в целом «приняли» Шахматова. Отказываться от его исследований и начинать с нуля или возрождать взгляды дошахматовской (дореволюционной, а потому «отсталой») литературы не было смысла. Легче было адаптировать «буржуазного ученого» Шахматова к «марксистско-ленинской» историографии.

Этот процесс происходил не без трудностей, но, как показывают статьи В. Т. Пашуто и И. У. Будовница²⁷, основная критика касалась не текстологических выводов, а интерпретации назначения летописей и статуса исторических источников. Пашуто и Будовниц критиковали Шахматова за «неисторичность» (т. е. не «материалистичность») его объяснений, за «узко-текстологический» метод, игнорировавший классовую тенденциозность текстов. Фактически упреки

²⁶ Чирков С. В. Работа А. Е. Преснякова по историографии русского летописания // Археологический ежегодник за 1968 г. — М., 1970. — С. 428–432.

²⁷ Пашуто В. Т. Шахматов — буржуазный источниковед // Вопросы истории. № 2. — М., 1952. — С. 60–72; Будовниц И. У. Об исторических построениях М. Д. Приселкова // Исторические записки. Т. 35. — М., 1950. — С. 201, 214–231.

историков не подрывали источниковедческих построений Шахматова. Сами по себе эти построения имели «определенную научную ценность»²⁸. Нужно было только поставить их на «правильное» основание в виде классового подхода к истории. Текстология признавалась полезным для советской науки наследием Шахматова. Его выводы, по мнению Пашуто, могли быть использованы как «фактическая основа источниковедения»²⁹. Кроме того, в статье Будовница Шахматов выглядит даже по-человечески симпатичнее, чем его оппоненты (например Истрин) и даже последователи (Приселков)³⁰.

Сходную, но более доброжелательную позицию занял позднее А. Л. Шапиро³¹. В его историографической работе Шахматов изображен образцовым летописеведом с одним важным недостатком: он имел немарксистские взгляды и потому не смог понять «настоящую» причину эволюции летописей — классовую борьбу и объективные противоречия феодального общества.

Существовал и еще более «мягкий» путь — им пошел Н. Л. Рубинштейн³². Он просто приписал Шахматову то, что впоследствии справедливо не заметят у него Пашуто и Будовниц. Рубинштейн противопоставил Шахматова его предшественникам, занимавшимся якобы чисто текстологической работой: он «первый перешел к подлинной исторической критике источника». Это означало, что за мельчайшими деталями текста Шахматов видел внешние исторические условия, социальные проблемы, эволюцию политических отношений или идеологии. Для Шахматова будто бы главным была не история источника, а именно «историческая жизнь общества». Итак, исследователя можно было «перекодировать», создав образ, вполне подходящий под советский формат.

Первый целостный очерк творчества Шахматова-летописевода, сделанный на основе почти всех его публикаций (хотя и без учета архивных материалов) принадлежит Д. С. Лихачеву³³. Эволюция взглядов и методов Шахматова, по его мнению, заключалась в движении от «узкой» текстуальной критики к широкому историко-крити-

²⁸ Пашуто В. Т. Шахматов — буржуазный источниковед. — С. 69.

²⁹ Там же. — С. 71.

³⁰ Будовниц И. У. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. — С. 214–230.

³¹ Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. — М., 1993 (первое издание — 1982). — С. 648–657.

³² Рубинштейн Н. Л. Русская историография. — М., 1941. — С. 494–496.

³³ Лихачев Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания // А. А. Шахматов (1864–1920). Сборник статей и материалов / Под ред. С. П. Обнорского. — М.–Л., 1947. — С. 271–293.

ческому изучению летописей, в котором большую роль играло выяснение их социально-политического контекста. Несмотря на прекрасное знание трудов Шахматова, Лихачев оценивал ученого довольно тенденциозно, сделав из него ключевую фигуру в двухсотлетней истории дисциплины (см. главу 3.4 настоящего издания).

В специальной книге об историографии летописания В. И. Буганов выделил в ней три периода: «дошахматовский» (XIX век), «послешахматовский» (XX век) и «шахматовский», находящийся между ними и отвечающий времени творчества ученого. Шахматов, как и прежде, оказывался «промежуточным звеном» между дореволюционной (отсталой) и советской (передовой) историографией³⁴. В то же время Буганов отмечал, что современное ему летописеведение фактически вырастает из Шахматова и пользуется его схемой³⁵. Признавая, что «некоторые его идеи [...] высказывались или в той или иной степени исследовательски разрабатывались до него», автор поддерживал мысль Лихачева о «шахматовском перевороте»³⁶. Сложившаяся под влиянием Лихачева «обычная схема» истории летописеведения, до сих пор не покидает научной литературы. К примеру, в обобщающей статье С. Н. Кистерева утверждается, что (по сравнению с наукой XIX в.) «была предложена совершенно иная методика изучения истории летописания. Авторство на нее принадлежит А. А. Шахматову»³⁷.

В исторической схеме советской истории период трех революций, между 1905 и 1917 годами, считался переломным — тогда, мол, был разрушен старый порядок и проложен путь новому строю. Именно на это время пришлось публикация самых известных трудов Шахматова. Его творчество стало аналогом российских революций в истории летописеведения: оно разрушило старый историографический порядок и создало предпосылки для достижений советской науки в этой области.

Апологетизация Шахматова ожидаемо вызывала ответную реакцию. Ярким примером подобной реакции стали публикации А. Г. Кузьмина. Он одним из первых критически подошел к шахматовской научной традиции, как раз активно формировавшейся³⁸. Ис-

34 Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975. — С. 321–323.

35 Буганов В. И. Русское летописание в советской историографии // Вопросы истории. № 12. — М., 1966. — С. 155.

36 Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. — С. 13.

37 Кистерев С. Н. Вехи в историографии русского летописеведения // Очерки феодальной России. Вып. 7. — М., 2003. — С. 9.

38 Кузьмин А. Г. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. № 2. — М., 1973. — С. 34–49; Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского ле-

следователь указывал на «вычеркивание» предшественников Шахматова из историографии летописания. В связи с этим Кузьмин ставил под сомнение эпохальность нововведений Шахматова в изучении летописей, изобличая сложившиеся стереотипы и упрощенные представления о работе ученых XIX века, а также о «методе Шахматова». Многими примерами Кузьмин иллюстрировал близость подходов Шахматова и ученых «бестужевского» направления, которым его часто противопоставляли. Заметил Кузьмин и отсутствие единой «схемы Шахматова»: «отдельные звенья схемы переделывались по многу раз [...] пересмотру подвергались не только звенья, но и самые принципы ее создания»³⁹.

Фактически это была первая попытка деконструкции шахматовской традиции. Кузьмин первым начал писать о канонизации гипотез Шахматова и о манипуляции его образом⁴⁰. В то же время, он конструировал собственный образ Шахматова, чтобы обосновать свое видение летописного процесса. Только в отличие от Лихачева здесь все было построено на отрицании шахматовских идей и в некотором приближении к предшествующим «бестужевским» воззрениям⁴¹.

С тех пор продолжается острая полемика «за» или «против» Шахматова, в чем-то напоминающая противостояние «норманистов» и «антинорманистов». Споры о Шахматове особенно разгорелись с начала 2000-х годов. Т. Л. Вилкул, А. П. Толочко и ряд других исследователей, которые отказались от использования ключевых шахматовских идей, привлекли внимание к «каноническому» статусу работ Шахматова и сильной зависимости исследователей от традиции⁴². Это было продиктовано необходимостью очертить собственную научную позицию (идентичность) и «расчистить путь» для новых исследовательских проектов.

тописания. — М., 1977. — С. 25–54.

³⁹ Кузьмин А. Г. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей. — С. 42.

⁴⁰ Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. — С. 36–37.

⁴¹ К примеру, Кузьмина привлекала идея о множественности летописных традиций.

⁴² Вилкул Т. Л. Новгородская первая летопись и Начальный свод; Вилкул Т. Л. Повесть временных лет и Хронограф; Толочко А. П. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // *Ruthenica* 7. — К., 2008. — С. 164–165; Толочко А. П. Краткая редакция «Правды Русской»: происхождение текста. — К., 2009 — С. 46–53; Tolochko O. P. Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus' // *Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe* (с. 1070–1200) / Ed. by Ildar Garipzanov. — 2011. — P. 213–216; Фоллин С. Об одном возможном источнике предисловия к Начальному своду // *Ruthenica* 7. — К., 2008. — С. 150–153; Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое. — М.—СПб., 2014. — С. 247–270.

Наиболее масштабное на сегодня исследование летописеведения XIX – начала XX века представлено в соответствующих главах книги В. Г. Вовиной-Лебедевой, во многом подытоживающей предыдущие труды в этой сфере⁴³. Двухсотлетняя история изучения летописей преподнесена как история научных школ. Среди них – «школа Шахматова». Исследовательница поставила целью дать представление о всем множестве направлений летописеведческой мысли. Сильной стороной книги стало внимание автора к реальным взаимосвязям между учеными, не укладывающимся в сугубо формальные рамки.

Вовина-Лебедева привлекла огромный объем архивных материалов (рабочие тетради ученых, документы академических институций, переписка). Многое введено в научный оборот впервые. Специальные главы исследовательница посвятила «методу Шахматова», детально изложила взгляды ученого на историю летописания (глава 3) и проанализировала использование его научного наследия историками и филологами межвоенного периода и «первую волну» обсуждений его «метода» (главы 4, 5, 6). В целом это ценное фактографическое подспорье для моего исследования.

Книга Вовиной-Лебедевой – последовательный обзор творческого пути исследователей летописания XIX–XX веков и их научной продукции. Стараясь занять как можно более отстраненную и независимую позицию⁴⁴, автор в то же время сглаживает историографический рельеф.

В отличие от работы Вовиной-Лебедевой настоящая книга сфокусирована на Шахматове и его исследованиях как ключевом звене двухсотлетнего изучения летописания. Это объясняется тем, что действительное влияние ученых (их работ и репутаций) не одинаково. Ярчайший пример тому – научная традиция, основанная Шахматовым, которая определяет направление и характер деятельности большинства летописеведов до сего дня. В связи с этим, исходя из тезиса о принципиальной «разнокалиберности» исследователей летописания, надобно объяснить реальную «расстановку сил» в дисциплине и пересмотреть некоторые утвердившиеся в ней стереотипы.

⁴³ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. – СПб., 2011.

⁴⁴ Она выражена следующим образом: «...все школы и все исследователи, хотя вклад каждого в исследование летописания и различен, стоят для меня в этой работе на одном уровне. Я не выделяю более или менее выдающихся и даже не даю собственных оценок тем или иным их выводам. Мне важно увидеть в целом, какие разнообразные возможности исследования летописания предлагались за 200 лет, безотносительно к тому, были ли они поддержаны и нашли затем воплощение во многих работах других исследователей, были поддержаны лишь некоторыми или остались маргинальными» (Там же. – С. 11–12).

Существующие труды по историографии летописания в основном «панорамного» типа. Они призваны дать общую картину: кто о чем писал и какие методы применял. Это могут быть легкие эскизы или (в случае книги Вовиной-Лебедевой) монументальные панно. Такие работы обычно претендуют быть, по возможности, полными и детальными. В целом они наследуют модель позитивистских нарративов: хронологически последовательно с максимальной подробностью и точностью рассказать, как все произошло.

Предлагаемая читателю книга – другого рода. Это рассуждение о трех взаимосвязанных проблемах: что собой представляла и как возникла методология Шахматова; откуда происходили и как эволюционировали идеи ученого по истории раннего летописания; каковы причины успеха идей Шахматова в историографии и как зарождалась научная традиция. Эта работа имеет ясную практическую направленность. Изучая летописание, осознаешь, насколько сильно практика в этой сфере зависит от выбора историографической позиции, от принятия тех или иных представлений об источнике и методе его исследования. Именно поэтому рефлексия над ситуацией в дисциплине особенно важна для летописевода-практика.

Вместе с тем, в этой книге идеи Шахматова не оцениваются с позиции того, «как было на самом деле». Здесь не имеет значения достоверность тех или иных шахматовских построений. Я не обращаюсь к современным дискуссиям о раннем летописании, хотя, разумеется, имею по этому поводу точку зрения. Не скрою, что принадлежу к «скептическому» направлению в современном летописеведении, ставящему под сомнение шахматовскую (самого ученого и его продолжателей) методологию и схемы летописания. Эта позиция сделала возможным само появление книги: деконструкция шахматовской традиции вряд ли осуществима для тех, кто пребывает в ней.

Рамки и подходы

Настоящая работа принадлежит к сфере «интеллектуальной истории», широко понимаемой как дисциплина, которая исследует интеллектуалов, идеи и интеллектуальную деятельность вообще⁴⁵. Наиболее соответствующей задачам нынешней работы и достаточно

⁴⁵ Gilbert F. Intellectual History: its Aims and Methods // Daedalus. Vol. 100. – 1971 (Winter). – P. 94; Gordon P. E. What is Intellectual History? A Frankly Partisan Introduction to a Frequently Misunderstood Field / <http://history.fas.harvard.edu/people/faculty/documents/pgordon-whatisintellhist.pdf>.

универсальной рамкой для исследований в указанной области на сегодня выглядит теория интеллектуальной деятельности американского социолога Рэндалла Коллинза⁴⁶. Эта теория призвана объяснить и описать поведение людей умственных занятий.

Согласно Коллинзу, интеллектуальный мир имеет сетевую структуру. Она образована «интеллектуальными сетями» – системами вертикальных (между поколениями) и горизонтальных (среди коллег-современников) связей, как личных, так и заочных⁴⁷. Всплески творчества и новые идеи всегда возникают в результате пересечения этих связей, а интеллектуалы всегда вписаны в социальную структуру интеллектуального поля⁴⁸.

Ключевое понятие в описании поведения ученых – «пространство внимания». В этом пространстве интеллектуалы (сознательно или нет) состязаются за возможность иметь как можно большую и «качественную» аудиторию, а также за статус, реализуя разнообразные стратегии и тактики. «Борьба за пространство внимания – фундаментальный факт жизни интеллектуалов»⁴⁹. Суть этой борьбы – в постоянном соперничестве (не столько индивидов, сколько группировок). При этом количество конкурентных позиций, ключевых идей и текстов всегда ограничено согласно «закону малых чисел».

Объясняя функционирование интеллектуального поля, Коллинз использует понятие «интерактивных ритуалов» (interaction rituals)

Интеллектуальная история включает в себя разные направления, как, например, «историю понятий» и «историю идей», а вместе с тем и различные наборы методов, предназначенных для решения задач в рамках конкретного направления.

Об истории понятий и идей см.: Kosellek R. Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache. – Frankfurt am Mein: Suhrkamp, 2006 – S. 99–102; Дубина В. Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения «истории понятий» в России. Послесловие // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сб. статей под ред. Ханса Эриха Бёдекера. Пер. с нем. – М., 2010. – С. 299–309, 318–319; Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сб. статей под ред. Ханса Эриха Бёдекера. Пер. с нем. – М., 2010. – С. 24–31; Бёдекер Х. Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сб. статей под ред. Ханса Эриха Бёдекера. Пер. с нем. – М., 2010. – С. 49–64; Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. Vol. 8. No. 1 – 1969. – P. 3–53; Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М., 2011. – С. 327–330; Gordon P. E. What is Intellectual History? A Frankly Partisan Introduction to a Frequently Misunderstood Field.

⁴⁶ Collins R. The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change. – Cambridge, Massachusetts, London, 2002.

⁴⁷ Там же. – С. 2, 12, 52, 790.

⁴⁸ Там же. – С. 1–8.

⁴⁹ Там же. – С. 876.

как взаимодействия двух и более лиц. В ходе ритуалов возникают символы, церемонии общения, коллективная идентичность и ценности, которые нужно защищать от «чужаков». В ритуалах индивиды заряжаются эмоциональной энергией, вдохновляющей их на творчество⁵⁰. Примерами этих ритуалов служат лекции, семинары, конференции и все другие виды взаимодействия, являющиеся формой «ситуативного воплощения текстов»⁵¹.

Концепции «интеллектуальных сетей» и «интерактивных ритуалов» позволяют соединить анализ как на макро-, так на и микроуровне⁵², а значит, комплексно объяснить происхождение определенного интеллектуального продукта. Коллинз утверждает, что время, место появления и содержание идей социально детерминированы. «Поток цепочек интерактивных ритуалов (intellectual ritual chains) определяет не просто, кто будет творцом и когда, но и что это будут за творения»⁵³.

Коллинз рассматривает интеллектуальную деятельность как производство «священных объектов». Это идеи, представления и тексты, «эмоционально заряженные» в «цепочках интерактивных ритуалов». Сакрализованные объекты и личности влиятельных интеллектуалов становятся основой и символами групповой солидарности ученых⁵⁴.

В целом, значение теории Коллинза заключается в отрицании идеалистических подходов в интеллектуальной истории. Интеллектуальная деятельность не только не может рассматриваться в отрыве от ее социального контекста, но и сама по себе принадлежит к сфере социального. Поэтому она должна изучаться как специфический, но социальный феномен, подпадающий под общие социологические правила.

Теория Коллинза имеет значительный «нормализующий» потенциал, поскольку десакрализирует интеллектуальную деятельность (традиции, символы, репутации). Она отрицает стандартную практику — оценивать интеллектуалов по их «конечным позициям, и проецировать их в прошлое, как будто конечная позиция и обусловила их карьеры»⁵⁵. Выведенные из сферы иррационального, такие явления, как гениальность, вспышки научного творчества, длительный успех идей, находят рациональное, социологическое объяснение.

⁵⁰ Там же. — С. 21–23.

⁵¹ Там же. — С. 25–27.

⁵² Там же. — С. 14, 21.

⁵³ Там же. — С. 53.

⁵⁴ Там же. — С. 19–24.

⁵⁵ Там же. — С. 15.

Итак, эта теория дает надежную объяснительную рамку при изучении происхождения научной традиции во главе с «канонизированным» основателем, чьи методы и концепции считаются уникальными и революционными. Она и есть главным методологическим ориентиром книги.

Предлагаемое читателю сочинение разбито на три блока, посвященных методам исследования и схемам истории раннего летописания, а также успеху Шахматова в историографии. Глава первая посвящена методам текстологического изучения древнерусского летописания. Работы Шахматова рассматриваются в контексте российской критики летописей и на фоне европейских тенденций в источниковедении XIX – начала XX века. Глава вторая представляет собой серию очерков о происхождении и эволюции ключевых гипотез Шахматова об истории раннего летописания. Наконец, в Главе третьей рассказывается о возникновении «шахматовской» научной традиции в летописеведении.

Глава первая

МЕТОД

**ИССЛЕДОВАНИЯ ШАХМАТОВА
В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ КОНТЕКСТАХ
XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА**

1.1. Вопросы о методе

Что такое «метод Шахматова»? Как он возник? Что составляло его содержание? – на эти вопросы в литературе нет однозначного ответа. Обычно ученые ограничиваются описанием разнообразных приемов критики текста, в которых якобы и заключался «метод Шахматова». Например, для Д. С. Лихачева – это систематическое, «сплошное», сравнение списков, анализ дублировок, хронологии, описок, изучение списков князей и посадников⁵⁶. К стандартному портрету «метода» можно также отнести поиск швов и определение вставок в местах различных (синтаксических, грамматических, сюжетно-композиционных) сбоев, противоречий или изменений (в теме рассказа, лексике и фразеологии, используемых источниках, симпатиях автора и т. д.).

Удовлетворительны ли такие характеристики и не поверхностны ли они? Ни в выделении швов, ни в сравнении летописей нет ничего необычного. Видимый текстуальный шов может объясняться по-разному. Он *может* свидетельствовать о вставке, сделанной другим автором в уже написанный «основной текст». В свою очередь, такая вставка *может* свидетельствовать о существовании текстуального слоя, соответствующего отдельному «летописному своду». Но может и не свидетельствовать. Это лишь одно из решений, притом довольно рискованное и ответственное. Вопрос в том, почему литература шахматовской традиции выбирает именно его, с завидным постоянством бьет в одну точку.

Точно так же выявление общих фрагментов при сравнении летописных текстов *может* объясняться их общим источником, а именно недошедшим «летописным сводом». А может объясняться и другими

⁵⁶ Лихачев Д. С. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. – С. 423. О том же: Кистев С. Н. Вехи в историографии русского летописеведения. – С. 10.

причинами (ведь один известный текст мог прямо зависеть от другого). Модель, предполагающая наличие у дошедших до нас текстов общего источника, не представляется единственно возможной. Она включает в себе риск, потому что конструирует новую сущность. И снова проблема состоит в том, почему значительная часть ученых вслед за Шахматовым склоняется именно к такой модели, заостряя свое внимание на гипотетических текстах.

Предметом пристального рассмотрения должны быть не отдельные методики, которые не таят в себе ничего специфически «шахматовского», а более фундаментальные вещи, от которых зависит способ применения исследовательских инструментов. Имеются в виду «стержневые» идеи и установки, определяющие сам ход исследования и во многом предопределяющие его результаты. К таким идеям и установкам шахматовского методологического каркаса я бы отнес следующие:

- общее представление о необходимости поиска «утраченных источников» и перенос внимания с реальных текстов на гипотетические;
- концепция истории летописания как последовательности «летописных сводов»;
- идея о восстановлении текста гипотетического источника, оправдывающая обильные конъектуры и не опирающаяся на строго выстроенное генеалогическое дерево списков;
- представление о стандарте научности исследования, приводящее к излишней гипотетичности;
- историзация текстологических выводов.

Рассмотрению этих идей и установок будет посвящена настоящая глава. При этом исследования Шахматова предстанут в узком и широком контекстах: в связи с работами его предшественников по изучению летописей и на фоне европейского источниковедения и критики текста (вместе с летописеведением как таковым). Кроме того, отдельное внимание будет уделено индивидуальным чертам Шахматова, которые отразились на его научной практике. В заключение этой главы я рассмотрю несколько историографических эпизодов, отражающих современное Шахматову состояние летописеведческой дисциплины.

С чем сравнивать «метод»? Каков адекватный контекст летописной критики XIX – начала XX века? Известна тенденция сравнивать методологию Шахматова и летописеведения в целом с «западной» критикой текста, чаще всего сводя последнюю к т. н. «методу Лахмана»

или стемматическому методу. При этом в историографии четко выделяются полярные позиции.

Одну из них ярко выразил Д. С. Лихачев, который настаивал на значительных преимуществах «метода Шахматова» и якобы основанной им «текстологии». В работе 1947 года «Русские летописи и их культурно-историческое значение» можно найти такие строки: «западно-европейская филология не знает таких тщательных и вместе с тем таких смелых по своим выводам работ, как труды академика Шахматова»; «русская летопись не знает себе равных в Европе»⁵⁷. Несколько позднее, в своей «Текстологии» Лихачев противопоставлял формальной и механистической, неисторической, «критике текста», практикуемой на «Западе», комплексную историческую «текстологию» российско-советской науки. На фоне «кризиса западной критики текста» он рисовал образ «текстологии» как передовой дисциплины, выросшей из трудов Шахматова⁵⁸.

Противоположная точка зрения последовательно изложена Дональдом Островски. В нескольких работах он доказывал отсталость «текстологии» по сравнению с «западной» «критикой текста». Летописеведение, по мнению исследователя, не испытывало влияний западной науки (или испытывало в недостаточной мере), что привело к хаотичности и субъективности методов изучения и издания летописей⁵⁹.

В последнее время, в частности в работах Д. М. Буланина и Т. Л. Вилкул была сделана попытка преодолеть терминологическое разграничение «текстологии» и «критики текста»⁶⁰. Но здесь хотелось бы обратить внимание на один элемент полемики, который жил

57 Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.—Л., 1947. — С. 4, 10.

58 Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X—XVII веков / При участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва. Изд. 3-е, переработ. и доп. — СПб., 2001. — С. 25–29, 54–58.

Приблизительно те же мысли, только в более мягкой форме, в полемике с Дональдом Островски высказал не так давно Р. Н. Кривко: Кривко Р. Н. Теория критики текста и эдичионная практика: к выходу в свет нового издания Повести временных лет // *Russian linguistics*. — 2005. — P. 265–269.

59 Ostrowski D. Textual criticism and the Povest' vremennykh let: some theoretical considerations // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. V. No. 1 — Cambridge, Mass., 1981. — P. 14–15; Ostrowski D. Introduction // *The Povest' Vremennykh Let: an Interlinear Collation and Paradosis*. — Cambridge, Mass., 2003. — P. xlv–liv. См. обновляемую онлайн-версию издания: <http://hudce7.harvard.edu/~ostrowski/pvl/intro8.pdf>

60 Буланин Д. М. Текстология древнерусской литературы: ретроспективные заметки по методологии // *Русская литература*. №1. — СПб., 2014. — С. 21–33, 49–50; Вилкул Т. Л. Летописі і Хронограф. — С. 19–36.

до нее и продолжает жить собственной жизнью. Несмотря на полярность позиций, ученые, высказывавшиеся о «методе», использовали одну общую посылку — тезис об уникальности методов исследования летописей и уникальности летописей как таковых. Конечно, взгляды Лихачева формировались в непростых политических условиях сталинской эпохи, на фоне борьбы с низкопоклонством перед Западом⁶¹. Однако сама идея об уникальности летописей и методов их исследования имеет более длинную историю.

В XIX веке на «сущностные» преимущества русских летописей перед западными хрониками указывал М. П. Погодин: «теперь будем говорить о внутреннем достоинстве летописей: они „верны“ [...] до самого XVI века вы не найдете пяти показаний неверных или умышленных, и в этом драгоценном свойстве состоит их отличие от западных хроник, наполненных сказками»⁶².

Но первым мысль об уникальности летописной критики высказал А. Л. Шлецер еще в начале XIX века: «осмеливаюсь сказать, что для русской критики требуется совсем особенная критика, для которой надобно еще отыскать многие новые правила»; «величайшие люди, поседевшие над классическою и библейскою критикою [...] будут здесь, как будто в новой земле»⁶³. Вряд ли такая резкость в суждениях о «русской критике» коренилась только в научных представлениях эпохи. Это была скорее общая культурная установка «западного» ученого по отношению к России, и шире — к *Slavia Orthodoxa* и кириллической письменности.

Напрашивается вывод о длительной культурной традиции оценки методов летописной критики. Соответственно, чтобы понять, чем на самом деле была эта критика, и т. н. «метод Шахматова», а также — насколько она отличалась от «западной» «критики текста», нужно вынести указанную традицию за скобки.

Сравнение летописеведческой практики с идеализированным образом критики текста или с исследованиями библейских и классических текстов представляется не вполне корректным. Более уместно рассматривать летописеведение в контексте синхронных исследований средневековых исторических текстов, прежде всего — анналов и хроник, типологически наиболее близких летописям.

⁶¹ Влияние «логики противостояния», выражающееся в жестком противопоставлении «критики текста» и «текстологии», чувствуется и в западных работах, собственно у Островского.

⁶² Погодин М. П. Источники для удельного периода русской истории. Летописи // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. — Одесса, 1848. — С. 84.

⁶³ Шлецер А. Л. Нестор. — С. xvi.

1.2. Более чем полное собрание летописей

Критика текста, разработанная на библейском и классическом материале, предоставляла образцы для изучения других типов источников. Поэтому имеет смысл сравнивать то, как в разных научных традициях эти образцы применялись.

В настоящей работе я буду обращаться преимущественно к опыту немецких и польских исследователей, занимавшихся ранней франкской историографией (в частности, каролингской анналистикой) и древними польскими рочниками. С их академическими сообществами российская наука XIX века была связана достаточно тесно. Российские исследователи летописей и их западные коллеги работали почти одновременно и над сходным материалом. Домонгольские летописи, польские рочники и каролингские анналы дошли до нас в относительно поздних списках или в составе компиляций⁶⁴. Ученые имели дело со сходными проблемами, что дает удобную возможность сопоставить методики их работы. Не претендуя на исчерпывающую полноту выборки, избранный контекст я считаю достаточно репрезентативным для уяснения места Шахматова в современной ему науке.

1.2. Более чем полное собрание летописей

Сохранившиеся тексты летописей, анналов и хроник обычно выглядят как растянутая на несколько веков последовательность статей, в которой сложно было выделить отдельные памятники. Подобие формы порождало иллюзию, что все «анналы» или «летописи» являются однотипными произведениями (хотя в действительности это совсем не так⁶⁵). Наибольшее внимание, естественно, уделялось начальным сегментам текстов, происхождение которых пытались установить. Исследователи независимо, но в почти одинаковых выражениях, описывали предмет и цель своих занятий. Они использовали метафору «хаоса», из которого предстоит создать «космос»⁶⁶. Способ упо-

⁶⁴ Это отличало указанные источники от, например, англосаксонских анналов, которые сохранились в ранних, зачастую оригинальных, рукописях. Poole R. L. *Chronicles and Annals*. — Oxford, 1926. — P. 49; Гимон Т. В. *Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование*. — М., 2011. — С. 96–100.

⁶⁵ См., например, по поводу каролингской историографии: McKittrick R. *Constructing the Past in the early Middle Ages: the case of the Royal Frankish annals* // *Transactions of the Royal Historical Society. Sixth series. Vol. 7*. — Royal Historical Society, 1997. — P. 101–129; Сидоров А. И. *Историческая мысль и историческое знание в Каролингской Европе*. Дисс. на соискание уч. степени д. ист. н. 07.00.03 — всеобщая история. — М., 2011. — С. 203–204, 208.

⁶⁶ MPH (PDP). *Tom drugi*. — Lwów, 1872. — S. XXIII; Perlbaach M. *Preussisch-polnische Studien zur Geschichte des Mittelalters. H. 2*. — Halle, 1886. — S. 43; Kętrzyński W. *O rocznikach polskich*. —

рядочивания текстуального материала зависел от общих представлений о специфике летописей или других исторических памятников.

С XIX по XX век в российском летописеведении последовательно сменились три представления о сущности древнерусских летописей, которые можно назвать теориями «временников», «сборников» и «сводов». С ними были связаны три метода.

Ученые XVIII – первой половины XIX века, в частности, Шлецер, Карамзин, Бутков, различали в «летописном материале» целостные авторские произведения – «временники» – Нестора и его безымянных продолжателей. Это представление определяло исследовательскую задачу – максимально точно восстановить тексты летописных произведений, выделяя их границы в имеющихся рукописях, критически сравнивая списки и «очищая» их от ошибок переписчиков.

Теория «сборников» предполагала контаминированный характер наличных летописей. Одни и те же оригинальные тексты могли в разном объеме и в разное время независимо отражаться в дошедших «сборниках». Исходя из этого, основная работа исследователя (и это видно в большинстве трудов середины – второй половины XIX века) заключалась в анализе состава того или иного «сборника». В первую очередь требовалось показать, из каких именно частей (изначально – отдельных сочинений) составлен «сборник».

Такое представление о летописях противоречило планам текстуального восстановления древних памятников (в частности, источников ПВЛ). Не зря в своих хрестоматийных словах Н. И. Костомаров сомневался в возможности реконструировать «повесть древних лет»: «Восстановить эту древнюю повесть было бы возможно до некоторой степени, но это было бы дело скорее художественное, чем ученое; и восстановителю пришлось бы руководствоваться скорее художественным тактом, чем учеными доводами»⁶⁷.

Примерно о том же писал Срезневский: «Отделить теперь все составные части каждой из летописей, до нас дошедших, вообще говоря, есть дело невозможное; оно может увенчаться успехом только в частностях. Конечно, новые открытия могут из невозможного сделать воз-

Kraków, 1896. – S. 2; Wibel H. Beiträge zur Kritik der Annales Regni Francorum und Annales q. d. Einhardi. – Strassburg: Schlesier & Schweikhardt, 1902. – S. 13; Kurze F. Zur Überlieferung der karolingischen Reichsannalen und ihrer Überarbeitung // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde, 28, 1903. – S. 626; Zajączkowski S. David P. Recherches sur l'annalistique polonaise du XI au XVI siècle. – Bordeaux, 1932 // Kwartalnik Historyczny. Tom 48. – Lwów, 1934. – S. 84.

⁶⁷ Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. Часть первая. Источники русской истории. – С. 35.

можно; но пока новых открытий не предвидится, позволительно, мне кажется, отказаться от возможности полного восстановления летописей, служивших источником для тех, которые сохранились теперь»⁶⁸.

Иной взгляд представлен в работах А. А. Шахматова. Он мыслил историю летописания как последовательность «сводов», редакций-наслоений, из чего следовало, что каждая редакция была переделкой, дополнением и расширением предыдущей, имела целостный замысел и идеологическую направленность. Шахматовский взгляд на летописание возвращал актуальность задачам текстуальной реконструкции. В отличие от Срезневского Шахматов видел возможность «полного восстановления летописей, служивших источником для тех, которые сохранились теперь». Но вместо того, чтобы просто выделять в рукописях сегменты, отдельные произведения, и «очищать» их от ошибок, главной задачей отныне стало как можно более точное расслоение известных текстов на временные пласты. Они должны были отражать не дошедшие в самостоятельном виде «летописные своды». Ученые теперь нацеливались на восстановление формата или даже текста этих «летописных сводов». С имеющегося текста «снималась» редакция за редакцией. В результате исследователь доходил до «начального» текста, неделимого ядра. Оно оказывалось (точнее, попросту не могло не оказаться) простым нарративом, непротиворечивым и посвященным одной теме.

Идею многослойности текста ПВЛ впервые четко высказал еще Погодин. Он же и начал применять термин «слой» по отношению к летописным текстам. Погодин выдвинул тезис о разнице в языке и стиле между древними рассказами и позднейшими наслоениями, где видно руку «благочестивого» автора (Нестора). Он писал:

«Наконец я обращаю внимание на язык некоторых мест, резко отличающийся от Несторова: известия о происшествиях, например, при Олеге, Святославе, написаны гораздо простее, грубее, чем благочестивые размышления в Летописи или Житие Феодосия. Трудно распознать теперь все слои Летописи, ибо иные места могли быть переиначены, исправлены, при внесении в Летопись, самим Нестором, который обладал авторским искусством в известной степени и любил распространиться при случае; однако же, познакомься коротко с Нестором, прислушавшись внимательно к его языку, можно указать некоторые следы его предшественников, т. е. прежние записки»⁶⁹.

⁶⁸ Срезневский И. И. Исследование о летописях новгородских // ИОРЯС. Т. 2. — СПб., 1853. — С. 77.

⁶⁹ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Том. 1. — М., 1846. — С. 95.

Эти слова важны по двум причинам. Во-первых, был поставлен вопрос о возможности того, что впоследствии назовут «лингвистической стратификацией» летописи. Во-вторых, принципиально утверждалась мысль о наличии «слоев» в тексте ПВЛ, которые можно идентифицировать, отделить друг от друга.

Замечу, что в ранних статьях (до конца 1890-х годов) Шахматов работал в технике Бестужева-Рюмина или Костомарова, «расшивая» ПВЛ на отдельные произведения или их отрывки, а не вычитывая, как в палимпсесте, один текст «из-под» другого⁷⁰. Переход от «расшивки» к «расслоению» вряд ли был следствием влияния идей Погодина. Он, скорее, стал результатом смены представления о летописании (формирование концепции сводов – о чем далее). Однако важно, что при этом Шахматов пошел по пути, уже проложенному до него и известному в литературе.

Главным эффектом от «расслаивания» было умножение гипотетических протографов. Неоднократно отмечалось, что за каждым реальным текстом Шахматов предполагал один или несколько гипотетических, которые были для него даже более реальными, чем дошедшие памятники. Вовина-Лебедева заметила, что гипотетические своды были для Шахматова «идеями» (в платоновском смысле)⁷¹, тогда как реальные тексты были обязательно их искажениями. Ему было легче допустить общий источник (и приблизительно восстановить его состав, если не сам текст), чем объяснить зависимость известных текстов друг от друга⁷².

По словам А. А. Гиппиуса, которые хорошо передают шахматовскую позицию, «Начальная летопись представляет собой своего рода „гипертекст“, охватывающий как реально дошедшие до нас тексты, так и памятники, гипотетически реконструируемые на их основе»⁷³. В глазах Шахматова те или иные фрагменты реальных текстов становились «гиперссылками» к другим, непосредственно не доступным, текстам.

⁷⁰ Ср.: Кистерев С. Н. Вехи в историографии русского летописеведения. – С. 9.

⁷¹ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей. – С. 205–206.

⁷² Например, обсуждая соотношения текстов борисоглебского цикла (летописной повести и жития Бориса и Глеба), Шахматов склонялся к идее общего и, конечно же, утерянного источника, на который можно было «списать» существенные отличия между реальными текстами. Этим источником оказался гипотетический «Древнейший летописный свод». Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – С. 29–70, 92–97.

⁷³ Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. – М., 2006. – С. 56.

Ученый не был склонен считать, что уникальная информация некоторой поздней летописи (скажем, Никоновской XVI века⁷⁴) или житийного текста (например, жития Владимира «особого состава»⁷⁵) могла быть литературной конструкцией. Вместо этого Шахматов верил, что составители этих памятников пользовались не дошедшими до нас источниками. Древние произведения, согласно такой логике, были «рассыпаны» и в виде обломков сохранились в других произведениях или компиляциях. Соответственно, усилия исследователя направлялись на склеивание кусков совершенно разных памятников. Селекция и перераспределение летописного материала основывались на идее о том, что каждая однородная информация имеет под собой отдельный источник, чаще всего — письменный⁷⁶.

Представления о природе древних летописей влияли также на формат и содержание критических изданий. Это ясно выразил Н. Г. Устрялов, считавший, что для качественного и полного издания летописей необходимо: «1) вникнуть в характер летописей и 2) вывести из оного начала план предполагаемому изданию»⁷⁷.

Устрялов и его предшественники мыслили в рамках «теории временников». Воображая русское летописание в виде набора авторских хроник и их продолжений, еще Шлецер собирался отдельно опубликовать «Нестора» (ПВЛ). Устрялов предлагал издать, во-первых, «временник Нестора» (ПВЛ), во-вторых, «областные временники» («продолжателей Нестора», в случае необходимости разделив их на «разряды»), в-третьих, «летописные сборники» (XVI–XVII веков, компиляции «временников», которые также делились бы на разряды), а кроме того, степенные книги и хронографы.

Этой программе следовал Я. И. Бередников — первый редактор «Полного собрания русских летописей» (ПСРЛ). Несмотря на то, что «теория сборников» сказала на характеристике летописных источников в предисловии к первому тому ПСРЛ⁷⁸, на формирование программы издания она почти не повлияла. Бередников собирался издать «Нестора» отдельно: три его полных редакции по лучшим

74 Шахматов А. А. Древнейшие редакции Повести временных лет // ЖМНП. 1897. Октябрь. — СПб., 1897. — С. 256–257.

75 Шахматов А. А. Один из источников летописного сказания о крещении Владимира // Шахматов А. А. История русского летописания. — СПб., 2003. — С. 297.

76 Данное представление бытовало еще в дошахматовской литературе. Шахматов лишь ввел его в новый контекст.

77 Устрялов Н. Г. Предположение о об издании русских летописей и государственных актов, рассмотренное и одобренное Археографическою комиссиею // ЖМНП. Ч. 13, № 2, отд. 3. — СПб., 1837. — С. 346.

78 Бередников Я. И. Предисловие. — С. IV, VIII.

спискам и одну – сокращенную⁷⁹. Желая издавать летописные произведения, а не списки, ученый сравнил 155 известных ему списков и выделил в них отдельные «временники» и «летописные сборники»⁸⁰.

Вторая волна издания летописей, начатая А. Ф. Бычковым (1870–1880-е годы), отразила противоречия между предыдущей программой публикации ПСРЛ и теорией сборников⁸¹. Было решено издавать не сомнительные «временники», а отдельные списки («лучшие», т. е. самые полные и исправные) с вариантами только ближайших списков⁸². Такой формат с небольшими модификациями закрепился в дальнейшем⁸³. Это отразилось в «Правилах издания русских летописей» (1905), подготовленных Шахматовым и воплощенных в им же осуществленном образцовом издании второго тома ПСРЛ⁸⁴.

Нововведение повлияло на смену формулы заголовков: «такая-то летопись по такому-то списку» или «летописный сборник, именуемый такой-то летописью», например, «Летопись по Лаврентьевскому списку» и «Летописный сборник, именуемый Тверской летописью». Вместе с тем, это привело к терминологической путанице. Одно и то же название получали и конкретная рукопись, и архетип нескольких рукописей⁸⁵. Например, под «Ипатьевской летописью» понимают и конкретный список (хранившийся в Ипатьевском монастыре под Костромой), и сам его текст, отразившийся не только в Ипатьевской, но и в ряде сходных рукописей.

Влияние «теории сводов» на публикацию летописей связано в первую очередь с собственными проектами Шахматова. Ученый стремился придать изданиям вид научного исследования. Он предлагал издать текст Ипатьевского списка с максимальным числом вариантов из других списков, специально указав общие чтения с московскими летописями. По его мнению, это было важно для восстановле-

⁷⁹ Хартанович М. Ф. К истории издания первых томов «Полного собрания русских летописей» (30–60-е гг. XIX в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXIV. – СПб., 1993. – С. 157.

⁸⁰ Правда, эти понятия у него и недостаточно четко разграничены.

⁸¹ Хартанович М. Ф. К истории издания первых томов «Полного собрания русских летописей». – С. 163.

⁸² Брачев В. С. Петербургская Археографическая комиссия (1834–1929). – СПб., 1997. – С. 64–70.

⁸³ Чирков С. В. Археографические проекты А. А. Шахматова // Археографический ежегодник за 1973 г. – М., 1974. – С. 296–297.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. / Под ред. А. А. Шахматова. – СПб., 1908. – I–XVI+938+87 с.

⁸⁵ Lind J. The Novgorod Karamzin Chronicle and the Making of the Fourth Novgorod Chronicle // The Medieval Text: Editors and Critics: a Symposium. – Odense, 1990. – P. 70.

ния древних южнорусских сводов⁸⁶. Кроме того, Шахматов собирался поместить в примечаниях критические соображения о темных местах текста⁸⁷. Но эти предложения Комиссия по изданию летописей не одобрила.

Более показательным, впрочем, было шахматовское издание ПВЛ 1916 года, в тексте которой «проступал» Начальный свод. Если предыдущие издатели могли «складывать» гипотетическую летопись из нескольких списков, то в своем проекте Шахматов демонстрировал несколько летописей (сводов) в рамках одного списка.

Утверждать, что эволюция представлений о летописях неминуемо вела к «теории сводов» Шахматова, было бы излишней телеологией. В то же время, случай летописеведения не уникален. Подобный путь на протяжении XIX века прошли и другие научные традиции (в частности, немецкая и польская), занимавшиеся средневековыми историческими текстами. Спектры представлений и подходов к изучению этих источников, как у российских ученых, так и у их зарубежных коллег, почти не отличались.

Первые исследователи и издатели анналов и хроник (например, Георг Пертц или Август Белевский) старались сегментировать сохранившиеся в рукописях тексты, выделить в них отдельные произведения, различить, где начиналась и заканчивалась работа разных авторов⁸⁸. Основное внимание ученых, прежде всего, участников проектов *Monumenta Germaniae Historica* (MGH) и *Monumenta Poloniae Historica* (MPH), сосредотачивалось на поиске оригинальных сочинений, отделении древних авторов от позднейших продолжателей и очищении их текстов от искажений переписчиков. Границы сегментов выделяли по самым очевидным признакам (сбои в хронологии, стиле, содержании, кодикологические и палеографические швы и др.).

Во время этой работы формировались представления об источниках. Например, в списках каролингских анналов Пертц различил анналистический труд, охватывавший записи за 741–829 годы, и назвал его «Большими Лоршскими анналами» (по имени монастыря, откуда происходил древнейший список). В рамках этих анналов он выделил две части: за 741–788 и за 788–829 годы, которые приписал

⁸⁶ Эти «своды» якобы были источниками Ипат и московских летописей XV в., что будто бы объясняло происхождение общих фрагментов этих памятников за XII–XIII вв.

⁸⁷ Чирков С. В. Вопросы публикации летописей Археографической комиссией в начале XX в. // АЕ за 1974 г. – М., 1975. – С. 31–32.

⁸⁸ Waitz G. Georg Heinrich Pertz und die Monumenta Germaniae Historica // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde, 2, H.3, 1877. – S. 462; MPH (PDP). Tom drugi. – S. 826–827.

двум разным авторам⁸⁹. Текст, содержащийся в некоторых списках после 829 года, Пертц представил как отдельное сочинение продолжателя, назвав его «Бертинские анналы»⁹⁰.

Желание подать целостный образ анналистического произведения побуждало совмещать в одном издании тексты нескольких разных списков (и, как позднее выяснялось, разных памятников). Показательна публикация «Больших Лоршских анналов» (*Annales Laurissenses majores et Einhardi*) в первом томе MGH. Их списки выразительно делились на две группы, существенно отличающиеся на отрезке 741–788 годов и почти тождественные после 788-го. Пертц считал это двумя частями единого произведения, первая часть которого была составлена в 768–788 годах, а около 829-го – дополнена и отредактирована. В соответствии с этим представлением он напечатал «первую часть» за 741–788 годы параллельно по главным спискам обеих групп (чтобы показать «начальный» и «переделанный» варианты), а «вторую часть» за 789–829 годы – по главному списку одной группы (*Annales Einhardi*)⁹¹.

Нечто подобное было сделано в издании Новгородской Первой летописи (НПЛ) в третьем томе ПСРЛ. Текст печатался с 1016 года – по единственному списку старшей редакции, Синодальному⁹², а с 1330-х годов – по спискам младшей редакции, Академическому и Толстовскому⁹³ («по этим трем соединенным спискам печатается Новгородская первая Летопись⁹⁴»). Позднее, в издании 1888 года, этот прием повторили с учетом Комиссионного списка и напечатали отрывок этого списка от начала до 1016 года. Таким образом, «Новгородская Первая летопись» была сложена из списков как старшей, так и младшей редакций. Общий вид текста определялся списками типа Комиссионного, а основной текст за XI – начало XIV века был взят из Синодального и дополнен по Комиссионному, Академическому и Толстовскому⁹⁵. Как и в издании Пертца, хотя и без претензии на точную реконструкцию текста, публикации заключали в себе произведение, никогда в реальности не существовавшее.

⁸⁹ MGH. Tomus I. – Hannover, 1826. – S. 127, 134–218.

⁹⁰ Giesebrecht W. Die fränkischen Königsannalen und ihr Ursprung // Münchner historisches Jahrbuch für 1865. – München, 1865. – S. 191.

⁹¹ MGH. Tomus I. – S. 127, 134–218.

⁹² Синодальный список дефектен, и тетради, содержащие текст до статьи 1016 г., утеряны.

⁹³ ПСРЛ. Т. 3., 1841. – С. 1–114.

⁹⁴ Там же. – С. VI.

⁹⁵ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. – СПб., 1888.

Представления о природе древних анналов и хроник изменялись по мере утончения методик исследования. Сначала, когда анналистические тексты анализировали на уровне больших отрезков, то и воображали оригинальные анналы как достаточно однородные произведения, которые составлялись или длительное время велись одним книжником и принадлежали определенной институции (монастырю, кафедре, двору). Позднее, когда анализ углубился до уровня небольших фрагментов, отдельных сообщений и даже слов, на смену пришла концепция анналов как компиляций, сложенных из отдельных записей или блоков сообщений разного происхождения и авторства.

Эта концепция активно распространилась в немецкой и польской науке со второй половины XIX века. Тексты, воспринятые предыдущими издателями как целое (в частности, «Большие Лоршские анналы»), следующему поколению ученых казались склеенными из готовых материалов⁹⁶.

Большинство польских рочников исследователи почти единогласно признали компиляциями — сплавом разнородных элементов, «первоисточников»⁹⁷. Представить эти оригинальные источники можно было, разложив существующий текст на отдельные части. Так, Войцех Кентшински считал, что крупнейший памятник ранней польской анналистики Краковский Капитульный Рочник (XIII век) был компиляцией, в которой слились едва ли не все предшествующие, довольно примитивные, рочники⁹⁸. Говоря о больших анналистических памятниках как о хранилищах обломков оригинальных произведений⁹⁹, Кентшински фактически повторял метафору Бестужева-Рюмина: летописный сборник — это «архив».

Между тем, очень скоро исследователи научились в рамках одного фрагмента, или даже небольшого сообщения, выделять части разного происхождения. Это несколько меняло диспозицию: вместо фрагментов, существовавших отдельно и собранных одним компилятором¹⁰⁰, теперь речь шла о неоднократном редактировании одного и того же места и различных текстуальных пластах. Метод становился все более виртуозным; задача теперь состояла не просто

⁹⁶ Wibel H. Beiträge zur Kritik der Annales Regni Francorum und Annales q. d. Einhardi. — S. 6–7.

⁹⁷ MPH (PDP). Tom drugi. — Lwów, 1872. — S. xvi–xviii, 816–826; Smolka S. Polnische Annalen bis zum Anfange des 14 Jahrhunderts. Eine Quellen-Untersuchung. — Lemberg, 1873. — S. 17–18; Zeissberg H. Dziejopisarstwo Polskie wieków średnich. Tom 1. — Warszawa, 1877. — S. 48–56.

⁹⁸ Kętrzyński W. O rocznikach polskich. — Kraków, 1896. — S. 2–93.

⁹⁹ Там же. — S. 10.

¹⁰⁰ Kaufmann G. Die karolingischen Annalen // Historische Zeitschrift. Bd. 54. H.1. — Oldenburg, 1885. — S. 66.

в разложении текста на мелкие части, но и в снятии нескольких редакторских слоев.

Так, наследники Пертца усложнили его выводы. Хотя «Большие Лоршские анналы» писались последовательно несколькими авторами, работа каждого следующего анналиста будто бы заключалась не только в продолжении, но и в переписывании и редактировании предыдущего текста. Таким образом, на одном отрезке можно было выделить как отдельные вставки, так и целые текстуальные слои¹⁰¹.

То же самое наблюдалась в работах по польской средневековой историографии. Например, в основании Великопольской хроники XIII века искали начальный авторский труд, переработанный, продолженный и соединенный с материалами другого происхождения¹⁰². В то же время из уже упоминавшегося «Капитульного Краковского Рочника» Тадеуш Войчеховский путем снятия текстуальных слоев пытался добыть текст гипотетического «Древнего Рочника»¹⁰³. Легко заметить, что аналогичный подход применял Шахматов, пробиваясь к искомому «Древнейшему своду».

Названия гипотетических текстов не зря так похожи. Летописеведы и исследователи европейских анналов и хроник говорили на очень близких научных языках, что объяснялось схожестью представлений, подходов и самих источников. Одним из центральных понятий в немецкой и польской литературе к концу XIX века становится «анналистическая компиляция»¹⁰⁴, что было полным аналогом русского «летописный сборник/свод»¹⁰⁵. Характерно, что в ряде русскоязычных работ, посвященных западной анналистике, использовались «отечественные» термины: «летописный свод», «редакция летописного свода»¹⁰⁶. В этом отношении особенно интересна работа

¹⁰¹ Ebrard F. Die Fränkischen Reichsannalen von 741 bis 829 und ihre Umarbeitung // Forschungen zur deutsche Geschichte. XIII Band. — Göttingen, 1873. — S. 428–429; Giesebrecht W. Die fränkischen Königsannalen und ihr Ursprung. — S. 191–192; Dünzelmann E. Beiträge zur Kritik der karolingischen Annalen // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde, 2, H.3, 1877. — S. 480–492.

¹⁰² Warmksi M. St. von. Die Großpolnische Chronik. Eine Quellenuntersuchung. — Krakau, 1879. — S. 6.

¹⁰³ Wojciechowski T. O rocznikach polskich. — S. 180.

¹⁰⁴ Perlbach M. Preussisch-polnische Studien zur Geschichte des Mittelalters. H. 2. — Halle, 1886. — S. 44; Regel W. Über die Chronik des Cosmas von Prag. — Dorpat, 1892. — S. 38–43; Dieterich J. R. Die Geschichtsquellen des Klosters Reichenau bis zur Mitte des elften Jahrhunderts. — Gießen, 1897. — S. 271–275.

¹⁰⁵ Следует отметить знакомство некоторых польских ученых с трудами российских коллег и параллельное использование термина «свод» (zwod). Wojciechowski T. O rocznikach polskich. — S. 155.

¹⁰⁶ Беркут Л. Н. Возникновение и характер средневековой анналистики. — Варшава, 1910. — С. 6–15. Несколько позднее Е. Ю. Перфецкий употреблял эти термины в специфически

В. Э. Регеля о хронике Козьмы Пражского, где использовано понятие «анналистическая компиляция»¹⁰⁷. Российский подданный и немец по происхождению и культуре, он учился в Петербургском университете и впоследствии сделал себе имя работами по византистике (был первым редактором «Византийского временника»). В долгих командировках в Европу Регель имел возможность слушать лекции иностранных, в основном немецких, профессоров и работать с рукописями и научной литературой. Выглядит вероятным, что, находясь на пересечении российской и немецкой научных традиций, он мог невольно пересадить русскую терминологию («летописный свод») на немецкую почву.

Оценивая успехи польских и немецких ученых, Макс Перльбах в конце XIX века писал: «в результате разнообразных источниковедческих исследований мы научились разделять на составные части такие анналистические труды, которые раньше считались единым целым...»¹⁰⁸. Чрезвычайная скрупулезность исследований Шахматова имела прямые аналогии в синхронных работах его польских и немецких коллег. Некоторые историки конца XIX – начала XX века отмечали, что внимание коллег концентрируется на частных вопросах, на изучении отдельных фрагментов и даже слов, и сетовали на наступившее в дисциплине «мелкотемье»¹⁰⁹.

Однако это было лишь частным проявлением общей тенденции развития российских, немецких и польских исследований по средневековой историографии. Тексты разлагали на все более мелкие единицы, усложняли схемы их формирования и все больше стремились к реконструкции гипотетических памятников. Утверждению образа мышления, предполагавшего оперирование воображаемыми текстами, по-видимому, способствовали технический прогресс и улучшение условий работы ученых.

Модерная филология формировалась в условиях господства печатных изданий и неосознанно воспринимала средневековые тексты

шахматовском смысле. Перфецкий Е. Ю. Общий источник древнейшего чешского и древнейшего польского летописания // Труды Ин-та славяноведения АН СССР. Т. 1. – Л., 1932. – С. 207–238; Perfeckij E. Die deutsche Quelle der Sazaver Chronik // Archiv für Slavische Philologie. Bd. 40. H. 1–2. – Berlin, 1925. – S. 43–70.

¹⁰⁷ Regel W. Über die Chronik des Cosmas von Prag. Указанное сочинение было его магистерской диссертацией. См.: Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX в. – М., 2005. – С. 386–391.

¹⁰⁸ Perlbach M. Kętrzyński W. O rocznikach polskich. – Kraków, 1896 // Kwartalnik Historyczny. Tom XII. – Lwów, 1898. – S. 383.

¹⁰⁹ Kaufmann G. Die karolingischen Annalen // Historische Zeitschrift. Bd. 54. H.1. – Oldenburg, 1885. – S. 66; Poole R. L. Chronicles and Annals. – P. 28–33.

в современных ей категориях. Работа с изданиями источников, а не рукописями, лишала ощущения материальности текста¹¹⁰. Это способствовало тому, что тексты воспринимались как идеи (без должного внимания к их физическому воплощению), и предопределяло ту легкость, с которой ученые воображали многочисленные редакции и сложные компиляции. Кроме того, работа с удобными в пользовании изданиями памятников значительно облегчала «препарирование» текстов с помощью изоциренных методик. При этом исследователи невольно вменяли собственные приемы работы древним книжникам.

Детализация реконструкций воображаемых текстов и схем взаимозависимости гипотетических памятников связана с деятельностью тех поколений ученых, которые работали с современными критическими изданиями (такими, как MGH, MPh, PCPL). Им легче было представить текст «сам по себе» и мысленно кроить его на составные части или расслаивать на разновременные пласты. Сплошное скрупулезное сравнение было почти непосильной задачей для их предшественников (скажем, для Пертца или Шлецера). Исследователи часто не видели рукопись своими глазами и полагались на чужую сверку с оригиналом, не имели времени и возможностей обследовать манускрипт, хранившийся в отдаленном архиве. Вместо сравнений всех вариантов принимали во внимание объем, содержание/состав произведения и, исходя из таких общих критериев, группировали рукописи¹¹¹.

¹¹⁰ Тексты не существуют в отрыве от своего материального носителя. Эта простая мысль лежала в основе исследовательской перспективы, которую избрали сторонники т. н. «новой филологии». Это движение возникло в конце XX в. и поставило целью пересмотр основ текстуальной критики. Главный посыл «новой филологии»: тексты должно рассматривать как физические объекты, максимально контекстуализированные во времени, пространстве, социальных и политических условиях. Тексты (как содержание и физическая форма) не только определяются той или иной «средой», но и сами влияют на нее. Эта идея применима и к изучению древней книжности, и к наблюдениям над работой ученых новейшего времени.

См.: Nichols S. G. Introduction: Philology in a Manuscript Culture // *Speculum*. Vol. 65. No. 1. – 1990. – P. 1–10; Spiegel G. M. History, Historicism, and the Social Logic of the Text in the Middle Ages // *Speculum*. Vol. 65. No. 1. – 1990. – P. 59–86; Wenzel S. Reflections on (New) Philology // *Speculum*. – Vol. 65. – No. 1. – 1990. – P. 11–18; Towards a Synthesis? Essays on the New Philology / Ed. by Keith Busby. – Amsterdam and Atlanta, GA, 1993; Gumbrecht H. U. The Powers of Philology. Dynamics of Textual Scholarship. – Urbana and Chicago, 2003. – P. 37–39; Driscoll M. J. The words on the page: Thoughts on philology, old and new // *Creating the medieval saga: Versions, variability, and editorial interpretations of Old Norse saga literature* / Ed. by Judy Quinn and Emily Lethbridge. – Odense, 2010. – P. 85–102; Neo-Latin Philology: Old Tradition, New Approaches / Ed. by Marc v. d. Poel. – Leuven, 2014.

¹¹¹ Hoffmann H. Die Edition in den Anfängen der Monumenta Germaniae Historica // *Mittelalterliche Texte. Überlieferung – Befunde – Deutungen*. – Hannover, 1996. – S. 199–

Близость теорий, практик и самого языка исследований не могла быть обусловлена одной только схожестью материала и технических возможностей. Она проистекала из общих методологических образцов. При всей кажущейся самобытности развития летописеведения, направление и рамки этого развития определялись наследованием западных моделей. Главным образом, речь идет о двух крупнейших предприятиях: серийном издании средневековых источников и «скептическом» пересмотре статуса знаковых произведений древности.

Первые систематические исследования средневековых исторических текстов (в частности, каролингской и древнепольской анналистики и древнерусского летописания) происходили в ходе подготовки масштабных издательских проектов. В России таким был сначала не вполне удачный проект Шлецера по изданию летописей, а позднее – ПСРЛ; в немецкой и польской науке – издания серий MGH и MПH. Работавшие над ними ученые использовали образцы, которые предоставляла библейская и классическая критика текста. Это хорошо видно на примере Начальной летописи.

Шлецер, выступивший против бессистемных публикаций летописей¹¹², предложил два взаимодополняющих типа издания ПВЛ: «сводного Нестора» и «очищенного Нестора». При этом он ориентировался на известные в XVIII веке типы изданий библейских и классических текстов. Первый тип – основной список с подведенными вариантами всех других списков, где отразился «Нестор», – был ориентирован на издание Нового Завета Иоганном Грисбахом. «Сводный Нестор» представлял из себя коллаж и был скорее информационным, потому как преимущество не отдавалось ни одному чтению. В свою очередь, «очищенный Нестор», то есть критическая реконструкция, должен был содержать восстановленный в процессе отбора чтений¹¹³ текст оригинала¹¹⁴.

Обе шлецеровские идеи воплотились в конкурентных издательских проектах Р. Ф. Тимковского и А. Н. Оленина¹¹⁵. Оленин предлагал сперва опубликовать «слово в слово» отдельные списки, из которых позднее мог быть создан «Сводный толковый летописец». Не совсем ясно, что под этим понимал Оленин, – вероятно, критическую

200, 216–219.

¹¹² Бобров А. Г. Принципы издания древнерусских летописей. – С. 724–725.

¹¹³ Самый термин «чтение» в русском научном языке появился при переводе немецкого текста ученого. Шлецер А. Л. Нестор. – С. х.

¹¹⁴ Шлецер А. Л. Нестор. – С. 410–416.

¹¹⁵ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей. – С. 122–126.

реконструкцию¹¹⁶. В свою очередь, Тимковский работал над изданием «объясненного Нестора», ориентируясь на немецкие издания классических произведений древности. За основу он брал текст древнейшего списка (Лаврентьевского) и исправлял его по другим спискам¹¹⁷.

Н. Г. Устрялов, автор первой целостной программы издания летописей¹¹⁸, считал обе эти эдиционные попытки неудачными, хотя в собственной программе был значительно ближе к Тимковскому, чем к Оленину. Она предусматривала публикацию «лучшего» списка (без лишних добавлений и пропусков) с вариантами в подстрочных примечаниях. Именно так было решено печатать летописи в первых томах ПСРЛ (под редакцией Я. И. Бередникова)¹¹⁹. При этом для Устрялова и Бередникова образцом служили первые тома MGH (под редакцией Пертца)¹²⁰. Немецкая серия была также примером для изданий польских рочников и хроник¹²¹, тем более что первыми их взяли публиковать именно немцы¹²².

Непосредственным интеллектуальным фоном российской критики текста в первой половине XIX века была дискуссия по так называемому «гомеровскому вопросу». Она развернулась после выхода в 1795 году *Prolegomena ad Homerum* Фридриха Августа Вольфа, который доказывал ошибочность традиционного взгляда на «Илиаду» и «Одиссею» как целостные сочинения одного автора и предлагал видеть в них сложные произведения, соединившие в себе разные по происхождению и отдельно бытовавшие рассказы. На смену «унитаристам» пришли «аналитисты», видевшие за кажущимся единством

¹¹⁶ Оленин А. Краткое рассуждение о издании полного собрания русских дееписателей // Сын Отечества. Ч. 12. № 7. — СПб., 1814. — С. 3–19.

¹¹⁷ Оригинальные чтения Лаврентьевского списка и источники исправлений указывались в подстрочных примечаниях). Летопись Несторова, по древнейшему списку мниха Лаврентия. Издание профессора Тимковского, прерывающееся 1019 годом. — Москва, 1824. — С. iii–iv, 1–105.

¹¹⁸ Устрялов Н. Г. Предположение о об издании русских летописей и государственных актов, рассмотренное и одобренное Археографическою комиссиею // ЖМНП. Ч. 13, № 2, отд. 3. — СПб., 1837. — С. 344–351.

¹¹⁹ Бередников Я. И. Предисловие к Полному собранию русских летописей // ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. — СПб., 1846. — С. v–vi.

¹²⁰ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей. — С. 132–133.

¹²¹ [Kętrzyński W]. MPH (PDP). — Lwów, 1872 // Przewodnik naukowy i literacki. Tom 1. — Lwów, 1873. — S. 310–311; Bresslau H. Geschichte der Monumenta Germaniae Historica, im Auftrage ihrer Zentralkommission // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde, 42. — Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1921. — S. 348; Węcowski P. August Belowski i początki wydawnictwa 'Monumenta Poloniae Historica' (do roku 1876). Cz. I. // Historia R. 5. №1. — Warszawa, 1997. — S. 35–38.

¹²² MGH. Tomus 19. — Hannover, 1866. — S. 574–689; Annales Poloniae ex recensione Arndtii et Roepelii. — Hannoverae, 1866.

множество первоначальных прототекстов. Поэмы, таким образом, оказывались своего рода сборниками, компиляциями.

Далеко не случайно, что одновременно с утверждением концепции Вольфа П. М. Строев высказал мысль о летописях как «сборниках». Согласно исследованию Вовиной-Лебедевой, Строев и его коллеги, археографы и историки (С. С. Уваров, Р. Ф. Тимковский, М. Т. Каченовский), находились под влиянием новейших немецких (а еще точнее – геттингенских) интеллектуальных веяний¹²³. В частности, Тимковский в своей работе следовал наставлениям Гейне и «лучших ученых Германии»¹²⁴.

Однако идея о «сборниках» не была простым заимствованием. Как справедливо указала Вовина-Лебедева, прямых ссылок на «геттингенцев» ни Строев, ни его коллеги не делали. Конкретные идеи, насколько это можно проследить, появлялись из потребности в изучении местных источников и были подчинены динамике российской научной жизни. Сам Строев не настаивал на компилятивном характере древней летописи Нестора, что следовало бы ожидать в случае копирования «анти-гомеровского» пафоса. «Сборными» ему казались лишь реально сохранившиеся летописные тексты.

Наверное, только Каченовский и его последователи попытались прямо пересадить идеи немецких классицистов (Нибура и Вольфа) на местный грунт. Российские «скептики» исходили из априорного утверждения о невозможности написания во времена Нестора таких великих произведений, как ПВЛ (подобно Вольфу, который настаивал на невозможности создания во времена Гомера «Илиады» в ее нынешнем виде). Они искали исторические и языковые анахронизмы, которые должны были свидетельствовать о позднем происхождении ПВЛ и других домонгольских текстов. В случае с Нестором, как и с Гомером, речь шла о сознательном развенчании легендарного автора и разрушении традиционного – «летописного» – взгляда на раннюю историю Руси¹²⁵.

¹²³ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. – СПб., 2011. – С. 134–150; Вовина-Лебедева В. Г. Издания и исследования русских летописей в первой половине XIX в. на фоне европейского опыта // Вестник СПбГУ. Серия 2. Вып. 4. – СПб., 2011. – С. 3–12.

¹²⁴ Летопись Несторова. – С. III–IV.

¹²⁵ Bolter J. Friedrich August Wolf and the scientific study of antiquity // Greek, Roman and Byzantine studies. Vol. 21. – Durham, N. C., 1980. – P. 83–99. Grafton A. The Footnote: a curious history. – Harvard University Press, 1999. – P. 85–86; Mahler A. Did philologists write the Iliad? Friedrich August Wolf's criteria of style and the demonstrative power of citation. – P. 188–190 / <http://publikationen.uni-frankfurt.de/frontdoor/index/index/docId/22923>; Ka-

Огромное влияние в то время имела концепция «множественного авторства»: вместо одного Гомера появлялся ряд безымянных сочинителей и редакторов¹²⁶. Это привело к тому, что к началу XX века в трудах исследователей ПВЛ (в частности, Шахматова) вместо одного монументального Нестора появилась целая вереница летописцев, сводчиков и редакторов.

Критиков текста Вольф приучил обращать внимание на внутренние противоречия (в содержании, языке, стиле) и трактовать их как следы вставок¹²⁷. Благодаря этой методической установке оптика ученых настраивалась так, чтобы видеть в едином тексте самостоятельные фрагменты. Иначе говоря, смотреть через текст и распознавать вместо одного ныне существующего много гипотетических прототекстов.

Сам Вольф и часть его последователей представляли себе «Илиаду» как набор отдельных сочинений, однажды сшитых воедино неизвестным редактором. В дальнейшем, правда, большее признание завоевал несколько иной взгляд, развитый Иоганном Готфридом Херманом в 1830-х годах: существовала начальная поэма, к которой постепенно прирастали другие, т. е. в основе лежало некое нарративное ядро, на которое наслаивались позднейшие тексты¹²⁸. Пересмотр «унитаристских» воззрений и появление двух направлений в рядах «аналитистов» находят удивительную аналогию в эволюции представлений о ПВЛ в XIX – начале XX века. На смену теории целостных авторских «временников» пришли теории «сборников» и «сводов», о которых говорилось выше.

Примененные к Гомеру принципы «аналитического» метода были быстро распространены на другие важные тексты древности. Наверное, самым амбициозным проектом, где они использовались, стало изучение Ветхого Завета. Усилия нескольких поколений исследователей подытожил труд Юлиуса Вельхаузена *Prolegomena zur Geschichte*

ченковский М. Т. О баснословном времени в российской истории // Ученые записки императорского московского университета. Том 1. – М., 1832. – С. 284–289.

¹²⁶ Hyde W. W. The Centenary of the Death of Friedrich August Wolf // The Open Court. Vol. 1925: Iss. 5, Article 4. – P. 289–290; Bolter J. Friedrich August Wolf and the scientific study of antiquity. – P. 95–97.

¹²⁷ Bolter J. Friedrich August Wolf and the scientific study of antiquity // Greek, Roman and Byzantine studies. Vol. 21. – Durham, N. C., 1980. – P. 97–98; Wolf F. A., Grafton A. Prolegomena to Homer, 1795. – Princeton University Press, 2014. – P. 21–22; Mahler A. Did philologists write the Iliad? Friedrich August Wolf's criteria of style and the demonstrative power of citation. – P. 187–189.

¹²⁸ Hyde W. W. The Centenary of the Death of Friedrich August Wolf. – P. 290; Homer. Critical assessments / Ed. by Irene J. F. de Jong. – Routledge, London and New York, 1999. – P. 3–6.

Israels. В нем изложена гипотеза о том, что Ветхий Завет сформировался из четырех частей, которые сначала были самостоятельными произведениями, написанными в разное время¹²⁹. Итак, еврейская Библия оказывалась компиляцией, «сборником».

Соответственно, задача ученых состояла в том, чтобы правильно разложить имеющийся текст Ветхого Завета на элементы и воссоздать историю их составления. Методической основой такой работы был поиск усложнений (дублей, фактических добавок, хронологических сбоев), тенденций отдельных отрезков текста (в употреблении терминов и устойчивых выражений, проявлениях лояльности, религиозных концепциях, особенностях стиля) и противоречий (лингвистических, стилистических, идеологических и т. п.)¹³⁰. Итак, и здесь внимание исследователей перемещалось с реального текста на гипотетические.

Одним из образцовых примеров применения «анализма» на материале не античной классики, а средневековой историографии является исследование «Гетики» Иордана – как и ПВЛ, первой истории варварского народа¹³¹. В XIX веке на основании этого произведения пытались реконструировать «Готскую историю» Кассиодора. Иордана при этом считали его неумелым редактором¹³². Восприятие «Гетики» как «руин» сочинения Кассиодора, «как коллекции выдержек, а не целостного литературного замысла», повышало значение исследовательского воображения и способствовало свободной атрибуции отдельных фрагментов.

И наконец, еще один случай приложения упомянутых подходов к материалу, более близкому к Руси и хронологически, и географически. Речь идет о исторических сочинениях, рассказывающих о древнейшем прошлом венгров, начиная с IX века. Самые ранние их списки принадлежат второй половине XIII века, большинство же, как и в случае летописей, датируются XIV и XV веками. Речь идет о Хронике Шимона из Кезы и, кроме того, о так называемом «Сборнике хроник» (*Chronicle Composition, Chronikkomposition*) – предполагае-

¹²⁹ Wellhausen J. Prolegomena zur Geschichte Israels. Fünfte Ausgabe. – Berlin, 1899. – S. 6–10.

¹³⁰ О сравнении методов и построений Вельхаузена и Шахматова см.: Вілкул Т. Л. Літопис і Хронограф. Студії з текстології домонгольського ківського літописання. – С. 24–25.

¹³¹ О сравнении в этом контексте «Гетики» и ПВЛ см.: Tolochko O. P. Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus' // Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200) / Ed. by Ildar Garipzanov. – Turnhout: Brepols; Abingdon: Marston, 2011. – P. 213–214.

¹³² Goffart W. A. The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800). Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. – Princeton University Press, 1988. – P. 23–31.

мом памятнике, отраженном в тексте нескольких исторических сочинений XIV–XV веков, в частности, знаменитой «Иллюстрированной хроники» (*Chronicon Pictum*)¹³³. С XIX века в историографии бытует мнение, что эти произведения были последними стадиями развития некоего древнего прототекста, якобы составленного во второй половине XI века¹³⁴.

Как и шахматовский Древнейший свод, эта первоначальная история якобы служила основой для дальнейших произведений, из которых ее гипотетические фрагменты пытаются извлекать. В обзоре венгерской средневековой историографии В. П. Шушарин не зря сравнил методику выделения первоначальных и вставных фрагментов в тексте «Деяний» с тем, как Шахматов раслаивал древнерусские летописи¹³⁵. Построенная на такой методологической основе история венгерских хроник напоминает историю раннего летописания по «схеме Шахматова»: это был рассказ о последовательных дополнениях изначального нарративного ядра, вставках и переработках текста в различном идеологическом ключе¹³⁶.

Дошедшие до нас венгерские хроники, как отметил Карлайл Маккартни, «были простыми компиляциями, коллекциями отрывков, собранных и грубо соединенных вместе. Венгерская история с этого момента действительно становится похожа на лоскутное одеяло. Каждое оконченное сочинение становится ядром для следующего, которое не только продолжает его историю до своего времени, но и зачастую обогащает более ранние фрагменты новым материалом, недавно открытым, но, возможно, очень старым по времени создания»¹³⁷.

По словам Уолтера Гоффарта, «в исследованиях германских древностей заметна тенденция, которая заключалась в приуменьшении значения непосредственно доступных текстов, обычно с поздней датировкой, и в дополнении их „лучшими предшественниками“ — уде-

¹³³ При этом относящиеся к XIII в. «Деяния венгров» (Анонима, нотарию короля Бельи) стоят особняком, так как представляют собой целостное сочинение.

¹³⁴ Иными словами, предполагается, что довольно поздние сочинения сохранили остатки текстов, превосходящих по возрасту «Деяния» Анонима.

¹³⁵ История Венгрии в 3-х томах. Т. 1. М., 1971. — С. 269–270.

¹³⁶ Там же. — С. 270–279; Bagi D. Problematik der ältesten Schichten der ungarischen Chronikkomposition des 14. Jahrhunderts im Lichte der ungarischen Geschichtsforschung der letzten Jahrzehnte — einige ausgewählte Problemstellen // *Quaestiones Mediae Aevi Novae*. Vol. 12, 2007. — S. 105–127; Sychała L. *Studia nad legendą dynastyczną Arpadów. Między pulpitem średniowiecznego skryby a „warsztatem” współczesnego badacza.* — Wrocław, 2011. — S. 21–33, 84–88.

¹³⁷ MacArtney C. A. *The Medieval Hungarian Historians: A Critical and Analytical Guide.* London, 1953. P. 45.

рянными рассказами или текстами с ранней датировкой, чьи остатки считали включенными, в искаженной форме, в сохранившиеся материалы»¹³⁸.

По наблюдениям Гоффарта, именно ученые «немецкой школы» активнее всего работали над добыванием гипотетических источников из реально сохранившихся текстов¹³⁹. Еще в 1873 году Георг Вайтц с жалостью писал о «нашей хвальной источниковедческой критике», которая не может обойтись без предположений об утраченных источниках¹⁴⁰. Российское источниковедение находилось преимущественно в немецкой «зоне влияния»¹⁴¹, и не удивительно, что среди его представителей распространилась описанная практика расчленения текстов. Не был исключением и Шахматов, с детства соприкоснувшийся с «немецкой ученостью»¹⁴². Методология шахматовских работ по летописанию, как и их появление именно в тот конкретный период, не была чем-то уникальным, скорее закономерным. В то же время, следует признать, что «теория сводов» стала одной из наиболее радикальных форм тогдашнего «виртуального источниковедения».

1.3. Общая теория сводов

Что такое «летописный свод»? В современном летописеведении широко распространено представление, что «каждая летопись – это свод», а история летописания, следовательно, история «летописных сводов»¹⁴³. Но на вопрос «что такое летописный свод?» ответить не легко. «Свод» – понятие более широкое, чем «летопись». По Лихаче-

¹³⁸ Goffart W. A. The Narrators of Barbarian History. – P. 31.

¹³⁹ То же отмечалось в работах конца XIX – начала XX вв. Gutschmid A. von. Kleine Schriften. Erster Band. – Leipzig, 1889. – S. 3–5; Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. – Leipzig, 1908. – S. 441.

¹⁴⁰ Waitz G. Über die Annales Sithiensis // Nachrichten von der Königlichen Gesellschaft von Wissenschaften und der Georg-Augustus-Universität aus dem Jahre 1873. – Göttingen, 1873. – S. 588.

¹⁴¹ С. П. Шевырев и его ученик Ф. И. Буслаев, определившие направление изучения древнерусской литературы в XIX в., находились под мощным влиянием немецких романтиков (в частности, Иоганна Готфрида Гердера и Якоба Гримма). См.: Роте Г. Что такое «древнерусская литература»? // Палиточная сфера. № 22–23, 2014–2015. – С. 82–84.

¹⁴² Лукин О. В. О немецкой «парадигме» детства и ранней юности А. А. Шахматова // Ярославский педагогический вестник. №2. Т. 1. – Ярославль, 2014. – С. 124–128.

¹⁴³ Повесть временных лет. Часть вторая. – М.–Л., 1950. – С. 41; Лихачев Д. С. Повесть временных лет. Статья и примечания // Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков. – М., 1957. – С. 279–281; Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. – Л., 1983. – С. 357–359; Голиков А. Г., Круглова Т. А. Источниковедение отечественной истории / Под общей редакцией профессора А. Г. Голикова. – М., 2000. – С. 16.

ву, это соединение известных материалов с новыми, сопровождающееся их творческой обработкой¹⁴⁴. Размытость определения объясняется тем, что термин «свод» кажется сам по себе вполне понятным. Он глубоко укоренился в языке исследователей, став эмблематическим для историографической традиции, основанной Шахматовым. Шахматовское понимание «летописного свода» не претерпело серьезных деформаций и через сто лет после выхода работ ученого. Между тем, на протяжении ста лет до Шахматова термин «летописный свод» кардинально менял свое содержание.

Его начали употреблять на рубеже XVIII–XIX веков. Так называли один из типов критических изданий, где совмещались чтения разных летописных списков, а один из списков («лучший») брался как основной¹⁴⁵. Карамзин в свое время выступал за «ученый свод летописей», под чем понималось издание древнейшего (по его мнению, «чистейшего») списка Нестора с подведением вариантов других древних списков¹⁴⁶. «Летописным сводом», кроме того, могли называть исторический труд, где использована информация разных летописей при создании единой картины событий прошлого. В этом смысле первым «летописным сводом» была построенная аналогичным образом «История Российская» Василия Татищева¹⁴⁷.

В первой половине XIX века термин «летописный свод» употреблялся в сфере эдиционной критики¹⁴⁸. Но с середины столетия он приобретает другое основное значение. Это было связано со сменой господствующей теории в летописеведении.

В попытках Шлецера «очистить» «настоящего Нестора» от дополнений и искажений переписчиков-неучей встала проблема возможности доступа ученого-критика к начальному летописанию. Упрощенно схема истории древнерусского летописания «по Шлецеру» выглядела так: существовал авторский текст талантливой Нестора, источник, который загрязняли «грубые» переписчики; в результате вместо одного «правильного» Нестора возникало много «ложных». Эта схема

¹⁴⁴ Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. – С. 370.

¹⁴⁵ Как отмечалось, еще Шлецер считал первоочередным заданием критики издать «сводную Несторову летопись». «Свод» подготовил бы материал для более важной работы – реконструкции аутентичного текста Нестора. Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древне-славенском языке. Часть 1. – СПб., 1809. – С. 409–410, 413–414.

¹⁴⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. Том 1. – СПб., 1818. – С. XXXIII.

¹⁴⁷ Ср. Арцыбашев Н. С. Повествование о России. Том 1. – М., 1838. – Предисловие к книге, С. 1.

¹⁴⁸ Супрасльская рукопись, содержащая новгородскую и киевскую сокращенные летописи. – М., 1836. – С. XVII–XVIII; Лейбович Л. И. Сводная летопись, составленная по всем изданным спискам летописи. Вып. 1. Повесть временных лет. – СПб., 1876.

имела одно слабое место, которое осознавал уже сам Шлецер: заявляя о произволе переписчиков, мы лишаем себя шансов надежно вычитывать в поздних списках подлинные Несторовы слова.

Выход из этого сложного положения нашел П. М. Строев. Нужно было переключить внимание на определение характера текстов, непосредственно дошедших до нас. Признание поздних летописей бледным подобием Несторового современника не приносило исследователю никакой пользы. Следовало сменить акценты: не осуждать поздние переделки Нестора, которые *не сохранили* его в чистоте, а принять, что только благодаря поздним памятникам Нестор в принципе *сохранился* до наших дней.

Значение идеи Строева заключалось в признании, что известные науке «летописи» — это не «плохие копии» древних сочинений, а «летописные сборники». Ученый предлагал отличать авторское сочинение (Нестора или другого древнего летописца) от компиляции, сборника сочинений. Это позволяло утверждать, что поздние рукописи могли сохранить текст древних летописей¹⁴⁹. Именно такой взгляд быстро приняло историческое сообщество¹⁵⁰. Его взяла на вооружение и Комиссия по подготовке издания ПСРЛ: в предисловии к первому тому серии на понятийном уровне различались древние «временники»/«летописи» и позднейшие «сборники»¹⁵¹.

Внедрение идеи сборника было существенным поворотом во взглядах на летописание. Но уже в своем «программном» тексте Строев заложил заложил противоречие фразой: «Будучи составлены из повествований достоверных, сии летописи носят на себе явную печать истины; но, искаженные влиянием времени и невежеством собирателей и переписчиков, они представляются нам в виде бытописаний неверных, запутанных и несогласных между собою»¹⁵². И если одна часть его коллег сделала акцент на первой половине предложения, то другая часть — на второй.

Этой «другой частью» была «школа скептиков». Ее лидер Каченовский считал невозможным появление во времена Нестора чего-ли-

¹⁴⁹ Строев писал, что в сборники сообщения вносили выборочно, многое пропуская, сокращали, размещали без порядка. Но в то же время они могли передавать «древний слог» без искажений.

¹⁵⁰ Перевощиков В. О. О русских летописях и летописателях по 1240 г. — СПб., 1836. — С. 24–25.

¹⁵¹ Берединов Я. И. Предисловие к Полному собранию русских летописей // ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. — СПб., 1846. — С. IV–V.

¹⁵² Строев П. М. Предисловие. — С. XI.

бо подобного сохранившимся сборникам¹⁵³. Другой активный представитель «скептиков» С. М. Строев¹⁵⁴ (Скромненко) вообще отрицал существование ПВЛ или единой летописи Нестора¹⁵⁵. По его мнению, отдельные записи и повести были собраны вместе лишь в XIII–XIV веках. Но значение этих записей и повестей не шло в сравнение с тем, что внесли «от себя» составители сборников¹⁵⁶. Скромненко считал, что древние «собиратели» наряду с какими-то аутентичными текстами вносили «басни», по собственному усмотрению расширяли или сокращали рассказ, измышляли новые сюжеты¹⁵⁷. Именно поэтому «скептики» считали древнюю русскую историю сказочной и недостоверной.

Из рассуждений «скептиков» следовало, что «сборники» были первыми крупными историческими текстами на Руси¹⁵⁸. Такое понимание существенно искривляло идею Строева, который мыслил сборники лишь формой сохранения древних летописей. Представления «скептиков» стали далекой предтечей шахматовского тезиса о том, что первые дошедшие до нас русские исторические тексты уже были сводами¹⁵⁹.

Идея о неслучайности состава превращала «сборник» в универсальное понятие. С одной стороны, это позволяло изыскивать в личном летописном тексте оригинальные записки или повести, с другой – рассматривать текст целостно, как результат сознательной литературной работы. Уже в упомянутом предисловии к первому тому ПСРЛ отразилась противоречивость понятия и начало стирания четкой границы между «летописью» и «сборником». Бередников, автор

¹⁵³ Каченовский М. Т. О баснословном времени в российской истории // Ученые записки Императорского Московского университета. Том 1. – М., 1832. – С. 284–285.

¹⁵⁴ Младший брат П. М. Строева.

¹⁵⁵ Скромненко С. О недостоверности древней русской истории и ложности мнения касательно древности русских летописей. – СПб., 1834. – С. 41–44.

¹⁵⁶ «Наши летописи представляют нам происшествия, описанные вдвойне, один раз коротко, другой раз подробно, не в одном только конце XI ст., но также в XIV и XV столетиях. Там же. – С. 53–54.

¹⁵⁷ Скромненко С. Кто писал ныне нам известные летописи? // Сын Отечества и Северный архив. Том XLVII. – СПб., 1835. – С. 170.

¹⁵⁸ Стоит заметить, что такие крупные ученые, как П. Г. Бутков и М. П. Погодин, открыто не использовали термин «сборник». Для них он ассоциировался с «враждебной» «школой скептиков». Там, где другой исследователь обязательно употребил бы термин «сборник», Погодин последовательно подбирал иные слова: «редакция», «сочинение», просто «летопись». См.: Бутков П. Г. Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. – СПб., 1840; Погодин М. П. Новгородские летописи // ИОРЯС. Т. 6. – СПб., 1858. – С. 211–212. // Погодин М. П. Новгородские летописи // ИОРЯС. Т. 6. – СПб., 1858. – С. 226–227.

¹⁵⁹ Надо подчеркнуть, что идея «сборников» развивалась автономно от «скептического» направления: она активно функционировала и после упадка «школы».

предисловия, утверждал, что древние летописи были составлены из отдельных повестей и преданий, монастырских и церковных записок, «дневников» князей и частных лиц. Иными словами, эти «летописи» сделаны практически так же, как и включившие их позднее в свой состав «сборники».

Одним из первых идею о составном характере «Несторовой летописи» (ПВЛ) развил М. П. Погодин. Он представлял ее как произведение, основывавшееся на «отечественных» письменных источниках, содержащее рассказы и краткие летописные записки, а не только авторский текст. При этом слова «сборник» он искусно избегал.

Погодин писал: «Летопись Несторова не теряет нимало своего достоинства от предположения о прежних записках, оставаясь драгоценным памятником 11 столетия. Напротив она получает для нас новую цену, заключая в себе еще древнейшие памятники нашей грамотности»¹⁶⁰. Примечательно, что эта мысль (о ПВЛ как тексте, в котором уцелели остатки древнейших исторических сочинений), скорее всего, была заимствована К. Н. Бестужевым-Рюминым, хотя и без ссылки на Погодина. В бестужевском исполнении, она широко цитируется в научной литературе: «...„Повесть временных лет“ является архивом, в котором хранятся следы погибших для нас произведений первоначальной нашей литературы»¹⁶¹ (курсив мой. — В. А.).

В скором времени к «сборникам» была причислена ПВЛ. Классифицируя известные летописные памятники, И. Д. Беляев отнес «Несторову летопись» (ПВЛ) к первым «литературным летописям» или «сборникам»¹⁶². «Все сии сборники составлялись по одному образцу и располагались, пополнялись и изменялись составителями по их соображениям и по источникам бывшим под руками. [...] судя по самой старшей дошедшей до нас летописи, приписываемой Нестору, можно предположить, что Нестор первый проложил путь для летописных сборников»¹⁶³.

К схожему выводу тогда же пришел П. Казанский. Отрицая традиционный образ Нестора-летописца, он подвергал сомнению и характер первой летописи, которая для многих оставалась авторским произведением. «Очевидно, что как древний летописец называемый Несторовым, так и летописи продолжателей его суть ничто иное, как

¹⁶⁰ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Том. 1. — Москва, 1846. — С. 96.

¹⁶¹ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. — С. 59.

¹⁶² Беляев И. Д. О разных видах русских летописей // ВОИДР №5. — М., 1850. — С. 21–23.

¹⁶³ Там же. — С. 21.

извлечение из готовых материалов сообразно цели и воззрениям составителей», — писал Казанский¹⁶⁴.

Аналогичную идею, хотя и менее выразительно, высказывал в ранних статьях И. И. Срезневский¹⁶⁵. В том же направлении мыслил М. И. Сухомлинов, выдвигая тезис, что не только поздние летописи, но и сама ПВЛ уже была «сборником»¹⁶⁶. Для этих исследователей авторский текст в ПВЛ был своего рода цементом, который скреплял отдельные записки, документы, рассказы, отрывки агиографических и хронографических произведений.

Стоит добавить, что в работах Срезневского и Сухомлинова начинается активное употребление термина «свод» вместо «сборник». Раньше эти термины существовали параллельно, не смешиваясь. Для Строева, как и для Шлецера, «свод» был типом издания летописей, в котором «сведены» лучшие чтения разных списков. Но уже в предисловии к первому тому ПСРЛ заметно совмещение этих терминов: «летописные сборники суть своды означенных временников...»¹⁶⁷.

Постепенная замена термина «сборник» на «свод» совпадала с дальнейшей эволюцией понятия: «свод» — уже не просто сложный текст, составленный из разных сочинений (или их отрывков), а результат сведения этих сочинений с определенным замыслом. Предположительно, это могло быть связано с влиянием понятия свода как типа издания. Летописный свод все больше представлялся не столько архивом, в который произвольно попадали разнородные произведения, сколько более целостным, хотя и внутренне неоднородным, текстом. Понятие свода оказалось более конкурентоспособным, нежели понятие сборника. Оно позволило снять противоречие между реальными и гипотетическими летописями. На «свод» можно было смотреть и как на целостный труд, идеологический проект, и как на «чистую компиляцию».

Новый взгляд на летописи принял заверченный вид в работах Костомарова и Бестужева-Рюмина, которые считали ПВЛ пер-

¹⁶⁴ Казанский П. Критический разбор свидетельств Патерика Печерского о Летописи Нестора // ВООИДР №7. — М., 1850. — С. 16.

¹⁶⁵ Срезневский И. И. Памятники X-го века до Владимира Святого // ИОРЯС. Т. 3. — СПб., 1854. — С. 59–60. Он считал, что Нестор в своей летописи «собрал» значительную часть летописных записок (но не все), существовавших с IX в. При этом он почти ничего не менял, а значит, его летопись приобретала черты собрания извлечений из разных летописей, ведшихся в разных концах Руси.

В позднейших статьях ученый называл составителем ПВЛ Сильвестра. Срезневский И. И. Статья о древних русских летописях (1853–1866). — С. 112–115.

¹⁶⁶ Сухомлинов М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном. — С. 51.

¹⁶⁷ Бередников Я. И. Предисловие к Полному собранию русских летописей. — С. VIII.

вым руским «сборником», служившим примером для всех последующих «сводов»/«сборников»¹⁶⁸. Для Бестужева-Рюмина «свод» — еще не единое литературное произведение, но уже результат определенных творческих усилий составителя¹⁶⁹. Костомаров представлял этот «свод Сильвестра» как относительно целостный труд, части которого (отдельные летописи и повести) все же сохраняли определенную самостоятельность¹⁷⁰.

Другие авторы, как, например, И. В. Лашнюков, находили в ПВЛ одновременно признаки и сборника/свода, и целостного авторского произведения¹⁷¹. Еще Беляев указывал, что в каждом сборнике (особенно ПВЛ) прослеживается индивидуальность составителя¹⁷². Таким образом, ПВЛ оказывалась «авторским сводом» или «целостным сводом» (что со строевской точки зрения — абсурд). Далее срабатывала логика, подготовленная предшествующим опытом: если ПВЛ была примером для дальнейшего летописания, то все последующие летописные произведения должны были быть такими же «авторскими/целостными сводами» и к ним следовало бы применять единый термин.

Данная логика была воплощена в работе Н. Н. Яниша о новгородском летописании¹⁷³. В начале своего труда исследователь пытался придерживаться строгой терминологии, применяя разные названия к текстам разных периодов: «летописи» (до XIII века), «сборники» (XIII–XIV века), «списки» (реже — «изводы», XV–XVI века)¹⁷⁴. Он отмечал, что благодаря сборникам XIII–XIV веков древние летописи и другие сочинения сохранились до наших дней почти в первоизданном виде.

В то же время, образцом таких сборников Яниш называл ПВЛ¹⁷⁵ и вообще считал уже первые летописи-«временники» произведениями компилятивными, включавшими записи разных авторов, документы и т. п.; это сближало их со «сборниками» XIII–XIV веков. Вместе с тем, ученый полагал, что «сборники» XV–XVI веков, особенно московские, передавали древние тексты с искажениями. Это отличало их от ранних «сборников» и вынуждало обозначать их другим тер-

¹⁶⁸ Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. Часть первая. Источники русской истории. — С. 21, 30–31, 34; Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. — СПб., 1868. — С. 1–5.

¹⁶⁹ Там же. — С. 58–59.

¹⁷⁰ Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. — С. 30–31.

¹⁷¹ Лашнюков И. В. Очерки русской историографии и истории (начало) // Университетские известия. Май. № 5. — Киев, 1869. — С. 1–22.

¹⁷² Беляев И. Д. О разных видах русских летописей. — С. 25–26.

¹⁷³ Яниш Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. — М., 1874.

¹⁷⁴ Там же. — С. 3–4.

¹⁷⁵ Там же. — С. 7–9.

мином — «своды». Таким образом, «своды» отличались как от «сборников», так и от начальных «временников», но в то же время совмещали отдельные черты и тех, и других. Как и «сборники», «своды» совмещали разнородный материал, но имели четкий замысел и идеологическую цель подобно «временникам».

В конце концов, ученый доходил до того, что уподоблял манеру создания «сводов» XV–XVI веков и ПВЛ. «Наиболее ощутительным представляется сродство этих новейших летописей (Софийской, Воскресенской, Никоновской или Патриаршей и других менее известных) с утраченной в подлиннике киевскою “Повестью временных лет”...». Пояснял ученый это тем, что и ПВЛ, и поздние «своды» создавались в сходных условиях политического могущества единого центра (Киева и Москвы соответственно); они выполняли определенный политический и культурный заказ: объединение историй, т. е. летописаний, разных земель в единое целое, конструирование общей истории¹⁷⁶. Итак, ПВЛ оказывалась прототипом и для «сборников» XIII–XV веков, и для «сводов» XV–XVI веков. Выдвигая этот тезис, исследователь как будто забывал о своем же изначальном терминологическом разграничении. Более того, он начинал называть Лаврентьевский и Ипатьевский сборники «сводами» и подозревать их составителей в идеологических манипуляциях¹⁷⁷.

Работа Яниша показывает путь, приводивший к появлению единого (вместо двух или трех) понятия и термина, охватывавших чуть ли не все когда-либо существовавшие летописи. Что касается терминологии, то на нее значительное влияние оказала работа Бестужева-Рюмина «О составе русских летописей до конца XIV века» (1868). Со времени ее публикации исследователи все больше отождествляли термины «сборник» и «свод», отдавая предпочтение второму¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Там же. — С. 16–17.

¹⁷⁷ Там же. — С. 9–16, 18. Яниш отмечал, что позднейшие своды могли сохранять ранние оригинальные сообщения. Если так, значит, составители сборников XIII–XIV вв. их пропустили, возможно, не случайно, но по умыслу.

¹⁷⁸ Напр.: Разсудов А. Несколько слов по вопросу о первых русских летописях. — С. 763–764, 771; Тихомиров И. А. О Лаврентьевской летописи // ЖМНП. 1884 Октябрь. — СПб., 1884. — С. 239–270 (Тихомиров называл Лаврентьевскую летопись и «сборником», и «сводом»; эти термины у него употреблены как синонимы); Маркевич А. И. О летописях. — С. 100, 113.

Маркевич предполагал некоторую разницу между «сводом» и «сборником»: «сборники» крупнее по объему, и сообщения в них сплавлены не так искусно, как в «сводах». Но на практике видно синонимии терминов. Маркевич писал о ПВЛ как о «сборнике», составленном Сильвестром, но тут же называл ее «сводом»: «В пользу того, что Древняя летопись есть свод, говорит, во-первых, сравнительное разнообразие ее источников, которые вовсе не переработаны в одно сочинение, а оставлены большею частью в сыром виде».

Важно и то, что термин «свод» начали использовать представители смежных специальностей, а не только летописеведы¹⁷⁹.

Развитие понятий «сборника» и «свода» на протяжении XIX века привело к уточнению понятия «летописи». Со времен П. М. Строева «сборник» противопоставлялся текущему, регулярно ведущемуся и, как считалось, настоящему летописанию¹⁸⁰. Как писал Маркевич, «свод этот (ПВЛ. — В. А.), вероятно, сделан был таким образом: взят был известный остов — хронологическая таблица с записями и на нее нанизан целый ряд имевшихся под руками у составителя свода разновременных материалов... и из этого, по возможности, было сделано нечто цельное»¹⁸¹. «Таблица с записями» — это и есть собственно летопись.

Довольно рано летописеведение столкнулось с двузначностью термина «летопись»: это и ведущееся, текущее, летописание, и относительно целостное произведение, написанное в один прием¹⁸². Термин «летописный сборник»/«свод» должен был взять на себя обозначение именно летописного «сочинения», сохраняя чистоту термина («собственно летопись»). Но на практике погодное летописание (анналы) все больше превращалось в неуловимую сущность. Представлять древнее летописание, оперируя категорией «свода», было гораздо легче. Еще Бестужев-Рюмин писал: «каждая редакция (летописи. — В. А.) уже представляет собой особый свод или часто и свод из сводов»¹⁸³. Незадолго до Шахматова подобные мысли высказывал И. П. Сенигов. Он писал о несохранившихся древних сводах: южно-русском конца XII века, суздальском, новгородском конца XII — на-

¹⁷⁹ Напр., см.: Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География Начальной летописи. — Варшава, 1873. — С. 3–4; Майков Л. Н. [Рец.] Очерки русской исторической географии. География Начальной летописи. Исследование Н. П. Барсова, библиотекаря Императорского Варшавского университета. Варшава. 1873 // ЖМНП. Август 1874. Часть 174. — СПб., 1874. — С. 237–238.

¹⁸⁰ Его имели в виду, говоря о «первоначальных записках», «таблицах» или «монастырской летописи». Напр.: Срезневский И. И. Памятники X-го века до Владимира Святого // ИО-РЯС. Т. 3. — СПб., 1854. — С. 57–62; Сухомлинов М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном. — С. 32; Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. — С. II, 6–20, 44, 49, 58–59; Порфирьев И. История русской словесности. Часть I. Древний период. — Казань, 1879. — С. 359.

¹⁸¹ Маркевич А. И. О летописях. — С. 115–116.

¹⁸² Иллюстрацией может служить текст Маркевича, отличавшего ведение «летописи» как отдельных заметок (т.е. анналов) от «составления из этих заметок *правильной летописи, как сочинения*» (выделено мною. — В. А.). Маркевич А. И. О летописях. — С. 57.

¹⁸³ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. — СПб., 1868. — С. 24.

чала XIII века¹⁸⁴. Своды постепенно становились главными действующими лицами в истории домонгольского летописания.

В 1890 г. Маркевич так очерчивал эту историю: «Из различных летописных известий стали составляться летописные своды; своды эти рассматривались как нечто высшее в литературном отношении, и потому могли переписываться в начале каждой местной летописи, тем более что в самые ранние своды были внесены события, имевшие общерусское значение: ими начинается и общая и местная история Руси. Особенно таково значение древнейшего свода (или так называемой Повести временных лет, то же Летопись Нестора [...]), хоть и составленного в Киеве, но представляющего как бы общерусскую летопись до XII в., т. е. до того времени, когда начинается сильное развитие местной истории удельных княжеств. [...] Конечно, были и еще своды, оканчивающиеся позднее и в свою очередь переносимые в еще более поздние. Многие летописные известия из древних летописей в древние своды не попадали; но они объявляются вдруг в позднейших сводах и т. п.»¹⁸⁵. Здесь видим картину, довольно близкую к шахматовской: история летописания после ПВЛ предстает как цепочка сводов.

Таким образом, до конца XIX века «свод» окончательно отделяется от строевского «сборника» и фактически становится тем, чему противопоставлялся – оригинальным произведением домонгольских времен. Если для авторов первой половины XIX века «свод»/«сборник» и был списком, дошедшим до нас, то теперь «свод» оказывался произведением, которое дошло в разных списках и имело разные редакции¹⁸⁶. Главным же заданием исследователя было восстановить текст свода и его историю. А это уже почти шахматовское представление.

Но только Шахматов открыто и последовательно отошел от старой теории «сборников». Наиболее отчетливо он сформулировал свои новые взгляды в полемике с И. А. Тихомировым в 1898 году, в рецензии на его работу «Обзорение летописных сводов Руси северо-восточной». Тихомиров понимал «свод» как сборники различных лето-

¹⁸⁴ Сенигов И. П. О древнейшем летописном своде Великого Новгорода. – С. 71.

¹⁸⁵ Маркевич А. И. О летописях. – С. 60–61.

¹⁸⁶ Задумаемся, какое представление о сводах имел Пресняков, когда писал, что «трудность изучения московских летописных сводов и состоит в том, что изучать их приходится по многим спискам, представляющим результат постоянных переделок редакции свода, с дополнениями и сокращениями, в которых мудрено подметить какую-нибудь систему и мотивы, их вызвавшие», или «...свод» дошли до нас во множестве списков различных редакций». Пресняков А. Е. [Рец.] Летопись занятий Археографической комиссии. Выпуск десятый. СПб., 1895 // ЖМНП. Часть 307. №9. – СПб., 1896. – С. 153–154, 159.

писных записок, происхождение которых определялось по тематическому принципу (о какой местности повествуют, там и записаны).

Вместо этого Шахматов представил историю летописания как последовательность сводов, наслаивавшихся один на другой:

«...все, дошедшие до нас летописные своды предполагают существование других более древних сводов, лежащих в их основании. Поэтому исследование их должно приводить к определению (предположительному) этих основных сводов; дальнейшее исследование должно открывать, не происходят ли такие основные своды из сводов еще более древних и первоначальных. Первоначальный летописный свод, входя в состав другого позднейшего, мог обособляться сказаниями, а также известиями, заимствованными из других сводов, других памятников, или записанных на основании устного предания; сам он составлялся частью на основании каких-нибудь литературных произведений, частью же на основании устного предания, народных сказаний, рассказов современников»¹⁸⁷.

В разборе сочинения Тихомирова Шахматов выступал категорически против («решительно не соглашаюсь») разделения летописного материала на погодные записи и отдельные повести (сказания)¹⁸⁸. По мнению Шахматова, признание каждого завершеного сюжета отдельным сказанием или погодной записью приводило к субъективности выводов и невозможности реконструировать историю летописи (до момента составления дошедшего до нас сборника/свода). Вычленение в летописном материале «сказаний» и «погодных записей» оставляло в тени истинные источники сводов, а именно — более древние своды¹⁸⁹.

Если в ранних публикациях Шахматов полемизировал с коллегами по более локальным вопросам, то теперь острие критики направлялось на всю господствующую тогда систему представлений и методов: «г. Тихомиров не приходит к определению источников того или другого свода в виде других, более древних сводов; источниками оказываются не готовые уже памятники, объединившие разрозненные исторические данные, а сырой, не обработанный материал

¹⁸⁷ Там же. — С. 108.

¹⁸⁸ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». — С. 108–111.

¹⁸⁹ «Я говорю о тех более древних летописных сводах, где уже заключался весь тот материал, который старается расчлнить г. Тихомиров, т. е. как погодные записи, так и сказания [...] анализ должен привести к восстановлению нескольких летописных сводов, предшествовавших тому, который дошел до нас [...] и последовательно сменявших один другой». Там же. — С. 110.

в виде погодных записей, сказаний, исторических повестей и т. п. [...] Вместо того чтобы, на основании изучения позднейших сводов, приходиться к восстановлению памятников с ними однородных — более древних летописных сводов, г. Тихомиров извлекает из них указания на существование памятников неоднородных с ними: каких-то недошедших до нас местных летописей, погодных записей, перечней местных событий, отдельных исторических сказаний и т. п.»¹⁹⁰.

Шахматов по-другому понимал задачи исследователя. Он упрекал Тихомирова за то, что тот «не задается целью объяснить происхождение Лаврентьевского сборника, не пытается указать, какие рукописные источники послужили для составления этого свода, в каких именно памятниках сводчик находил, с одной стороны, ростовские, с другой владимирские и другие погодные записи, не старается, наконец, выяснить, предшествовал ли исследуемому своду XIV века другой более древний свод, обнимавший, напр., события только до начала или до середины XIII века, подобно тому, как в основании его лежит свод, составленный в начале XII века — *Повесть временных лет*»¹⁹¹.

«Я думаю, что в распоряжении позднейших сводчиков находились не погодные записи, составленные в различных городах и областях, а летописные своды, отражавшие в большинстве случаев свое местное [...] происхождение. Поэтому изучение позднейших сводов приводит к определению и восстановлению сводов древнейших; анализ древнейших сводов и даже Повести временных лет указывает, как на источники их, еще более древние летописные своды»¹⁹² — почти дословно повторяемая на каждой странице мысль звучит как закливание¹⁹³.

Тексты Тихомирова и Шахматова дают возможность четко выявить отличия между старым и новым пониманием летописного свода. Шахматовские «своды» уже не похожи на механически скомпилированные «сборники». Это относительно цельные авторские про-

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. — С. 105.

¹⁹² Там же. — С. 234.

¹⁹³ Уверенность в правильности своих взглядов приводила к курьезам. Шахматов «оправдывал» Тихомирова, вменяя ему свою же концепцию сводов (которая в тексте Тихомирова, впрочем, не отразилась): «не сомневаюсь, что автор убежден в том, что дошедшим до нас сводам предшествовали другие более древние, при чем эти более древние своды и должны быть признаны источниками позднейших...». Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова. — С. 233.

изведения, проникнутые единой идеологией, «дававшие широкий простор личному чувству автора, считавшего себя полным и безответственным [т.е. неподотчетным. — В. А.] хозяином накопленного им материала, предшествовавших летописных сводов, летописей, веденных другими лицами, сказаний, известных по другим памятникам»¹⁹⁴.

Полемика Шахматова с Тихомировым вскрыла важную проблему изучения летописания: как упорядочить хаотичный летописный материал. Для Шахматова «свод» стал тем, чем для его предшественников были «сказания» и «погодные записи» — первичной, и единственно эффективной, единицей упорядочивания материала¹⁹⁵.

Предыдущая концепция предполагала дихотомию «летописи» (анналов) и «сборника». У Шахматова же граница между анналистическим текстом и одновременно создаваемым историческим сочинением стиралась. В заготовках «Разысканий» 1903–1904 годов есть такие показательные слова: «как бы то ни было, мы имеем основание думать, что Софийский вл[адычный]. *свод начат* при Иоакиме Корсуняине» (курсив мой. — В. А.)¹⁹⁶. Это значит, что свод можно вести. То же самое понимание ученый демонстрирует и в позднейшей (после 1916 года) работе. Говоря об источнике уникальных сообщений Софийской Первой и Новгородской Четвертой летописей за XI век, он писал: «эту [...] летопись признаем владычным *сводом, ведшимся* в Новгороде, очевидно, с XI века» (курсив мой. — В. А.)¹⁹⁷. Даже немногие гипотетические летописи (в узком смысле слова), как, например, новгородская летопись первой половины XI в. или «летопись Вояты» XII в., Шахматов не представлял как постоянно ведущиеся анналы. Летопись якобы несколько раз пополнялась порциями ретроспективных записей. От свода ее отличало только то, что при внесении очередной серии предыдущие записи не редактировались¹⁹⁸.

Размытость понятия свода еще в 1901–1903 годах заметил Пресняков: «термины „летопись“ и „летописный свод“ употребляются Шах-

¹⁹⁴ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. — С. 108. Также см.: Платонов С. Ф. А. А. Шахматов как историк // ИОРЯС. Т. 25. 1920. — С. 139.

¹⁹⁵ Такая роль понятия отразилась, в частности, в неопубликованной работе «О владимирских летописных сводах до монгольского периода» конца 1890-х годов. Шахматов упорядочивает текстовый материал в «своды», тогда как другие ученые — в «рецензии» или «фамилии», которые дошли в списках. ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 297. — Л. 1 об. — 2 об.

¹⁹⁶ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 148. — Л. 37.

¹⁹⁷ Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 449.

¹⁹⁸ Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде. — С. 26–31.

матовым как синонимы, хотя иногда „летопись“ означает погодные записи. Отличие сводов, которые составлялись, и летописей, которые велись, остается не вполне отчетливым»¹⁹⁹.

Одну из точнейших характеристик концепции сводов Шахматова дал недавно Алан Тимберлейк: «Шахматов, вероятно, верил, что летописи формировались прежде всего благодаря механизму редакций – в ходе отдельных разновременных редактирований, в процессе которых сравнивались копии предыдущих летописей, вставлялись нелетописные материалы, включались недавние записи и тексту придавалось единое идеологическое звучание. Эти „редакторские эпизоды“ были более значимыми, чем органический процесс наращивания летописного материала. Целью исследований Шахматова было определить и локализовать во времени эти отдельные „эпизоды“ и их результаты – своды»²⁰⁰.

Аналогичную мысль высказал Г. М. Прохоров, указывая, что вся терминология Шахматова отражала очень специфический образ истории летописания. Она выглядела как ряд точечных событий и произведений (сводов), которые *составлялись* – в отличие от летописания, которое постоянно *велось*²⁰¹.

Поскольку главным видом русских исторических текстов были «сводь», древнейший «свод» представлялся Шахматову их «первоформой»²⁰². Пусть он и не имел погодной сетки, это не мешало ученому называть его «летописным», ведь дальнейшее летописание якобы выросло из него. Первый свод должен был слагаться из атомарных первоисточников. «Анализ источников может привести к обнаружению сводов, предшествовавших ПВЛ; через них в состав ПВЛ мог войти разнообразный и разнородный материал, возводящийся к тем или другим первоисточникам», – писал исследователь²⁰³. «Первоисточниками» Шахматову представлялись многочисленные легенды, предания, отдельные письменные сочинения (повести и летописи в узком смысле)²⁰⁴.

¹⁹⁹ Чирков С. В. Работа А. Е. Преснякова по историографии русского летописания. – С. 431.

²⁰⁰ Timberlake A. Who wrote the Laurentian chronicle (1177–1203)? // Zeitschrift für Slavische Philologie. В. 59. Heft 2. – Heidelberg, 2000. – S. 239.

²⁰¹ Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое. М., СПб., 2014. – С. 248–249, 253.

²⁰² «...все наше летописание примыкает к той древней попытке составить летописный свод, которая имела место в Киеве предположительно еще при Ярославе». Шахматов А. А. Несторова летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. – С. 503.

²⁰³ Шахматов А. А. Несторова летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. – С. 520.

²⁰⁴ Там же. – С. 503, 518. Также см. раннюю статью: Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде. Исследования // ЧОИДР 1897 г. Кн. 3. – М., 1897. – С. 39–40. Автор

«Свод», согласно метафоре Шахматова, это «сложное тело, развившееся из других более древних, но уже сложных тел»²⁰⁵. История летописания была цепочкой «сложных тел», на концах которой располагались «простые тела»: с одной стороны – «неделимые, элементарные источники», с другой – простые списки сводов.

Рождение теории. Как именно и когда концепция сводов сложилась в голове Шахматова? В очерченной выше историографической ситуации ее появление было вполне логично, но неминуемо ли? В ранних статьях и заготовках²⁰⁶ Шахматов удовлетворялся инструментариумом Костомарова или Бестужева-Рюмина. Для решения своих задач исследователю хватало представления об отдельных сказаниях или летописях как источниках «свода»/«сборника». Ситуация резко изменилась с 1897 года.

Известная Шахматову литература предлагала достаточный ассортимент стереотипов, представлений и подходов для выработки новой теории. Но чтобы это свершилось, надобны три фактора: 1) «критическая масса» личного исследовательского опыта, 2) удобный повод задуматься над методологией, 3) интеллектуальный толчок и образец.

1) Сначала в поле зрения Шахматова находилось преимущественно раннее летописание. С конца 1890-х годов ученый уже активно работает над летописными памятниками разных периодов (в т. ч. поздним летописанием). Параллельно он приходит к выводу, что основным источником одного свода (ПВЛ) был другой свод (Начальный), а не ряд отдельных повестей или записок. Более того, Начальный свод последовательно входил в состав как минимум двух новгородских сводов; сам же он выявлялся путем сравнительного анализа нескольких дошедших сводов (новгородского и ПВЛ). Даже эта картина была достаточной для того, чтобы вывести из нее теорию «сводов» и правила их исследования.

2) Написание рецензии – всегда хороший повод задуматься над методами, выделить свою точку зрения на фоне взглядов других ученых, описать собственный исследовательский инструментарий и показать его эффективность. Написание рецензии на Тихомирова способствовало кристаллизации методологических замечаний Шахматова.

пишет: «я допускаю возможность, что Повесть вр. лет составлена на основании другого, более древнего свода, где уже был сгруппирован материал (или только часть его) из первоисточников». При этом в работах Шахматова их очертения размыты, «первоисточники» будто не поддаются определению «научными методами».

²⁰⁵ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова. – С. 236.

²⁰⁶ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 133. – Л. 1.

з) При этом исследователя вдохновлял пример Преснякова, который тремя годами ранее написал рецензию на эту же работу Тихомирова. Пресняков предвосхищал Шахматова и ставил вопрос о происхождении летописных сводов. В литературе уже отмечалось, что идею о том, что источниками сводов были другие своды и их изучение должно заключаться в сравнительном анализе списков, Шахматов мог позаимствовать у Преснякова (или под его влиянием окончательно утвердиться в этой мысли)²⁰⁷. С. В. Чирков настаивал на том, что выводы двух ученых получены независимо, и этим обосновывал закономерность появления концепций и методов Шахматова²⁰⁸. Однако он же обращал внимание на места, где Шахматов текстуально повторял Преснякова²⁰⁹.

Действительно, иногда Шахматов приводил цитаты с прямыми ссылками на предшественника²¹⁰. Но нередко он повторял Преснякова в «авторском» тексте: аналогично формулировал фразы, заимствовал обороты и, конечно, следовал за коллегой в идейном плане. Например, вполне «по-шахматовски» звучат слова Преснякова о «[Воскресенском] своде, явившемся результатом переделки предшествующих сводов...»²¹¹. Показательным будет и такое сближение:

Пресняков²¹²

составитель Воскресенского свода пользовался *материалом первоначальных летописных записок не в сыром виде, а в обработке его для другого летописного сборника.*

Шахматов²¹³

г. Тихомиров не приходит к определению источников того или другого свода в виде других, более древних сводов; источниками оказываются не готовые уже памятники, объединившие разрозненные исторические данные, а *сырой, не обработанный материал в виде погодных записей, сказаний, исторических повестей* и т. п.

²⁰⁷ Чирков С. В. А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков (по материалам архива А. Е. Преснякова) // Исторические записки. Т. 88. — М., 1971. — С. 386–388; Кистерев С. Н. Вехи в историографии русского летописеведения. — С. 9–10; Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей. — С. 231–238.

²⁰⁸ Чирков С. В. А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков. — С. 388.

²⁰⁹ Там же. — С. 386.

²¹⁰ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. — С. 120, 137.

²¹¹ Пресняков А. Е. [Рец.] Летопись занятий Археографической комиссии. Выпуск десятый. СПб., 1895 // ЖМНП. Часть 307. № 9. — СПб., 1896. — С. 159.

²¹² Там же. — С. 156.

²¹³ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова. — С. 110.

Мысль, высказанная Пресняковым о московских летописях XVI века, в руках Шахматова превращалась в концепцию, которая охватывала все летописание. Пригодилась и гипотеза о Начальном своде: если и в XI–XII веках, и в XVI веке источником определенного свода оказывается другой свод, то это уже система, закономерность.

Приведенные размышления дают возможность точнее датировать оформление «теории сводов». Это должно было случиться не раньше появления гипотезы Начального свода и прочтения рецензии Преснякова, то есть не раньше 1897 года, но не позже 1899-го, когда вышла шахматовская критика Тихомирова, зафиксировавшая уже сформированный образ мышления.

1.4. Дело техники. Шахматов и критика текста

Здесь я уделю внимание технической стороне летописных студий Шахматова. Это обширная и сложная тема, которой я коснусь лишь в нескольких «диагностических точках»: 1) отношение шахматовской критики текста к стемматическому методу; 2) проблема выявления вставок и использование конъектур; 3) понятие «восстановления текста».

Шахматов против Лахмана. Суть развития критики текста как дисциплины заключалась в выработке наилучших методов реконструкции оригинального текста²¹⁴. Ее двигателем выступала библейская и классическая критика. В исследованиях средневековых исторических текстов ученые лишь использовали ее достижения, адаптируя их к своему материалу, зачастую в упрощенном и обобщенном виде²¹⁵.

Изобретением современной критики текста (по сравнению с ренессансной) стало *recensio* – процедура упорядочивания и отбора списков, а также критического сравнения вариантов для дальнейшей реконструкции оригинального текста²¹⁶. На протяжении XVII – первой

²¹⁴ Porter J. S. Principles of Textual Criticism with their application to the Old and New Testament. – London, 1848. – P. 4; Souter A. The text and canon of the New Testament. – New York, 1913. – P. 3; Maas Paul. Textkritik. – Leipzig, 1950. – S. 5.

²¹⁵ Hoffmann H. Die Edition in den Anfängen der Monumenta Germaniae Historica. – S. 199–200, 208.

²¹⁶ Аналогичные процессы – становление метода получения нового знания из многочисленных свидетельств путем их критического сравнения и выяснения их взаимной зависимости и происхождения – имели место во всех гуманитарных дисциплинах того времени: библейской критике, классической филологии, сравнительной лингвистике и истории. Краткий очерк см.: Tucker A. Historiographic ancients and moderns: the difference between

половины XIX века происходило постепенное усовершенствование *recensio*. Сначала при сравнении отдельных чтений полагались на вкус и ощущение стиля; отдавали предпочтение чтению, которое находилось в старейшем списке или поддерживалось большинством списков. Позднее списки стали упорядочивать в группы («семьи»), выделять общий текст группы и сравнивать не столько отдельные списки, сколько общие тексты групп. Кроме того, на протяжении XVIII века были выработаны основы генеалогического подхода к классификации списков и оценке вариантов чтений²¹⁷. Это позволяло определять поздние и вторичные списки и облегчить выбор вариантов.

Несмотря на указанные достижения критики текста, начало XIX века ознаменовалось поворотом к более субъективным принципам отбора чтений (вкус и стиль) и издания текстов (конъектуры)²¹⁸. На этом фоне реваншем объективизма стал стемматический метод, популяризированный Карлом Лахманом в 1830–1850-х годах²¹⁹. Лахман предлагал определять зависимость списков по общим ошибкам, с тем, чтобы выстроить историю рукописной традиции. Затем можно было осуществить отбор оригинальных чтений, не прибегая к субъективной оценке вариантов по содержанию, а исходя из генеалогии списков.

Самым узнаваемым символом предложенного метода, давшем ему имя, стала стемма – графическая схема генеалогии списков памятника. Примечательно, что сам Лахман стемм не создавал, как не был в сущности изобретателем метода (лишь ярчайшим для своего времени его пропагандистом)²²⁰. Как указывал Себастьяно Тимпанаро, Лахман фактически возродил и упорядочил забытые достижения XVIII века²²¹. На этой же почве, вероятно, выросла и сравнительная лингвистика, основоположники которой (в частности, Август Шлейхер) находились под влиянием критики текста²²². Лахмановское требование «чисто критических» изданий и демонстрации трансмиссии текстов без первостепенного внимания к содержанию отвечала

Thucydides and Ranke // Alexandra Lianeri (Ed.). *Knowing future time in and through Greek historiography*. Berlin, 2016. P. 333–355.

²¹⁷ Timpanaro S. *The genesis of Lachmann's method*. – Chicago, 2005. – P. 69–74; Dymmel P. *Stemma codicum – tradycja i nowoczesność* // *Discernere vera ac falsa*. – Lublin, 1992. – S. 57–58.

²¹⁸ Timpanaro S. *The genesis of Lachmann's method*. – P. 76.

²¹⁹ Dymmel P. *Stemma codicum – tradycja i nowoczesność*. – S. 58.

²²⁰ Driscoll M. J. *The words on the page: Thoughts on philology, old and new*. P. 88–89.

²²¹ Timpanaro S. *The genesis of Lachmann's method*. – P. 76, 90.

²²² Таким образом, не сравнительное языкознание породило стемматику, а скорее наоборот. Timpanaro S. *The genesis of Lachmann's method*. – P. 121–122.

тому же позитивистскому настроению, что и стремление Леопольда фон Ранке описывать факты без их оценки.

Заметно, что общая тенденция заключалась во все большей «механизации» метода, борьбе за наименее субъективные критерии отбора оригинальных чтений. Впрочем, дисциплина развивалась нелинейно: каждый новый шаг к объективизму вызывал справедливую критику, приводившую к отходу на субъективистские позиции.

Знал ли и использовал ли Шахматов стемматический метод?

Шахматов не строил классических стемм. В «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» (1908) перед реконструированными текстами древнейших сводов помещена схема сводов: от гипотетических памятников (начиная с «Древнейшего свода» первой половины XI века) до сохранившихся списков летописей XV – начала XVI века²²³. В «Обзрении русских летописных сводов XIV–XVI веков» приведено тринадцать аналогичных схем для разных памятников²²⁴. Подобные «чертежи» сохранились и в черновиках ученого²²⁵.

Но они только внешне напоминают стеммы²²⁶. Обозначения реально сохранившихся и гипотетических памятников не отличаются друг от друга. Шахматовские схемы изображают не столько филиацию списков, сколько соотношения предполагаемых, не существующих ныне, произведений²²⁷. Если стемма должна была служить инструментом реконструкции оригинального текста, то эти схемы иллюстрировали уже результат исследования – историю произведений и их взаимосвязь.

Аналогичные источниковедческие схемы (или «реальные схемы», «l'arbre réel»²²⁸) известны в западной литературе, в частности, посвященной анналистике²²⁹. При этом некоторые авторы (как, например,

²²³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – С. 536.

²²⁴ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. – М.-Л., 1938. – С. 21, 55, 141, 160, 172, 175, 181, 187, 206, 215, 230, 254, 282.

²²⁵ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 146. «Источники Начального свода». [после 1906 г.] – Л. 26.

²²⁶ Среди исследователей распространено расширительное понятие стеммы просто как графического выражения постулируемого соотношения текстов. Но при этом теряется связь стеммы с конкретным методом, и понятие размывается.

²²⁷ У ряда немецких издателей исторических источников встречалась «подразумеваемая» или «словесная стемма». Имеется в виду описание соотношения списков по стемматическому принципу, при котором стемма оставалась «в уме» и не отображалась в графической форме, но при желании могла быть легко выведена из такого описания. Hoffmann H. Die Edition in den Anfängen der Monumenta Germaniae Historica. – S. 225–227. Однако в текстах Шахматова найти и такие «подразумеваемые стеммы» проблематично.

²²⁸ Timpanaro S. Die Entstehung der Lachmannschen Methode. – Hamburg, 1971. – S. 121–123.

²²⁹ Wojciechowski T. O rocznikach polskich. – S. 222; Kurze F. Über die karolingischen Reichsannalen von 741–829 und ihre Überarbeitung. 2 Teil // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde, 20, 1895. – S. 18.

Тадеуш Войчеховский) отдельно выделяли на схеме реальные тексты и их гипотетические источники. Важно, что такую «реальную схему» отличали от стеммы – «дерева списков» (Stammbaum), а один и тот же автор мог употреблять в разных случаях схемы обоих видов. Это только делало более наглядным принципиальную разницу между технической схемой зависимости рукописей (стеммой) и исторической схемой предполагаемой генеалогии источников.

В неопубликованном исследовании 1900-х годов о «Начальном летописном своде» Шахматов писал: «на основании всех дошедших до нас летописных списков должен быть определен ход и постепенное развитие всего нашего летописного дела; взаимное отношение списков должно быть представлено в виде непрерывной генеалогической цепи; главные звенья цепи (редакций) должны быть восстановлены и исследованы со стороны задач, поставленных себе редактором, и средств, находившихся в его распоряжении»²³⁰.

Использование Шахматовым метафоры генеалогического дерева само по себе не свидетельствует о близости к стемматизму. Не только критика текста, но и сравнительное языкознание (а также естественные науки) в XIX веке начало мыслить свой предмет генеалогически. Предлагая смотреть на «ход летописания» как на дерево, Шахматов брал в пример не «критику текста», не стемматику, а, вероятнее всего, лингвистику. Стоит заметить, что языкознание не знало чего-либо подобного разграничению «архетипа» и «оригинала»²³¹ – такого не наблюдается и в работах Шахматова по летописанию. Примечательно, что он, как и другие летописеведы (по крайней мере, до Бугославского) – не употреблял характерного для стемматизма термина «архетип», только «протограф»²³².

Распространенной благодаря Лахману практикой было буквенное обозначение элементов генеалогических деревьев в сочетании с математическими способами описания родства списков²³³. Нечто подобное встречается и у Шахматова. Например, в архиве ученого сохранилась «формула» Лаврентьевского списка, которая выводилась из предварительного «расчета» зависимости владимирских и новгородских сводов: «Лавр. список [...] (Н). Н = А+а (из Соф. вр.) + с (из Соф. вр.) / d (из Е) / h (из Соф. вр.) + h (часть до 1305 из Сузд лет)»²³⁴.

²³⁰ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 145. – Л. 112.

²³¹ Timpanaro S. Die Entstehung der Lachmannschen Methode. – S. 73.

²³² Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей. – С. 195.

²³³ Timpanaro S. The genesis of Lachmann's method. – P. 140.

²³⁴ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 336. – Л. 73.

Мы не знаем наверняка, откуда Шахматов заимствовал математическую форму описи и графические схемы родства текстов. Но в первую очередь нужно подозревать влияние лингвистики. Еще гимназистом, занимаясь историей звуков, он доказывал свои идеи «алгеброй» и записывал их в виде математических уравнений (например, $a = i + \dot{i}$)²³⁵.

Задача Лахмана и его коллег заключалась в том, чтобы максимально удалить субъективные критерии отбора вариантов чтений при *recensio*. Это означало по формальным признакам построить генеалогию списков, что позволяло отделить явно вторичные списки и выделить общий текст старших списков. Этим путем можно было подойти к реконструкции архетипа – ближайшего «предка» всех списков произведения. Количество вариантов сводилось к минимуму, а выбор между ними должен был проходить, по возможности, механически, без оценки содержания. Таким образом, в рамках стемматического метода результат реконструкции зависел от общей схемы родства списков, устанавливаемой через формальные процедуры.

Позиция Шахматова принципиально отличалась тем, что родство списков он ставил в зависимость от схемы истории оригинальных, то есть гипотетических, летописей. Для него «обнаруженные генетические связи сложной истории возникновения и редактирования летописных сводов служили ключом к определению взаимоотношения издаваемых списков летописи»²³⁶, а не наоборот, если бы зависимость списков служила ключом к истории летописей. Уменьшать количество вариантов он не стремился, а выбор чтений строил зачастую на оценке содержания.

Итак, явных признаков знакомства Шахматова со стемматическим методом не заметно. Ни он, ни другие летописеведы до начала XX века не ссылались на западные работы по критике текста и напрямую к названному методу не обращались²³⁷.

Но насколько эффективной была стемматика в приложении к летописям и типологически близким произведениям? Несмотря на то, что в европейских исследованиях средневековой историографии стемматический метод (или его «смягченные» варианты) приобрел популярность, его применение сталкивалось с определен-

²³⁵ Масальская Е. А. Воспоминания о моем брате А. А. Шахматове. – С. 198.

²³⁶ Чирков С. В. Вопросы публикации летописей Археографической комиссией в начале XX в. // АЕ за 1974 г. – М., 1975. – С. 34.

²³⁷ Это не исключает, конечно, опосредованного влияния, при котором элементы стемматизма могли перениматься отдельно, а не «в пакете» со всем методом.

ными трудностями. Например, во второй половине XIX века было сделано несколько попыток построения стеммы «Франкских Королевских анналов», самая известная из которых принадлежит Курце²³⁸. Можно думать, что образцом для него стало исследование «Хроники Фредегара» Бруно Крушем, которому удалось построить стемму ее списков²³⁹.

Но если Круш создавал стемму для одномоментно написанного произведения, то Курце имел дело с продолжаемыми текстами, целостность которых была лишь воображаемой. Списки анналов имели разную протяженность, а значит, различные отрезки имели свой набор «свидетелей текста». Для каждого из них приходилось строить особенную генеалогию. Вследствие этого вместо «дерева списков» возникала схема истории создания памятника как такового²⁴⁰. Отличия между рукописями, обрывы не давали возможности непротиворечиво объединить их в группы. Поэтому Курце классифицировал их в соответствии с гипотетическими эпизодами формирования текста «Анналов»²⁴¹.

Рукописная традиция «Королевских анналов» оказывалась контаминированной, что препятствовало построению ясной стеммы и реконструкцию оригинальных чтений на ее основании²⁴². Курце искал выход в том, что выбирал из многих те чтения, которые встречались в двух или более рукописях, то есть использовал достемматические методы. Все это делало его реконструкции очень уязвимыми²⁴³.

²³⁸ Annales Regni Francorum inde ab A. 741 usque ad A. 829. Qui dicuntur Annales Laurissenses majores et Einhardi. Post editionem G. H. Pertzii recognovit Fredericus Kurze. — Hannoverae, 1895. — S. VIII; Kurze F. Über die karolingischen Reichsannalen von 741–829 und ihre Überarbeitung. 1 Teil // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde, 19, 1893. — S. 330–333; Kurze F. Über die karolingischen Reichsannalen von 741–829 und ihre Überarbeitung. 3 Teil // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde, 21, 1896. — S. 79.

²³⁹ Krusch Br. Die Chronicae des sogenannten Fredegar // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde, 7, 1882. — S. 249–351, 423–516.

²⁴⁰ Wibel H. Beiträge zur Kritik der Annales Regni Francorum und Annales q. d. Einhardi. — S. 11.

²⁴¹ Это было свойственно и другим исследователям средневековых исторических текстов, которые пытались следовать стемматическому методу. Sybel H. Die karolingischen Annalen // Historische Zeitschrift. Bd. 42. H.3. — Oldenburg, 1879. — S. 267; Hoffmann H. Die Edition in den Anfängen der Monumenta Germaniae Historica. — S. 220–225.

²⁴² Wibel H. Beiträge zur Kritik der Annales Regni Francorum und Annales q. d. Einhardi. — S. 46–47, 70.

²⁴³ Там же. — S. 11, 17. Не имели большого успеха и попытки применить стемматический метод к польским рочникам. Владислав Семкович подытоживал: «все генеалогии рочников покояты обычно на довольно шатких основаниях». Semkowicz W. Rocznik t. zw. Świętokrzyski dawny // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. Seria II. Tom XXVIII. — W Krakowie, 1910. — S. 277.

Со второй половины XIX века разгорелись споры по поводу объективности стемматизма²⁴⁴. В результате определились полярные позиции²⁴⁵ и связанные с ними два метода: построение генеалогии списков (external evidence) и сравнение чтений (internal evidence)²⁴⁶. Первый метод заключался в построении стеммы, второй полагался на уровень подготовки и филологический такт издателя, который выбирал «лучшее» чтение на свое усмотрение²⁴⁷.

Самый известный оппонент «метода Лахмана», Жозеф Бедье, выступил с жесткой критикой, поставив под сомнение соответствие стемм реальности. Большинство стемм, по его подсчетам, оказывались «двурогими»²⁴⁸, т. е. сводили все списки к двум изначальным копиям. Однако в действительности создание только двух копий с оригинала выглядело маловероятным. «Двурогость», по логике Бедье, была скорее связана со склонностью исследователей к укрупнению групп рукописей²⁴⁹, а также следствием нечувствительности к контаминации²⁵⁰. Стемматизм обвинили в неисторичности и искусственности. В итоге длительных дискуссий была признана действенность этого метода только для локальных и узких групп рукописей²⁵¹ и его непригодность в случаях контаминированных традиций²⁵².

Кроме внутренних недостатков метода, его внедрение сталкивалось с «сопротивлением материала». Сам Лахман исследовал «профаные» тексты иначе, нежели библейские или античную классику. Для реконструкции последних он старался свести число списков к минимуму. В работе с первыми, напротив, привлекал как можно больше списков, считая, что даже молодые и неисправные списки могли донести отдельные оригинальные чтения²⁵³.

Бедье и его единомышленники прямо писали о невозможности применения стемматики к средневековым источникам, в т. ч. ко хро-

²⁴⁴ Timpanaro S. Die Entstehung der Lachmannschen Methode. — S. 65–67.

²⁴⁵ Colwell E. C. Genealogical method: its achievements and its limitations // Journal of Biblical literature. Vol. 66. No. 2, 1947. — P. 124–128.

²⁴⁶ Там же. — P. 126–131.

²⁴⁷ Colwell E. C. Studies in methodology in textual criticism of the New Testament. — Leiden, 1969. — P. 154.

²⁴⁸ Timpanaro S. Die Entstehung der Lachmannschen Methode. — S. 115–116.

²⁴⁹ Причем допускалась логическая ошибка: все, что не тождественно *a*, есть *b* (вместо корректного не-*a*). Timpanaro S. Die Entstehung der Lachmannschen Methode. — P. 117, 141–142.

²⁵⁰ Timpanaro S. Die Entstehung der Lachmannschen Methode. — S. 135–137.

²⁵¹ Colwell E. C. Genealogical method: its achievements and its limitations. — P. 131–132.

²⁵² Timpanaro S. Die Entstehung der Lachmannschen Methode. — Hamburg, 1971. — S. 80; Maas Paul. Textkritik. — S. 30–31.

²⁵³ Timpanaro S. Die Entstehung der Lachmannschen Methode. — S. 32–33.

никам и анналам — продолжаемым/изменяемым текстам²⁵⁴. Здесь ведь ученые имели дело не просто с открытой, не контролируемой, текстуальной традицией, но и с сознательным искажением текста²⁵⁵. Если классические филологи работали с текстами, в которых отличались лишь отдельные фрагменты (на фоне основного общего текста), то исследователи анналов и летописей разбирали тексты, где только фрагменты и могли быть общими. Более того, нужно было установить само существование тех или иных исторических сочинений.

Объективные причины неупорядоченности летописеведческой методологии в свое время выразительно очертил Пресняков: «...своды дошли до нас во множестве списков различных редакций. Определить состав, происхождение и взаимное отношение разных изводов — задача далеко не легкая. Приходится изучать отдельно каждый список, руководствуясь высказанной еще Каченовским мыслью, что „всякая рукопись тех веков есть особенная книга, единственная в своем роде“, затем сравнивать различные списки, классифицировать их по редакциям. Такая предварительная работа должна дать ответ на вопрос, имеем ли мы в летописном материале [...] дело с одним литературным произведением, в различных списках которого запечатлелись разные стадии редакционной работы, или же с несколькими более или менее самостоятельными литературными предприятиями»²⁵⁶.

О той же проблеме писали и исследователи европейских анналов: не существовало надежного критерия разграничения между редакциями одного анналистического произведения и несколькими родственными, но разными произведениями²⁵⁷. Кроме того, результат исследования зависел не только от недостатков метода и особенностей материала, но и от манеры исполнения. Критика текста достигала твердых результатов только в определенных рамках, налагая ограничения на смелые реконструктивистские проекты.

Несмотря на разочарование во всесии стемматики и шатания между «субъективизмом» и «объективизмом», критика текста к концу XIX века накопила значительный методический арсенал, дисциплини-

²⁵⁴ Там же. — С. 24–25, 79–80; Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. — С. 28–29; Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей. — С. 158.

²⁵⁵ Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. — С. 29–33.

²⁵⁶ Пресняков А. Е. Летопись занятий Археографической комиссии. Выпуск десятый. СПб., 1895 // ЖМНП. Часть 307. №9. — СПб., 1896. — С. 153–154, 155–156.

²⁵⁷ Smolka S. «Die polnische Geschichtsschreibung des Mittelalter [rec]» (Obitka z «Przewodnika naukowego i literackiego» г. 1873, Zeszyt 4). — Lwów, 1873. — С. 7; Kętrzyński W. O roczniku małopolskim. Przyczynek do annalistyki polskiej w XIII i XIV wieku // Roczniki Towarzystwa przyjaciół nauki. Wydział filologiczny i historyczno-filozoficzny. — Poznań, 1878. — С. 204.

ровавший исследователя и оберегавший от «изобретения велосипеда» и досадных заблуждений²⁵⁸. Опыт, приобретенный дисциплиной, хорошо отразили максимы Брука Фоса Весткота и Фентона Хорта: «знание о документах (списках) должно предварять суждение о чтениях» и «достоверное восстановление испорченных текстов должно базироваться на изучении их истории»²⁵⁹. Несмотря на ограничения «метода Лахмана», его строгие принципы могли быть распространены на разные виды источников.

Но именно строгости и методической дисциплины Шахматову не хватало. Он, как и его предшественники, использовал исключительно логическую, содержательную, оценку в отборе чтений. По сравнению со стемматикой порядок исследования был обратным: сперва отбор чтений, а дальше – построение схемы. Таким образом, схема филиации списков была здесь не методом, а целью.

Российские исследователи от Шлецера до Шахматова, работавшие над реконструкциями текстов, полагались на статистическое превосходство определенных чтений в списках, на возраст и «надежность» рукописей, на логичность чтений в соответствующих контекстах, т. е. на внутренние или количественные критерии²⁶⁰. Все эти методики были доступны уже Шлецеру, поскольку являлись достижениями европейской критики текста XVIII века. Летописеведение больше ста лет развивало тот потенциал, который был заложен в достемматический период. Если Курце в своих студиях над анналами пытался, пусть и неудачно, применять стемматику, то Шахматов, судя по всему, таких попыток не делал.

Впрочем, нельзя не признать, что в российской науке более «продвинутой» критика текста (четкое разделение списков на редакции, анализ общих ошибок, установление ближайшей к оригиналу редакции и т. п.) применялась в исследованиях нелетописных (библейских, хронографических, апокрифических, житийных) текстов. Некоторые из них издавались параллельно с шахматовскими «реконструкциями»²⁶¹. Конечно, Шахматов их знал, неоднократно

²⁵⁸ Так, например, «теория ошибок» могла обезопасить от излишнего доверия к уникальным чтениям. Souter A. The text and canon of the New Testament. – P. 112–115.

²⁵⁹ Souter A. The text and canon of the New Testament. – P. 118; Colwell E. C. Studies in methodology in textual criticism of the New Testament. – P. 156.

Здесь речь шла об «истории» списков, выведенной из формального анализа чтений, а не из толкования содержания текстов.

²⁶⁰ Ср. наблюдения С. А. Бугославского: Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 1: Повесть временных лет [Сост. Ю. А. Артамонов]. – М., 2006. – С. 24–25.

²⁶¹ Истрин В. М. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. – М., 1893; Сперанский М. Н. Славянские апокрифические евангелия (общий обзор). – М., 1895; Евсеев

но на них ссылался (как, скажем, на работы В. М. Истрина)²⁶² и, как вытекает из сохранившихся материалов²⁶³, охотно и уверенно их рецензировал. Но на исследования летописей это не оказывало заметного влияния.

Симптоматичны примеры ученых, занимавшихся и летописями, и нелетописными текстами (те же Истрин и Шахматов). Создается впечатление, что на поле летописной критики они работали по одним «правилам игры», а на поле нелетописной – по другим. Однако можно подозревать, что элементы «западной» критики текста Шахматов и его коллеги получали через «вторые руки», в частности, через обильную славяноведческую литературу, посвященную кириллическим памятникам. Они перенимали практику критики одного типа текстов, тогда как другой тип (летописи) исследовали своими методами, традиционно закрепленными за ним в местной традиции.

Вставки и конъектуры. Ключевой, как считается, прием Шахматова – определение вставок – к началу XX века был вполне стандартным в дисциплине. Уже на заре изучения летописей Шлецер призывал освободить «Нестора» от вставок²⁶⁴. Для него «очистка Нестора» была исключительно вопросом сравнения списков ПВЛ, восстановление оригинала которой было бы счастливым финалом исследования.

Но сто лет спустя Шахматов смотрел уже на саму ПВЛ как на комплекс вставок в более древние тексты. Мнение о сложном характере ПВЛ, которое воспринял и Шахматов, утвердилось на протяжении XIX века. Этому сопутствовал методологический вывод о возможности определить вставки в ПВЛ по чисто внутренним критериям – разного рода противоречиям между фрагментами. Метод сравнения списков не работал; текстов, более архаичных, чем ПВЛ, ученые не знали. Казалось бы, такой текст нашел Шахматов – это была НПЛмл. Однако далеко не все вставки можно было определить на основе сравнения ПВЛ с новгородской летописью. Эта рабо-

И. Книга пророка Исайи в древнеславянском переводе. – СПб., 1897; Михайлов А. В. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Часть 1. Паримейный текст. – Варшава, 1912.

²⁶² Шахматов А. А. Древнеболгарская энциклопедия X века // Византийский временник. Т. VII. Вып. 1–2. Отдел I. – СПб., 1900. – С. 1–4.

²⁶³ Например, отзыв на работу А. В. Михайлова, хранящийся в архиве Шахматова. Отзыв о труде А. В. Михайлова: «Опыт изучения текста Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе.» Том 1. Варшава 1912. Возражения на диспуте. ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 269. – Л. 1–4.

²⁶⁴ Шлецер А. Л. Нестор. – С. 414–415.

та опиралась на старое понятие о вставках и опыт, накопленный исследователями, практиковавшими внутреннюю критику текста ПВЛ.

Одну из первых попыток выделить вставки в Начальной летописи предпринял Погодин. Он целенаправленно искал противоречия в ее тексте и объяснял их вставками. Впрочем, в отличие от Шлецера он не возлагал ответственность на поздних переписчиков: «сам Нестор вставлял»²⁶⁵.

Едва ли не первым в исследовании летописания целостную «инструкцию» по выделению вставок дал И. И. Срезневский. По его мнению, вставками следовало считать всю «учённость»: выписки из византийских хроник и других исторических книг, акты, цитаты из Святого Письма, а также «соображения хронологические, этнографические и географические». После мысленного изымания «учёности» должны были остаться «1. собственно летописные показания, и 2. предания». Вторые представляли собой чистый нарратив («рассказ»), а первые – чистые анналы, фактографические заметки²⁶⁶.

Вместе с тем, ученый признавал, что предания часто записывались в форме коротких заметок, а летописные сообщения – в форме рассказов, особенно если вносились не современником. Разделить современные и ретроспективные сообщения, по мнению Срезневского, можно было только «чутьем», а не научной критикой.

Аналогично подходил к вставкам Бестужев-Рюмин²⁶⁷. По словам А. И. Маркевича, «Бестужев-Рюмин склонен чуть ли не всякую запись принимать за вставку [...] пытается определить вставку, записи или сказания все равно, по иным приметам: иногда заметна сшивка, напр. видно противоречие предыдущим известиям, дурно согласенное, или совсем не тронутое; иногда известные выражения или даже слог не соответствуют тому месту, где стоит известие. Есть и внутренние признаки [...] напр., по сочувствию летописца к тому или другому лицу, иногда, будто бы, можно определить место, где сделана запись и т. п.; [...] На практике Бестужеву-Рюмину служат указанием на сшивку отдельные даты в конце рассказа, употребление глагола в прошедшем времени, когда речь идет о живом человеке, выражения: якоже рекохомъ, а мы на прежнее возвратимся и пр.»²⁶⁸.

²⁶⁵ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Том. 1. – Москва, 1846. – С. 91.

²⁶⁶ Срезневский И. И. Памятники X-го века до Владимира Святого // ИОРЯС. Т. 3. – СПб., 1854. – С. 21.

²⁶⁷ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. – СПб., 1868. – С. III.

²⁶⁸ Маркевич А. И. О летописях. – С. 124–125.

Технику работы летописеведов со вставками иллюстрирует книга Н. Н. Яниша. На примере сравнения описаний битвы под Любечем 1016 года в ПВЛ и списках НПЛ ученый раскрывал метод работы книжника-редактора: тот сшивал отдельные предложения, взятые из разных источников, формировал рассказ на уровне мельчайших единиц текста. Соответственно, от исследователя ожидали обратной работы: препарировать летописный текст на предложения и словосочетания²⁶⁹.

На описанном выше опыте основывались представления и действия Шахматова. Учитывая это, становится понятной легкость, с которой он определял вставки в ПВЛ, сравнивая ее с НПЛмл — намного более коротким в начальной части и в целом более «бедным» текстом. Летопись, где мало хронографических вставок, нет «актов» (византийско-русских договоров), хронологических, этнографических и географических экскурсов, в свете «инструкций» Срезневского несомненно должна быть более ранней, чем ПВЛ. В то же время Шахматов не мог допустить мысли о сокращении ПВЛ в НПЛмл, поскольку последняя содержала уникальные сообщения, отдельные якобы первоначальные чтения, композицию и хронологию²⁷⁰. Возможность того, что новгородский книжник сконструировал целиком другую историю, пусть и с использованием материала ПВЛ, ученый не рассматривал. Это выглядело странно на фоне господствующего во второй половине XIX века представления об оригинальности уникальных известий поздних летописей.

Анализируя «метод Шахматова», Лихачев отличал шахматовские «наблюдения» от «построений» — факты от интерпретаций. Он считал, что даже если можно найти альтернативу построениям исследователя, оппоненты вынуждены исходить из его наблюдений — наиболее объективной стороны шахматовских исследований²⁷¹. Однако заметно, что многие «факты» возникали только в рамках построений, а глаз исследователя через призму определенной гипотезы «наблюдал» то, что без нее не было бы видным. Это касается и наиболее «острых», по мнению Лихачева, наблюдений Шахматова над вставками. Приведу два примера.

В статье ПВЛ 971 года, в рассказе о войне Святослава на Дунае, читается договор с греками. Шахматов считал этот документ вставкой в первичный текст на том основании, что первая после дого-

²⁶⁹ Яниш Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. — С. 64.

²⁷⁰ Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // ИОРЯС. Т. 9. Кн. 4. — СПб., 1904. — С. 305–306.

²⁷¹ Лихачев Д. С. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. — С. 421–422.

вора фраза выглядит логическим продолжением последней фразы перед договором: «пойду в Русь приведу боле дружины [...] поиде в лодьяхъ къ порогомъ»²⁷². Наблюдение, строго говоря, заключалось только в том, что нарратив продолжен после текста договора. Утверждение о вставке в первичный сплошной нарратив является уже «построением», интерпретацией, и притом не единственно возможной.

Другим примером могут быть два фрагмента статьи ПВЛ 1096 года, зависимые от «Откровения» Мефодия Патарского. Анализируя их, Шахматов задавался вопросом: «внесены ли оба отрывка в летопись одним лицом или двумя разными лицами?». И отвечал: «закключаю, что двумя разными лицами; но те соображения основывались не на внутреннем соотношении между собою обоих отрывков, а на том, что второй отрывок внесен редактором, работавшим в 1118 г., между тем как основной текст «Повести временных лет» составлен в 1110»²⁷³. Конечно, Шахматов находил несогласованности в текстах обоих отрывков. Но не их внутренние особенности сами по себе делали возможным установление разного авторства фрагментов, а общее представление об этапах формирования ПВЛ. Иными словами, Шахматов заранее знал, о чем должна свидетельствовать несогласованность текста.

В целом не отрицая, что Шахматов действительно делал наблюдения над фактами текста, надо отметить, что во многих случаях статус фрагмента определялся не его анализом, а наперед заданным «знанием» об истории памятника. Иными словами, наблюдение не существовало без построения.

Подводя итог своим скептическим размышлениям о возможностях строгого определения вставок, Маркевич в 1880 году писал: «ученые вовсе не разрешили вопроса, что считать позднейшею вставкою в летопись и что относить к ее составу»²⁷⁴. Для Шахматова этот «вопрос» не стоял. С самого начала работы с летописями «вставки» для него были не методологической проблемой, а текстуальными фактами, методики же их выделения – надежным инструментом. Более того, его смелость в определении вставок относилась скорее к методологическому консерватизму и отвечала настроениям летописеведов предыдущего поколения.

Восстановление состава и самого текста гипотетических летописей было для Шахматова одновременно открытием и смысла этих

²⁷² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – С. 4.

²⁷³ Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники. – С. 103.

²⁷⁴ Маркевич А. И. О летописях. – С. 126.

произведений, и логики их авторов. При этом, по словам В. В. Виноградова, «оценивалось соответствие всех композиционных частей памятника тому идейному замыслу, той тенденции, которая руководила автором [...] идейный замысел его [т. е. произведения. — В. А.] творца продумывался А. А. [Шахматовым. — В. А.] до конца, и все, что воспринималось как некоторое логическое его нарушение [...] он считал литературной вставкой или результатом разнообразных переделок, наблюдая за их направлением и причинами»²⁷⁵.

Шахматов не искал специфически «их» (летописцев), отличную от нашей, логику, а руководствовался идеей внеисторического «здорового смысла». Из-за этого все, что казалось логичным ученому, должно было быть логичным для древнего книжника (и наоборот). Сопоставляя шахматовскую позицию с философской модой его времени, некоторые исследователи приходили к выводу, что методология Шахматова была созвучной разрабатываемым тогда идеям понимания «иногo сознания», отвечала философским трендам «позитивизма», а также имела общие черты с теорией «идеальных типов» Макса Вебера²⁷⁶. Следует обратить внимание и на общую тенденцию, распространившуюся в критике текста под влиянием языкознания с 1860-х годов: объяснять текстуальные изменения не механическими ошибками, а сознательными правками²⁷⁷.

Картину дополнит взгляд на Шахматова в контексте летописеведения XIX века. «Вживание» в сознание средневекового автора активно практиковали его предшественники, не отягощенные влиянием Вебера. Например, Ламбин обосновывал свои гипотезы, обращаясь к «логическим соображениям», «естественному процессу мышления», которые замещали недостаток текстуальных доказательств²⁷⁸. Точно так же поступал Яниш, раскрывая логические и «психические» противоречия летописных текстов, в частности, в рассказе об усобице 1015–1019 годов²⁷⁹.

Между тем, уже ученые поколения Ламбина считали такой «логико-психологический подход» ненадежным и устаревшим. И. В. Лаш-

²⁷⁵ Виноградов В. В. Алексей Александрович Шахматов. — СПб., 1922. — С. 78.

²⁷⁶ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей. — С. 199–209; Добровольский Д. А. В чем состоял «метод Шахматова» // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – XXI веков. — Челябинск, 2011. — С. 118.

²⁷⁷ Timpanaro S. Die Entstehung der Lachmannschen Methode. — S. 82–84.

²⁷⁸ Ламбин Н. П. Источник летописного сказания о происхождении Руси // ЖМНП. — СПб., 1874. — С. 248, 250; Ламбин Н. П. Источник летописного сказания о происхождении Руси (Продолжение) // ЖМНП. 1874 Июль. — СПб., 1874. — С. 110.

²⁷⁹ Яниш Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. — С. 71–74.

нюков не признавал многочисленных «противоречий» ПВЛ. По его мнению, сознание летописца отличалось от «нынешнего»: то, чего не допустил бы историк, для древнего книжника было нормальным²⁸⁰. Несколько позднее Маркевич писал, что составитель летописи «конечно, руководствовался какими-либо соображениями, но они нам не всегда доступны»²⁸¹.

Можно заметить, что лучше всего «понимали» и больше всего обрацались к логике летописца те ученые, которые выдвигали самые амбициозные проекты воссоздания летописных прототекстов и их истории. Итак, «понимание» летописца было во многом инструментальным — оно оправдывало смелые гипотезы.

В предисловии к изданию ПВЛ Шахматов писал: «я по общему правилу решался на исправление основных списков только в крайних случаях (явные пропуски, явные искажения); сомнительные случаи я толковал в пользу основных списков (Лавр и Ипат. — В. А.). Но несомненно, что это правило не выдержано мною последовательно, и я уступал нередко *впечатлению от видимо лучшего* (курсив мой. — В. А.) чтения подсобных списков, заменяя этими „лучшими“ чтениями чтения основных списков»²⁸².

Несмотря на то, что «конъектуральная критика» в летописеведении ассоциируется прежде всего с Шахматовым, она никак не была новостью и даже могла показаться старомодной.

Перед стартом проекта MGH, на протяжении 1820-х годов, среди немецких ученых шли дискуссии о способах издания источников. В результате был выработан тип, представлявший из себя не совсем реконструкцию, но и не совсем коллаж²⁸³. В частности, Пертц издавал анналы по основным спискам с подведением вариантов из побочных списков, ситуативно восстанавливая якобы оригинальные чтения по своему усмотрению и исправляя чтения «лучшей» рукописи по другим спискам²⁸⁴. Этим же путем пошел Белевский и его продолжатели по МРН. За основу они брали «лучший» список, но

²⁸⁰ Лашнюков И. В. Очерки русской историографии и истории (начало) // Университетские известия. Май. №5. — Киев, 1869. — С. 13–14, 19–22.

²⁸¹ Маркевич А. И. О летописях. — С. 126.

²⁸² Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том 1. — С. LXII.

²⁸³ Hoffmann H. Die Edition in den Anfängen der Monumenta Germaniae Historica. — S. 206.

²⁸⁴ MGH. Tomus I. — Hannover, 1826. — S. XXV–XXVI, 343–395; Hoffmann H. Die Edition in den Anfängen der Monumenta Germaniae Historica // Mittelalterliche Texte. Überlieferung — Befunde — Deutungen. — Hannover, 1996. — S. 198–199.

исправляли его там, где вспомогательный список казался издателю («zdawał się być») более верным²⁸⁵.

Эти приемы калькировал Бередников, также занимавшийся «улучшениями» основных списков той или иной летописи. Как указывал Погодин²⁸⁶, его издания были мозаикой, где соединялись чтения и основного, и вспомогательных списков (нередко ошибочные или вторичные), но в то же время часть чтений основного списка неоправданно опускалась в варианты²⁸⁷. В контексте практик первой половины — середины XIX века шахматовская конъектуральная критика выглядела довольно естественно²⁸⁸.

Благоговение Карамзина перед старыми, «харатейными», списками уже в середине XIX века выглядело наивным и ко времени Шахматова ушло в прошлое. Господство мнения о возможности сохранения древних текстов в поздних рукописях уравнивало списки независимо от их старшинства. Оставалось оценивать, как говорил Шлецер, «внутреннее достоинство» чтений. Так создавалось пространство для догадок и субъективизма, где и нашли свое место пресловутые шахматовские конъектуры. Причем во многих случаях Шахматову приписывают исправления, которые предлагались ранее другими учеными.

В качестве примера можно привести конъектуру, от которой исследователь не отказывался до конца жизни. Это чтение Никоновской летописи под 882 годом в известном замечании о новгородской дани варягам: «еже и ныне дают» (вместо «до смерти ярославле дающе варягом», как в ПВЛ)²⁸⁹. Несмотря на позднюю датировку летописи (XVI век), Шахматов считал, что в ней сохранилось чтение произведения-предшественника ПВЛ. Это чтение казалось оригинальным еще Срезневскому, который усматривал в нем доказательство существования летописи, написанной до смерти Ярослава в 1054 году²⁹⁰. Так же считал и Ламбин: в Никоновской летописи будто бы

²⁸⁵ МРН (PDP). Tom drugi. — S. 617; Tom trzeci. — S. 7.

Именно так во втором томе МРН была издана ПВЛ (Latopis Nestora). Причем Белевский похвалил публикацию этого памятника в ПСРЛ. МРН (PDP). Tom drugi. — S. 546–547, 550–834.

²⁸⁶ Погодин М. П. Новгородские летописи // ИОРЯС. Т. 6. — СПб., 1858. — С. 217–218.

²⁸⁷ ПСРЛ. Т. 2. 1-е изд. Ипатьевская летопись. — СПб., 1843; ПСРЛ. Т. 3. Новгородские летописи. — СПб., 1841.

²⁸⁸ Она находит близкую аналогию в практиках Ламбина, которые подверглись острой критике А. Ф. Бычкова. Бычков А. Ф. Разбор сочинения Н. П. Ламбина: «Опыт восстановления и объяснения Несторовой летописи. I. О Свенгелде и угличах». — СПб., 1872. — С. 10–13.

²⁸⁹ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 133. — Л. 1; Шахматов А. А. Древнейшие редакции Повести временных лет // ЖМНП. 1897. Октябрь. — СПб., 1897 — С. 255.

²⁹⁰ Срезневский И. И. Чтения о древних русских летописях. — СПб., 1862. — С. 8.

чудом сохранилось оригинальное чтение Нестора, позднее искаженное в большинстве списков ПВЛ²⁹¹.

Восстановление текста. В двух самых влиятельных трудах Шахматова — «Разысканиях» (1908) и «Повести временных лет» (1916) — собственно тексты исследований суть предисловия, «предпосланные» восстановленным летописным текстам (древнейших киевских и новгородских сводов). Такая структура больше напоминала не привычные издания ПСРЛ с краткими обзорными вступлениями, а шлецеровского «Нестора». Именно на Шлецера Шахматов и опирался в предисловии к «Разысканиям»: «после Шлецера в основание исследования должна быть положена критическая разработка древнего текста, а этой разработке должно было предшествовать восстановление текста по дошедшим до нас данным»²⁹². Здесь он повторил модель Шлецера, согласно которой восстановление текста летописи с помощью «малой критики» предшествовало «большой критике» — исследованию ее содержания.

В историографии есть тенденция считать, что своими реконструкциями Шахматов первым возродил проект Шлецера, и устанавливать прямую связь между трудами двух ученых. Эту связь декларировал сам Шахматов, представляя себя «вторым Шлецером». Как считает Вовина-Лебедева, шахматовское издание ПВЛ (от себя добавлю: и восстановленные древнейшие своды) задумывалось как замена и, в некотором смысле, воплощение «очищенного Нестора», который так и остался мечтой Шлецера²⁹³. Впоследствии под влиянием риторики Шахматова и его последователей возникла иллюзия «темных веков» между Шлецером и Шахматовым (см. 3.1). На самом деле революционного «возвращения к Шлецеру» не было.

Первым после Шлецера о восстановлении летописей, предшествовавших ПВЛ, всерьез думал Срезневский. Он писал: «нельзя не желать дойти между прочим и до опытов восстановления древних летописей до-владимировских если и не дословного [...], то по крайней мере приблизительного, из которого бы хоть сколько-нибудь виден

²⁹¹ Ламбин Н. П. Источник летописного сказания о происхождении Руси (Продолжение) // ЖМНП. 1874 Июль. — СПб., 1874. — С. 64.

²⁹² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — СПб., 1908. — С. III.

²⁹³ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей. — С. 60–67.

был круг понятий летописцев, а следовательно, и ожиданий тех, для кого они трудились»²⁹⁴.

Если Срезневский только «желал» восстановления оригинальных текстов, то Ламбин осуществил реконструкцию интересующего его отрывка — рассказа о варягах и приходе Олега. Так он описывал свою работу: «Приняв за основу чтение *Радзивиловского* и *Троицкого* (курсив автора. — В. А.) [...] списков [...], и подведя к каждой фразе, к каждому слову этой основы варианты из всех прочих списков, я составил, во-первых *сводный текст*, в котором [...], записал и сопоставил, по каждому выражению отдельно, все разноречивые показания списков, как единственных свидетелей, и затем приступил к логическому разбору их разноречий или вариантов, то есть к рассмотрению: как и отчего они могли произойти, почему такое-то место в одних списках читается так, а в других иначе, и какое из разных его чтений было первоначальное [...]. Не дозволяя себе при этом ни малейшего произвола в умозаключениях и признавая за первоначальное всегда то чтение, которое логически необходимо в данном месте [...], я добыл таким образом *очищенный текст*, который по логическим законам должен быть признан за подлинный текст Нестора, восстановленный из разночтений всех известных списков»²⁹⁵. По мысли, Ламбина, если можно текстуально восстановить текст одного из источников ПВЛ, то «конечно, можно — разумеется, и необходимо — реставрировать таким же образом и всю „Повесть временных лет“»²⁹⁶.

И. Филевич, шедший на этом поприще после Ламбина, решил сделать буквально то же, о чем Шахматов писал во вступлении к «Разысканиям». Он собирался восстановить «Повесть о начале Руси» — аналог костомаровской «повести древних лет». Актуальную задачу он очерчивал так: «сопоставление заглавий „повести“ во всех сводах и содержание материала двух сводов (Лаврентьевского и Никоновского. — В. А.) открывает необходимость той же работы, какую некогда предпринял Шлецер с целью восстановить «чистого Нестора»²⁹⁷. Как видно, не один Шахматов находил для своих планов поддержку в лице Шлецера.

²⁹⁴ Срезневский И. И. Памятники X-го века до Владимира Святого // ИОРЯС. Т. 3. — СПб., 1854. — С. 20.

²⁹⁵ Ламбин Н. П. Источник летописного сказания о происхождении Руси // ЖМНП. — СПб., 1874. — С. 241–242.

²⁹⁶ Ламбин Н. П. Источник летописного сказания о происхождении Руси (Продолжение). — С. 119.

²⁹⁷ Филевич И. История Древней Руси. Том 1. Территория и население. — Варшава, 1896. — С. 363.

Достичь результата, по Филевичу, «до известной степени несомненно возможно *путем* тщательного *сличения решительно всех списков* (курсив автора. — В. А.); [...] только путем такого сличения могут быть определены вставки, не на основании случайных видимостей, а на основании точных статистических данных. Только таким путем может быть решен как вопрос о существовании древнейшего свода, так и вопрос об его объеме»²⁹⁸.

Можно подозревать влияние Филевича (впрочем, как и Ламбина и Срезневского) на формирование шахматовской программы восстановления древнейших сводов, тем более что работать над ней Шахматов начал после знакомства с книгой Филевича в 1897 году. Отличие Шахматова от Ламбина и Филевича заключалось не столько в методах и задачах, сколько в выборе объекта реконструкции (древнейшие своды) и представлениях о летописании в целом.

«Восстановление» было одним из важнейших понятий Шахматова. Правда, не совсем понятно, какой смысл вкладывал в него ученый: это не была точная, буквальная, реконструкция, но вместе с тем что-то большее, нежели приблизительное определение состава памятника. Известно, что Шахматов неоднократно критически высказывался по поводу возможности полного текстуального восстановления гипотетических произведений, но критиковал и тех, кто ограничивался «обзором состава». Точного определения понятию «восстановления» исследователь не давал. Вероятно, он представлял его как «восстановление» протоязыка. Реконструкция не существующего ныне языка (чем не «текстуальная реставрация»?) совсем не означает воссоздание всего его словаря — а скорее логики языка как целостной системы. Точно так же гипотетический летописный свод Шахматов воссоздавал прежде всего как систему.

В литературе высказывалась мысль о постепенном снижении требований Шахматова к реконструкциям. Если в «Разысканиях» он старался текстуально восстановить гипотетические своды, то в дальнейшем якобы отрицал такую возможность²⁹⁹. Это иллюстрируют сравнением издания ПВЛ 1916 года и «Разысканий». Преимущественно имеют в виду слова Шахматова из книги 1916 года о том, что «основная (первая) редакция Повести вр. лет не может быть восстановлена при теперешнем состоянии наших знаний. Текстуальное восстановление второй (Сильвестровской) и третьей (Киевопечерской) редакции, каждой в отдельности, представляется вообще весьма за-

²⁹⁸ Там же. — С. 364.

²⁹⁹ Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. — М., 1977. — С. 45–48.

труднительным [...]»³⁰⁰. Однако внимательное сравнение предисловий к этим изданиям³⁰¹ и самих «восстановленных» текстов позволяет утверждать о единстве исследовательских приемов и представлений, отраженных в этих работах.

Книги посвящены разным летописным памятникам, для восстановления которых использовался разный набор рукописей. Это усложняет сравнение и оценку эволюции взглядов Шахматова, ведь было бы легче, если бы ученый дважды издавал одну и ту же летопись. Но можно сопоставить издания, используя формальные критерии: статус издаваемых памятников, цель, форма подачи текстов и способ реконструкции.

1) Вопреки первому ощущению, в обоих случаях издаются гипотетические памятники. Древнейшие своды, конечно, менее реальны, чем ПВЛ как таковая, но ее редакции (о них см. 2.9.) в той же степени гипотетичны.

2) В обеих работах Шахматов поднимал вопрос о возможности реконструкции текста Начального свода, но отвечал одинаково отрицательно. В некотором смысле издания дополняли друг друга: в 1908 году Шахматов визуализировал свое представление о текстах первых памятников раннего периода летописания, а в 1916 году — о тексте последнего из них — ПВЛ. Начальный свод в построениях Шахматова имел ключевое значение. Именно он давал «доступ» к древнейшим сводам, а также рассматривался как основа ПВЛ (что позволяло ученому судить о чтениях ее первой редакции). Однако «восстанавливать» этот свод исследователь не спешил³⁰².

3) Воссоздание реально существовавшего текста не было истинной целью Шахматова. Назначение издания 1916 г. он описал так: «предлагаемое критическое издание задалось целью облегчить разрешение вопросов о составе и источниках Повести вр. лет»³⁰³. В «Разысканиях» целью прямо названо «восстановление текста древнейших летописных сводов»³⁰⁴, но на самом деле (читая работу, в этом легко убедиться) главной задачей и здесь было «облегчить решение вопросов о составе и источниках ПВЛ». Обе работы имели сходную

³⁰⁰ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том 1. — С. LVIII.

³⁰¹ Шахматов А. А. Разыскания... — С. iv–ix, 532–536; Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том 1. — С. lviii–Lxiii.

³⁰² Можно предположить, что Шахматов только выигрывал от того, что Начальный свод — важное связующее звено в схеме раннего летописания — оставался неуловимым, а значит, неverifiedируемым.

³⁰³ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том 1. — С. lxxi.

³⁰⁴ Шахматов А. А. Разыскания... — С. v.

структуру: сперва шло исследование, предлагавшее гипотезы формирования текста ПВЛ (идеи о сводах-предшественниках), а далее — выводы в форме летописных текстов³⁰⁵. Предисловия к изданиям определенно свидетельствуют о том, что в обоих случаях главным для Шахматова было не столько реконструировать аутентичный текст, сколько представить облик гипотетических текстов.

В работах исследователя исторические или историко-литературные гипотезы были неотделимы от «реконструированного» текста. Это демонстрируют уже первые опыты «критического издания» гипотетических текстов — «Сказания о призвании варягов» и «Корсунской легенды» крещения Владимира. Свои реконструкции Шахматов поместил непосредственно в теле исследования³⁰⁶. В первом случае они служили иллюстрацией идей ученого, выражая его представления об эволюции текста «Сказания» (от Древнейшего свода до Комиссионного списка НПЛ). Во втором случае, по мнению Шахматова, такая работа «если и заведет нас в область предположений и догадок, лучше всякого частичного исследования выяснит взаимные отношения родственных памятников, ведущих к одному общему источнику, и осветит характер как этого источника, так и производившейся над ним в разное время редакционной работы»³⁰⁷.

4) Оба издания предлагали не «статическую», а «динамическую» реконструкцию: не текст-константу, а историю, движение текстуальных изменений. В одном тексте «накладывались» несколько произведений, одно из которых вмещало в себя другое (свод 1073 года вмещал Древнейший свод, а третья редакция ПВЛ — вторую редакцию). То же самое видим и в издании «Сказания о варягах»: в предполагаемом тексте «Сказания» по версии Начального свода отмечены фрагменты, которых якобы не было в древнейшей версии сочинения³⁰⁸.

Принципиальное изменение методологических установок Шахматова между 1908 и 1916 годами иногда видят в отказе реконструировать первую (Несторову) редакцию ПВЛ. Однако слова о невозможности подобной реконструкции следует рассматривать в еди-

³⁰⁵ Ср.: «Главным результатом нашего исследования признаем восстановленный ниже текст трех древнейших летописных сводов...» (курсив мой. — В. А.). Шахматов А. А. Разыскания... — С. 532.

³⁰⁶ Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // ИОРЯС. Т. 9. Кн. 4. — СПб., 1904. — С. 324–333; Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. Оттиск из Сборника статей в честь В. И. Ламанского. — СПб., 1906. — С. 109–120.

³⁰⁷ Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. — С. 109. Здесь речь также шла об иллюстрации текстологических выводов.

³⁰⁸ Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. — С. 324–325.

ной связи с другими положениями работы 1916 года. Частичное восстановление первой редакции ученый признавал реальным. Например: «думаю, что со временем удастся проследить эту редакционную работу Сильвестра и восстановить в той или иной степени Несторов свод»³⁰⁹. С другой стороны, «восстановление» текстов в «Разысканиях» далеко не полное. Например, в тексте Новгородского свода Шахматов пропустил «сокращенный рассказ» об убийстве Бориса и Глеба и «грамоту Ярослава новгородцам», которые не сохранились ни в одном из списков³¹⁰. Как в работе 1916 года, так и в «Разысканиях» Шахматов не стремился к точности в воссоздании орфографии. Он не только очень свободно представлял вероятное написание в гипотетических сводах XI или начала XII века, но и не всегда точно передавал реально сохранившиеся списки³¹¹. Все это делает реконструкции Шахматова не полными и не вполне «текстуальными». Аналогичные черты присущи и предыдущим «восстановлениям»: «Сказания о варягах», «Корсунской легенды» и «Предисловия» к Начальному своду³¹². Важнее всего для него было то, что в реконструкциях отразилось достаточно целостное представление о составе памятников и их смысл.

Для понимания шахматовского «критического издательства» первостепенный интерес представляет статья о «Сказании о преложении книг», памятнике, якобы использованном во вступительных статьях ПВЛ и статье 898 года. Здесь находим нечто среднее между реконструкцией состава и текста. Шахматов предлагал «схему» восстановления текста: одни его фрагменты он пытался воссоздать текстуально, для других – ограничивался описанием сюжета³¹³. Итак, обилие в работах Шахматова «переходных форм», которые совмещали черты и «содержательных», и «текстуальных» реконструкций, может дополнительно свидетельствовать против качественного различия последних.

5) Форма подачи текстов в разных изданиях Шахматова аналогична, и может быть сопоставлена со «сводным изданием» Л. И. Лей-

³⁰⁹ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том 1. – С. xxvii.

³¹⁰ Шахматов А. А. Разыскания... – С. 617, 620.

³¹¹ Там же. – С. 535–536; Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том 1. – С. lxiii–lxvi.

³¹² Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. – С. 324–333; Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. – С. 109–120; Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись. – СПб., 1908. – С. 52–54.

³¹³ Шахматов А. А. Сказание о преложении книг на словенский язык // Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. – Berlin, 1908. – С. 186–188.

бовича³¹⁴. При всех отличиях двух проектов, они имели общие черты. И Шахматов, и Лейбович передавали в одном тексте несколько летописей (или редакций), в случае Шахматова – гипотетических. Такая работа находила сходное типографическое выражение: разный размер шрифтов, отступы, курсив – для участков текста разного происхождения. По замыслу авторов читатель мог получить представление одновременно о нескольких летописях из одного издания. Таким образом, публикации обоих ученых имели одну и ту же иллюстративную функцию.

Своей первоочередной задачей Лейбович, как и позднее Шахматов, считал «всестороннее сравнительное изучение всех списков летописи»³¹⁵. Преимущество «сводной летописи» Лейбович усматривал в том, что такое издание давало «возможность отчетливого представления о всех прибавлениях, опущениях и вариантах того или другого списка в отдельности»³¹⁶. Подобным же образом и шахматовские издания должны были дать представление о добавлениях, пропусках, сознательных изменениях текста изучаемых памятников, в частности, ПВЛ.

б) При том, что Шахматов издавал в обоих случаях памятники гипотетические, непосредственно не отраженные в списках, он не пользовался никакими строгими правилами отбора чтений. Между изданиями 1908-го и 1916 года не было качественных отличий. И в «Разысканиях», и в работе 1916 года Шахматов обильно вставлял в изданные тексты фразы и слова «по смыслу». Следуя этому «смысловому критерию», он в 1916 году распределял текст между двумя предполагаемыми редакциями ПВЛ и Начальным сводом, а в 1908 году – между древнейшими сводами и их продолжениями.

Аналогичный «творческий» подход Шахматов применял и при «восстановлении» текста «Сказания о варягах». В него ученый вводил как отдельные слова, так и целые фразы, которых не было ни в одном списке, но которые «предположительно были в первоначальном тексте»³¹⁷. В издании «Корсунской легенды» также присутствовали «слова, которые включены в текст не на основании поло-

³¹⁴ Лейбович Л. И. Сводная летопись, составленная по всем изданным спискам летописи. Вып. 1. Повесть временных лет. – С. vi–xix, 1–216.

³¹⁵ Там же. – С. vi–vii.

³¹⁶ Там же. – С. vii.

³¹⁷ Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. – С. 325.

жительного указания источников, а на основании догадки»³¹⁸. Почти то же самое — в исследовании «Предисловия» к Начальному своду³¹⁹.

Во всех этих изданиях «восстановленные» тексты были эклектичными, совмещали чтения разных списков. Шахматов субъективно выбирал и объединял в своей реконструкции «лучшие» чтения, то есть те из них, которые делали текст в его понимании наиболее осмысленным. Такой выбор оправдывали сложные схемы трансмиссии летописных текстов, объяснявшие сохранение в каком-либо позднем списке чтения из древнейших сводов.

В целом «критические издания» Шахматова зависели от его собственных гипотез об истории летописания, составе текстов древних сводов и их идеологии. Некоторые отличия между шахматовскими реконструкциями определялись выбором объекта, местом воображаемого памятника в схеме истории летописания и форматом конкретного исследования. Но принципы таких «восстановлений» были почти тождественными.

Итак, для Шахматова не было существенной разницы между восстановлением состава гипотетического памятника и реконструкцией его текста. То, что он сам называл в 1916 году «текстуальным восстановлением», надо понимать как буквально точное воссоздание произведения. Его никогда издания Шахматова не достигали. Реально осуществленные им «восстановления» оставляли пространство для разночтений и не требовали исчерпывающей полноты. Выдвигая гипотезу об определенном прототексте, Шахматов распознавал его следы в реальных текстах по наименьшим деталям. Получить представление о составе памятника он не мог, не вообразив деталей текста.

В поздних статьях исследователь сознавался: «К сожалению, [...] восстановление Начального свода текстуальное пока невозможно, но определение его состава, а также и объема не представляется мне безнадежным»³²⁰. Но и в этих работах «текстуальное восстановление» выступает недостижимым идеалом. Однако реконструкция общего облика текста для Шахматова была не просто возможной, она была необходимым элементом работы. «Начальный свод восстанавливается, во-первых, путем [...] обнаружения той первоначальной летописной основы, которая выясняется по удалении из ПВЛ различных вставок и исправлений, во-вторых, путем анализа Новгородской

³¹⁸ Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. — С. 109–110.

³¹⁹ Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись. — С. 52.

³²⁰ Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. — С. 462.

1-й младшего извода [...], а именно удаления из нее в части до 1074 г. включительно ряда статей и известий, возводящихся к новгородским ее источникам»³²¹.

Знание о составе и текстуальном облике гипотетического свода давало возможность «открывать» в нем еще более древний свод. При этом без «текстуального восстановления» можно было обойтись. Так, в «Разысканиях» Шахматов «прорывался» к древнейшим сводам, хотя не имел точно восстановленного текста Начального свода, стоявшего между ними и ПВЛ. Но для него этот текст был «известен, доступен». «Читатель [...] должен будет исходить из гипотезы о том, что *текст Начального свода, восстанавливаемый* по Повести временных лет и Новгородской 1-й летописи младшего извода, нам *известен, нам доступен*» (курсив мой. — В. А.)³²². Текст, который для читателя действительно был не более чем гипотезой исследователя, для самого Шахматова был вполне «доступным».

В литературе часто встречается утверждение о том, что проект «сравнительно-текстологического» изучения раннего летописания изначально обречен на провал по причине отсутствия материала для сравнительного анализа. У раннего летописания только один «свидетель» — ПВЛ³²³. Но это понимание сложилось недавно. В представлении Шахматова такой проблемы не существовало. Во-первых, другим несомненным «свидетелем» раннего летописания он считал НПЛ, т. е. «Начальный свод» оказывался продуктом сравнительного анализа. Во-вторых, поскольку для него разница между реальным и воображаемыми текстами была несущественна, «восстановление» древнейших сводов происходило путем сравнения виртуальных памятников (того же Начального свода с извлекаемым из него же сводом Никона и т. д.). Иными словами, в глазах Шахматова, у раннего летописания был не один, а гораздо больше «свидетелей».

Ближайший последователь Шахматова, Приселков, осуществил реконструкцию Троицкой летописи, погибшей в московском пожаре 1812 года. Он «собирал» текст памятника из разных источников, прежде всего, текстов родственных летописей и выписок Карамзина. Но между реконструкциями Приселкова и Шахматова была принципиальная разница: Приселков восстанавливал летопись, которая ре-

³²¹ Там же. — С. 461–462.

³²² Шахматов А. А. Разыскания... — С. viii.

³²³ Сендерович С. Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии. — С. 471; Senderovich S. Methodological reflections on the problem of beginning of Old Russian Historiography // American contributions to the 13th International Congress of Slavists. Linguistics. 2003. — P. 167–180; Вілкул Т. Л. Літопис і Хронограф. — С. 28–29.

ально существовала, а Шахматов — чисто гипотетические памятники. Приселков писал: «Реконструкция не есть реставрация. При наличии наших данных нет никакой сейчас возможности ставить задачу восстановления памятника начала XV в. во всех подробностях его состава, изложения и чтений»³²⁴. Если в начале своей научной деятельности исследователь излишне доверял шахматовским «реконструкциям», то позднее пришел к более осторожному отношению к «восстановлению» текстов.

«Приблизительные реконструкции». Проекты Шахматова по «восстановлению» несохранившихся источников (прежде всего, «Разыскания») создали специфический «имидж» самому ученому и летописеведению в принципе. Между тем, «рабочие реконструкции», которые зачастую помещались в тело исследования, хорошо известны в работах западных коллег Шахматова. В конце XIX века ряд исследователей публикуют аналогичные приблизительные реконструкции гипотетических анналов, по форме почти тождественные шахматовским³²⁵.

Эти работы отличались от классических филологических реконструкций. В них речь шла не о дословном восстановлении реального, но сохранившегося только в списках, оригинала, а о реконструкции содержания, состава и общего образа гипотетического источника, самостоятельного произведения, которое только частично могло отразиться в других произведениях.

В немецких, а позднее и в первых российских, методологических пособиях отделяли собственно критику текста («внешнюю» критику списков) от установления источников памятника³²⁶. Компетенция первой ограничивалась восстановлением архетипа списков определенного произведения. В рамках второй на первый план выходило сопоставление с другими памятниками (сравнительный метод в широком смысле³²⁷) и «внутренняя» критика, отслеживающая стилисти-

³²⁴ Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. — М.-Л., 1950. — С. 24.

³²⁵ Scheffer-Boichorst P. Annales Patherbrunnenses eine verlorene Quellschrift des zwölften Jahrhunderts aus Bruchstücken wiederhergestellt. — Innsbruck, 1870; Kętrzyński W. O roczniku małopolskim. Przyczynek do annalistyki polskiej w XIII i XIV wieku // Roczniki Towarzystwa przyjaciół nauki. Wydział filologiczny i historyczno-filozoficzny. — Poznań, 1878. — S. 237–242; Kętrzyński W. O rocznikach polskich. — Kraków, 1896. — S. 147–157; Regel W. Über die Chronik des Cosmas von Prag. — Dorpat, 1892. — S. 39–44; Dieterich J. R. Die Geschichtsquellen des Klosters Reichenau bis zur Mitte des elften Jahrhunderts. — Gießen, 1897. — S. 264–268.

³²⁶ Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. — S. 414; Петц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. — С. 99–100.

³²⁷ Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. — S. 443.

ческие и сюжетные «сбои» (вставки, швы)³²⁸. Но в работе с анналами/летописями разница между исследованием источников и «внешней» критикой текста часто стиралась. В таких занятиях следовало быть особенно осторожным.

В конце XIX века образцовыми источниковедческими реконструкциями считались работы Вильгельма Гизебрехта и Пауля Шеффера-Бойхорста³²⁹. Гизебрехт в 1841 году реконструировал Альтаихские анналы (*Annales Altaenses*) – вполне реальный памятник, рукопись которого была утрачена³³⁰. Анналы отразились не только в родственных средневековых произведениях, но и в ранних изданиях и трудах историков Раннего Нового времени, использовавших этот памятник. Восстанавливая текст Альтаихских анналов, Гизебрехт выполнил работу, подобную восстановлению Троицкой летописи, проделанному Приселковым (хотя в отличие от Троицкой летописи анналы были найдены в 1867 году, и сравнение текстов подтвердило мастерство исследователя).

Шефер-Бойхорст в 1870 году приблизительно восстановил Падерборнские анналы (*Annales Patherbrunnenses*) – общий источник Хильдесгеймских, Кельнских и Саксонских анналов (а также некоторых других произведений)³³¹. Его издание было направлено не столько на буквальное восстановление текста, сколько на то, чтобы «представить текст» утраченных анналов и установить их приблизительный состав и содержание.

Проекты Шахматова перестают казаться уникальными и становятся в длинный ряд похожих источниковедческих реконструкций. Их распространение имело общие причины: улучшение технических возможностей исследователей и тяготение к немецкой исторической и филологической науке. Но не все реконструкции одинаково успешны. Немецкая и польская литература дает широкую палитру исследований. Некоторые из них по манере исполнения очень близки шахматовским. Это реконструкции гипотетических памятников, полные конъектур и опирающиеся на сложные умозрительные схемы. Но есть примеры и других работ (значительно более строгих и дисциплинированных), подобных которым летописеведение не знало.

³²⁸ Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. – С. 99–100.

³²⁹ Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. – S. 440; Беркут Л. Н. Возникновение и характер средневековой анналистики. – С. 17.

³³⁰ Giesebrecht W. *Annales Altaenses, eine Quellschrift zur Geschichte des elften Jahrhunderts aus Fragmenten und Excerpten hergestellt.* – Berlin, 1841. – S. 35–118.

³³¹ Scheffer-Boichorst P. *Annales Patherbrunnenses eine verlorene Quellschrift des zwölften Jahrhunderts aus Bruchstücken wiederhergestellt.* – Innsbruck, 1870.

Реконструкции Шахматова, как и некоторых современных ему польских и немецких ученых, выглядят не самыми удачными опытами на фоне «образцовых» реконструкций Гизебрехта и Шефера-Бойхорста.

1.5. Наука и искусство

Формула научности. В предисловии к «Разысканиям» Шахматов противоречит сам себе: с одной стороны, выгодно сравнивает свои научные доказательства с простыми ощущениями и подозрениями предшественников, с другой – признает произвольность этих доказательств. Хотя скорее это признание больше походит на формулу скромности, чем на оценку работы, представленной на суд читателя.

Совсем другой образ своих исследований Шахматов создавал, когда заочно полемизировал с Костомаровым по поводу известных слов последнего о том, что восстановление текста «повести древних лет» (гипотетической основы ПВЛ, по Костомарову) есть дело только «художественного такта», а не науки³³². Шахматов возражал: «несмотря на подобное предостережение, я решил восстановить эту «повесть древних лет», руководствуясь исключительно научными доводами. Я был удовлетворен, когда по окончании работы заметил, что главнейший вывод, основанный на ученых доводах, совпал с выводом Костомарова, подсказанным ему, по-видимому, художественным чутьем его богато одаренной натуры»³³³.

На самом деле произошло обратное: научные доводы удержали Костомарова от восстановления гипотетического текста, тогда как художественное чутье Шахматову сделать это позволило. Но сам ученый этого не признавал. Комментарий Костомарова его явно задел. Шахматов не только выступил в защиту своей научности, но и повернул обвинения в «художественности» против Костомарова.

Стоит заметить, что Шахматов исповедовал своего рода культ научности. Все, что формально было научным, он считал серьезным и объективным. Остальное – субъективным и не достойным внимания. В плане исследования ПВЛ, составленном в 1907 году, Шахматов наметил и такой пункт: «1. Сложность задач. Единственно научный метод. ...»³³⁴. В чем же заключался этот «единственно научный метод»?

³³² Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. Часть первая. Источники русской истории. – С. 35.

³³³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – СПб., 1908. – С. V.

³³⁴ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 322. – Л. 1 об.

Предлагая свой подход к анализу сводов северо-восточной Руси (в противовес подходу Тихомирова), Шахматов указывал: «пусть результаты такого исследования покажутся гадательными и окажутся впоследствии ошибочными, это нисколько не изменит того положения, что, замыкаясь в одном каком-либо памятнике, исследователь никогда не получит возможности определить его состав и происхождение, и что единственно надежным путем должен быть признан путь сравнительно-исторический»³³⁵.

Далее Шахматов сравнивал исследование текстов с занятиями лингвистикой, которая для него и была образцом научной дисциплины: «...подобно тому как это исследование *становится научным* (курсив мой. – В. А.) только после привлечения к систематическому сравнению данных нескольких родственных языков, при чем это сравнение прежде всего приводит к восстановлению древнейших эпох в жизни исследуемых языков, а затем и восстановлению того общего языка, из которого они произошли, – так же точно исследователь литературного памятника должен прежде всего подвергнуть этот памятник сравнительному изучению с ближайшими, наиболее сходными, для того чтобы определить последовательный ход в развитии исследуемого памятника и восстановить тот первоначальный вид, к которому он восходит»³³⁶.

В этом сравнении содержится шахматовская «формула научности», из которой становится понятным, почему ученый был склонен устанавливать зависимость памятников не напрямую, а через гипотетические протографы. Эта формула соединила и подход, и ожидаемый результат исследования: произведение надо не просто сравнивать с ближайшими к нему, а сравнивать так, чтобы восстановить протограф этих произведений. Без его (протографа) поиска исследование теряло научность. Логика исследователя заключалась в том, что протограф не мог быть тождествен ни одному из сохранившихся памятников, как язык-предок не мог быть тождествен ни одному нынешнему языку. Как один существующий язык не может происходить от другого существующего, а оба должны иметь общую, не существующую ныне, основу, так один имеющийся текст не может происходить от другого известного текста, но только от их общего утраченного протографа.

Методологическую ориентацию на языкознание, кажется, подтверждает и ряд других сближений лингвистической и текстуаль-

³³⁵ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова. – С. 118.

³³⁶ Там же.

ной критики Шахматова. В исследованиях языков, по замечанию Ф. П. Филина, Шахматов «нередко злоупотреблял выведением „фонетических законов“ тогда, когда для этого не было достаточных фактических оснований»³³⁷. В работах с текстами, как отмечал Лихачев, Шахматов отличался уверенностью в закономерности (неслучайности) и осмысленности изменений текста³³⁸. Вместе с В. Л. Яниным и Я. С. Лурье Лихачев писал, что, провозгласив примат сознательных изменений над механическими, Шахматов совершил «исторический поворот» в текстологии³³⁹. Исходя из вышеизложенного, этот «поворот» скорее следовало бы назвать «лингвистическим».

Заметной чертой шахматовских воззрений был эволюционизм. Как лингвист, он старался «фонетические явления новых наречий объяснять из фонетических вариантов уже праязыка [...] стремление возводить диалектические явления новых славянских языков к праязычным зачаткам»³⁴⁰. Аналогично Шахматов объяснял индивидуальные варианты поздних списков возведением их к чтениям утраченных прототекстов.

При этом исследователь не имел самостоятельного интереса к поздним летописям³⁴¹. Чем древнее был гипотетический текст, тем больше сохранившихся произведений привлекалось к его восстановлению. Так, восстанавливая «Древнейший свод» первой половины XI века, он старался использовать не только материалы ПВЛ и НПЛ, но также Софийской Первой, Новгородской Четвертой, Воскресенской, Никоновской, Львовской, Тверской летописей и нескольких нелетописных текстов (в т. ч. Киево-Печерского Патерика). Это опять же напоминает «лингвистическую» логику: для реконструкции праиндоевропейского языка требуется привлечение всех известных индоевропейских языков, тогда как для реконструкции более позднего праславянского достаточно лишь славянских. Подобным образом для реконструкции более поздней ПВЛ необходимо меньше текстов, чем для «Древнейшего свода».

337 Филин Ф. П. Проблемы славянского этногенеза в трудах А. А. Шахматова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. XXIII. Вып. 3. – М., 1964. – С. 195.

338 Лихачев Д. С. Шахматов – текстолог. – С. 482.

339 Лихачев Д. С., Янин В. Л., Лурье Я. С. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей. – С. 197–200.

340 Рецензия Б. Ляпунова на: Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики. – Варшава, 1893 // ВР РНБ. – Ф. 846. – Д. 12. – Л. 56 – 56 об.

341 Вовина-Лебедева В. Г. А. А. Шахматов-текстолог и «русские младограмматики» // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. – СПб., 2006. – С. 82–83.

«Сравнительно-исторический метод». В историографии принята мысль о зависимости Шахматова от «школы младограмматиков» и прежде всего Ф. Ф. Фортунатова³⁴². Еще в первых оценках творчества Шахматова отмечалось, что он заимствовал «сравнительно-исторический метод» у лингвистики, с гимназических лет считая ее основной всех гуманитарных наук³⁴³. Уже в 1893 году в рецензии на диссертацию Шахматова Б. М. Ляпунов писал: «взгляды Фортунатова до такой степени усвоены его учеником, что они стали его собственными»³⁴⁴. По мнению В. В. Виноградова, в Шахматове соединялись черты Буслаева и Фортунатова – двух ученых, на которых он равнялся³⁴⁵.

В литературе, посвященной Шахматову, выражение «сравнительно-исторический метод» постепенно превратилось в специальный термин, которым обозначали особенную шахматовскую практику, уникальный метод, разработанный под влиянием лингвистики и впервые примененный в летописной критике. Начало этому было положено уже в первых попытках осмыслить наследие Шахматова. По словам Истрина, «А. А. подошел к Летописи сначала как историк литературы и, как таковой, сразу же стал на тот путь, по которому он шел как историк языка [...] И метод, которым оперировал А. А. над всеми этими памятниками, был тот же сравнительно-исторический метод, которым он разрабатывал историю языка»³⁴⁶.

Вне зависимости от того, что понимал Шахматов под «сравнительно-историческим методом», в его время это было довольно распространенное наименование «правильного» и «научного» подхода к разнообразным исследованиям в гуманитарных (и не только) дисциплинах.

Например, в предисловии к работе о славянском переводе Книги Бытия А. В. Михайлов в 1912 году писал: «метод, какому я следовал при изучении древнеславянских текстов книги Бытия, конечно, сравнительный и по возможности исторический»³⁴⁷. Далее он называл свой метод просто «сравнительно-историческим».

С другой стороны, Шахматов был далеко не первым, кто использовал лингвистические матрицы для изучения летописей. О парал-

³⁴² Там же.

³⁴³ Виноградов В. В. Алексей Александрович Шахматов. – СПб., 1922. – С. 8, 70–71; Истрин В. М. А. А. Шахматов как ученый // ИОРЯС. Т. 25. 1920. – С. 29–33.

³⁴⁴ Рецензия Б. Ляпунова на: Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики. – Л. 56.

³⁴⁵ Виноградов В. В. Алексей Александрович Шахматов. – СПб., 1922. – С. 10–12.

³⁴⁶ Истрин В. М. А. А. Шахматов как ученый // ИОРЯС. Т. 25. 1920. – Петроград, 1922. – С. 33.

³⁴⁷ Михайлов А. В. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Часть 1. Паримейный текст. – Варшава, 1912. – С. CCCXLI.

Научность формы. По словам Феликса Гилберта, любая интеллектуальная работа не может быть надлежащим образом оценена без знания о модели, по которой она строилась³⁵³. Известно, что исследования Шахматова очень детальные, перегружены фактами. Ученый не просто публиковал выводы и развернутые тезисы (как зачастую поступали его предшественники), но выставлял напоказ всю свою «лабораторию».

Вот как описывал свою работу один из предшественников Шахматова В. О. Перевощиков: «я собрал все напечатанные наши летописи, сличал их, распределял, по их сходствам и различиям, на классы, старался узнать, когда были они составлены, и наконец выводил общие заключения о летописателях и их летописях»³⁵⁴. С формальной точки зрения, Перевощиков делал то же самое, что и Шахматов: сравнивал списки летописей, искал внутренние границы, наблюдал над словоупотреблением, сопоставлял текстуальные, палеографические, кодикологические и исторические данные и наконец выходил на текстологическую гипотезу. Но эта огромная работа оставалась «за кадром». Весь текст исследования Перевощикова о летописании от начала до XIII века уместился на шестидесяти страницах. Точно так же можно только представить, сколько усилий приложил Беренников, который сравнил больше ста пятидесяти списков летописей. Но результаты его трудов были явлены публике только в виде кратких предисловий к первым томам ПСРЛ.

Шахматовские тексты выглядели совершенно по-другому, но в то же время их форма не была его изобретением. Чтобы показать возможный образец формы работ Шахматова, приведу характеристику работы Бестужева-Рюмина, данную Маркевичем: «чтение этого сочинения довольно утомительно, так как автор опубликовал не только выводы из своей работы, но и самый, так сказать, процесс работы»³⁵⁵. Бестужев-Рюмин был одним из вдохновителей Шахматова, и не удивительно, что их труды имели сходную форму. Именно эта развернутость побуждала позднее провозгласить исследования Шахматова беспрецедентными по масштабам.

Действительно, Шахматову было доступно больше материалов, чем, скажем, Перевощикову. Часть текстов (и не только летописных) была уже издана или более качественно переиздана, некоторые тексты вообще были открыты только к началу XX века. Но важно отме-

353 Gilbert F. Intellectual History: its Aims and Methods. P. 91.

354 Перевощиков В. О. О русских летописях и летописателях по 1240 г. — СПб., 1836. — С. IV.

355 Маркевич А. И. О летописях. — Одесса, 1883. — С. 37.

тить то, что работы Шахматова (а точнее, «Разыскания») заняли ту нишу, которую ровно 40 лет занимал труд Бестужева-Рюмина. Он претендовал на обобщение знаний по истории русского летописания до XIV века включительно: «я принялся [...] за сведение в одно целое и проверку всех замечаний, сделанных в разные времена, относительно состава наших летописей». Книга 1868 года была только первой частью проекта, долженствующего охватить ПВЛ, южнорусское летописание XII века, летописи новгородские и суздальские³⁵⁶.

Отличие проекта Шахматова заключалось не в масштабе, а в задачах. Бестужев-Рюмин собирался разложить летописание на элементарные части (повести и записи) и выяснить время и место их написания. В свою очередь, Шахматов пытался представить «ход работы» летописцев, целостно реконструировать движение текстов и все их изменения от гипотетических начал до сохранившихся списков³⁵⁷.

Усовершенствование метода. Эволюционировала ли шахматовская методология и если эволюционировала, то в каком направлении и по каким причинам? На эти вопросы историография давала несколько различных ответов. Лихачев считал, что на рубеже XIX–XX века Шахматов перешел от «узко текстологической» работы к изучению исторических условий появления текстов, к «историко-критическим» исследованиям³⁵⁸. Также, по его мнению, «метод Шахматова» был разработан на материале позднего летописания XIV–XVI веков, а в «Разысканиях» применен к ПВЛ³⁵⁹.

Выводы Лихачева выглядят сомнительно. Во-первых, «историчность» летописной критики прослеживается и у раннего Шахматова. Еще в текстах первых лекций о ПВЛ он занимался «изучением условий, при которых появлялся тот или иной текст». Просто со временем, по мере усложнения схем истории летописания, круг рассматриваемых условий расширялся: это был уже не только контекст монастырской жизни, но и сфера взаимодействия летописцев с князьями.

³⁵⁶ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. — С. I–II.

³⁵⁷ Надо сказать, что и Бестужев-Рюмин обещал сделать подобный синтез: «надеясь заняться продолжением этого труда, я имею в виду в последней заключительной главе собрать все те выводы о ходе летописания в России, которые вытекают из сделанных сближений и соображений». Там же. — С. V. К сожалению, надежда исследователя не оправдалась, и продолжение труда так и не было написано.

³⁵⁸ Лихачев Д. С. Шахматов — текстолог // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 23, Вып. 6. — М, 1964. — С. 483–486.

³⁵⁹ Там же. — С. 483–484; Лихачев Д. С. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. — С. 423.

Во-вторых, именно начальное летописание было всегда основным интересом Шахматова. В то же время нельзя отделить его работу над ранним летописанием от работы над поздним, поскольку последнее давало ученому материал для реконструкции истории первого. Не лишним будет отметить, что Лихачев усматривал эволюцию Шахматова в направлении именно той методологии, которой он старался придерживаться в собственных исследованиях.

А. Г. Кузьмин и, позднее, Вовина-Лебедева предлагали другой рубеж для методологической эволюции Шахматова. По их мнению, около 1916 года он отошел от «формального сравнительно-текстологического метода» и принял во внимание политическую пристрастность летописцев, хотя и не успел полностью перестроить свою схему на новых началах. Кроме того, не соглашаясь с тем, что историки (Приселков и Пархоменко) использовали его реконструкции вместо реальных источников, он признал невозможность точного восстановления текста начальной редакции ПВЛ и древнейших сводов³⁶⁰.

Однако подобная интерпретация не имеет достаточных доказательств. Как выше было показано, шахматовские принципы «реконструкции» не претерпели серьезных изменений на протяжении 1910-х годов (см. 1.4.). Что касается образа политически мотивированного летописца, то его Шахматов использовал еще до выхода книги 1916 года.

Характерно, что рубежи предполагаемой методологической эволюции ученого совпадают с датами выхода его самых известных работ: серией статей конца 1890-х, «Разысканиями» (1908) и изданием ПВЛ (1916). Это наводит на мысль, что улавливаемые авторами изменения касались не собственно методов Шахматова как таковых, а его представлений об истории летописания. Подобный «оптический обман» вызван смещениями внимания Шахматова на новый объект: в конце 1890-х — Начальный свод, в 1908-м — древнейшие своды, в 1916-м — редакции ПВЛ³⁶¹. Обоснование новой гипотезы требовало иного сочетания исследовательских инструментов. Но сам по себе набор инструментов с конца 1890-х до конца 1910-х оставался практически тем же.

Иначе смотрел на вещи Истрин. Он полагал, что Шахматов в изучении летописей сразу «стал на тот путь, по которому он шел как историк языка». Но и с такой однообразной картиной трудно согла-

³⁶⁰ Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. — М., 1977. — С. 45–48; Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. — С. 303–306.

³⁶¹ Как будет показано в главе 3, эти даты действительно связаны с перестройкой его схем.

ситься. Прямые ссылки на «сравнительно-исторический метод», уподобление приемов исследования текстов и языков – это заметно только после 1896–1897 годов. В первых, в т. ч. неопубликованных, работах Шахматов методологически почти не отличается от своих предшественников (в частности, Костомарова и Бестужева-Рюмина), которым его противопоставлял Лихачев. Он применял тот же «эпизодический» анализ летописных текстов, что и они; так же занимался «расшивкой» ПВЛ на первоисточники; употреблял тот же понятийный аппарат³⁶².

Только в самом конце 1890-х годов Шахматов приобрел уникальное методологическое «лицо». Важно, что именно с того времени в его работах заметно сближение языкознания и летописной критики, хотя уже первые летописеведческие статьи он писал, имея лингвистическое образование.

Склоняюсь к мысли, что в методологическом плане творчество Шахматова-летописевода делится на два неравных периода: до и после конца 1890-х. На рубеже веков он начинает «расслаивать» (а не «расшивать») летописные тексты на пласты («своды»), а в его практиках все явственнее проступают черты методов сравнительной лингвистики. Однако в остальном его исследовательские приемы существенно не изменились.

«Рабочие гипотезы». Первые строки статьи 1897 года о хронологии древнейших летописных сводов (часто цитированные в литературе) ясно раскрывают эпистемологические установки Шахматова: «Настоящее исследование исходит из некоторых положений, которые пока не доказаны. Развитие этих положений, думаю, равносильно их доказательству. Вот почему, оставляя в стороне все те доводы и соображения, которые привели меня к этим положениям, я поверю здесь основательность их в применении к прямой задаче настоящего исследования...»³⁶³.

Инверсия исследования, когда вывод предшествует аргументации, а реальный фундамент суждений остается «в стороне», наблюдается в главнейших летописеведческих трудах Шахматова. Например, в статье того же 1897 года о Начальном своде читаем: «Из все-

³⁶² ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 133. О древней летописи и Несторе-летописце. Первые подготовительные материалы к пробной лекции и статьям 1890 г., 1889–1890, 20 л; Шахматов А. А. О сочинениях преподобного Нестора // Шахматов А. А. История русского летописания. – СПб., 2003. – С. 465–475.

³⁶³ Шахматов А. А. Хронология древнейших русских летописных сводов. – С. 463.

го предыдущего я вывожу целый ряд заключений, подтверждающих сделанные уже выше выводы...»³⁶⁴. Перед нами известная аберрация «логического круга», когда ученый делает некоторые выводы и на их основе развивает мысли, которые подтверждают те же выводы.

Один из образцов такого «круга», где два предположения «подтверждают» друг друга, находится в статье 1908 года. Очерчивая свои задачи, Шахматов писал: «Я исхожу из мысли, что Сказание („о преложении книг”, якобы отраженное в статье 898 г. ПВЛ) не было составлено самим летописцем, а стало ему известным уже в готовом виде: составитель Повести временных лет был сводчиком, компилятором, и конечно, он не нашел бы для себя досуга составлять статью о преложении книг; присутствие ее в его компиляции доказывает, что такая статья существовала в отдельном виде или в составе другого памятника»³⁶⁵. Общая мысль о компилятивности ПВЛ будто бы доказывала, что этот фрагмент летописи сначала существовал отдельно. Одновременно уверенность в существовании отдельного Сказания собственно и давала возможность считать ПВЛ компиляцией.

Другая стратегия заключалась в том, чтобы «переложить ответственность» на предыдущие исследования. В одной из ранних статей Шахматова читаем: «в виду того, что в *Чтениях Общества Истории и Древностей* за настоящий 1897 год уже отпечатано исследование о летописном своде XI в., предшествовавшем Повести временных лет, а потому названном мною Начальным сводом, я предполагаю доказанным, что в древнейшей части (до 1074 г.) Новгородской 1-ой летописи второй редакции (все списки этой летописи, кроме синодального) сохранился тот первоначальный летописный свод, на котором основана Повесть временных лет»³⁶⁶. Следует ли понимать так, что гипотезу можно считать доказанной только потому, что текст, где она высказана, напечатан?

Шахматов продолжал: «не возвращаясь поэтому в настоящем исследовании к доказательствам этого положения, ограничиваюсь ссылкой на названную статью»³⁶⁷. В этом и других аналогичных случаях ученый ссылался на ранее сделанную догадку и использовал ее как факт, развивая ее или выстраивая на ее основании новую.

³⁶⁴ Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде / Исследования // ЧОИДР 1897 г. Кн. 3. – М., 1897. – С. 37.

³⁶⁵ Шахматов А. А. Сказание о преложении книг на словенский язык // Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. – Berlin, 1908. – С. 172.

³⁶⁶ Шахматов А. А. Древнейшие редакции Повести временных лет // ЖМНП. 1897. Октябрь. – СПб., 1897 – С. 209.

³⁶⁷ Там же.

Часто Шахматов и просто оставлял утверждения без доказательств, ограничиваясь заверением, что они все же существуют. «Сказание, приурочивающее крещение ко взятию Корсуня, — греческого, скажем определеннее, корсунского происхождения. Доказательства этого положения завели бы меня слишком далеко; ограничусь ссылкой на то, что автор хорошо знаком с топографией Корсуня и решительным утверждением, что, по многим данным³⁶⁸, самое сказание было написано по-гречески»³⁶⁹.

Доклад о ПВЛ, читанный 31 января 1897 года, Шахматов закончил такими словами: «Я сознаю, что последние положения изложены не в достаточно убедительной форме: вместо доказательств я довольствовался (?) одними намеками, но в реферате, рассчитанном на час времени, нельзя доказать того, что требует обширного исследования и сложных рассуждений»³⁷⁰. Однако и в более «обширных исследованиях» он не отягощал себя лишними доказательствами: «я не решаюсь подробно останавливаться на доказательстве выставленных здесь положений» — так писал он в достаточно пространной рецензии на работу Тихомирова, которого, между прочим, обвинял в произвольности выводов и слабой доказательной базе³⁷¹.

Своим студентам в 1910-х годах он предлагал принять те или иные утверждения «на веру», без доказательств. Но из них тут же выводил другие утверждения, которые считал обоснованными. Если на одной странице Шахматов писал «можно допустить», то на следующей — это предположение становилось фактом, на основании которого он строил новое предположение. Еще через пару страниц и оно превращалось в факт, и все повторялось.

Таким образом, немало положений ученого базировались не на обнародованных аргументах, а на вере их существование. Несмотря на заверения Шахматова во временном и условном, «рабочем», характере своих гипотез, на практике он использовал их как доказанные положения. Место осторожной критики в его работах часто занимали «решительные утверждения», которые могли быть беспочвенными.

Надо сказать, что активное использование предположений и смелых гипотез характерно не только для Шахматова. Он лишь следо-

³⁶⁸ В этом месте стоит примечание, но в нем отсутствуют обещанные «многие данные».

³⁶⁹ Шахматов А. А. Один из источников летописного сказания о крещении Владимира // Шахматов А. А. История русского летописания. — СПб., 2003. — С. 299.

³⁷⁰ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 149. — Л. 18

³⁷¹ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова. — С. 116.

вал «моде», пришедшей во второй половине XIX века на смену показной строгости критики, которой так гордились Шлецер («чем издатель незнающее, тем более любит догадки»³⁷²), Погодин и ученые «школы скептиков». В манере «гипотез и догадок» писали Срезневский, Бестужев-Рюмин, Ламбин и Яниш.

Яниш собирался сравнивать летописные списки (чтобы реконструировать текст или приблизительный состав и направление изменений в текстах) «с помощью некоторого домысла и немногих осторожных наведений»³⁷³. Ламбин в своей работе о древнейшем русском историческом тексте поместил, по собственному признанию, только выводы без доказательств и детального разбора ПВЛ до конца X века³⁷⁴.

Оправдывая стремление к «приблизительному» восстановлению «довладимировых» летописей, Срезневский писал: «пусть первые попытки будут и не удачны: ужели это должно устрашать работающих? Странно было бы, если б люди, трудящиеся для науки, руководствовались только желанием выказывать свою непогрешительность и боязнь быть пристыженным за неизбежные ошибки»³⁷⁵.

Наконец, характерным образом описывал свое исследование Бестужев-Рюмин: «...следует делать попытки решения; несколько таких попыток сделано и мною; большая или меньшая твердость их зависит от большей или меньшей полноты соображений, на которых они основаны; положительной достоверности они — разумеется — не имеют; но тем не менее, если хоть некоторые из них будут оправданы, — попытка сделана не бесплодно; даже в случае отвержения вопрос будет осмотрен с нескольких сторон и подготовлено правильное решение; такая мысль утешала меня во время блуждания по обширному полю догадок»³⁷⁶.

А теперь сравним эти слова с известными признаниями Шахматова: «Я хорошо сознаю субъективность многих из моих „ученых доводов“ и понимаю, что достоянием науки добытые выводы могут стать только после всесторонней оценки их другими исследователями. Предстоит еще решение общего вопроса: правильно ли поставлена мною задача и каковы должны быть приемы исследования»³⁷⁷.

372 Шлецер А. Л. Нестор. — С. 415.

373 Яниш Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. — М., 1874. — С. 60.

374 Ламбин Н. П. Источник летописного сказания о происхождении Руси. — С. 244.

375 Срезневский И. И. Чтения о древних русских летописях. — СПб., 1862. — С. 20.

376 Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. — СПб., 1868. — С. III–IV.

377 Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — С. VII–VIII.

Но здесь важно не то, как Шахматов парафразирует Бестужева-Рюмина. Достоянства внимания прееменованность манеры – развивать смелые предположения, пусть даже выбегая далеко за пределы достоверного знания.

Энтузиасты и скептики. Высокая гипотетичность не была уникальной чертой российского летописеведения и, в частности, работ Шахматова. Многие немецкие и польские исследования ранней анналистики также отличала избыточность предположений. Их роль особенно выразительна в сложных схемах двух современников Шахматова – Фридриха Курце и Войчеха Кентшиньского.

Схемы Курце касались взаимозависимости древнейших каролингских анналов. Ученый претендовал на то, чтобы охватить все известные источники, сконструировать исчерпывающую систему их взаимозависимости и объяснить происхождение едва ли не каждого сообщения. Результатом было искусственное заполнение лакун в текстуальных традициях³⁷⁸. Как и в схемах Шахматова, это воплощалось в предположениях о целой сети текстов-посредников. При этом неудобные чтения Курце удалял путем «восстановления» их якобы искаженных переписчиками оригинальных форм³⁷⁹. В итоге гипотетические «общие источники» количественно превосходили реальные тексты. Позднее Регинальд Пул называл Курце «самым неубедительным» исследователем франкских анналов³⁸⁰.

Те же самые черты имели и схемы Кентшиньского. Как писал позднее Станислав Зайончковский: «образ взаимных связей и зависимости между [...] рочниками, очерченный Кентшиньским, неслыханно сложен, а понятие утерянного источника в нем применяется слишком часто»³⁸¹. Между тем, польский ученый, подобно Курце и Шахматову, воспринимал свои схемы как вполне надежное отражение реальной истории текстов.

Отвечая на критику, Курце приходилось признавать, что он четко не отделял доказанного от гипотетического³⁸². В обобщающей книге 1913 года он даже специально графически отмечал, какой тезис стро-

³⁷⁸ Schröer N. Die Annales S. Amandi und ihre Verwandten. Untersuchungen zu einer Gruppe karolingischer Annalen des 8. und frühen 9. Jahrhunderts. – Göppingen, 1975. – S. 1–3.

³⁷⁹ Hellmann S. Die Annales Fuldenses // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde, 37, 1912. – S. 65.

³⁸⁰ Poole R. L. Chronicles and Annals. – P. 32–33.

³⁸¹ Zajaczkowski S. David P. Recherches sur l'annalistique polonaise du XI au XVI siecle. – Bordeaux, 1932. – S. 92.

³⁸² Kurze F. Die karolingischen Annalen bis zum Tode Einhards. – Berlin, 1913. – S. 5.

го доказан, а какой — только предположение. Однако на практике, «для себя», он вряд ли резко отличал «доказанное» от «гипотетического». То же самое заметно у Шахматова: он мог признать, что в своих реконструкциях дал не реальный текст, а «фикцию», но на деле не устанавливал четкой границы между «фактами» и «фикциями».

В конце концов, и Шахматову, и Курце была присуща постепенная эволюция взглядов при сохранении концептуального «ядра». В отличие от многих коллег, они не сосредотачивались на написании одной крупной книги и вместо этого публиковали изрядное количество статей, что создавало ощущение некоторой незавершенности исследований. При этом изначальная (и часто ошибочная или противоречивая) аргументация центральных положений незаметно вытеснялась новой. Теряя старую основу, концепции оставались в силе.

Состояние изучения франкской анналистики на рубеже XIX–XX веков Пул характеризовал так: «С 1880 года [...] критика *Анналов* (Франкских Королевских *Анналов*. — В. А.) перешла в более слабые руки, и анализ их содержания был сведен к очень сложным предположениям и конъектурам. Был изобретен целый ряд ныне утраченных *анналов*, чтобы объяснить черты *анналов* сохранившихся, а содержание этих воображаемых произведений описывалось так детально, будто они сейчас существовали»³⁸³.

Примечательно, что даже критики сложных гипотетических схем легко преступали грань, отделявшую твердые данные от простых предположений³⁸⁴. Л. Н. Беркут грустно завершал обзор литературы по истории франкских «Королевских *анналов*»: «покоятся ли на достаточных объективных основаниях [...] мнения, иногда так свободно расчленяющие знаменитый анналистический труд? [...] определенного критерия [...] даже нечего искать, так как центр тяжести всякого исследования сводится тут в большой степени к личным вкусам и взглядам»³⁸⁵.

Описанное Беркутом положение дел не должно вызывать удивление. Долгое время не существовало специальных руководств, правил

³⁸³ Poole R. L. *Chronicles and Annals. A Brief Outline of their Origin and Growth*. — Oxford, 1926. — P. 32.

³⁸⁴ Это, например, заметно в работах Габриэля Моно, который описывал чисто гипотетические *анналы* наряду с реальными, и Луи Альфена, старавшегося создать «контр-систему» взамен схемам Курце. См.: Monod M. G. *Etudes critiques sur les sources de l'histoire carolingienne*. — Paris, 1898; Halphen L. *Etudes critique sur l'histoire de Charlemagne*. — Paris, 1921.

Подобную «контр-систему» в противовес Шахматову пытался построить Истрин, о чем ниже — 3.2.

³⁸⁵ Беркут Л. Н. *Возникновение и характер средневековой анналистики*. — С. 31.

изучения средневековых исторических текстов. Отдельные методологические замечания помещали обычно в предисловиях к изданиям или в теле исследований. При этом ограничивались отсылками к общим правилам издания и сравнительной критики. В исследовательской практике происходила стихийная рецепция методов, разработанных в смежных сферах. Иногда методы специально выработывались для каждого конкретного источника³⁸⁶. По словам Хартмута Хофмана, «историки [...] в то время так же, как и сегодня, мало беспокоились методологическими размышлениями. Аргументацию не строили на научно-теоретическом уровне, а исходили из практического опыта, из эмпирического обращения с источниками»³⁸⁷.

Однако в начале XX века ситуация уже не была столь печальной, как может казаться. Результатом накопления того самого «практического опыта» стал ряд серьезных попыток осмысления методологии работы с анналами и хрониками³⁸⁸. Последовательную инструкцию, как работать с анналами, первым составил Тадеуш Войчеховский в 1880 году³⁸⁹. Ее суть заключалась в том, чтобы максимально уменьшить субъективизм и избирательность в сравнении текстов. Ученый призывал исходить из рукописного материала и прежде всего изучать наличные рочники как целое и исследовать их структуру, а при сравнении родственных рочников избегать лишних гипотез об «общих источниках».

Дело Войчеховского продолжил Владислав Семкович³⁹⁰. Он также предложил пошаговую инструкцию для исследования рочников. Такое исследование должно было начинаться с анализа рукописного материала, а заканчиваться рассмотрением вопросов авторства и места написания памятника³⁹¹. Семкович критиковал распространенную привычку изучать тексты сами по себе (он называл это «механистичностью») и ратовал за рассмотрение текстов во всей их материальности, не забывая, что каждый текстуальный факт был фактом палеографическим. Только тщательное исследование рукописей,

³⁸⁶ Такой пример – работа Макса Перльбаха, где ученый изобретал методики под специфику польских рочников XIII–XIV вв. Perlbach M. Preussisch-polnische Studien zur Geschichte des Mittelalters. H. 2. – S. 44–46.

³⁸⁷ Hoffmann H. Die Edition in den Anfängen der Monumenta Germaniae Historica // Mittelalterliche Texte. Überlieferung – Befunde – Deutungen. – Hannover, 1996. – S. 191.

³⁸⁸ Wojciechowski T. O rocznikach polskich; Wibel H. Beiträge zur Kritik der Annales Regni Francorum und Annales q. d. Einhardi. – Strassburg, 1902.

³⁸⁹ Wojciechowski T. O rocznikach polskich. – S. 152–156.

³⁹⁰ Семкович W. Rocznik t. zw. Świętokrzyski dawny // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-folozoficzny. Seria II. Tom XXVIII. – W Krakowie, 1910. – S. 241–295.

³⁹¹ Там же. – S. 266.

по его мнению, могло служить основанием для предположений об их источниках.

В немецкой литературе со второй половины XIX века наблюдалось сопротивление методологическому «произволу» и неоправданному «схемотворчеству». Например, исследователь каролингской анналистики Кауфман усматривал ошибку в самой постановке вопроса об утерянных источниках и текстах-посредниках, в уверенности, будто можно в этом достичь надежных результатов. Он считал вредными все детальные схемы и теории по истории ранних анналов³⁹². Возможность успешно исследовать анналистику (и другие исторические тексты) с максимальной экономией гипотез об утраченных источниках засвидетельствовали работы Георга Вайтца. Среди критериев в сравнительной критике анналов Вайтц считал субъективным все, кроме несогласованности в фактических деталях (названиях местностей, специфических терминах и др.). При сравнении параллельных сообщений, с его точки зрения, имели вес только вторичные чтения, отражавшие необратимые направления изменений текста³⁹³.

Особенно следует выделить работу Ханса Вибеля 1902 года о Франкских Королевских анналах. В ней автор специально останавливался на проблеме особого подхода к историческим произведениям, формировавшимся на протяжении длительного времени (*Werken des historischen Inhalts von lang dauernden Entstehungszeiten*)³⁹⁴. Основная мысль Вибеля заключалась в том, что критика продолжаемых текстов с открытой текстологической традицией не могла безоговорочно пользоваться обычными правилами критики текста, но в то же время не должна была обращаться к «историческим» конъектурам и сводить текстуальные факты в искусственные непротиворечивые системы. Спор Вибеля с Курце хорошо иллюстрирует две противоположных исследовательских установки. Курце стремился создать всеохватывающую схему истории каролингской анналистики, пусть даже слишком сложную и полную натяжек. Вибель же отбрасывал все, что не могло быть твердо установлено, и выступал за самые простые объяснения, отказываясь от построения целостной системы³⁹⁵.

³⁹² Kaufmann G. Die karolingischen Annalen. – S. 67–70.

³⁹³ Waitz G. Über die Annales Sithienses // Nachrichten von der Königlichen Gesellschaft von Wissenschaften und der Georg-Augustus-Universität aus dem Jahre 1873. – Göttingen, 1873. – S. 594–597.

³⁹⁴ Wibel H. Beiträge zur Kritik der Annales Regni Francorum und Annales q. d. Einhardi. – S. 5–11.

³⁹⁵ См.: Kurze F. Zur Überlieferung der karolingischen Reichsannalen und ihrer Überarbeitung // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde, 28, 1903. – S. 626–627, 670–674; Wibel H. Beiträge zur Kritik der Annales Regni Francorum und Annales q. d.

Активные методологические дебаты отражались на историографическом успехе ученых и их предложений. В середине 1920-х годов Пул так оценивал Курце: «это был очень продуктивный человек, издавший целый ряд книг; но его издания надо будет делать заново, а его критические работы настолько сложны и запутанны, что о них уже тихо забыли»³⁹⁶. По мнению Норберта Шрёера, схемы Курце воспринимали с недоверием из-за слишком высокой гипотетичности, несовместимой с требованиями источниковедения. «Лабиринты» взаимозависимостей реальных и гипотетических текстов делали систему непривлекательной³⁹⁷. В результате Шрёеру пришлось осторожно «оправдывать» Курце перед общей критикой и вылучивать рациональные зерна из его гипотез, чтобы как-то «выровнять» историографию³⁹⁸.

Показательно, что с Шахматовым все произошло наоборот: около столетия его работы занимают едва ли не главенствующее положение в дисциплине, и теперь приходится скорее «оправдывать» его оппонентов.

В отличие от Шахматова и его российских коллег, немецкие ученые на рубеже XIX–XX веков уже могли опираться (хотя, конечно, не всегда это делали) на специальные руководства по источниковедению и соответствующие университетские курсы. К тому времени вышло несколько учебников по методологии истории и филологии, где критика источников излагалась как система принципов и правил, а также предлагались стандартные решения для исследовательских задач³⁹⁹. Источниковедение⁴⁰⁰ превращалось из эзотерического искусства в дисциплинированное ремесло⁴⁰¹.

Einhardi. — S. 7–17, 32–36, 247; Kurze F. Die karolingischen Annalen bis zum Tode Einhard's. — Berlin, 1913. — S. 5; Schröer N. Die Annales S. Amandi und ihre Verwandten. Untersuchungen zu einer Gruppe karolingischer Annalen des 8. und frühen 9. Jahrhunderts. — Göppingen, 1975. — S. 1–3.

³⁹⁶ Poole R. L. Chronicles and Annals. — P. 33.

³⁹⁷ Schröer N. Die Annales S. Amandi und ihre Verwandten. Untersuchungen zu einer Gruppe karolingischer Annalen des 8. und frühen 9. Jahrhunderts. — Göppingen, 1975. — S. 1–3.

³⁹⁸ Там же. — S. 1.

³⁹⁹ Boeckh A. Encyclopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften. — Leipzig, 1877; Gutschmid A. von. Kleine Schriften. Erster Band. — Leipzig, 1889. — S. 1–34; Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. — Leipzig, 1908.

⁴⁰⁰ Сам термин этот является немецким изобретением — Quellenkritik, Quellenkunde.

⁴⁰¹ По воспоминаниям одного немецкого ученого, еще в 1830-х годов студенты разных специальностей приходили на лекции Фридриха Ричля, который преподавал основы будущего «метода Лахмана», «чтобы обучиться методу». Usener H. Philologie und Geschichtswissenschaft. — Bonn, 1882. — S. 35.

Освоение западного опыта в российском источниковедении дало плоды только в первой четверти XX века и воплотилось в лекциях и пособиях В. Н. Перетца и А. С. Лаппо-Данилевского. По словам С. В. Чиркова, до начала XX века в российской археографии «культура правил» уступала «культуре традиции»⁴⁰². То же следует сказать и о летописной критике, которая при Шахматове была во многом искусством, а не наукой, и руководствовалась в большей мере индивидуальным тактом исследователя, нежели общими правилами.

Пользуясь метафорой Эрнста Блоха⁴⁰³, можно выделить «холодное» и «теплое» течения в исследовательской практике. «Теплое», энтузиастическое, течение означает склонность к смелым и детализированным схемам, относительно свободное «дополнение» твердых данных гипотезами и предположениями. Его представителями в сравниваемых здесь научных традициях были, в частности, Курце, Кентшинский и Шахматов. «Холодное», скептическое, течение — это ученые типа Вайтца, Кауфмана, Войчеховского, Перльбаха, Семковича, Бугославского. Они с подозрением относились к обилию гипотез и предположений, избегали вопросов, на которые можно было дать лишь гипотетический ответ. Приходится признать, что в российском летописеведении «теплое» течение оказалось сильнее «холодного».

1.6. Обращение историей

Симптоматично, что первыми последователями Шахматова стали историки: Пресняков, Приселков, Пархоменко. Дело в том, что интерес Шахматова к раннему летописанию был не столько филологическим, сколько историческим. По словам Вовиной-Лебедевой, Шахматов был историком «в широком диапазоне» и подходил к изучению литературы не просто как филолог⁴⁰⁴ (добавлю: и к изучению языков — не просто как лингвист). Ф. П. Филин, анализируя лингвистические достижения Шахматова, замечал, что описание фактов было для него только «средством обнаружения исторического развития»⁴⁰⁵. Точно так же каждый летописный текст интересовал

⁴⁰² Чирков С. В. К истории разработки правил издания исторических источников в начале XX в. // АЕ за 1984 г. — М.: Наука, 1986. — С. 64.

⁴⁰³ Блох Э. Тюбингенское введение в философию / Пер. с Т. Ю. Быстровой, С. Е. Вершинина, Д. И. Криушова. — Екатеринбург, 1997. — С. 23. В оригинале эта метафора касалась течений в марксизме.

⁴⁰⁴ Вовина-Лебедева В. Г. А. А. Шахматов-текстолог и «русские младограмматики». — С. 86–87.

⁴⁰⁵ Филин Ф. П. Проблемы славянского этногенеза в трудах А. А. Шахматова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. XXIII. Вып. 3. — М., 1964. — С. 195.

Шахматова не сам по себе, а как «средство обнаружения исторического развития» летописания. В языкознании он был сторонником «миграционной теории» и потому представлял этноязыковую историю в виде бесконечных перемещений, столкновений и смешиваний народов и языков⁴⁰⁶. Пашуто справедливо отмечал, что в летописеведческих трудах Шахматова вместо языков и племен перемещались летописи⁴⁰⁷.

С самого начала научных занятий Шахматов прежде всего стремился не к изданию надежного текста или восстановленного оригинала. Его интересовала история текста. Внимание было приковано не к доступным артефактам, а к воображаемым реальностям прошлого. Мыслить о текстах «исторически» нельзя было в отрыве от их общественного контекста. Представляя определенный текст, нужно было представить также его автора, место создания, условия и сам творческий процесс. В этом случае критерием достоверности (сознательно или нет) становилась скорее сама возможность помыслить текст-в-истории, нежели свидетельства реальных рукописей. Исследователь работал «в присутствии» манускриптов, каждый раз «примеряя» к ним ту или иную картину прошлого.

Лихачев обоснованно считал, что Шахматов постепенно наращивал историческую аргументацию своих текстологических построений⁴⁰⁸. Ниже (2.6.) я рассмотрю, как конструировалась реалистичная история древнейших сводов. Вместе с тем, уже в первых работах Шахматова заметна и обратная тенденция – наращивание текстологической аргументации исторических построений. Например, как будет показано далее, на протяжении всей научной жизни он приспособлял схемы истории летописания к аксиоматическому утверждению об участии Нестора.

Взаимозависимость критики текста и истории в работах Шахматова⁴⁰⁹ не покажется чем-то исключительным, если выйти за рамки

⁴⁰⁶ Там же. – С. 197.

⁴⁰⁷ Пашуто В. Т. Шахматов – буржуазный источниковед. – С. 69.

⁴⁰⁸ Лихачев Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания // А. А. Шахматов 1864–1920. – С. 270; Лихачев Д. С. Шахматов – текстолог. – С. 485.

⁴⁰⁹ В качестве иллюстрации (их можно подобрать и больше) приведу анализ Шахматовым «Повести об ослеплении Василька Теребовльского». Так называли участок ПВЛ под 1097 г., где рассказывалось о трагическом эпизоде очередной усобицы. Ученый *предполагал*, что в оригинале князь Василько был назван не «тезом», а «сыном» Василия-рассказчика. Это был чистый домысел, не основанный ни одним текстуальном факте. Но *если так*, продолжал мысль Шахматов, то Василий *мог* быть попом и, более того, духовником князя (См.: Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том 1. – С. XXXII–XXXIII). Так из конъектуры рождался тезис о Василии-священнике, духовнике князя, воображение рисовало живую

русского летописеведения. На протяжении XIX века сформировался канон источниковедческого исследования средневековых исторических текстов. Он предполагал решение вопроса о времени и месте написания, авторстве и идеологии текста — обязательных пунктах внешней критики⁴¹⁰.

В сформулированных в 1820 году правилах подготовки изданий МГН значилось требование установления личности автора, его территориального и социального происхождения, степени правдивости, «духа и характера» его рассказа, места и времени написания произведения⁴¹¹. Влияние этих принципов⁴¹² ощущается в Предисловии к ПСРЛ⁴¹³, но более глубокая «историзация» летописных текстов произошла в российской науке позднее — к началу XX века.

Критика текста считалась чисто филологической дисциплиной⁴¹⁴, но анналы, хроники и летописи имели ценность прежде всего как исторические источники, и их критика нередко воспринималась как вспомогательная историческая дисциплина⁴¹⁵. Исторические тексты как никакие другие, казалось, могли рассказать сами о себе, особенно когда (в случае летописей) знание о соответствующей эпохе базировалось почти исключительно на них.

Но в этом и крылась западня герменевтического круга: для установления надежного текста источника привлекали его исторический контекст, о котором узнавали из этого же источника. Разбирая различия, исследователь часто сравнивал не только текстуальные варианты, но и разные сценарии событий (предполагавшиеся выбором того или иного чтения). Из-за этого сливались представления о двух

картину прошлого, а отсюда вытекало отношение ко всей «Повести». Надо сказать, что такие же черты были присущи работам и других летописеведов XIX в., например Ламбина.

⁴¹⁰ Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. Mit Nachweis der wichtigsten Quellen und Hilfsmittel zum Studium der Geschichte. Fünfte und sechste, neu bearbeitete und vermehrte Auflage. — Leipzig, 1908. — S. 391; Hoffmann H. Die Edition in den Anfängen der Monumenta Germaniae Historica. — S. 194.

⁴¹¹ Hoffmann H. Die Edition in den Anfängen der Monumenta Germaniae Historica. — S. 190–191.

⁴¹² Как указал Хартмут Хофман, они проистекали из тогдашней герменевтики. Hoffmann H. Die Edition in den Anfängen der Monumenta Germaniae Historica. — S. 191.

⁴¹³ Бередников Я. И. Предисловие к Полному собранию русских летописей. — С. V–VIII.

⁴¹⁴ Maas P. Textkritik. — Leipzig, 1950. — S. 15.

⁴¹⁵ Шлецер А. Л. Нестор. — С. XVIII, 395–400; Устрялов Н. Г. Предположение об издании русских летописей и государственных актов, рассмотренное и одобренное Археографическою комиссиею // ЖМНП. Ч. 13, № 2, отд. 3. — СПб., 1837. — С. 343; Waitz G. Über die Annales Sithiensis // Nachrichten von der Königlichen Gesellschaft von Wissenschaften und der Georg-Augustus-Universität aus dem Jahre 1873. — Göttingen, 1873. — S. 588, 599; [Kętrzyński W]. MPH (PDP). — Lwów, 1872 // Przewodnik naukowy i literacki. Tom 1. — Lwów, 1873. — S. 309; Wojciechowski T. O rocznikach polskich. — S. 153–156.

совершенно разных вещах: текстуальной оригинальности и исторической достоверности. Именно потому и Шахматов, и его иностранные коллеги⁴¹⁶ попадали в ловушку — отдавали предпочтение текстуально не оправданным чтениям, казавшимся исторически более верными.

Вписывание в историю и приписывание текстам истории наблюдалось сплошь и рядом, по крайней мере, во всей зоне немецкого интеллектуального влияния⁴¹⁷. Характерно, что самые известные дискуссии на протяжении XIX — начала XX века велись именно вокруг вопросов «внешней истории» текстов.

Нестор и Эйнгард. Ярчайшими попытками «авторизировать» ключевые исторические тексты в то время были концепции «Нестора-летописца» и «Эйнгарда-анналиста». В обоих случаях ученым досталась еще средневековая традиция приписывать какие-то анналы/летописи известному литератору. Не останавливаясь здесь на концепции «Нестора-летописца» (см. 2.3.), отмечу схожую историографическую судьбу Эйнгарда, автора «Жития Карла Великого» (*Vita Caroli*). Толчок гипотезе об Эйнгарде-анналисте дало то, что в X столетии анонимный книжник приписал анналы, известные ныне как «Королевские», Эйнгарду, очевидно, спутав с позднейшим фульдским анналистом Энгардом⁴¹⁸. Точно так же составители Киево-Печерского Патерика приписали известную им летопись Нестору.

По словам исследователя каролингской историографии А. И. Сидорова, «бурную дискуссию вызвал вопрос об авторстве *Анналов*, в целом, а также отдельных их частей. Некоторые исследователи XIX — начала XX вв. указывали на Эйнхарда как возможного автора и редактора большей части текста. Ему приписывали рассказ о 788– 829 гг. (Г. Пертц); о 796– 829 гг. (Л. Ранке); о 797– 817 гг. (В. Ги-

⁴¹⁶ Warmiski M. St. von. Die Großpolnische Chronik. Eine Quellenuntersuchung. — Krakau, 1879. — S. 4–5; Kaufmann G. Die karolingischen Annalen. — S. 60; Kętrzyński W. O polskich. — S. 93; Caro G. Zur Kritik der Annales Ianuenses. II. // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde, 26, 1901. — S. 83–87; Hoffmann H. Die Edition in den Anfängen der Monumenta Germaniae Historica. — S. 209–211.

⁴¹⁷ Например, Курце локализовал и авторизировал анналы даже тогда, когда для этого не было достаточных данных, а сами анналы были не более чем воображаемыми сущностями, с помощью которых объяснялись взаимоотношения реальных текстов. Schröer N. Die Annales S. Amandi und ihre Verwandten. Untersuchungen zu einer Gruppe karolingischer Annalen des 8. und frühen 9. Jahrhunderts. — Göppingen, 1975. — S. 1–3.

⁴¹⁸ MGH. Tomus I. — S. 124–125; Giesebrecht W. Die fränkischen Königsannalen und ihr Ursprung. — S. 192; Ebrard F. Die Fränkischen Reichsannalen von 741 bis 829 und ihre Umarbeitung // Forschungen zur deutsche Geschichte. XIII Band. — Göttingen, 1873. — S. 453; Waitz G. Über den ersten Teil der Annales Fuldenses // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde, 12, 1887. — S. 51.

зебрехт); о 809–829 гг. (Б. Симсон); о 796–801 гг. (Э. Дюнцельманн); о 796–819 гг. (Ф. Курце). Основания для подобных предположений давало известное текстуальное сходство *Анналов* и «Жизнеописания Карла Великого»⁴¹⁹.

Вооруженные авторитетным преданием, ученые старались определить вклад известного автора в написание *анналов* путем приписывания ему того или иного отрезка текста «Королевских *анналов*» или гипотетического этапа их редактирования. Разбивка на отрезки и реконструкция стадий формирования текста происходили так, чтобы «зарезервировать» место для Эйнгарда. Абсолютно так же летописеведы «перекидывали» Нестора на разные участки текста летописи, по-разному определяли объем его работы – только бы сохранить летописца. Известный в российской науке курьез – гипотеза о двух Несторах (летописце и агиографе) – случился и в немецкой. Некоторые авторы предполагали двух Эйнгардов: *анналиста* и писателя⁴²⁰.

Гипотеза об Эйнгарде стала примером: отказывая ему в авторстве, исследователи предлагали своих кандидатов. Это были «более или менее обоснованные предположения, подкрепленные лишь косвенной аргументацией и потому неизбежно субъективные. В авторы прочили Риккульфа Майнцского (Ф. Курце), Арна Зальцбургского (В. Гизебрехт), Хильдвина Сен-Денийского (В. Ваттенбах, Х. Леве)»⁴²¹. Каждая альтернативная гипотеза переписывала биографию кандидата («конкурента» Эйнгарда) так, чтобы в ней нашлось место писанию истории.

В целом, заметна тенденция приписывать анонимные *анналы* или хроники выдающимся людям. При этом кандидатами в авторы становились едва ли не все известные из источников потенциально грамотные люди, но чаще – знаковые персонажи. Так, у истоков новгородского летописания Шахматов ставил первого епископа Иоакима. Аналогично, основателем польской *анналистики* некоторые авторы видели первого польского мученика Войтеха-Гауденция⁴²².

В этих случаях вряд ли стоит утверждать о заимствованиях в постановке вопросов или исследовательских решениях. Чрезвычайное сходство дискуссий обеспечивала близость ситуаций и единство об-

⁴¹⁹ Сидоров А. И. Историческая мысль и историческое знание в Каролингской Европе. – С. 213–214.

⁴²⁰ Dünzelmann E. Beiträge zur Kritik der karolingischen Annalen // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde, 2, H.3, 1877. – S. 498–499.

⁴²¹ Сидоров А. И. Историческая мысль и историческое знание в Каролингской Европе. – С. 213–214.

⁴²² Zajączkowski S. David P. Recherches sur l'annalistique polonaise du XI au XVI siècle. – S. 91.

щих принципов источниковедческого исследования. Отличие российской ситуации заключалось разве что в том, что стараниями Шахматова Несторова традиция была на сто лет возвращена в науку (см. 2.3.). Эйнгарда, напротив, в конце концов не пустили в ряды анналистов, а сама возможность и метод определения автора «Королевских анналов» были подвергнуты аргументированному пересмотру.

Видовое разнообразие летописцев. Восстанавливая историю летописания, ученый вынужден формировать для себя определенный образ летописца и его работы⁴²³. Даже специально не задумываясь, историк неизбежно обращается к тем или иным моделям летописной работы. Чаще всего он заимствует их из работ предшественников и развивает в зависимости от темы собственного исследования.

За все время изучения древнерусского летописания возникло несколько базовых образов летописца, причем большинство из них — на протяжении XIX — начала XX века. Значительное влияние на представления о летописцах и их работе оказал Шахматов. Те образы, к которым обращался он, использовались в дальнейшем; другие, которые не попали на страницы его трудов, остались почти без внимания. Представления о работе летописцев эволюционировали в соответствии с изменениями взглядов на характер летописных памятников. Вместе с тем, взгляды на древних историописателей складывались под влиянием практик и форм работы современных историков.

«Автор, его продолжатели и переписчики». До первой половины XIX века Нестора, первого автора, противопоставляли его продолжателям и поздним переписчикам. Одни исследователи (такие как Татищев, Миллер или Перевошиков) не видели резкого различия между Нестором и его преемниками, рассматривая летописцев как «сочинителей», последовательных продолжателей друг друга⁴²⁴. В оценках других ученых (особенно Шлецера) Нестор стоял значительно выше не только безграмотных переписчиков, но и безымянных продолжа-

⁴²³ Ср. рассуждения Х. У. Гумбрехта о том, как издатель (editor) древнего текста неизбежно конструирует его автора и вносит в текст смысл, соответствующий этому образу. Gumbrecht H. U. *The Powers of Philology. Dynamics of Textual Scholarship.* Urbana and Chicago, 2003. P. 28–34.

⁴²⁴ Татищев В. Н. *История Российская* в 3-х томах. Т. 1. — С. 75–77; Миллер Г. Ф. О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оныя // *Сочинения по истории России. Избранное.* — М., 1996. — С. 11–12; Перевошиков В. О. О русских летописях и летописателях по 1240 г. — С. 26–40.

телей. За этим прочитывается просветительский идеал образованного Автора, которому противопоставлены невежественные копиисты⁴²⁵. С первой половины XIX века, не без участия «скептиков», такой образ летописцев был признан наивным и вышел из научного оборота.

«Археограф-собиратель». Первая половина XIX века обозначена активными археографическими занятиями, созданием археографических комиссий и началом серийных изданий источников. Археографы разыскивали старые рукописи, в т. ч. летописи, просили друзей и коллег присылать документы из отдаленных хранилищ. В результате такой работы возникали монументальные сборники и основанные на документах исторические труды.

Именно в таких условиях вызревало представление о летописях как о сборниках и об их составителях как об «археографах-собирателях». Подобно новейшим археографам, собирающим первоисточники, древние «собиратели» должны были коллекционировать оригинальные летописи и грамоты и создавать из них те мозаики летописных текстов, которые дошли до нас. При этом ученые механистически экстраполировали на летописцев собственные практики собирания источников и писания истории⁴²⁶.

Возникновение образа летописца-собирателя связано с П. М. Строевым и может объясняться его археографической практикой. Как стало известно после смерти ученого (и на сегодня окончательно подтверждено), Строев вырезал из рукописей отдельные листы или тетради и собирал из них свою коллекцию⁴²⁷. Археограф был убежден, что таким образом спасает ценные рукописи от порчи и гибели. Но в результате части одной книги могли оказаться в разных книжных собраниях, тексты памятников теряли «конвой», что крайне усложняло работу дальнейшим исследователям. Но кроме того, составление единого сборника из отрывков первоисточников могло подсказать Строеву идею, как мог формироваться состав известных летописей.

С распространением взгляда на летописцев как собирателей связана и смена термина: теперь у ПВЛ был не «автор», но «составитель». Метафора архива, употребленная Бестужевым-Рюминым для

⁴²⁵ Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке. Часть 1. — С. 83–85.

⁴²⁶ Аналогичное явление известно и в западноевропейских «гомеровских исследованиях». Mahler A. Did philologists write the *Iliad*? — P. 190–192.

⁴²⁷ Уо Д. К. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева // ТОДРЛ. Т. 32. — Л., 1977. — С. 187–191.

характеристики ПВЛ, выглядит неосознанной аллюзией на характерное название серийных изданий исторических источников, таких, как «Архив Юго-Западной России». Впрочем, некоторые ученые использовали эту метафору вполне сознательно. Яниш пронциательно сближал работу составителей сборников с работой членов археографических комиссий⁴²⁸.

Однако и среди современных, и среди древних собирателей попадались как профессионалы, так и дилетанты. Строев корил старинных книжников за неграмотное и неполное представление источников в сборниках – упрек, на самом деле адресованный его предшественникам и современникам, первым археографам и библиотекарям⁴²⁹, на фоне которых сам Строев выглядел «собирателем» умелым. Образ летописца-собирателя был общепринятым до начала XX века. После утверждения шахматовской «теории сводов» этот образ казался уже наивным и выходил из употребления.

«Литератор». Наряду с исторической ценностью летописей (прежде всего, ПВЛ) по мере исследования становилась очевидной их литературная ценность как памятников словесности. В 1856 году М. И. Сухомлинов опубликовал первую работу, где ПВЛ была проанализирована как «памятник литературный»⁴³⁰. Он разделял принятый взгляд на ПВЛ как сборник первоисточников, но вместе с тем предлагал рассматривать ее составителя как литератора и изучать его литературное мастерство.

Этот подход мог пригодиться тем, кто все же отказывался считать ПВЛ (или другую летопись) механической компиляцией и искал рациональности в построении текста. Рациональность могла быть разного рода, в частности политическая и литературная. Признание литературной рациональности летописи не давало прямого доступа к прошлой реальности (ведь летописец не обязательно заботился об объективности, преследуя эстетические цели), но помогало историку литературы понять структуру и замысел текста.

Будучи историком литературы, Шахматов изначально обращался именно к этому подходу. Протестуя против идеи сборника, он писал: «наши летописи не были официальными актами, памятными записями, механическою сшивкою разнородного материала, – это были литературные произведения, дававшие широкий простор личному

⁴²⁸ Яниш Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. – С. 7–9.

⁴²⁹ Уо Д. К. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева. – С. 190–191.

⁴³⁰ Сухомлинов М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном. – СПб., 1856.

чувству автора, считавшего себя полным и безответственным хозяином накопленного им материала, предшествовавших летописных сводов, летописей, веденных другими лицами, сказаний, известных по другим памятникам»⁴³¹.

Шахматов и в дальнейшем обращался к образу летописца-литератора, комбинируя его с другими (см. ниже). Но случилось так, что именно приверженцы «литературного» подхода становились едва ли не самыми активными оппонентами Шахматова и его последователей. Таким был, например, И. П. Еремин. Он противопоставлял литературоведческий взгляд на летопись стратификационному. Ученый писал о возможности изучения только реально дошедшего текста ПВЛ, а не гипотетических сводов. Он был убежден, что выяснению исторической структуры текста, его слоев должен предшествовать анализ его художественной структуры. Но от первого Еремин отказывался в силу гипотетичности выводов, а второе требовало рассматривать ПВЛ как целостное произведение⁴³².

«Исследователь». «Проблески критической мысли» древних летописцев отмечались неоднократно. Критическое отношение книжника к источникам лучше всего заметно в ПВЛ. Летописец аргументированно критикует суждения «невегласов» о Кие, месте крещения Владимира; работает с документами (договорами с Византией). Эти факты давали возможность создавать еще один образ «понятого» летописца.

Эту возможность сполна использовал Шахматов. Примечательно, что когда прошел археографический бум XIX века и основные источники были изданы, образ летописца-археографа уступает место образу летописца-исследователя. После собирания и издания источников наступала фаза их профессионального изучения. Ученые, и среди них Шахматов, опять узнавали в летописце себе подобного. Например, «дополняя, а местами комментируя текст Древнейшего Киевского свода, составитель Древнего новгородского свода действовал не как компилятор, а как исследователь исторических данных и собиратель народных преданий»⁴³³. В некоторых случаях тот или иной летописец, сводчик, напоминает маститого филолога, разложивше-

⁴³¹ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова. — С. 108.

⁴³² Еремин И. П. «Повесть временных лет» как памятник литературы // Литература Древней Руси. — М.-Л., 1966. — С. 42–97.

⁴³³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — С. 494.

го на столе списки, сравнивающего их и выбирающего определенные чтения то из одной, то из другой рукописи.

Образ «исследователя» мог быть применен ко многим летописцам, но, начиная с первых статей, особенно высокой ученостью Шахматов наделял редактора ПВЛ 1118 года. Эта фигура была удобной, чтобы обосновать сложные текстологические построения. К примеру, Шахматову надо было оправдать существование двух редакций ПВЛ и предполагаемой «Перемышльской летописи» и их контаминацию в третьей редакции. Для этого он изобразил третьего редактора ПВЛ исследователем, заказывавшим себе летописи в монастырской и княжеской библиотеках и критически выбиравшим из них исторические свидетельства⁴³⁴.

Как и современный ученый, летописец-исследователь должен был придерживаться строгой терминологии. Например, один и тот же летописец будто бы не мог называть свой источник по-разному. Если, скажем, в одном месте написано «Мефодий Патарский», а в другом — просто «Мефодий», значит, два фрагмента написаны двумя разными летописцами⁴³⁵.

«Официальный историограф». Политическая заангажированность летописцев — один из самых острых вопросов русской исторической культуры. До последнего времени в шахматовской традиции доминировала мысль о политической обусловленности летописания. Это имело важную инструментальную функцию: выделение в сообщениях политических пристрастий давало возможность относить их к разным «пластам» текста. Летописец же представлялся человеком, исполнявшим политический заказ. Поэтому его текст был не только историческим трудом, но и политическим памфлетом или идеологической программой.

И ныне «открытие» политической заангажированности летописцев многие считают заслугой Шахматова. Лихачев безапелляционно провозглашал: «Установление политической заостренности летописного текста [...] принадлежит к числу самых важных завоеваний исследований А. А. Шахматова и его школы»⁴³⁶. На самом деле это не так. Шахматов перенял готовый образ летописца, только адаптировав его к «теории сводов». Более того, Шахматов «опоздал» на спор

⁴³⁴ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 322. — Л. 62 — 62 об.

⁴³⁵ Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники. — С. 103.

⁴³⁶ Лихачев Д. С. О летописном периоде русской историографии // Вопросы истории. №9. — М., 1948. — С. 34.

об «официальности» летописания, разгоревшийся за несколько десятилетий до него, в середине XIX века⁴³⁷.

С проблемой «официального» происхождения ключевых исторических произведений одинаково столкнулись и российская, и немецкая историография, причем почти одновременно. Немецкие ученые активно спорили о существовании придворных франкских анналов (вторая половина VIII – первая половина IX века), полнее всего отразившиеся в т. н. Больших Лоршских, или Королевских, анналах (*Annales Laurissenses majores*).

Все гипотезы о «Придворных/Королевских анналах» были модификациями рассуждений Ранке⁴³⁸ (см. обзор Беркута⁴³⁹). Они были основаны на наблюдениях над тенденциозностью *Annales Laurissenses majores* и детальностью сообщений о политической истории. Вероятно, идея Ранке возникла в контексте разоблачения заказного и политически заангажированного характера венецианских хроник (и исторических нарративов вообще)⁴⁴⁰. Последователи Ранке превратили его гипотезу в «общепризнанную теорию»⁴⁴¹. Они утверждали, среди прочего, о прямом политическом заказе со стороны Карла Великого (хотя автором анналов могло быть и духовное лицо)⁴⁴² и считали анналы собственностью правителей, а не авторов⁴⁴³.

Заметна тенденция: к идее официального заказа преимущественно склонялись те ученые, которые выдвигали смелые гипотезы и разрабатывали детальные схемы истории анналов. В то же время скептики, не видевшие оснований для исчерпывающих схем взаимозависимости анналов, придерживались старой гипотезы Пертца, по которой Королевские анналы были составлены в Лоршском мо-

437 Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. – С. 31–32.

438 Ranke L. Zur Kritik fränkisch-deutscher Reichsannalisten. – Berlin, 1855.

439 Беркут Л. Н. Возникновение и характер средневековой анналистики. – С. 24–31.

440 Eskildsen K. R. Leopold Ranke's archival turn: location and evidence in modern historiography // *Modern intellectual history*. Vol. 5, part 3. – Cambridge University Press, 2008. – P. 435–437.

441 Wattenbach W. Deutsche Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte der dreizehnte Jahrhunderts. – Berlin, 1866. – S. 127–129.

442 Giesebrecht W. Die fränkischen Königsannalen und ihr Ursprung // *Münchener historisches Jahrbuch für 1865*. – München, 1865. – S. 196–202, 207–208.

443 Ebrard F. Die Fränkischen Reichsannalen von 741 bis 829 und ihre Umarbeitung // *Forschungen zur deutsche Geschichte*. XIII Band. – Göttingen, 1873. – S. 456–457; Kurze F. Über die karolingischen Reichsannalen von 741–829 und ihre Überarbeitung. 2 Teil // *Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde*, 20, 1895. – S. 42–43; Kurze F. Über die karolingischen Reichsannalen von 741–829 und ihre Überarbeitung. 3 Teil // *Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde*, 21, 1896. – S. 78–79.

настыре⁴⁴⁴. Как отмечал Георг Кауфман, в идеях о существовании официальной историографии и масштабных гипотетических схемах ветвления родственных анналов не было исследовательской необходимости⁴⁴⁵.

Среди российских исследователей первым прямо о государственном статусе летописей заявил Погодин. В статье 1848 года он писал, что летописи носили «характер официальный», «ведены были по повелению князей»⁴⁴⁶. Но для Погодина мысль об «официальности», как ни странно, хорошо согласовывалась с представлением о «полной достоверности» и нейтральности летописей.

Представление же о политически заангажированной летописи как инструменте пропаганды (которое впоследствии перенял и Шахматов), кажется, непосредственно восходило к Соловьеву — бывшему студенту Погодина и его преемнику по кафедре русской истории Московского университета. Бестужев-Рюмин отмечал, что критерий политической лояльности («куда клонится сочувствие летописца, на кого и на что он смотрит благосклонно или враждебно») был «часто употребляемый С. М. Соловьевым»⁴⁴⁷. Характерно, что именно Соловьев во время двухлетнего пребывания в Европе (1842–1844) слушал лекции Ранке, который на тот момент уже сформировал подозрительное отношение к хроникам. Не исключено, что, пусть и не прямо, идеи немецкого ученого могли повлиять на летописеведов. По совпадению, статья Погодина была написана вскоре после возвращения Соловьева из Европы.

Полнее всего теорию официальных летописей разработал И. Д. Беляев⁴⁴⁸. Он разделил все летописи на четыре вида: государственные, семейные/родовые, монастырские/церковные и «литературные» (писавшиеся из чистого интереса к истории)⁴⁴⁹. Беляев воспринимал всерьез известную ремарку Никоновской летописи под 1409 годом о «первых властодержцах», которые (надо думать, в отличие от позднейших) «безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и не добрая прилучившаяся написывати». Документальным доказательством

⁴⁴⁴ Sybel H. Die karolingischen Annalen // Historische Zeitschrift. Bd. 42. H.3. — Oldenburg, 1879. — S. 260–288. Sybel H. Die karolingischen Annalen // Historische Zeitschrift. Bd. 43. H.3. — Oldenburg, 1880. — S. 411–427.

⁴⁴⁵ Kaufmann G. Die karolingischen Annalen. — S. 68.

⁴⁴⁶ Погодин М. П. Источники для удельного периода русской истории. Летописи // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. — Одесса, 1848. — С. 81–82.

⁴⁴⁷ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. — С. III.

⁴⁴⁸ Беляев И. Д. О разных видах русских летописей // ВООИДР №5. — Москва, 1850. — С. 1–148.

⁴⁴⁹ Там же. — С. 4.

официальности летописания было знаменитое указание Ипатьевской летописи, что Мстислав Волынский в 1289 году грамоту об установлении «ловчей» повинности в Берестье повелел вписать в летопись⁴⁵⁰. Вывод был однозначным: князья заказывали летописи, а их ведение осуществлялось под княжеским надзором.

Монастырские летописи, по мнению ученого, были менее тенденциозными, потому как заинтересованно рассказывали только об истории определенного монастыря или города⁴⁵¹. «Летописные сборники или летописи литературные», к коим Беляев относил все изданные на тот момент летописи с «Нестором» включительно, вообще не могли иметь единой тенденции⁴⁵². О ПВЛ он писал: «это ни официальная, ни фамильная и ни монастырская летопись; ибо известия, сообщаемые Нестором, так разнообразны по своему содержанию и по источникам, что никаким образом не могут быть отнесены к одному которому-либо из упомянутых трех разрядов летописей, но неминусом ко все трем». По мнению ученого, начиная рассказ по византийским и «болгарским хронографам» и народным преданиям, Нестор для дальнейшего изложения пользовался «официальными сагами», договорами, другими «официальными источниками», церковными записками Десятинной церкви и Софии Киевской, а также «фамильной летописью Вышатичей»⁴⁵³.

Подход Беляева разделял Костомаров, писавший о летописях прямо: «они имели официальный характер»⁴⁵⁴. Еще больше заострил вопрос Яниш, предполагая уничтожение московскими урядниками всей древней новгородской историографии с политической целью⁴⁵⁵.

Однако большинство ученых второй половины XIX века не разделяло столь радикальных мыслей. Еще Погодин предупреждал, что «официальное летописание» следует понимать лишь как «казенное занятие» и призывал осторожнее относиться к вопросу о политической тенденциозности. По его мнению, это было «выражение не совсем удачное, подавшее повод к ярким толкованиям»⁴⁵⁶.

⁴⁵⁰ Там же. — С. 5–10.

⁴⁵¹ Там же. — С. 18–21.

⁴⁵² Там же. — С. 21–22.

⁴⁵³ Как видим, идея Лихачева об «устной летописи» рода Вышаты впервые была предложена значительно раньше, см.: Лихачев Д. С. «Устные летописи» в составе Повести временных лет // Исторические записки. Т. 17. — М., 1945. — С. 201–224.

⁴⁵⁴ Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. Часть первая. Источники русской истории. — С. 21.

⁴⁵⁵ Яниш Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки.

⁴⁵⁶ Погодин М. П. Новгородские летописи // ИОРЯС. Т. 6. — СПб., 1858. — С. 231.

Бестужев-Рюмин, отдавая должное осторожности Погодина, писал, что, во-первых, «официальность» могла быть разной (княжеской, монастырской и т. д.), во-вторых, что доказать ее невозможно⁴⁵⁷. Впрочем, и идеализм Погодина (официальные записки, но полностью «беспристрастные»⁴⁵⁸) не был пригоден в реальных исследованиях. Тот же Бестужев-Рюмин на практике признавал политическую зависимость летописцев, распознавая места сшивков и вставок в летописи по якобы различной политической направленности сообщений⁴⁵⁹.

По мысли Маркевича, тенденциозное освещение деятельности определенного князя было скорее личной инициативой летописца и объяснялось в большей степени внутренними моральными мотивами автора («Бога дѣля», «надѣяся милость прияти отъ Бога»), нежели цензурой, материальными поощрениями или ведением «государственных» летописей при дворах князей⁴⁶⁰. Ученый писал: «Того обстоятельства, что князья знали о ведении летописи и в то же время не имели над нею цензуры, нельзя считать противоречием: цензура понятие новое и приобрела она значение лишь вместе с книгопечатанием. Какая опасность грозила князю от того, что в монастырских кельях монахи пишут летописи, которые прочтут два или три монаха, а если большое число лиц, то после его смерти. Я думаю, что князьям мысль о цензуре не могла даже и придти в голову».

Исследователь скептически оценивал возможность внешнего контроля над летописцем или агиографом даже в его собственном монастыре: «Мне кажется, что житие св. Иеремии, вошедшее и в летопись, в котором рассказаны очень неприглядные вещи из жизни монахов, одно в состоянии поколебать мысль даже о монастырском контроле»⁴⁶¹.

Доселе в литературе бытует стереотип о Шахматове как о последовательном приверженце образа политически пристрастного летописца⁴⁶². Но это результат выборочного чтения. Как было указано выше, в своих первых летописеведческих работах появление новых редакций и летописей Шахматов объяснял скорее литературными и «исследовательскими» причинами, например, находкой нового источника, с учетом которого перерабатывали тот или иной летописный

⁴⁵⁷ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. — С. 33.

⁴⁵⁸ Погодин М. П. Источники для удельного периода русской истории. Летописи. — С. 84.

⁴⁵⁹ Там же. — С. III, 29–30.

⁴⁶⁰ Маркевич А. И. О летописях. — С. 72–73, 75, 78.

⁴⁶¹ Там же. — С. 73.

⁴⁶² Буланин Д. М. Текстология древнерусской литературы: ретроспективные заметки по методологии. — С. 24–25.

текст, жанровыми требованиями произведения и т. д. Так, скажем, *Летопись Нестора* якобы была переделана Сильвестром или анонимным печерским монахом на основе нового источника – *Жития Антония*. Вместе с тем, Шахматов до 1900-х годов параллельно использовал метафору летописца-собираателя и продолжал писать о ПВЛ как «просто сборнике разнородного материала»⁴⁶³. Ее творец – не «автор», но «составитель», соединяющий готовые тексты⁴⁶⁴.

Только начиная с «Разысканий» образ тенденциозного летописца-идеолога становится для Шахматова одним из ведущих⁴⁶⁵. Можно предположить несколько вероятных толчков к смене взглядов. Один из них – влияние Преснякова, который прямо писал о тенденциозности переделок в летописях в рецензии на труд Тихомирова (эту же тему он развивал и в одной из первых своих работ⁴⁶⁶). Эта рецензия оказала определяющее влияние на Шахматова (о чем еще будет упомянуто в следующих главах). Говоря о составлении московских сводов XVI века, Пресняков замечал: «Переделка на московский лад новгородских известий была [...] сплошь сознательною и тенденциозною. Эта переделка не была делом новым...»⁴⁶⁷. Он не касался раннего летописания, но представления о поздних сводах легко было распространить и на ПВЛ⁴⁶⁸.

Другим импульсом к развитию идеи политической заангажированности летописцев была внутренняя логика шахматовских реконструкций. Если создание гипотетических летописей/сводов связывалось с важными государственными событиями, это неминуемо вело к мысли об идеологическом или откровенно заказном характере про-

⁴⁶³ Шахматов А. А. О сочинениях преподобного Нестора; Шахматов А. А. Исследование о Несторовой летописи // Шахматов А. А. История русского летописания. – С. 498; Шахматов А. А. Отзыв о сочинении: Eugen Scepkin «Zur Nestorfrage» // Шахматов А. А. История русского летописания. – С. 144; Шахматов А. А. Сказание о преложении книг на словенский язык // Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. – Berlin, 1908. – С. 172.

⁴⁶⁴ Шахматов А. А. Сказание о преложении книг на словенский язык. – С. 172.

⁴⁶⁵ См., напр., Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – С. 291–298.

Разбор и критику шахматовской (и его последователей) идеи об официальном летописце см.: Еремин И. П. «Повесть временных лет» как памятник литературы. – С. 59–64.

⁴⁶⁶ Пресняков А. Е. Царственная книга, ее состав и происхождение. – СПб., 1893. – С. 19–20.

⁴⁶⁷ Пресняков А. Е. [Рец.] Летопись занятий Археографической комиссии. Выпуск десятый. СПб., 1895 // ЖМНП. Часть 307. №9. – СПб., 1896. – С. 157.

⁴⁶⁸ Важным отличием позиции Преснякова от предыдущих ученых было то, что он не признавал деления летописей на официальные и неофициальные (как Тихомиров), которое шло еще от Беляева. По его мнению, любая летопись была политически тенденциозной; просто в некоторых текстах пристрастия проявлялись не очень выразительно, см.: там же. – С. 157–159.

изведений. Кроме того, эта идея позволяла исторически объяснить текстологические гипотезы о многочисленных сводах и редакциях.

Хрестоматийные слова Шахматова о политической тенденциозности — «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы...» — являются частью большого рассуждения о зависимости летописцев от княжеской воли⁴⁶⁹. Это рассуждение должно было оправдать идею о трех редакциях ПВЛ. Ведь только политической мотивацией можно было объяснить создание трех, якобы идеологически отличных, летописных сводов на протяжении нескольких лет.

В своем тексте Шахматов конструировал такую картину прошлого, в которой появление политически мотивированных редакций ПВЛ было необходимой составляющей. «Переход княжеского летописания в другой монастырь не мог не взволновать Печерскую обитель; с летописью уходило ее влияние на политику великого князя, а также ее моральное значение в глазах всего русского православного мира. Монастырь охотно направил свои симпатии в новое русло: Святополк был забыт, об его сыне Ярославе не было нужды думать; все мысли и надежды перенеслись на Владимира Мономаха»⁴⁷⁰.

По Шахматову, решение о создании летописи принималось чуть ли не на государственном уровне. Сильвестр якобы выполнял свою работу по прямому поручению князя, редактировал в определенных князем рамках: «В виду определенного поручения, данного ему Мономахом, Сильвестр, можно думать, ограничил свою работу редакционными поправками: он устранил из Несторовой летописи все то, что могло быть неприятно новому князю, и вставил в свой свод несколько статей, благоприятных Мономаху»⁴⁷¹. По меткому замечанию П. П. Толочко, «А. А. Шахматов отвел Владимиру Мономаху роль неусыпного цензора киевского летописания, пытавшегося, будто бы, вообще устранить *Повесть временных лет*. Воспитанный в условиях жесткой царской цензуры, он, по-видимому, не допускал и мысли, что в эпоху Киевской Руси могло быть иначе. Не удивительно, что мысль эта казалась естественной и исследователям советского периода, которые также постоянно сталкивались с недреманым цензорским прессингом партийных властей. Определенно, для древнерусского времени это искусственная конструкция»⁴⁷².

⁴⁶⁹ Шахматов А. А. *Повесть временных лет*. Том 1. — Петроград, 1916. — С. xv–xviii.

⁴⁷⁰ Там же. — С. xvii.

⁴⁷¹ Там же. — С. xxvii.

⁴⁷² Толочко П. П. Редакция *Повести временных лет* игумена Сильвестра: историческая реальность или ученая фикция? // *Ruthenica*. Т. 7. К., 2008. С. 134 (прим. 17).

Летописец уподоблялся современному подцензурному журналисту, который боится скомпрометировать действующий политический режим: «невозможно предположить, чтобы он (летописец. — В. А.) решился до 1113 г., года смерти Святополка, хотя бы с некоторою подробностью остановиться на событиях 1097 г., в которых был сильно скомпрометирован Святополк»⁴⁷³.

Довольно рано в работах Шахматова фиксируется деление летописания на «официальное» и «частное», что отвечало старой беляевской схеме. Так, ученый предполагал в Новгороде две «струи» летописной работы: постоянное ведение «официального» архиепископского летописания и череду основанных на нем «частных» сводов (от которых якобы происходили редакции НПЛ)⁴⁷⁴. Нужно добавить, что транслированная через Шахматова гипотеза Беляева о разных видах летописей легла в основу гипотез о сосуществовании в древнерусских городах (в частности, Новгороде и Переяславе) нескольких «официальных» летописей. Приселков и Лихачев предполагали княжеские, епископские или даже кончанские/уличанские (в Новгороде) летописи, каждая из которых составлялась при соответствующей «институции»⁴⁷⁵.

Постепенно Шахматов приходил к более-менее однородному представлению о работе летописцев. Точнее, речь шла о едином спектре поведения, которое исследователь мог ожидать от каждого летописца (тенденциозное редактирование, механическое компилирование и т. д.). Лихачев отмечал, что для Шахматова все летописцы на протяжении веков выглядели одинаково, имели единую логику и манеру работы⁴⁷⁶. Если все летописи имели единый характер (своды), то и их творцы должны были работать по одним и тем же лекалам⁴⁷⁷.

473 Шахматов А. А. Несторова летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 514.

474 Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. Часть III–IV — 1900 (Ноябрь). — С. 187–193.

475 Лихачев Д. С. Новгородские летописные своды XII в. (автореферат) // Известия Академии наук Союза ССР. Отделение литературы и языка. Том III. Вып. 2–3. — М., 1944. — С. 98–106; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — С. 202–214; Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. — С. 110–117.

476 Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.–Л., 1947. — С. 31–32.

477 Ср., впрочем, замечание Еремина (Еремин И. П. «Повесть временных лет» как памятник литературы. — С. 84) о том, что Шахматов прямо писал про «невозможность допустить соединения в одном лице и летописца и сводчика и автора агиологических статей». Шахматов А. А. Разыскания... С. 470. Но здесь, скорее, видна механистичность в представлении летописцев.

Важно заметить, что, несмотря на определенную новизну выводов, Шахматов не вышел из круга представлений о работе летописцев, которые предлагались предшествующей историографией. Он относился к своим построениям не так критично, как, скажем, Маркевич, «позволявший» летописцам гораздо меньше. Шахматов использовал тот или иной образ летописца инструментально, для того, чтобы оправдать определенное текстологическое построение. Его высказывания о древнерусской исторической культуре были лишь побочным продуктом изучения текстов.

Локализация летописей. «Как Россия от времени до времени более разделяема была на разные княжения, то в каждом княжении востали особливые писатели, кои по обыкновению предпочитали приключения своей стороны всем другим...» — так в 1755 году писал Г. Ф. Миллер⁴⁷⁸. При всех идейных трансформациях, пережитых летописеведением в последующие полтора века, эта мысль не претерпела существенных изменений. Аналогично Миллеру смотрел на вещи и Шлецер: «частные летописатели, показавшиеся в сих раздробленных землях, подробно описывали только происшествия своей земли, не касаясь до прочих княжеств, выключая того, что нужно было по связи их с оными»⁴⁷⁹.

Тезис о множественности летописных традиций закрепился в литературе уже к середине XIX века Строев был уверен, что «в Новгороде, Смоленске, Полоцке и иных городах знатнейших тогдашней России, были люди, без сомнения, столь же любопытные, как и Нестор; да и самые правители областей не могли ли записывать примечательнейших событий, кои в них случались? [...] каждый век и каждое значительное княжество имели своих, почти непрерывных, бытописателей...»⁴⁸⁰.

Легкому усвоению и стойкости подобных представлений способствовало несколько факторов. Во-первых, история летописания подозрительно напоминала историю государства. Каждому политическому строю соответствовал аналогичный по форме «строй» летописания: времена начального единства Руси — единая Начальная летопись; удельная раздробленность — раздробление летописных

⁴⁷⁸ Миллер Г. Ф. О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оной // Сочинения по истории России. Избранное. — М., 1996. — С. 12.

⁴⁷⁹ Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке. Часть 1. — СПб., 1809. — С. 27.

⁴⁸⁰ Строев П. М. Предисловие // Софийский временник... — С. IX–X.

традиций; соби́рание русских земель Москвой – составление летописных сборников и больших исторических компиляций. Как писал М. О. Коялович, «летописи появляются, развиваются и ослабевают сообразно с развитием государственности в данное время и в данном месте. При единой Руси летописи являются общерусскими. При распадении Руси на части летописи становятся областными и принимают местный характер. С развитием московского единодержавия объединяются и летописи, – является по преимуществу сборный, сводный характер летописей»⁴⁸¹. Созвучие политической и литературной историй подсказывало мысль о том, что во всех крупных городах Руси могло (должно было?) вестись летописание.

Во-вторых, первые исследователи летописания отождествляли место события с местом записи сообщения о событии. Отсюда возникла мысль о многочисленных местных летописях, ведь как иначе было объяснить наличие в дошедших памятниках известий о событиях разных земель Руси? То, что в сохранившихся списках почти не попадалось «чистой» областной истории (разве что кроме новгородских летописей), удовлетворительно объясняли тем, что оригинальные областные записи хаотично и неполно отразились в сохранившихся компиляциях.

Исходя из такого понимания летописного процесса, строил свое исследование Бестужев-Рюмин. Он считал, что «заметки о годе смерти князя, знаменитого человека, войне, небесном знаменнии [...] и т. п. могли быть записаны только во время совершения события и притом на месте, где они совершились...»⁴⁸². Ученый с легкостью определял в ПВЛ некиевские по происхождению и месту записи сообщения. Достаточно было упоминания о том или ином городе или местности, чтобы признать существование там местных летописных записей⁴⁸³. Почти бездоказательные выводы казались Бестужеву-Рюмину вполне серьезными: «так, положительно можно указать известия, записанные в Новгороде, Полоцке, Тмутаракани, Перемышле (и может быть Звенигороде Галицких), Муроме и Переяславле»⁴⁸⁴.

Следует заметить, если Шлецер предполагал появление региональных летописей не раньше Нестора и не раньше раздробления государства, то ученые середины – второй половины XIX века, пре-

⁴⁸¹ Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Изд. третье. – СПб., 1901. – С. 12.

⁴⁸² Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. – С. 48–49.

⁴⁸³ Там же. – С. 49–57.

⁴⁸⁴ Там же. – С. 58.

одолевая «нестороцентризм» и «киевоцентризм» своих предшественников, значительно удревяняли начала местных летописных традиций. Возникла мысль о самостоятельности провинциального летописания и его зарождении в «донесторовское» время (до XII века). На таких позициях стояли, в частности, Бестужев-Рюмин и Яниш. Последний вообще построил свою книгу на тезисе о наличии древнейшего (X–XI века) новгородского летописания, которое, впрочем, было уничтожено московскими правительственными летописцами. От отсутствия серьезных доказательств спасало «удобное» объяснение, много-де летописей исчезло, и не в последнюю очередь из-за сознательных манипуляций составителей сводов⁴⁸⁵.

Утверждение указанных идей шло в ногу с развитием концепции «областных» литератур. Была давно замечена «сухость» новгородского летописания по сравнению с пышным, литературным, киевским. Это давало повод считать, что литература, даже такая простая, как летописи, отражала этнографическую специфику, местную «физиономию». С другой стороны, играла важную роль идея «земского начала», триумфально вошедшая в науку после земской реформы в Российской империи и отразившаяся в многочисленных работах о Древней Руси. В них подчеркивался местный характер литературы, в т. ч. летописей, обусловленный политической, культурной и этнической обособленностью земель. По словам В. О. Ключевского, «летописание XII в. развивалось, по-видимому, в одинаковом направлении с тогдашней земской жизнью, подобно ей разбивалось по местным центрам, локализовалось [...] составители их (сводов. — В. А.), сводя местные записи, щадили их областные особенности, тон и колорит, политические суждения и общественные или династические отношения местных летописателей»⁴⁸⁶.

Мысль о множественности летописных традиций поддерживалась другим фундаментальным представлением — о глубокой укорененности идеи писания истории, в т. ч. в виде летописей. Для ведущих исследователей XIX века историописание казалось очень органичным и необходимым в жизни любого общества. Ведь один из базовых признаков самодостаточности народа — наличие исторического сознания, а значит — историографии.

Ярым защитником этого положения был Срезневский. Он писал: «Помнить достойные памяти события, передавать рассказ о них из

⁴⁸⁵ Яниш Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. — С. 18.

⁴⁸⁶ Ключевский В. О. Сочинения в восьми томах. Т. 1. Курс русской истории. Часть 1. — М., 1956. — С. 97.

поколения в поколение, утверждать воспоминание о них какими бы то ни было знаками [...] так естественно, так необходимо, так обще всюду было [...] как естественно, необходимо и обще людям сообщаться друг с другом посредством дара слова [...] Что же естественнее как замечать (т. е., отмечать, записывать. — В. А.) происшествия одни за другими по порядку времени...»⁴⁸⁷. Ученый доказывал, что идея писания истории в виде летописи настолько проста и очевидна, что могла и должна была зародиться независимо у разных народов и в разных регионах⁴⁸⁸.

Рецепт зарождения историографии казался простым: для этого нужно знакомство с письменностью и «достаточный» уровень цивилизованности. Везде, куда проникало христианство, литература, а то и просто грамотность, могло (и должно было) начаться летописание.

По мнению Строева, для начала ведения исторических записей было достаточно «любопытных» и грамотных людей. По словам Бестужева-Рюмина, «...не в одном Киеве были грамотные люди и следовательно не в одном Киеве могли записываться события»⁴⁸⁹. Это представление — о почти одновременном зарождении летописания в разных концах Руси (Киев, Новгород, Чернигов, Ростов, Волынь) — было отображено в авторитетных синтезах по истории русской литературы и словесности⁴⁹⁰.

Именно в такой интеллектуальной среде происходило становление Шахматова-летописевода. Но тут стоит заметить, что он уделял региональным летописным традициям меньше внимания, чем многие из его коллег. Он ведь занимался реконструкцией того «дерева» летописей, которое выросло непосредственно из «пня» древнейших киевских текстов. Шахматов объяснял свою позицию так: «Весьма вероятно, что начатки летописания явились в разное время и в иных местах, но все они остались без заметного развития в силу того громадного значения, которое получил в книжной среде нашей Киев-

⁴⁸⁷ Срезневский И. И. Чтения о древних русских летописях. — СПб., 1862. — С. 10.

⁴⁸⁸ Там же. — С. 9–12.

Летописание представлялось основным жанром древнерусской письменности и обычным занятием образованных людей. Не зря свой обзор летописных источников В. О. Ключевский начал фразой: «Летописание было любимым занятием наших древних книжников». (Ключевский В. О. Сочинения в восьми томах. Т. 1. — С. 75.)

⁴⁸⁹ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. — С. 49.

⁴⁹⁰ Полевой П. Н. История русской литературы в очерках и биографиях. Часть 1. Древний период. 5-е издание. — СПб., 1883. — С. 28. См. также: Полевой П. Н. История русской словесности в трех томах. Том 1. — СПб., 1903. — С. 78–80. Маркевич А. И. О летописях. — С. 60–61.

ский свод XI в.»⁴⁹¹ Однако выявление сообщений, будто бы взятых из местных летописей, Шахматов считал вполне оправданным. Анализируя его работы, можно понять, что ученый в этом плане мыслил подобно своим предшественникам, в частности Бестужеву-Рюмину.

Шахматов с легкостью признавал наличие самостоятельных летописных традиций в Переяславле, Чернигове, Галиче, Владимире⁴⁹², а для XIV–XV веков — в Ростове, Рязани, Смоленске⁴⁹³. Характерно, что метод выявления этих региональных летописей был целиком «бестужевским»: достаточно было найти в тексте выразительное сообщение о событии в Новгороде или под Черниговом, чтобы признать в нем выдержку из новгородской или черниговской летописей⁴⁹⁴.

Эту сторону шахматовской «кухни» хорошо иллюстрируют материалы из архивного фонда ученого. Среди них — авторский экземпляр издания ПВЛ 1916 года, на полях которого исследователь оставил свои пометки. Так, на странице 290 возле описания боя под Переяславлем 1096 года, напротив слов «граждане ради быша», Шахматов приписал: «Переяславци! В распоряжении Нестора не было ли Переясл[авской]. лет[описи]. (ср. Кожемяка, Ефрем)»⁴⁹⁵. Складывая в уме три переяславские (по месту описанных событий) сообщения, ученый делал вывод о переяславских (по происхождению) записях, которые существовали в виде целой переяславской летописи.

При этом Шахматов не имел универсального критерия для определения места записи сообщения⁴⁹⁶. Например, рассказ ПВЛ о посольстве новгородцев к Святославу в 970 году Шахматов считал новгородской записью (упомянут Новгород, значит, текст новгородский). В то же время рассказ ПВЛ под 1071 годом о выступлении новгородского волхва (тоже новгородское событие), по его мнению, мог записать киевский летописец. Дело в том, что в рамках схемы истории раннего летописания, изложенной в «Разысканиях», сообщение 1071 года должно было принадлежать к текстам киевского летописца,

⁴⁹¹ Шахматов А. А. Несторова летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 503.

⁴⁹² Шахматов А. А. Нестор летописец. — С. 425.

⁴⁹³ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. Часть V. — 1901 (Ноябрь). — С. 53–58.

⁴⁹⁴ Шахматов А. А. Несторова летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 521.

⁴⁹⁵ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 365. — Л. 190 об.

⁴⁹⁶ На это обращал внимание В. М. Истрин, разбирая «Разыскания». Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (начало) // ИОРЯС — 1921. Том XXVI. — Петроград, 1923. — С. 54–55.

а рассказ о новгородцах 970 года — к серии текстов древнего новгородского летописного свода. И так, в некоторых случаях, в соответствии с требованиями общей схемы, определенный критерий атрибуции сообщений действовал, а в других — «отключался».

В опубликованных работах Шахматова известно также несколько очевидных идей-«реликтов», заимствованных у предшественников и основанных на представлении о распространенности летописного дела. Среди них — идея Волынской (или Галицкой / Перемышльской) летописи конца XI — начала XII века. По мнению Шахматова, ее остаток — рассказ Василия об ослеплении Василька Теревольского, вошедший в ПВЛ⁴⁹⁷. Более того, проводя аналогии между стилем Василия и позднейшей Галицко-Волынской летописи, ученый делал вывод⁴⁹⁸ о существовании продолжительного галицко-волынского летописания XI–XIII веков, только частично отразившегося в имеющихся списках⁴⁹⁹.

1.7. Человек и метод

Что же такое «метод Шахматова»? Оглядываясь назад, можно сказать: то, что в литературе известно под этой вывеской, оказывается набором различных исследовательских практик и представлений, происходящих из трудов его предшественников и современников и в целом не уникальных. А был ли метод? Подозрительно, что каждая попытка формализации «метода Шахматова» превращалась в обоснование новой, авторской, методологии, приспособленной к индивидуальному научному проекту. Лихачев сознавался: об этом «методе» все спорят, но дать ему четкое определение не могут⁵⁰⁰. Возможно, причина в том, что не существует объекта спора и «метод Шахматова» — абстракция?

Но если единого «метода» и не было, то была неординарная личность Шахматова. Существование одного человека, который посто-

⁴⁹⁷ Шахматов А. А. Несторова летопись. — С. 513.

⁴⁹⁸ Там же. — С. 506, 513.

⁴⁹⁹ Эта гипотеза не только доказывает то, что Шахматов разделял старое предубеждение о распространенности летописания, но и свидетельствует о его зависимости от старших коллег. Так, о рассказе Василия как отрывке первой части галицко-волынської летописи писал еще Соловьев. Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга 2. История России с древнейших времен. Том 3. — М., 1993. — С. 130. Такого же мнения придерживался А. Рассудов, статья которого ощутимо повлияла на построения Шахматова (см. далее). Рассудов А. Несколько слов по вопросу о первых русских летописях. — С. 770.

⁵⁰⁰ Лихачев Д. С. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. — С. 423.

рянно применял различные по происхождению методики, имел определенный комплекс представлений и переплавлял их в горниле своей неординарной натуры – все это создало иллюзию существования единого метода. Заметно, что в большинстве характеристик «метода Шахматова» подчеркиваются личные качества ученого: блестящая память, недюжинные аналитические способности, живое воображение.

В виде комплимента или, наоборот, упрека авторы также указывали на системность⁵⁰¹, даже механистичность⁵⁰², мышления Шахматова. По меткому замечанию Истрина, он старался охватить сразу всю историю памятника (летописи) как целого, осознать его как таковой, а дальше – выделить в нем пласты, наслоения, отделяя мельчайшие детали и выявляя всевозможные изменения текста на протяжении его предполагаемой истории. Из немногих фактов он строил как бы архитектурное целое⁵⁰³.

Эта черта дополнялась богатым воображением, что позволяло уже в начале исследования достигать выводов. Вновь процитирую Истрина: «ему приходил на помощь его богатый дар интуиции, которая и проявлялась немедленно в синтетическом построении, главным образом и поражавшем читателя»; «его творчество часто опережало детальную разработку материала, а интуиция подсказывала ему то, что у другого являлось бы результатом медленного рассмотрения»⁵⁰⁴.

Перечитывая подобные личные характеристики, замещающие описание собственно «метода Шахматова», складывается впечатление, что этот «метод» не был возможен в исполнении другого человека. С такой точки зрения, шахматовская традиция в изучении летописания становится в значительной степени чередой попыток своего рода *imitatio sancti*.

Склонность к исчерпывающим классификациям и этимологиям, поиски логики в источнике, внимание к аналогиям, историчность мышления (установление причинно-следственных связей и «реконструкция» фактов) – все это иногда объясняют влиянием университетских занятий и ранних контактов с ведущими учеными⁵⁰⁵. На са-

⁵⁰¹ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Изд. 2-е. – М., 2006. – С. 34–35.

⁵⁰² Кузьмин А. Г. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей. – С. 42–43.

⁵⁰³ Истрин В. М. А. А. Шахматов как ученый. – С. 35.

⁵⁰⁴ Там же. – С. 36–37.

⁵⁰⁵ Вовина-Лебедева В. Г. А. А. Шахматов-текстолог и «русские младограмматики» // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. – СПб., 2006. – С. 78–86.

мом деле «в зародыше» все указанные черты ясно прослеживаются у Шахматова еще в детском возрасте. Современникам не зря казалось, что Шахматов начал путь к научным вершинам чуть ли не с пеленок. Идея «легендарного мальчика», вундеркинда, стала общим местом в статьях посвященного Шахматову ИОРЯСа за 1920 год. Преимущественно речь шла о его гимназических годах, и авторы опирались на память и предания о «блестящей юности» будущего академика.

Учитывая специфику жанра, трудно полагаться только на восторженные воспоминания самовидцев. Но есть и документальные подтверждения «легенды». В десять лет Шахматов написал свое первое историческое сочинение — «Русская старина»⁵⁰⁶. Это был по сути краткий пересказ истории Руси (доведенный до времен после монгольского нашествия) на основе трудов Карамзина и Татищева, однако достаточно самостоятельный и критичный.

В начале и в конце тетради, т. е. перед текстом сочинения и после него Шахматов разместил тщательно составленные списки киевских князей с годами правления, перечень сыновей Владимира Святого, а также списки всех древнейших русских городов⁵⁰⁷. Показательно, что этим он фактически повторил структуру главного, Комиссионного, списка НПЛмл, где перед и после летописного текста помещены перечни князей и «Список городов русских»⁵⁰⁸.

К основному тексту, написанному карандашом, юный автор прибавлял правки ручкой. Они часто были «научными комментариями» к изложенной истории. Так, комментарии к рассказу о расселении славянских племен были преимущественно объяснениями их названий⁵⁰⁹. Позднее, когда повествование коснулось печенегов, Шахматов заметил на полях, что «на Харьковщине есть местечко Печенеги»⁵¹⁰.

Яркая особенность сочинения — стремление Шахматова «исправлять» летописные сообщения, чтобы сделать их более логичными. Например, он не принял летописной датировки смерти в один и тот же год Синеуса и Трувора. Шахматов датировал смерть Трувора 863 годом, а Синеуса — 865-м⁵¹¹. В «пантеон Владимира» он ввел бога Рода

⁵⁰⁶ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 402. «Русская старина. Книга I до Ярослава I». Первое детское сочинение Шахматова [1874]. — 93 лл.

⁵⁰⁷ Там же. — Л. 1 об., 92–93.

⁵⁰⁸ Трудно сказать, мог ли Шахматов уже в столь раннем возрасте знать о структуре Комиссионного списка и сознательно следовать ей.

⁵⁰⁹ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 402. — Л. 3 об. — 4.

⁵¹⁰ Там же. — Л. 64.

⁵¹¹ Там же. — Л. 9 об.

и придумал его сожжение во время повергания идолов (Перун оказался на втором месте после Рода)⁵¹².

Можно предположить, что необузданное творение гипотез, частые смены мнения, жажда логичности и непротиворечивости могли быть не столько результатом влияния «младограмматизма» или других научных веяний, сколько природной склонностью Шахматова, очень рано примененной к историческому материалу.

Современникам Шахматов казался необычайным ученым. Но при всей кажущейся незаурядности личных качеств и внешних условий в контексте мировой науки он не был исключением. Для наглядности приведу краткое сравнение Шахматова с двумя знаменитыми исследователями XIX – середины XX века: Георгом Пертцем и Жоржем Дюмезилем. Первый, как и Шахматов, занимался изучением средневековых исторических текстов (в частности, немецких анналов) и принимал участие в издательских проектах (MGH). Второй работал в другой, но не чуждой Шахматову, сфере сравнительной мифологии. Ниже коротко напомним основные черты их научной практики, находящие выразительные параллели у Шахматова.

Георг Пертц (1795–1876) – один из основателей MGH и один из первых редакторов серии. Он подготовил издание большинства ранне-средневековых анналистических текстов, первым классифицировал их, стараясь установить связь между рукописями и определить оригинальный текст памятников. Как ни странно, Пертц не проходил в университете специальную подготовку по критике текста. Он освоил приемы сравнения текстов самостоятельно⁵¹³, а значит, подобно Шахматову, был в этом по сути аматором⁵¹⁴.

Разбирая сохранившиеся в списках анналистические тексты, Пертц был склонен искать в них оригинальные произведения, синхронные описываемым событиям записи. Он пытался различить границы текстов разных авторов, пробиться сквозь списки к первичным материалам. И этот метод он распространял даже на те анналы, ко-

⁵¹² Там же. – Л. 56. Кстати, здесь Шахматов предвосхитил Б. А. Рыбакова с его идеей о славянском боге Роде, соответствовавшем богу-творцу Саваофу и стоявшим в иерархии выше Перуна.

⁵¹³ Waitz G. Georg Heinrich Pertz und die Monumenta Germaniae Historica// Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde, 2, Н.3, 1877. – S. 459–460.

⁵¹⁴ Как замечал Пол Фейерабэнд, «важные открытия в конкретных науках почти всегда делали посторонние люди или ученые с необычным складом мышления». Фейерабэнд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 135 (прим.).

торые дошли в довольно поздних списках или компиляциях, в которых начальные сообщения были смешаны с поздними⁵¹⁵.

При этом Пертц полагался на чутье и интуицию, как можно быстрее предлагал объяснения, не взвешивая все «за» и «против». Это помогало быстро создать с виду непротиворечивую картину, которая в то же время не была лишена, как потом оказывалось, досадных ошибок. Между тем, Пертца трудно было переубедить в ошибочности некоторых суждений. Как и в случае Шахматова, недостаток методичности «компенсировался» воображением и интуицией, а доказательства часто только «развивали» уже сделанные выводы.

Пертц не любил разбираться в интерпретациях коллег, вместо этого хотел работать напрямую с древними источниками. Из-за этого он проходил мимо многочисленной научной литературы. В его текстах почти не было цитат из исследований коллег; если он и ссылаясь, то по большей части на источники⁵¹⁶. Опять-таки узнается Шахматов, который не слишком внимательно относился к ссылкам и обзорам историографии (см. 3.1.).

Критики отмечали, что Пертц не приводил достаточных сведений о рукописных находках и об основаниях своих суждений, а это усложняло проверку его исследований и выявление ошибок⁵¹⁷. Подобным образом Шахматов часто отсылал читателей/слушателей к своим предыдущим работам, в которых тоже не всегда исчерпывающе освещался вопрос, или к аргументам, которые так и оставались неизвестны публике.

Французский ученый Жорж Дюмезиль (1898–1986) известен «трифункциональной» теорией, объяснявшей связь мифологии с общественным устройством древних индоевропейцев. Прочитав и исчерпывающую и очень пронизательную характеристику его исследовательских подходов и практики, которую дал Дариуш Сикорский⁵¹⁸.

«...достаточно слабо опирающаяся на источниковый материал теория оказала настолько большое влияние не только в религиоведении

⁵¹⁵ Waitz G. Georg Heinrich Pertz und die Monumenta Germaniae Historica. – S. 462.

⁵¹⁶ Waitz G. Georg Heinrich Pertz und die Monumenta Germaniae Historica. – S. 465; Bresslau H. Geschichte der Monumenta Germaniae Historica, im Auftrage ihrer Zentralkommission // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde, 42. – Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1921. – S. 92–93.

⁵¹⁷ Waitz G. Georg Heinrich Pertz und die Monumenta Germaniae Historica // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde, 2, H.3, 1877. – S. 470.

⁵¹⁸ Sikorski D. A. O długim trwaniu pewnej teorii – idea trypartycji u ludów indoeuropejskich Georgesa Dumézila w świetle krytyki // Slavia Antiqua. Tom LIII, 2012. – S. 127–129.

нии, но и в гуманитаристике в целом. Причин можно назвать несколько: каждая из них в разной степени привела к популяризации теории Дюмезиля [...]

С уверенностью можно сказать, что здесь имела значение писательская плодовитость Дюмезиля. Он опубликовал в сумме около 17 тысяч страниц текстов (трудно допустить, что тот, кто посвятил всю жизнь одной теории, может полностью ошибаться). Одни и те же темы Дюмезиль поднимал снова и снова в разное время и каждый раз модифицировал, в частности молча принимал критику или жертвовал некоторыми очевидно ошибочными сюжетами. Циклическое возвращение к ключевым сюжетам концепции позволяло так же молча принимать во внимание критические мнения, а с другой стороны накопление наблюдений, выработанных на отдельных этапах изучения конкретных сюжетов, давало приверженцам концепции Дюмезиля широкий выбор „дюмезилевских“ аргументов, которые подходили к их собственным разработкам. Это делало концепцию довольно эластичной, собственно все время она пребывала *in statu nascendi*. Своих сторонников Дюмезиль не оставлял один на один с выпадами критиков, потому как реагировал на них, а его реплики были отточены и даже с точки зрения не согласных с ним — умны. Нельзя не заметить и того, что каждая новая книжка Дюмезиля увеличивала количество читателей, а для большинства из них он был главным проводником и чаще всего единственным известным интерпретатором индоевропейской мифологии [...]

Поскольку большинство популярных представлений более или менее зависимо от дюмезилевских взглядов, возникла ситуация, когда настоящей индоевропейской мифологией была мифология, открытая Дюмезилем. Наряду с ней другие представления кажутся менее яркими, или даже бесцветными, ведь они лишены колорита, достигнутого благодаря дюмезилевскому сравнительному методу, и тем самым в общем восприятии являются образами неполными, неинтересными, оставляющими много неизвестных. Там, где Ж. Дюмезиль выдвигает острые тезисы и делает однозначные выводы, другие остаются среди многочисленных сомнений, не всегда осмеливаясь на однозначный ответ. Соблазнительная сила дюмезилевской схемы, развитой и полной деталей, а к тому же способной якобы решать намного больше задач, является огромной. Ничего удивительного, что дюмезилевское видение мифологии становится точкой отсчета для других исследований. Не всегда критика, пользующаяся рациональными аргументами, только по этой причине должна убедить читателей. Читатель, доверяющий тезисам, которые приводит Дюмезиль и

которые проверить сам не способен, фактически мог придти к выводам, подобным выводам автора концепции. Тем более, что тексты Дюмезиля были написаны действительно тяжелым языком, но все равно более легким для усвоения, чем какая-либо иная работа этого направления. Потому Э. Филлипсон был прав уже в 1962 году, подчеркивая, что критика теории Дюмезиля должна касаться прежде всего оснований, на которых он строит свои конструкции, а далее уже того, как делаются выводы [...]

Собирание всех самых важных критических отзывов, касающихся главных основ, на которых была сформирована теория Дюмезиля, и сравнение их с репликами самого Ж. Дюмезиля показывает, что игнорирование Дюмезилем фактов, противоречивших его собственной концепции, не есть недостаток автора, но... часть метода. Может быть, Дюмезиль искренне считал, что речь не идет об идеальной ситуации и то, что не согласуется с его видением, есть только результат отклонений, возникших в ходе длительного существования самой идеи [...] студентам, которые занимаются индоевропейской мифологией, Ж. Дюмезиль показывает более удобный путь, чем это обычно делают их академические учителя. Вместо мелочного анализа, требующего многих умений и большого труда, вместо кропотливого чтения текстов с такой же концентрацией на доказательствах как за, так и против избранного тезиса, метод Дюмезиля предлагает короткий путь: смелые обобщения, сделанные на основании только тех фактов, которые с ними согласуются, и игнорирование фактов неудобных. Традиционный путь имеет и тот недостаток, что усилия по проверке интуитивно очерченного первичного замысла, могут оказываться бесполезными после тяжелых исследований, если тексты не подтверждают предыдущих гипотез».

Комментарий тут не нужен. Эти характеристики лишь с незначительными изменениями можно приложить также и к Шахматову.

Пертц, Дюмезиль и Шахматов жили в разное время, в разных странах, получили разную выучку, их концепции были в дальнейшем по-разному оценены. Но чрезвычайное сходство стиля мышления и манеры работы, кажется, свидетельствует о том, что они принадлежали к одному типу ученых. Таким образом, Шахматов вписывается в очередной контекст, где его яркая научная индивидуальность получает более взвешенный и рациональный облик.

1.8. Великие текстологические открытия

Активно занимаясь летописями на протяжении 1890-х годов, Пресняков случайно нашел старое немецкое издание ПВЛ 1812 года, подготовленное Йозефом Мюллером⁵¹⁹. Вступление к книге, написанное выдающимся славистом Йозефом Добровским, было самостоятельным трудом, где излагался план критического издания и реконструкции текста летописи. На Преснякова план Добровского произвел огромное впечатление – ничего подобного в российской литературе о летописях он не читал. В «Историографическом обзоре изучения русских летописей» (к сожалению, не опубликованном) Пресняков отмечал новаторство Добровского и предполагал, что летописеводам будет очень полезно ознакомиться с его проектом⁵²⁰.

Что же, собственно, предлагал Добровский? Исследуя текст ПВЛ, он сперва определял «фамилии» или «рецензии» текста (группы близких списков) на основании сравнения отдельных фрагментов списков или их общей структуры, далее – общие тексты каждой из редакций, а потом сравнивал только эти общие тексты. В результате он оставлял минимум списков, которые отображали древнейшее достигаемое состояние текста⁵²¹. Это был метод, выработанный еще в конце XVIII века, а позднее усовершенствованный и «заново изобретенный» Лахманом. То, что Пресняков принял за новаторство, выглядело уже довольно стандартно для западной критики текста. На фоне распространения «метода Лахмана» приемы Добровского успели устареть еще за полвека до их «открытия» Пресняковым.

В литературе высказывалось предположение, что Шахматов мог знать работу Добровского⁵²². Повод к этому дал сам Пресняков, представляя Добровского предтечей Шахматова⁵²³. Впрочем, указанное

⁵¹⁹ Dobrowsky J. Wie soll Nestors Chronik aus so mancherlei Recensionen des Textes, die in Handschriften zu finden sind, rein hergestellt werden? // Müller J. Altrussische Geschichte nach Nestor. Mit Rücksicht auf Schlözers Russische Annalen, die hier berichtigt, ergänzt und vermehrt werden. – Berlin, 1812. – S. 1–46.

⁵²⁰ АСПИ РАН. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 55. – Л. 40–41.

⁵²¹ Thomson F. J. Dobrowsky and the Slavonic Bible. – Ch. 12; Dobrowsky J. Wie soll Nestors Chronik aus so mancherlei Recensionen des Textes, die in Handschriften zu finden sind, rein hergestellt werden? // Müller J. Altrussische Geschichte nach Nestor. Mit Rücksicht auf Schlözers Russische Annalen, die hier berichtigt, ergänzt und vermehrt werden. – Berlin, 1812. – S. 5–11.

⁵²² Вовина-Лебедева В. Г. «Геттингенская метода» или пражская школа? (К вопросу о А.-Л. Шлецере и Йозефе Добровском как исследователях русских летописей) // *Studia Balkanica et Petropolitana*. № ½. – Спб., 2007. – С. 64.

⁵²³ Ученый создавал несколько тенденциозный образ историографии: он сравнивал двух исследователей, которые ему безусловно импонировали, и пытался подчеркнуть отличие Шахматова от предшественников.

предположение не имеет достаточных оснований, поскольку тот же Пресняков писал о том, что Шахматов не был знаком с работой Добровского⁵²⁴. Более того, в трудах самого Шахматова генетическую связь с планами Добровского проследить не удастся. Сознательно он связывал себя только со Шлецером.

Как бы то ни было, открытие Преснякова не оказало серьезного влияния на тогдашнюю летописную критику. Так же незаметно, в то время, когда внимание ученой публики было сосредоточено на достижениях Шахматова, совершилось и второе «открытие».

В 1913 году в Черниговской губернской типографии вышла небольшая брошюра «Несколько замечаний к теории и практике критики текста». Ее автором был молодой киевский ученый, ученик Перетца С. А. Бугославский⁵²⁵. В этой брошюре были изложены правила критики текста, в частности стемматический метод. Это было практическое руководство по критике текста, основанное на том материале, который преподавал Перетц⁵²⁶. В сочинении Бугославского описывался строгий метод работы со списками, весь дух которого был направлен против излишних гипотез, конъектур и утверждений, не основанных на текстуальных данных. Изложенные принципы были максимально общими, а формальные процедуры, применимые к разным видам текстов, должны были обезопасить исследователя от субъективизма. В дальнейшем Бугославский сам использовал все описанные им правила, работая, между прочим, над текстом ПВЛ.

Перетц и Бугославский, по сути, открывали для летописеведения западную критику текста, придавая дисциплине недостающую нормативность. По иронии судьбы, в том же 1913 году была издана книга Приселкова, целиком основанная на «конъектуральных» принципах Шахматова и использовавшая в качестве источников не реальные тексты, а шахматовские «фикции».

Эти два «открытия» засвидетельствовали изолированность и некоторую методологическую отсталость летописной критики, как, впрочем, и российской критики текста вообще. Не претендуя на

⁵²⁴ Пресняков А. Е. [Рец.] А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Том 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Издание Императорской Археографической комиссии. Петроград, 1916. // Русский исторический журнал. Кн. 1–2. – Петроград, 1917. – С. 227–230; Пресняков А. А. Шахматов в изучении русских летописей // ИОРЯС. Т. 25. 1920. – Петроград, 1922. – С. 163–164.

⁵²⁵ Бугославский С. А. Несколько замечаний к теории и практике критики текста. – Чернигов, 1913.

⁵²⁶ Перетц В. Н. Из лекций по истории древнерусской литературы. Часть 1. Древнейший период (11–13 вв.). – Киев, 1914; Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. – Пг., 1922 – С. 62–72.

специальное исследование вопроса, кратко остановлюсь на некоторых обстоятельствах, которые в сумме привели к такому состоянию дисциплины.

Прежде всего следует учитывать условия работы исследователей и издателей летописных текстов. Дисциплина имела проблемы «на старте», в начале XIX века: ужасное состояние хранилищ и библиотек и недостаточное материальное обеспечение археографических проектов⁵²⁷. В дальнейшем ее история напоминала скорее периодические всплески активности, нежели стабильное развитие. Согласно выводу Чиркова, «последние десятилетия XIX в. представляются периодом застоя и упадка Комиссии (Археографической. — В. А.)»⁵²⁸. Отсутствие финансовой мотивации не способствовало углублению исследований и совершенствованию методологии.

Правда, материальные трудности были общей проблемой. Деятелям МГН также были доступны далеко не все рукописи, денег на поездки не хватало⁵²⁹. Что же касается первой серии изданий МРН, то она была полностью частным проектом Белёвского.

В большей степени российскому источниковедению не хватало другого — надлежащего образования и методологической дисциплины⁵³⁰, что вытекало из отсутствия собственной традиции филологической критики (и здесь можно согласиться с Дональдом Островски). Это ставило успехи российских исследователей в зависимость от западного «интеллектуального импорта». Однако со второй половины XIX века прямые обращения к иностранному опыту критики текста становятся редким явлением. Летописеведение к этому времени накопило историографический фонд, достаточный для ведения дискуссии в рамках собственной академической среды. Отсутствие ярких иностранных исследований по истории летописания только подталкивало исследовательский круг к замыканию на себе. Фактической самоизоляции дисциплины способствовало и, казалось бы, положительное обстоятельство — становление самостоятельной системы академических институций (университеты, Академия наук).

Показателен пример польского источниковедения. Оно развивалось преимущественно в рамках австрийских и немецких (прусских)

⁵²⁷ Полетаев Н. И. Разработка русской исторической науки в первой половине XIX столетия. — СПб., 1892. — С. 1–15.

⁵²⁸ Чирков С. В. Вопросы публикации летописей Археографической комиссией в начале XX в. — С. 25.

⁵²⁹ Hoffmann H. Die Edition in den Anfängen der Monumenta Germaniae Historica. — S. 199, 207.

⁵³⁰ Полетаев Н. И. Разработка русской исторической науки в первой половине XIX столетия. — СПб., 1892. — С. 1–15.

учреждений, благодаря чему польские исследователи получали непосредственно немецкую «выучку»⁵³¹. Институциональные и личные связи польских и немецких ученых налагались на тот факт, что рочники имели в основе немецкие анналы, и их изучение было невозможно без учета опыта коллег.

В то же время видимой генетической связи летописания с европейскими анналами не было. Конечно, существовали яркие типологические параллели. Уже Шлецер указывал на возможность сравнения древнерусских летописей с западной средневековой историографией. Ему следовали Срезневский, Сухомлинов, Маркевич⁵³². Но все же попытки рассматривать летописи в широком контексте европейской средневековой историографии были немногочисленными и довольно общими.

Редким примером более глубокого сопоставления летописания с анналистикой может служить статья Е. Н. Щепкина 1897 года о Несторовом вопросе⁵³³. В историографии эта статья известна как «журнал» рецензии Шахматова⁵³⁴ и особым вниманием не пользуется.

Подводя итог своим размышлениям о Несторе и структуре ПВЛ, Щепкин сравнил историю текста ПВЛ с историей Мелькских анналов (*Melker Annalen, Annales Melicensis*), составленных почти одновременно с ПВЛ (1123 год) и легших в основу австрийской анналистики⁵³⁵. Независимо от корректности сравнения и конкретных выводов относительно ПВЛ (раскритикованных Шахматовым), важно отметить сам подход автора, чуждый его рецензенту.

⁵³¹ К примеру, Станислав Смолька писал диссертацию о малопольских анналах под руководством известного исследователя каролингской анналистики Георга Вайтца в Геттингене. Perlbach M. Die Anfänge der polnischen Annalistik // *Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde*, 24, 1899. — S. 234.

⁵³² Шлецер А. Л. Русский времянка на древле-славенском языке. Переведенный и объясненный // *Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке. Часть 1.* — СПб., 1809. — С. 5; Срезневский И. И. Исследование о летописях новгородских // *ИОРЯС. Т. 2.* — СПб., 1853. — С. 18–27, 71–73; Сухомлинов М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном. — СПб., 1856. — С. 35–37; Маркевич А. И. О летописях. — Одесса, 1883. — С. 16–20.

⁵³³ Ščepkin E. Zur Nestorfrage // *Archiv fuer Slavische Philologie.* — 1897. — В. 19. — S. 498–554.

⁵³⁴ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении: Eugen Ščepkin «Zur Nestorfrage» // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 137–145.

⁵³⁵ Ščepkin E. Zur Nestorfrage. — S. 552–553. Сами Мелькские анналы были сложным сочинением, использовавшим различные источники. Они сохранились в оригинальной рукописи 1123 г. и далее из года в год продолжались, копировались и дали толчок развитию анналистики в соседних центрах. Щепкину это напоминало раннюю историю древнерусского летописания, а именно создание ПВЛ около 1116 г. и последующее разрастание местных летописных традиций на этой основе.

Рассматривая Начальную летопись в широком контексте и прилагая к ней опыт изучения европейской анналистики, Щепкин видел то, что для других коллег, в т. ч. Шахматова, не было очевидным. Он усматривал в ПВЛ две жанровые составляющие, два рода текстов: «чистые анналистические сообщения» и «плавную повествовательную прозу»⁵³⁶. У Щепкина не могла возникнуть «теория сводов», поскольку, в отличие от Шахматова, он представлял летописание как постоянно ведущиеся анналы, время от времени редактируемые и обогатимые пространными текстами разного происхождения⁵³⁷.

Но в целом европейский контекст летописания и, соответственно, научная литература об анналах и хрониках не были актуальными для летописеведов. Примечательна тенденция: тот, кто рассматривал летописание в широкой европейской перспективе, обычно считал его начальной формой краткие анналы или даже записи на пасхальных таблицах. Напротив, тот, кто не привлекал европейских аналогий, чаще склонялся к идее первичности нарратива (в виде «начальных сказаний», «сводов» и т. п.).

В российской историографии особое влияние получило представление (точнее, не всегда осознаваемая установка) об уникальности древнерусских летописей, а соответственно, и методов их исследования. С одной стороны, со времен Шлецера шла традиция трактовать древнерусскую письменность как принципиально «другую», не «западную», требующую «особенной критики»⁵³⁸. Летописеведение развило понятийный аппарат, центральным элементом которого был «отечественный», взятый из источников, термин «летопись». И хотя это слово легко переводилось как «анналы» или «хроника», все же исследователи летописания и их западные коллеги говорили на разных «диалектах» научного языка. Отличие в терминологии усиливало (если не создавало) ощущение различия описываемых реалий.

⁵³⁶ Там же. — С. 526.

⁵³⁷ Поскольку статья была опубликована в немецком журнале и написана по-немецки, возникает подозрение, что экскурс о сравнении древнерусского летописания и австрийской анналистики был только «реверансом» в сторону немецкоязычной ученой публики. Однако, насколько можно судить, это не был «косметический ремонт» для иностранных глаз. Опыт исследований западной анналистики серьезно повлиял на представления и метод работы Щепкина.

⁵³⁸ Шлецер, как это часто бывает, дал толчок развитию противоположных подходов: «изоляционистскому» и «интегративному». Доминирование изоляционистской идеологии «особого пути» России сказалось на общем видении истории «Древней Руси» и применяемых к описанию «древнерусского» прошлого понятиях. См.: Кром М. Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю? / Отв ред. Г. Гаретта, Г. Дюфо, Л. Пименова. — М., 2013. — С. 94–125.

С другой стороны, во второй половине XIX века летописная критика оказывается под влиянием т. н. «славяноведения». Оно возникло как конгломерат знаний о славянских народах и на протяжении 1860–1870-х годов сформировалось в целостный комплекс, охватывавший соответствующие разделы языкознания, истории и других дисциплин⁵³⁹. Еще со времен уваровских университетских реформ 1830-х года изучение древнерусской книжности плотно встраивалось в рамку сравнительных славянских исследований⁵⁴⁰.

По определению Ягича, «славянская филология» (т. е. «славяноведение») охватывала всю духовную жизнь славянских народов, насколько она отражена в их языке и письменных памятниках, литературных произведениях и народном творчестве, верованиях, обрядах и преданиях. «Славянскую филологию» («сложный организм различных предметов, сплоченных в одно целое») интересовали прежде всего история славянских языков, а кроме того история литературы (включавшая историю отдельных произведений или жанров) и история «быта», культуры славянских народов⁵⁴¹. Аналогичное понимание можно обнаружить и у другого современника Шахматова — Г. А. Ильинского: «наука о древне-церковно-славянском языке (понимаемая в широком смысле слова) [...] представляет первостепенный интерес не для одной только сравнительной лингвистики, но и для истории славянских литератур, а также для политической и культурной истории славянских народов»⁵⁴².

Ильинский считал древнюю славянскую литературу удобным материалом, на котором можно «усвоить практически методы и приемы научного исследования [...], а изучение памятников древне-церковно-славянской литературы и ее источника — греческой дает понятие о новейших методах историко-литературного исследования»⁵⁴³. На практике в «славяноведческих» студиях ученые ссылались почти исключительно на исследователей славянских, кириллических, текстов⁵⁴⁴.

539 Мыльников А. С. К вопросу о путях и особенностях формирования славяноведения в России // *Štúdie z dejín svetovej slavistiky do polovice 19 storočia*. — Bratislava, 1978. — С. 289–311; Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. — М., 1979. — С. 19, 42–43; Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX в.

540 Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. — СПб., 1999. С. 185–188.

541 Ягич И. В. История славянской филологии. — СПб., 1910. — С. 1.

542 Ильинский Г. Значение и место науки о древне-церковнославянском языке в ряду других дисциплин славяноведения. — С. 50.

543 Там же. — С. 51.

544 См., например: Евсеев И. Книга пророка Исаяи в древнеславянском переводе. — С. 1–6; Евсеев И. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. — Москва, 1905. — С. VI.

Обоснование прав отдельной «славянской науки» использовало идею противопоставления православного, славянского, мира – католическому, романо-германскому⁵⁴⁵. Как писал Ильинский, «древне-церковно-славянская «письменность» [...] была носителем весьма определенных культурных идеалов, которые довольно резко отличались от культурных стремлений романо-германского Запада, но совпадали большей частью с византийскими»⁵⁴⁶. Выстраивание научных приоритетов коррелировало со славянофильскими настроениями российских образованных кругов⁵⁴⁷.

Прямо или опосредованно, «славяноведческая» установка сужала потенциальный контекст раннего летописания до южнославянской (в лучшем случае византийской) книжности. «За кадром» оказывались ближайшие по форме памятники – европейские анналы и хроники.

Наконец, следует упомянуть еще об одном открытии, которое, впрочем, так и не состоялось. 8 апреля 1907 года в письме к Е. В. Аничкову Шахматов просил посоветовать, «какие лучшие работы по вопросам о происхождении и взаимных отношениях французских средневековых летописей и нет ли труда, объединяющего все исследования, сделанные в этой области».

Нелегко понять, какие «французские летописи» имел в виду Шахматов. Возможно, речь шла о «Больших французских хрониках» XIII–XIV веков (*Grandes Chroniques de France*)⁵⁴⁸ или, может, о Фруассаре.

VIII; Михайлов А. В. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. – С. 13–21, CXLVI–CCCXLI.

⁵⁴⁵ Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX в. – С. 146–147, 260–261, 362–364, 827–829.

⁵⁴⁶ Ильинский Г. Значение и место науки о древне-церковнославянском языке в ряду других дисциплин славяноведения. // ЖМНП. 1906. Январь. – СПб., 1906. – С. 49.

⁵⁴⁷ По словам Ганса Роте, «несомненно, что их (исследователей древнейшей восточнославянской литературы. – В. А.) негласная славянофильская позиция оказывала решающее влияние на их славистическую филологическую работу». Роте Г. Что такое «древнерусская литература»? // Палітычная сфера. № 22–23, 2014/2015. С. 87.

Следует также отметить, что большое влияние на юного Шахматова и его окружение произвели события Балканской войны 1877–1878 гг., вызвавшие в России патриотический подъем и чувство единения с болгарскими «братьями-славянами». Ср. воспоминания Евгении Масальской (Шахматовой): Масальская Е. А. Воспоминания о моем брате А. А. Шахматове. С. 157, 158, 163.

⁵⁴⁸ Spiegel G. M. *The Chronicle Tradition of Saint-Denis: a Survey*. Brooklin, Mass, 1978. – P. 72–126; Hedeman A. D. *Introduction // The Royal Image: Illustrations of the Grandes Chroniques de France, 1274–1422*. Berkeley: University of California Press, 1991. <http://ark.cdlib.org/ark:/13030/ft8k4008jd/>

Тринадцатого апреля того же года, получив некие разъяснения⁵⁴⁹, Шахматов вновь обращался к Аничкову: «Был бы Вам признателен, если бы Вы дополнили их указанием на труды о латинских хрониках древней Франции»⁵⁵⁰. Если в первом случае Шахматов писал о текстах на французском языке, то «латинскими хрониками древней Франции» он мог назвать как древние франкские анналы и хроники, так и более поздние сочинения вроде «Хроники» Адемара Шабаннского или «Деяний норманнов» Дудо Сен-Кантенского. «Хроника» Адемара тем более вероятный кандидат, что в ней рассказывалось о миссии Бруно Кверфуртского на Руси. В частности, утверждалось, будто именно он крестил Русь, а лишь после этого пришел некий греческий епископ и крестил ту половину русов, которая еще оставалась верна идолам. В первом томе «Истории русской Церкви», опубликованном в 1901 году, Е. Е. Голубинский разбирал этот эпизод «Хроники» Адемара. В согласии с воззрениями западных исследователей текста ученый писал, что рассказ об обращении Руси не читался в оригинале «Хроники», а был внесен в конце XI или начале XII века неизвестным «интерполятором»⁵⁵¹.

Шахматов, без сомнения, знал труд Голубинского, поскольку занимался изучением текстов легенд о крещении Руси и пытался выяснить взаимоотношения между ними. Его статья о «корсунской легенде» была опубликована как раз в 1906 году, когда он заинтересовался «французскими хрониками»⁵⁵². Можно предположить, что, чуткий к интерполяциям и переделкам текстов, он решил выяснить, как складывался текст Адемара о христианских миссиях к русам.

Таким образом, Шахматов стоял в шаге от открытия обильной литературы, посвященной западному средневековому историописанию и обсуждавшей те же методологические проблемы, с которыми сталкивались и исследователи летописей. Казалось бы, ничто не мешало, при желании, сделать этот шаг. Тем более что языкового барьера для него не существовало: Шахматов с детства знал французский и не-

⁵⁴⁹ Что именно посоветовал Аничков, остается загадкой. «Очень Вам благодарен за сделанные Вами указания», — писал Шахматов.

⁵⁵⁰ Робинсон М. А. Эпистолярное наследие академика А. А. Шахматова // Археографический ежегодник за 1973 г. — М., 1974. — С. 231.

⁵⁵¹ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Том 1. Первая половина тома. — М., 1901. — С. 216, 219, 221.

⁵⁵² Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. Оттиск из Сборника статей в честь В. И. Ламанского. — СПб., 1906. — С. 14. Здесь Шахматов делает ссылку практически на те страницы труда Голубинского, где он рассуждает об Адемаре.

мецкий язык⁵⁵³, писал статьи на немецком⁵⁵⁴. Не исключено, что рассмотрение летописей в широком контексте средневековой историографии коренным образом изменило бы научный курс Шахматова.

Но, к сожалению, неизвестно, дали ли поиски какой-то результат или интерес Шахматова остался сиюминутным, не имевшим последствий, порывом. Если высказанная догадка о мотивах, побудивших Шахматова обратиться к истории западной хронистики, правильна, то это значит, что ученого интересовали отнюдь не методологические вопросы, а лишь история одного маргинального известия о начале христианства на Руси.

Во всяком случае, его работы не содержат и намека на знакомство с трудами западных исследователей хроник и анналов. В исследованиях по летописанию Шахматов не упоминал (или вообще не использовал) даже труды своего неформального учителя, Ватрослава Ягича, посвященные критике исторических текстов. В достаточно активной переписке⁵⁵⁵ ученые не касались вопросов исследования летописей. Между тем, Ягич был автором публикаций по истории летописных текстов и рецензий на труды в этой сфере. Одна из них, к слову, касалась проекта «сводной летописи» Лейбовича⁵⁵⁶.

Как бы то ни было, через год после переписки с Аничковым Шахматов издал свои «Разыскания», предусматривавшие сугубо славяно-византийский (преимущественно болгарский) контекст летописания и в методологическом смысле апеллировавшие скорее к Шлецеру и Бестужеву-Рюмину, чем к Добровскому и Лахману. В дальнейшем главными текстологическими открытиями начала XX века летописеведы станут считать «сравнительно-исторический метод» Шахматова, его гипотезы о древнейших сводах и схему истории раннего летописания.

553 Масальская Е. А. Воспоминания о моем брате А. А. Шахматове. — М., 2012. — С. 34–71.

554 Schachmatoff Al. Zur Kritik der altrussischen Texte // Archiv fuer Slavische Philologie. V Band. — Berlin, 1881. — S. 612–623; Schachmatoff Al. Zur Textkritik des Codex Sviatoslai vom J. 1073 nach der photolithographischen Ausgabe // Archiv fuer Slavische Philologie. VI Band. — Berlin, 1882. — S. 590–597.

555 Детально о сотрудничестве Шахматова и Ягича см.: Лукин О. В. А. А. Шахматов, В. Ягич и «Archive für slavische Philologie» // Вопросы языкознания. №1. 2015. — С. 111–117.

556 Jagić V. Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung // Archiv fuer Slavische Philologie. Zweiter Band. — Berlin, 1877. — S. 1–109; Jagić V. a) Сводная Летопись, составленная по всем изданным списками летописи Л. И. Лейбовичем Вып. первый. СПб., 1876; б) Домаћи звори за српску историју, уредио Иван Павловић. Део прв: Жития краль сръбскихъхъ. У Београду, 1877 // Archiv fuer Slavische Philologie. Zweiter Band. — Berlin, 1877. — S. 688–690.

Глава вторая

СХЕМА

**КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ ШАХМАТОВА
ПО ИСТОРИИ РАННЕГО
ЛЕТОПИСАНИЯ**

«**П**ереворот» Шахматова в летописеведении традиционно трактуют не только как внедрение новых методов, но и как выдвижение новых гипотез по истории русского летописания. Между тем, большинство шахматовских «революционных» идей или развивали уже известные, или были заимствованы у предшественников. Несомненно и то, что возникновение концепций Шахматова не было обусловлено «всеми предыдущим развитием» летописеведения. Нельзя сказать, что, не будь Шахматова, кто-то обязательно создал бы нечто подобное; роль личности здесь огромна. Но чтобы лучше понять реальную или иллюзорную новизну шахматовских концепций, необходимо прежде всего проследить, как именно они связаны с предыдущим научным опытом. Для этого важно восстановить интеллектуальный контекст, в котором формировались гипотезы ученого. Надо разобраться, что было новым и как взаимодействовали новые идеи со старыми (унаследованными). В конце концов, важно проанализировать сам механизм появления и направление эволюции той или иной идеи.

Исследователь наиболее податлив к (порой неосознанному) усвоению чужих идей в начальный период творчества. Поэтому особенно важно знать, какую литературу он читал или мог читать именно в это время.

В архиве ученого сохранился документ «Перечень книг, составлявших библиотеку Шахматова» в 1889 году⁵⁵⁷. В перечне 348 пунктов, большинство составляют лингвистические и этнографические работы, а также словари. Литературы, посвященной летописям и славянским текстам вообще, относительно немного. Но это почти все на тот момент основные публикации по летописанию. Среди них: пер-

557 ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 407/5. Документ составлен самим Шахматовым.

вые тома ПСРЛ и факсимильные издания Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, труды Татищева, Шлецера, отдельные исследования Срезневского, Бестужева-Рюмина, Рассудова, Яниша, Сенигова и других, в том числе забытых сегодня, ученых. Этот перечень дает минимальный «список подозреваемых» — книг и статей, которые могли повлиять на Шахматова.

Кроме того, ценные известия о круге чтения (и предпочтений) Шахматова в период его становления как ученого можно получить из «документальных воспоминаний» (основанных на семейном архиве) сестры Шахматова Евгении Масальской⁵⁵⁸. В них содержатся сведения о книгах, которые Шахматов читал или просил достать.

И все же таких материалов недостаточно, чтобы установить полный круг чтения Шахматова и все источники его вдохновения на протяжении научной жизни. Иногда источник той или иной мысли легко установить по прямым ссылкам. Но чаще приходится проводить «густое сопоставление» построений Шахматова и его коллег и предшественников, чтобы выявить общность мысли.

Нет смысла последовательно разбирать идеи Шахматова всех калибров. Многочисленные наработки ученого по истории раннего летописания имели под собой сравнительно небольшую основу, идейный костяк или, по словам Имре Лакатоса⁵⁵⁹, «ядро», вокруг которого возникал толстый «пояс» менее значимых, вторичных построений.

Логика соотношения аргументов в научном тексте часто отлична от логики развития аргументации, так сказать, в голове исследователя. За серьезной и убедительной презентацией идеи часто прячется ее менее привлекательная, но настоящая, история. Именно такую историю основных идей Шахматова в указанной области я и попытаюсь предложить в этой главе.

2.1. Предшественники «Повести временных лет»

Странным образом, ПВЛ, получившая название «Начальной летописи», у Шахматова стала *последним* произведением раннего летописания, завершая последовательность ранних летописных сводов. Впрочем, идея, что ПВЛ была не первой летописью и даже не первым сводом, не изобретена Шахматовым, а унаследована им в готовом виде.

⁵⁵⁸ Масальская Е. А. Воспоминания о моем брате А. А. Шахматове. — М., 2012. — С. 191, 220–222, 237, 280, 295, 447.

⁵⁵⁹ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. — М., 1995; Кун Т. Структура научных революций. — С. 269–524.

Как известно, идею о летописи до ПВЛ, Иоакимовской, активно разрабатывал еще Татищев. Ее поддержали и некоторые другие историки XVIII века⁵⁶⁰. Новая критика летописей, которую олицетворял Шлецер, отбросила татищевские интерпретации. До середины XIX века ПВЛ считалась древнейшей летописью. При этом было понятно, что автор ПВЛ пользовался письменными источниками, среди которых могли быть и местные. Так, Погодин писал, что первыми историческими текстами Руси были отдельные краткие записки, подобно тем, которые содержала НПЛ за XI век⁵⁶¹. «Решительно у нас были записки до Нестора»⁵⁶². Погодин не верил, что Нестор мог сконструировать или угадать даты событий за IX, X и первую половину XI века, но в то же время был убежден в их достоверности. Это означало, что Нестор заимствовал их из более древних письменных источников.

С распространением представления о сборном/компилятивном характере летописей статус ПВЛ резко изменился. Она уже не считалась вообще первым историческим сочинением Руси, но все равно сохраняла первенство — как начальный сборник или свод. Одним из пионеров такого представления был П. Казанский. Он признавал маловероятным, чтобы летописец сам вел летопись из года в год (ведь тогда он не мог бы допустить «пустых лет» или одиноких кратких заметок). По мнению ученого, «разнообразие сведений, их хронологический порядок служит также свидетельством, что тут участвовало искусственное распределение событий, что они почерпались из готовых источников»; «очевидно, что как древний летописец называемый Несторовым, так и летописи продолжателей его суть ничто иное, как извлечение из готовых материалов сообразно цели и воззрениям составителей»⁵⁶³.

Отмечу, что Казанский употребил логику, значительно позже примененную и Шахматовым. Постоянное ведение летописи казалось ему менее естественным, нежели развитие летописного текста путем периодических «литературных вмешательств», сведения разнородных материалов, выборки и редактирования готовых текстов.

⁵⁶⁰ См., напр.: Болтин И. Примечания на историю древней и нынешней России Г. Леклерка. Том 1. — СПб., 1788. — С. 58–59.

⁵⁶¹ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Том. 1. — М., 1846. — С. 91.

⁵⁶² Там же. — С. 92.

⁵⁶³ Казанский П. Критический разбор свидетельств Патерика Печерского о Летописи Нестора // ВОИДР №7. М., 1850. — С. 15–16.

Намного более подробно взгляд на ПВЛ как первый сборник/свод разработан в статьях И. И. Срезневского. Согласно его мнению, в ПВЛ (составленной между 1113 и 1115 годами) отразилась работа как минимум двух летописцев: один писал во второй половине XI века, другой — в конце XI — в начале XII. К этому выводу его подталкивал текст статьи 1044 года, где о Всеславе (умершем в 1101 году) сказано как о живом⁵⁶⁴. Конец ПВЛ, по мнению Срезневского, приходился на статью 1111 года, где рассказ о победе русских князей над половцами завершился словом «Аминь»⁵⁶⁵. Эти наблюдения с того времени окончательно вошли в арсенал летописеведов, став общим достоянием исследователей «до сего дне».

Кроме того, Срезневский активно защищал мысль об очень раннем (IX век) начале русского летописания и существовании русских исторических записей X веке⁵⁶⁶. Таким образом, ученый дал образец многочисленным попыткам искать первые летописи до крещения Руси.

Взгляд на ПВЛ как первый сборник/свод из более ранних готовых материалов господствовал до конца XIX века. В итоге ПВЛ обесценивалась, внимание исследователей переключалось на гипотетические источники. Именно это — базовая рамка, в которой мыслили и представители т. н. «строевско-бестужевского» направления, и Шахматов. Между тем, разные ученые неоднократно старались показать, что среди «готовых материалов» ПВЛ был какой-то главный текст, ставший фундаментом свода и к которому были «приделаны» данные из других источников.⁵⁶⁷

Вариантов такого «начального труда», насколько его удавалось «разглядеть», было немного. Костомаров, к примеру, таким «трудом» считал отдельную большую повесть или сказание. Но в конце концов популярность завоевал другой вариант: основа ПВЛ уже тоже была сводом.

⁵⁶⁴ Употреблен глагол третьего лица в настоящем времени и указание «до сего дня»: «рекоша бо волсви мѣри его се язвено наважи на нь да носить є до живота своего еже **носить** Всеславъ и до сего дне на собѣ сего ради немлѣть естъ на кровьпролитьє» (но так только в Лаврентьевском списке).

⁵⁶⁵ Срезневский И. И. Статьи о древних русских летописях (1853–1866). — СПб., 1903. — С. 105–111.

⁵⁶⁶ Срезневский И. И. Памятники X-го века до Владимира Святого // ИОРЯС. Т. 3. — СПб., 1854. — С. 49–66.

⁵⁶⁷ Как верно отмечал автор анонимного обзора литературы о летописях в 1916 г., «ученые в сложном составном тексте Повести временных лет стремятся разглядеть черты первоначального, легшего в основу ее летописного труда, и некоторые из них пишут о возможности реставрации текста этой предшествовавшей Повести временных лет летописи». АРАН. — Ф. 665. Оп. I. — Д. 12. — С. 103, Л. 86 об.

Идею о своде, предшествовавшем ПВЛ, высказывал Бестужев-Рюмин. Он замечал, что ПВЛ до 1110 года более нейтральна к Святополку, чем ее окончание – статьи Ипатьевского и родственных списков за 1110-е годы. Этот факт ученый связывал с редактурой, проведенной Сильвестром. Но это означало, что Сильвестру было что редактировать. «Не было ли свода, предшествовавшего тому, который мы называем первоначальным?» – спрашивал ученый⁵⁶⁸. И тут же заключал, что «хотя и нельзя прямо полагать с Перевошиковым, что первоначальная летопись кончается 1074 года (sic! – В. А.), или с Татищевым, что она кончается 1093 г., но безусловно отрицать существование предшествующего свода тоже нельзя»⁵⁶⁹.

Надо подчеркнуть, что здесь речь шла о существовании не ранних летописцев вообще, как у Срезневского (оно очевидно, если ПВЛ – свод), а именно о более древнем своде. Такую же идею несколько позднее высказывал Ламбин: «По крайней мере, до исхода X века в этой „Повести“ (временных лет. – В. А.) нет ни одного факта, описанного самим Нестором по устным рассказам (легенды и предания дошли до него уже в сборнике, составленном, кажется, при Ярославе)»⁵⁷⁰.

Еще позже Маркевич более откровенно проводил мысль, что ПВЛ – не первое произведение в своем роде, т. е. до нее уже могли быть другие летописные своды. Ученый писал: «Все подобные указания (внутренние противоречия в тексте ПВЛ. – В. А.), по мнению Бестужева-Рюмина, дают возможность предполагать существование предшествующего Древней летописи *летописного свода* (курсив мой. – В. А.). Это очень возможно, и возможно даже предположить, что такой предыдущий свод был не один, причем *каждый из этих сводов был поглощен последующим*»⁵⁷¹. Хотя рассуждение Маркевича представлено как ни к чему не обязывающая догадка, это уже фактически шахматовское видение – только без конкретики и твердой уверенности в его правильности.

Характерна позиция современника Шахматова – Филевича. Для него идея свода-предшественника ПВЛ была уже настолько очевидной, что он тенденциозно толковал взгляды старых ученых. Например, заявляя, «существование летописного свода, предшествовавшего

⁵⁶⁸ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. – С. 29–30.

⁵⁶⁹ Там же. – С. 30–31.

⁵⁷⁰ Ламбин Н. П. Источник летописного сказания о происхождении Руси (Продолжение). – С. 119.

⁵⁷¹ Маркевич А. И. О летописях. – С. 115–116.

го тому, который мы называем первоначальным, предполагалось давно...», он приводит мысль Срезневского о летописи доведенной до смерти Святослава⁵⁷². Но Срезневский не имел в виду именно свод, а только одну из древнейших летописей, формат которой он четко не определял.

Сам Филевич придерживался убеждения (по его словам, сформированного «капитальной» работой Бестужева-Рюмина и исследованиями Срезневского и якобы крепко укорененного в тогдашней науке), что «и древнейшая часть нашей летописи, в которую вошла начальная повесть о Руси – тоже свод и, следовательно, может представлять результат тоже немалых трудов. Свод этот должен был предшествовать другим, потому что он вошел во все своды»⁵⁷³. Филевич в 1896 году, накануне выхода основных статей Шахматова, уже фактически смотрел на историю раннего летописания «по-шахматовскому» – как на последовательность сводов⁵⁷⁴.

Получается, что, провозглашая существование свода-предшественника ПВЛ (а потом и нескольких сводов), Шахматов не делал открытия, а развивал уже достаточно известную в литературе мысль.

2.2. Переоценка новгородской летописи

В письме к В. А. Пархоменко от 2 ноября 1914 года Шахматов писал, что соотношение ПВЛ и НПЛмл составляет «главный вопрос нашей историографии»⁵⁷⁵. Фундаментальной заслугой Шахматова традиционно считается открытие группы летописей, которые, кроме списков ПВЛ, могут отражать раннее летописание и его древнейшие памятники. Эта группа – новгородские летописи, а важнейшая из них – Новгородская первая летопись младшей редакции (НПЛмл). Между тем, есть основания сомневаться, заслуга ли это именно Шахматова⁵⁷⁶.

Первые поколения летописцев, воспитанные трудами Шлецера и Карамзина, относились к НПЛ как к памятнику, зависимому от ПВЛ, хотя и довольно своеобразному. П. М. Строев в предисловии к изданию «Софийского временника» еще в 1820 году писал о нов-

572 Филевич И. История Древней Руси. Том 1. Территория и население. – Варшава, 1896. – С. 351.

573 Там же. – С. 357.

574 Там же. – С. 368–369.

575 Пархоменко В. Из листування з академіком Шахматовим // Україна. Кн. 6. – К., 1925. – С. 127.

576 Заслуга ли это вообще – отдельный спор, выходящий за рамки этой книги.

городской летописи как об одном из (правда, оригинальном и заслуживающим особенного внимания) продолжений Нестора⁵⁷⁷. Он и не мог бы подумать, что перед ним летопись, ставшая главным источником Нестора. Перевошников однозначно считал, что в основу НПЛ положен «Нестор», точнее выписки из него⁵⁷⁸.

В предисловии к третьему тому ПСРЛ (1841) начальная часть новгородских летописей названа «летописью Нестора», что означало, вероятно, что она была новгородской переделкой ПВЛ⁵⁷⁹. По мнению издателей, на утраченных листах (до статьи 1016 года) Синодального списка старшей редакции НПЛ был текст, аналогичный тому, что находится в Академическом, Толстовском и Комиссионном списках младшей редакции. Нещадно критикуя ПСРЛ⁵⁸⁰, Погодин все-таки придерживался той же мысли, что начало НПЛ — это «Нестор, несколько сокращенный»⁵⁸¹.

Вторая половина XIX века отмечена «преодолением» авторитета Шлецера и Карамзина в истории летописания. Это касалось «вопроса о Несторе» и доверия поздним летописям. В это время произошла радикальная переоценка летописных источников, которая заключалась в «девальвации» главных списков ПВЛ. Это было связано с углубленным изучением других, преимущественно позднейших, списков.

Одной из причин этого было утверждение «теории сборников». Она гласила: поскольку повести или сказания существовали в отдельном виде, их могли независимо привлекать разные поздние сборники. Предполагать, что в поздних летописях могли сохраняться древние тексты, одним из первых начал Погодин⁵⁸², хотя в целом он стоял на консервативных позициях. Невольно способствовать появлению этой мысли мог и сам Шлецер, когда писал, что необразованные переписчики XIII–XIV веков делали плохие и неполные списки, а в XV–XVI веках более грамотные писцы могли передавать тексты во всей их полноте⁵⁸³.

Наконец, возникла историографическая мода на «уникальные собрания» Никоновской и других поздних летописей, якобы отражавших

577 Строев П. М. Предисловие // Софийский временник или русская летопись с 862 по 1534 год. Часть первая. — Москва, 1820. — С. V–XXIV.

578 Перевошников В. О. О русских летописях и летописателях по 1240 г. — СПб., 1836. — С. 15–16.

579 ПСРЛ. Т. 3. Новгородские летописи. — СПб., 1841. — С. VI.

580 Погодин М. П. Новгородские летописи // ИОРЯС. Т. 6. — СПб., 1858. — С. 209–220.

581 Там же. — С. 221.

582 Погодин М. П. Источники для удельного периода русской истории. Летописи // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. — Одесса, 1848. — С. 93.

583 Шлецер А. Л. Нестор. — С. xiv–xv.

древнейшее летописание. Общим местом стал тезис о неполноте старших списков в древнейшей части и о большей полноте младших⁵⁸⁴.

Под влиянием таких настроений происходило исследование новгородского летописания во второй половине XIX века. Основным его содержанием стало развитие двух ключевых идей: 1) НПЛ опиралась на утраченное новгородское летописание; 2) текст НПЛ отражает летопись-предшественницу ПВЛ.

1) Одним из первых акции НПЛ поднял Срезневский, следуя излюбленной идее о древности летописания на Руси. Он утверждал, что новгородские записи велись уже в X–XI веках. Списки НПЛ и поздние сборники якобы отразили часть тех оригинальных новгородских источников, которыми пользовался автор ПВЛ, но воспроизвел далеко не полностью. Кроме того, ученый предполагал, что в утраченном начале Синодального списка мог быть не «Нестор», а древняя новгородская летопись⁵⁸⁵. Бестужев-Рюмин также усматривал в уникальных новгородских сообщениях 989 года оригинальные записи современника событий⁵⁸⁶. Иными словами, ПВЛ и НПЛ (а вместе с тем Софийская Первая, Тверская и Никоновская летописи) уравнивались в правах как «свидетели» древнейшего летописания.

Усиленному вниманию к НПЛ способствовала интрига вокруг начала Синодального списка ее старшей редакции (НПЛст). Утерянные рукописи всегда кажутся особенно ценными, будто они содержали очень древние и уникальные тексты. Если же утрата рукописи может быть связана с «умыслом», это окончательно делает ее удобным полем для спекуляций. На роль уникальной, но «неслучайно» погибшей рукописи лучше всего подходило начало древнейшего летописного списка. Беляев едва ли не первым предположил: «кажется, Москва с намерением, из политических видов, постаралась истребить эту историческую драгоценность»⁵⁸⁷.

Эту идею до логического завершения доведет Яниш⁵⁸⁸. Он обосновывал, что утраченные листы НПЛст не были схожи с началом списков НПЛмл, и считал эту «потерю» предумышленной⁵⁸⁹. По мнению ученого, после покорения Новгорода московские люди урезали и ре-

⁵⁸⁴ Срезневский И. И. Статьи о древних русских летописях (1853–1866). – СПб., 1903. – С. 44.

⁵⁸⁵ Срезневский И. И. Исследование о летописях новгородских // ИОРЯС. Т. 2. – СПб., 1853. – С. 20–23.

⁵⁸⁶ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. – СПб., 1868. – С. 63–65.

⁵⁸⁷ Беляев И. Д. О Несторовой летописи // ЧОИДР. №5 1846. – Москва, 1847. – С. 12.

⁵⁸⁸ Яниш Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. – Москва, 1874.

⁵⁸⁹ Там же. – С. 20–24.

дактировали летописи в контексте уничтожения всей новгородской старины⁵⁹⁰. Текст НПЛст до 1110-х годов исследователь считал самостоятельным от ПВЛ⁵⁹¹, а значит — одним из источников для реконструкции древнейшего новгородского летописания. Другими источниками Яниш признавал списки князей и посадников, а также все уникальные сведения поздних летописей (скажем, Никоновской), связанные с Новгородом — их он воспринимал как отрывки оригинальных новгородских сочинений⁵⁹².

Надо заметить, что Яниш решительно выступал за позднее происхождение начальной части НПЛмл (до 1016 года). По его мнению, это было довольно позднее (XIV–XV века) сокращение ПВЛ; текст до 1078 года в списках НПЛмл представлялся ему смесью ПВЛ и неких новгородских материалов с преобладанием первой⁵⁹³.

Не вдаваясь в детали, подчеркну общий смысл работы Яниша: НПЛ и другие летописи, использовавшие «новгородский материал» независимо от ПВЛ, могут содержать древние и ценные фрагменты. И хотя Яниш считал их выдержками из новгородской, а не киевской, летописи, направление поиска следов древнейших исторических текстов было указано. После Яниша ученые просто не могли обойти вопрос о начальных разделах старшего и младших списков НПЛ. Происхождение новгородского летописания и соотношение списков НПЛ превратилось в самостоятельную научную проблему.

2) Почти одновременно с первой вызрела вторая идея: в НПЛмл и других «северных» поздних сводах уцелели отрывки южного источника ПВЛ. Осторожно об этом писал еще Сухомлинов, рассматривая летописные известия за XI век: «некоторые известия в Новгородской летописи представляются как бы сокращениями известий Лаврентьевской, или, наоборот, Новгородская является как бы источником Лаврентьевской, распространившей краткую заметку летописи Новгородской»⁵⁹⁴. На большую правдоподобность и оригинальность сведений НПЛмл, которые могли быть сокращены и искривлены в ПВЛ, указывал Погодин. В частности, он имел в виду детали описания событий 1015–1016 годов, как ему казалось, аутентичные⁵⁹⁵.

⁵⁹⁰ Там же. — С. 46–48, 59–60, 80–84.

⁵⁹¹ Там же. — С. 24–28.

⁵⁹² Там же. — С. 41–43.

⁵⁹³ Там же. — С. 28–32.

⁵⁹⁴ Сухомлинов М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном. — СПб., 1856. — С. 8.

⁵⁹⁵ Говоря о варяжских наемниках Ярослава, НПЛмл указывала, что князь их «кормил» (уточнение, которого нет в ПВЛ). Войско, собранное Ярославом в Новгороде, НПЛмл «реали-

Более однозначно в этом вопросе высказывался Соловьев. Ученый приводил в пример рассказ НПЛмл о покорении Свенельдом уличей и резюмировал: «начальная летопись, сохранившаяся в древних списках, есть сокращенная сравнительно с тою, которая сохранилась в позднейших»⁵⁹⁶. Т. е. НПЛмл и все иные летописи, которые содержат этот фрагмент, передают события полнее, чем ПВЛ, а значит лучше в отдельных статьях отражают древнюю киевскую летопись. «Уличский» фрагмент использовал и Бестужев-Рюмин, чтобы показать, что ПВЛ нередко сокращала свои источники, а НПЛмл была местами полнее и исправнее⁵⁹⁷.

Окончательно рассказ об уличах из НПЛмл в научный оборот ввел Ламбин. На волне преодоления авторитета Нестора и пересмотра роли поздних летописей он открыто «изобличал» построения Карамзина как несостоятельные и предполагал, что упомянутый рассказ был в несторовом оригинале ПВЛ, но исчез при первых переписываниях, т. е. рукопись, от которой происходят все древнейшие списки ПВЛ, его уже не содержала⁵⁹⁸. Это означало, что существовала какая-то редакция ПВЛ, не тождественная ныне известной, и что она отразилась в НПЛмл.

Сенигов был не столь категоричен в этом вопросе. Источником отличий начальной части НПЛмл от ПВЛ ученый считал новгородские устные предания. Но и он признавал, что они могли быть более полными и исторически правильными, нежели информация ПВЛ⁵⁹⁹. И здесь Сенигов целиком разделял мысль предшественников, что рассказ про Свенельда и уличей в НПЛмл дополняет и объясняет

стично» оценивала в 4 тысячи, тогда как ПВЛ сообщала о немыслимой 41 тысяче. Рассказывая о битве под Любечем 1016 г. между Ярославом и Святополком, Новгородская летопись упоминала имя воеводы Святополка – Волчий Хвост (в ПВЛ так назван воевода Владимира Святославича в статье 984 г.). Кроме того, она иначе представляла ход битвы, повествуя о предателе из лагеря Святополка, оказавшего помощь Ярославу. Погодин М. П. Новгородские летописи // ИОРЯС. Т. 6. – СПб., 1858. – С. 224–225.

⁵⁹⁶ Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга 2. История России с древнейших времен. Том 3. – М., 1993. – С. 113.

⁵⁹⁷ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. – СПб., 1868. – С. 67.

⁵⁹⁸ Ламбин Н. П. Славяне на Северном Черноморьи // ЖМНП. 1877. Май. – СПб., 1877. – С. 48–75. Продолжения: ЖМНП. 1877. Июнь. – СПб., 1877. – С. 234–259; ЖМНП. 1879. – СПб., 1879. – С. 141–155. Здесь же – характеристика позиции Карамзина. Другая работа Ламбина так и не была опубликована. Ее критический обзор см.: Бычков А. Ф. Разбор сочинения Н. И. Ламбина «Опыт восстановления и объяснения Несторовой летописи. I. О Свенгельде и угличах» // Отчет о четырнадцатом присуждении наград графа Уварова 25 сентября 1871 года. – СПб., 1872. – С. 89–105.

⁵⁹⁹ Сенигов И. П. О первоначальной летописи Великого Новгорода // ЖМНП. 1884. Июнь. – СПб., 1884. – С. 210–211.

ет статью ПВЛ 945 года, а значит, он более древний и достоверный. В одной из работ исследователь даже не удержался от предположения, что вся картина отношений Игоря и Олега в НПЛмл происходит из какой-то утраченной новгородской летописи⁶⁰⁰.

Можно смело утверждать, что к концу XIX века произошла коренная переоценка роли НПЛмл как «свидетеля» древнейшего летописания. Появилась своего рода традиция искать в новгородских летописях древние и достоверные сообщения, в тех местах, где они не совпадали с текстом ПВЛ. Развитием этой традиции стала, в частности, гипотеза Шахматова об отражении в НПЛмл киевского Начального свода. Непосредственно она оформилась как реакция на концепцию Сенигова. Он же, в свою очередь, строил собственные исследования на критике авторов середины – второй половины XIX века (в частности, Яниша), которые допускали существование развитого и древнего новгородского летописания⁶⁰¹.

Сенигов предполагал, что к ПВЛ в Новгороде обращались дважды: в первом новгородском летописном своде (отразившемся в НПЛст), а потом – во втором своде, который сохранился в списках НПЛмл. Составитель первого свода в части до 1016 года, по мнению ученого, мог опираться на особенную, новгородскую, редакцию ПВЛ – местами отличную, хотя в целом производную от оригинальной киевской редакции⁶⁰².

НПЛст имела неравномерную структуру: до 1016 года читался пространный текст типа ПВЛ, а после 1016 года – краткие записки начальной новгородской летописи. Составитель протографа списков НПЛмл, по Сенигову, решил «выровнять» летопись и сделать ее «более новгородской» по содержанию. Для этого он сократил часть до 989 года (где мало упоминался Новгород) и переделал ее, а часть за XI век (до 1074 года) дополнил отрывками из ПВЛ⁶⁰³.

Шахматов возразил Сенигову по двум ключевым пунктам и развернул его схему на сто восемьдесят градусов: ПВЛ привлекалась только в НПЛст, тогда как НПЛмл использовала летопись «похожую, но не тождественную ПВЛ». Эта загадочная летопись казалась Шахматову более первоначальной, чем ПВЛ. Отсюда получалось, что начальная часть НПЛмл – не позднего, а раннего происхождения.

⁶⁰⁰ Сенигов И. П. О древнейшем летописном своде Великого Новгорода. – СПб., 1885. – С. 87.

⁶⁰¹ Сенигов И. П. О первоначальной летописи... – С. 202–212; Сенигов И. П. О древнейшем летописном своде Великого Новгорода. – СПб., 1885. – С. 79.

⁶⁰² Сенигов И. П. О древнейшем летописном своде Великого Новгорода. – С. 58–60.

⁶⁰³ Там же. – С. 71–78.

В этом вопросе по сравнению с относительно скептической позицией Сенигова Шахматов был ближе к тем предшественникам, которые искали в новгородских летописях остатки «оригинальной ПВЛ» или ее неизвестных источников.

Но насколько неожиданным и уникальным было «открытие» Шахматовым в НПЛмл летописи, предшествовавшей ПВЛ? В действительности оно было сделано несколькими учеными, находившимися под влиянием тенденции «переоценки НПЛмл». Шахматов просто оказался самым успешным из них.

В 1896 году вышел первый том «Истории Древней Руси» Филевича, который особое внимание уделил проблемам истории летописания. Желая реконструировать «Повесть о начале Руси», он сравнил списки ПВЛ, НПЛмл, Софийской Первой, Воскресенской и Никоновской летописей, а также «татищевские известия»⁶⁰⁴. Одним из результатов стало «открытие» того, что НПЛмл и Никоновская летопись в своих начальных разделах точнее всех дошедших текстов отображают свод, лежавший в основе ПВЛ. Для Филевича было важно, что содержание первых страниц НПЛмл соответствует заглавию ПВЛ, а это якобы указывало на древность текста⁶⁰⁵. Исследователь подчеркивал, что главные списки ПВЛ, Лаврентьевский и Ипатьевский, «древнейшие по времени, представляют текст несоответствующий заглавию, а следовательно, позднейший...»⁶⁰⁶.

Другим ученым, который параллельно с Шахматовым мог прийти к идее первичности НПЛмл по отношению к ПВЛ, был Пресняков. Тут стоит заметить, что направления работы над летописанием и историографией, а также конкретные выводы двух ученых (знакомых лично с 1899 года⁶⁰⁷) нередко совпадали. Именно Пресняков мог быть первым в нескольких исследовательских проектах: в развитии представления о летописании как последовательности сводов⁶⁰⁸ и позднее — в работе над рукописями Татищева⁶⁰⁹. В обоих случаях точно не известно, приходили ли близкие знакомые и коллеги к подобным идеям независимо, или один заимствовал мысли другого

⁶⁰⁴ Филевич И. История Древней Руси. Том 1. Территория и население. — Варшава, 1896. — С. 364.

⁶⁰⁵ Там же. — С. 364–368.

⁶⁰⁶ Там же. — С. 369. (курсив автора).

⁶⁰⁷ Чирков С. В. А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков (по материалам архива А. Е. Преснякова) // Исторические записки. Т. 88. — М., 1971. — С. 388.

⁶⁰⁸ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей. — С. 234–235.

⁶⁰⁹ Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. — М.-К., 2005. — С. 6–7.

на стадии их зарождения, или же Пресняков и Шахматов имели «общий источник» вдохновения.

К двум случаям совпадений идей этих ученых, отмеченным современными исследователями, можно, как кажется, добавить третий. В архиве Преснякова хранится текст неопубликованной статьи «О летописных сводах»⁶¹⁰. В этом сочинении он, среди прочего, излагал свои мысли о соотношении ПВЛ и НПЛмл. В общем Пресняков признавал, что НПЛмл (которую он называл «Софийским временником», считал первым новгородским сводом и датировал XV веком) в начальной части содержала «Сильвестровский свод», т. е. ПВЛ⁶¹¹. Но, сравнивая тексты двух памятников, наряду с буквальными совпадениями, он видел существенные отличия. Так, в НПЛмл не было «Поучения» Мономаха, рассказа о Гюряте Роговиче под 1096 годом и многих печерских сообщений. Ученый так комментировал эти факты: «Конечно, основывать на этих указаниях какие-либо выводы — рискованно. Но тем не менее, вероятным представляется предположение, что Софийский временник, несомненно основывавшийся на каком-то южнорусском своде, — опирается не на ту редакцию, которая носит имя Сильвестра; это интересно в том отношении, что, быть может, определяет несколько роль Сильвестра, дополнившего тот же свод, который вошел и в Софийский временник»⁶¹².

Итак, в очень осторожной и общей форме Пресняков рассуждал о возможности отражения в НПЛмл более раннего варианта Начальной летописи, чем в основных списках ПВЛ. Датировка статьи, к сожалению, очень приблизительная — 1890-е — 1900-е годы. А потому нельзя полностью исключить, что она написана уже под влиянием шахматовской идеи Начального свода. Но полное молчание о Шахматове (при том, что предшествующие летописеведы упомянуты: Строев, Бестужев-Рюмин) может свидетельствовать о независимости мыслей Преснякова. Дополнительно на время написания статьи, по всей видимости, указывает несомненное принятие и поддержка бестужевской идеи сборника/свода⁶¹³, тогда как сам Пресняков еще в 1896 году подвергал ее сомнению (по крайней мере, в приложении к московским летописям XVI века.)⁶¹⁴.

⁶¹⁰ АСПИИ РАН. — Ф. 193. Оп. 1. — Д. 59.

⁶¹¹ Там же. — Л. 4–5.

⁶¹² Там же. — Л. 6 — 6 об.

⁶¹³ Там же. — Л. 2, 6 об. — 7.

⁶¹⁴ Пресняков А. Е. [Рец.] Летопись занятий Археографической комиссии. Выпуск десятый. СПб., 1895 // ЖМНП. Часть 307. №9. — СПб., 1896. — С. 156.

Пример Преснякова показывает, что многие идеи могли не выходить из черновиков, оставаясь неизвестными. Недавно Вовина-Лебедева опубликовала письмо Бередникова к председателю Археографической комиссии П. А. Ширинскому-Шихматову от 21 мая 1846 года, где говорилось о НПЛмл. Бередников писал, что эта летопись содержит «в древнейшей части памятник более первоначальный по своему составу, чем Повесть временных лет, известная по Лаврентьевскому, Ипатьевскому и сходным спискам»⁶¹⁵. Таким образом, перед нами почти шахматовская гипотеза об отражении в начальной части НПЛмл памятника более древнего, чем ПВЛ. Однако Бередников так и не развил свою догадку в публикациях.

Между тем, первое известное предположение такого рода принадлежит Добровскому. Он придерживался прогрессивного/кумулятивного взгляда на развитие историографии. Это развитие представлялось ему, как и позднее Шахматову, постепенным усложнением изначально «примитивного» летописного «тела». Добровский считал, что в первичном тексте ПВЛ не было ни руско-византийских договоров, ни пространного вступления, ни «кирилло-мефодиевской легенды»⁶¹⁶. Все это, по его мнению, попало в текст не раньше XIII века – так он датировал «Предисловие» к НПЛмл. Добровский был фактически предвестником как «скептиков» (настаивавших на позднем оформлении ныне известного текста ПВЛ), так и Шахматова, поскольку считал, что Новгородская летопись отразила промежуточную стадию развития ПВЛ между древним, но довольно примитивным, ядром (его автором Добровский считал «Нестора») и современным видом ее текста.

Шахматов и позднейшие ученые сознавались в естественном впечатлении первичности начальной части НПЛмл по сравнению с ПВЛ. Например, в рабочих тетрадях, Н. Ф. Лавров так писал о соотношении текста статьи 882 г. ПВЛ с аналогичным в НПЛмл: «Н1 – первое впечатление более древн<его> текста...»⁶¹⁷ (курсив мой. – В. А.). «Естественность» первого впечатления для многих служит дополнительным аргументом за шахматовское объяснение соотношения двух памятников. Но она обманчива.

В литературе, как правило, пересказывают аргументы Шахматова в пользу первичности НПЛмл, не уделяя должного внимания

⁶¹⁵ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей. – С. 128–129.

⁶¹⁶ Dobrowsky J. Wie soll Nestors Chronik aus so mancherlei Recensionen des Textes, die in Handschriften zu finden sind, rein hergestellt werden? – S. 35.

⁶¹⁷ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей. – С. 595.

истории их возникновения. Недавно А. П. Толочко заметил, что идея ранней основы НПЛмл подтверждалась двумя крайне сомнительными источниками: сообщением Татищева о завершении пространного пассажа статьи 1093 года в только ему известном списке ПВЛ словом «Аминь»⁶¹⁸ и наличием в тексте НПЛмл Краткой редакции Правды Руской⁶¹⁹. Первое указывало на датировку летописи, более старой, чем ПВЛ, второе – на сохранившийся ее памятник.

В первой специальной работе о Начальном своде Шахматов датировал его «после 1074 г.». 1093 год на этом этапе его исследований в качестве даты свода не фигурировал⁶²⁰ и появился только в работе 1908 года, посвященной Предисловию к «Софийскому временнику»⁶²¹ (см. далее). Но все же 1093 год, как определенная реперная точка, фигурировал уже в первой доступной мне работе Шахматова о летописях – ранней версии пробной лекции, написанной на рубеже 1889–1890 годов. Исследователь писал, что с 1093 года древнейшая летопись получила продолжение и велась из года в год печерским монахом приблизительно до 1110 года⁶²². Тем же временем, «после 1091 г., при Иване игумене», он датировал тогда и печерскую летопись Нестора⁶²³. Таким образом, почерпнутая из Татищева дата 1093 год (по крайней мере, 1090-е годы) с самого начала летописных занятий Шахматова сидела у него в голове, «блуждала» по различным его построениям, пока, наконец, не «обрела родину» в концепции Начального свода.

Что касается Краткой Правды, то ее связь с гипотезой о Начальном своде можно проследить не раньше, чем в «Разысканиях» 1908 года⁶²⁴. Однако есть основания считать, что само по себе доверие Шахматова к Краткой Правде и его особое внимание к НПЛмл были неразрывны. В своей первой, еще детской, работе 1874 года «Русская Старина» Шахматов писал, что «нашел книгу „Русская правда“ у моего дяди. Составил и выдал Шлецер. Шлецер говорит, что Русская правда была найдена [...] в Новгородских летописях»⁶²⁵. Речь идет

⁶¹⁸ Татищев В. Н. История Российская в 3-х томах. Т. 1. – М., 2005. – С. 72.

⁶¹⁹ Толочко А. П. Краткая редакция «Правды Руской»: происхождение текста. – К., 2009. – С. 51; Татищев В. Н. История. – С. 73.

⁶²⁰ Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде / Исследования // ЧОИДР 1897 г. Кн. 3. – Москва, 1897. – С. 57.

⁶²¹ Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своде. – С. 38.

⁶²² ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 133. – Л. 5, 7 об.

⁶²³ Там же. – Д. 226. – Л. 49 об.

⁶²⁴ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – С. 507–509.

⁶²⁵ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 403. «Русская старина. Книга II». [1874]. – Л. 84–86 об.

о брошюре Шлецера 1767 года – это издание Краткой Правды с наибольшим предисловием и комментариями⁶²⁶.

Именно эта публикация могла оказать на Шахматова первое (а потому и наиболее глубокое) впечатление. Она могла сформировать образ новгородских памятников как вместилищ древних киевских документов. Много позже Шахматов читал НПЛмл уже «подготовленным». В первых черновиках лекции 1890 года о ПВЛ он писал: «я думаю, что первоначальная летопись сохранилась в 1-й Новг лет, но она там сокращена»⁶²⁷.

Показательно, что мысль о ценности поздних летописей в свое время Погодин доказывал именно историей Краткой Правды. Он писал: «господствующее у нас мнение, что только древнейшие списки заключают древнейший текст, несправедливо: текст Русской Правды, помещенный в Новгородской летописи [...] принадлежит XV в. и гораздо древнее текста, помещенного в харатейной Кормчей 1282 года». Отсюда следовал вывод, что «текст Лаврентьевского списка [...] мог бы уступить преимущество какому-нибудь новейшему тексту без Васильевой повести, без Мономахова поучения, но я не надеюсь, чтобы отыскался такой список потому что, думаю, едва ли он и существовал»⁶²⁸. Шахматову казалось, что он такой список нашел.

Проанализированный выше материал позволяет утверждать, что идея о первичности НПЛмл по отношению к ПВЛ не была гениальным озарением и «естественным впечатлением» Шахматова. К моменту выхода его первых работ о Начальном своде идея уже прошла путь определенной эволюции. Трудно оценить, в какой именно степени Шахматов зависел от каждого из своих предшественников в этом вопросе. Но большинство упомянутых мной работ (Срезневского, Сухомлинова, Бестужева-Рюмина, Ламбина, Яниша, Сенигова и других, не говоря о Шлещере) он точно знал. И если даже не конкретные идеи этих исследователей, то общее представление о НПЛмл как вместилище ранних киевских текстов несомненно повлияло на Шахматова.

⁶²⁶ Шлецер А. Л. Правда Руская, данная в одиннадцатом веке от великих князей Ярослава Владимировича и сына его Изяслава Ярославича. – СПб., 1767.

⁶²⁷ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 133. – Л. 5.

⁶²⁸ Погодин М. П. Источники для удельного периода русской истории. Летописи. – С. 93.

2.3. Вопрос о Несторе

История Шахматова-летописевода начиналась с Нестора-летописца. «Несторов вопрос», который был основным в дискуссиях о летописании в середине XIX века⁶²⁹, к концу столетия уже утратил былую остроту. Более того, для многих современников Шахматова вопроса о Несторе уже вообще не существовало.

«Русская критика обосновано показала, что монах Нестор с этой летописью ничего общего не имеет, что мы можем говорить о нем только как об авторе двух агиографических произведений (Сказания о мученичестве Бориса и Глеба и Жития Феодосия), что он, таким образом, принадлежит к сфере русской агиографии, а не историографии. И больше никакого вопроса о Несторе», — категорически писал И. Я. Франко в 1907 году⁶³⁰.

«Развенчание» Нестора в России совпало по времени с превращением истории в научную дисциплину. После затухания горячей полемики середины XIX века по поводу Нестора⁶³¹ общепринятой стала мысль о том, что ПВЛ приписали ему ошибочно⁶³². Уже тогда было известно, что идея отождествить составителя Начальной летописи с Нестором, автором житий, появилась только в Киево-Печерском Патерике и отсюда разошлась по другим историческим трудам⁶³³. До-

⁶²⁹ В частности, во время противостояния «скептиков» и защитников Нестора.

⁶³⁰ Franko I. Beiträge zur Quellenkritik einiger altrussischer Denkmäler // Archiv für Slavische Philologie. XXIX Band. — Berlin, 1907. — S. 291–292.

Несколько раньше подобное отношение к теме высказывал Грушевский. Грушевский М. С. Нестор і Літопись // Привіт д-ру Івану Франку в 25-літній ювілей літературної його діяльності. — Львів, 1898. — С. 130–138.

⁶³¹ Бутков П. Г. Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. — СПб., 1840. — 462 с; Менцов Ф. [Рец.]: Бутков П. Г. Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. — СПб., 1840 // ЖМНП. Часть 27. Отд. 6. — СПб., 1840. — С. 1–19; Кубарев А. Нестор, первый писатель российской истории, церковной и гражданской // Русский исторический сборник. Кн. 4. — Москва, 1842. — С. 415–477; Казанский П. Еще вопрос о Несторе // ВОИДР №1. — Москва, 1849. — С. 23–30; Бутков П. Ответ на новый вопрос о Несторе, летописце русском // Современник. Том XXIII. Отд. 3. — СПб., 1850. — С. 1–52; Казанский П. Критический разбор свидетельств Патерика Печерского о Летописи Нестора // ВОИДР №7. М., 1850. — С. 1–16; Казанский П. Разбор ответа г-на П. Б. на новый вопрос о Несторе // Отечественные записки. Т. 71. №1. — СПб., 1851. — С. 80–99; Казанский П. Объяснение некоторых недоумений касательно летописи Нестора // ВОИДР Кн. 13. Смесь. — Москва, 1852. — С. 21–23; Билярский Н. Замечания о языке Сказания о Борисе и Глебе, приписываемого Нестору, сравнительно с языком летописи // Записки Императорской Академии наук. Т. 2. — СПб., 1862. — С. 109–120.

⁶³² Scepkin E. Zur Nestorfrage // Archiv fuer Slavische Philologie. XIX Band. — Berlin, 1897. — S. 549–552.

⁶³³ Например, Голубинский Е. Е. История русской церкви. Том 1. Первая половина тома. — Москва, 1901. — С. 777.

пустимы были две точки зрения на участие Нестора в летописании: умеренная и радикальная. Согласно умеренной, Нестор был автором какой-то (собственно печерской) летописи, вошедшей как один из источников в состав ПВЛ. Ее создателем при этом считали Сильвестра, игумена Выдубицкого монастыря, или анонима⁶³⁴.

Радикальная позиция отказывала Нестору в какой бы то ни было связи с летописью. Более того, удалось даже преодолеть кажущееся противоречие между «печерским духом» летописи и выдубицкой принадлежностью Сильвестра, «основного подозреваемого» в составлении ПВЛ. Е. Е. Голубинский и И. П. Хрущев объяснили это тем, что Сильвестр был поставлен в выдубицкие игумены из печерян⁶³⁵. Маркевич высказывал похожую мысль: «Если свод составлен Сильвестром, бывшим в то время игуменом Выдубицкого монастыря, то он и составлен в этом монастыре, так что приписка: „черноризца Печерского монастыря“ обозначает или позднейшее предание, что вся летопись составлена в Печерском монастыре, или относится только к части летописи»⁶³⁶. Ученый был против популярного аргумента: если бы Сильвестр написал ПВЛ, он бы поместил гораздо больше известий о своем монастыре. Маркевич считал этот довод некорректным: «это аргумент отрицательный, и на него можно ответить просто незнанием нами всех условий, при которых составлялась летопись»⁶³⁷. Итак, критика вообще не оставляла Нестору-летописцу и его «печерской летописи» места в науке.

Между тем, именно вопрос о Несторе привел Шахматова в летописеведение. И именно благодаря Шахматову произошло «возвращение Нестора-летописца» в науку.

Возрождение имени. Первые книги, прочитанные в детстве или юности, имеют колоссальное влияние на формирование взглядов историка. Зачастую они дают ученому темы «всей жизни», ориентиры для будущих исследований и «любимых героев» еще ненаписанных книг и статей. Первые впечатления становятся аксиоматическими положениями, в которых ученому потом бывает трудно усомниться.

Можно уверенно сказать, что первыми историческими книгами, определившими вкусы Шахматова, были работы Карамзина и Тати-

⁶³⁴ См. обзор мнений: Маркевич А. И. О летописях. – С. 116–117.

⁶³⁵ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Том 1. Первая половина тома. – С. 781–782; Хрущев И. П. Сказание о Васильке Ростиславиче // ЧОИИЛ. Кн. 1. – К., 1879. – С. 61.

⁶³⁶ Маркевич А. И. О летописях. – С. 117.

⁶³⁷ Там же. – С. 118.

щева⁶³⁸. Сочинение десятилетнего Шахматова «Русская старина», написанное в 1874 году, было в значительной степени компиляцией из их текстов. Там впервые зафиксировано представление Шахматова о Несторе-летописце: «Нестор описал нам первый, как устроилось наше государство, войны, правление князей, и проч.»⁶³⁹ По-видимому, именно влияние Карамзина и Татищева было одним из факторов превращения Нестора в «любимого героя» Шахматова.

Детские интересы со временем перерастали в профессиональные. Первая статья Шахматова по истории древнерусской литературы — исследование «Жития Феодосия»⁶⁴⁰. «Сочинениям преподобного Нестора» была посвящена и первая летописеведческая лекция молодого ученого в 1890 году. В течение всей жизни Шахматов испытывал к Нестору особые чувства⁶⁴¹. В статье 1913 года, посвященной преподобному летописцу, ученый подчеркивал: «мне хочется вернуться к предмету, особенно близкому моему сердцу»⁶⁴².

Казалось бы, Шахматов несколько опоздал: к моменту его вхождения в науку критика уже давно «разжаловала» некогда знаменитого историографа в агиографы, отобрав у него авторство летописи. Но несмотря на неудачу проекта Шлецера и «антинесторовский» уклон в историографии, попытки вернуть Нестора (или вернуться к Нестору) все ж предпринимались. П. Казанский писал: «если допустить, что Нестор писал первую летопись, то очевидно она претерпела большие изменения, в ней сделаны вставки, заменены одних сказаний другими. В отыскании, в восстановлении этого

⁶³⁸ Масальская Е. А. Воспоминания о моем брате А. А. Шахматове. — С. 191.

⁶³⁹ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 403. «Русская старина. Книга II». [1874]. — Л. 19 — 19 об.

⁶⁴⁰ Schachmatoff A. I. Zur Kritik der altrussischen Texte // Archiv fuer Slavische Philologie. V Band. — Berlin, 1881. — S. 612–623.

⁶⁴¹ Ср. с наблюдениями А. Г. Боброва о Лихачеве и Шахматове: «...первая крупная научная работа во многом определяет дальнейшую судьбу исследователя и, более того, навсегда остается в памяти как самая дорогая и ценная. Подобно тому как исследования А. А. Шахматова во многом основаны на его раннем открытии первичности текста новгородских летописей по отношению к ПВЛ, сделанное Д. С. Лихачевым в молодые годы открытие [о роли Кирика Новгородца, автора трактата о летописчислении, в новгородском летописании первой трети XII в. — В. А.] развивалось в его научном творчестве: в работах по истории и культуре Новгорода, по летописанию, по истории древнерусской литературы в целом». Бобров А. Г. Д. С. Лихачев как исследователь новгородский летописей (диссертация «Новгородские летописные своды XII в.») // ТОДРЛ. Т. 61. — СПб., 2010. — С. 138.

⁶⁴² Шахматов А. А. Нестор летописец // Шахматов А. А. История русского летописания. — СПб., 2003. — С. 413.

Ср.: Абрамович Д. И. Труды А. А. Шахматова в области истории русской литературы // ИОРЯС 1920. Т. 25. — Петроград, 1922. — С. 113–115.

первоначального текста летописи лежит ключ к разрешению наших недоумений»⁶⁴³.

Правда, из приведенного фрагмента не совсем ясно, какой путь реконструкции предлагал ученый (дословную реставрацию или установление состава?). Кроме того, для подобного проекта нужна была вера и убеждение, что именно Нестор написал летопись. Такой верой обладал Ламбин. Но преждевременная смерть не позволила ему воплотить свой план восстановления и объяснения «Нестора»⁶⁴⁴. Следующую попытку такого рода предпринял Шахматов. Она оказалась на удивление удачной в том смысле, что на сто лет вернула к жизни уже почти вытесненную из науки идею о Несторе-летописце.

Уже текст первой лекции Шахматова по истории раннего летописания проникнут пафосом возрождения имени незаслуженно развенчанного Нестора. Ученый сожалеет, что в последние десятилетия «существование летописца Нестора было заподозрено, и с тех пор привлекательные и вместе с тем величественные черты древнейшего бытописателя [...] были перенесены на какого-то безымянного летописца конца XI и начала XII в.»⁶⁴⁵. С тем же пафосом он описывает собственные исследования: «постепенно расширялось мое представление о литературной деятельности Нестора, пока, наконец, он не предстал передо мной в образе того Нестора, с которым нас познакомили Шлецер, Карамзин и следовавшие за ними историки»⁶⁴⁶; лучшие страницы ПВЛ [...] писаны тем „худым и недостойным“ черноризцем, о котором церковное и литературное предание говорит как о древнейшем летописце»⁶⁴⁷.

В своих первых работах по летописанию Шахматов ссылался именно на тех ученых, которые считали Нестора начальным летописцем (Карамзин, Шлецер) или автором особенной монастырской

⁶⁴³ Казанский П. Разбор ответа г-на П. Б. на новый вопрос о Несторе // Отечественные записки. Т. 71. №1. — СПб., 1851. — С. 99.

⁶⁴⁴ Бычков А. Ф. Разбор сочинения Н. П. Ламбина: «Опыт восстановления и объяснения Несторовой летописи. I. О Свенгелде и угличах». — СПб., 1872.

⁶⁴⁵ Шахматов А. А. О сочинениях преподобного Нестора // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 466. В черновике лекции он признается: «я сознаю, что в продолжении всего своего исследования о сочинениях Нестора я был пристрастен, мне хотелось расширить наши представления об историческом Несторе и понять, почему еще так недавно все считали Нестора летописцем». ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 142. — Л. 1 об.

⁶⁴⁶ Эти слова дополнительно свидетельствуют о том, что в своей «несторофилии» Шахматов зависел от детского круга чтения. Не зря отдельного упоминания удостоились только Шлецер и Карамзин.

⁶⁴⁷ Шахматов А. А. О сочинениях преподобного Нестора. — С. 466.

летописи, вошедшей в свод ПВЛ (Костомаров, Бестужев-Рюмин)⁶⁴⁸. На фоне современной ему историографии ранний Шахматов со своим «возрождением Нестора» выглядел анахронично и консервативно. Если Приселков, по словам критиков, «весь вышел из Шахматова», то Шахматов в представлениях о Несторе и его летописи во многом «вышел из» Костомарова, Срезневского, Бестужева-Рюмина и Рассудова. Он непосредственно воспроизводил и развивал идеи этих ученых⁶⁴⁹ о том, что Нестор был автором отдельной Печерской летописи⁶⁵⁰.

От своих предшественников Шахматов зависел не только в общих положениях, но и в частности. Скажем, в его статьях воспроизведена идея Костомарова о том, что рассказ ПВЛ об основании Печерского монастыря под 1051 годом Нестору не принадлежит⁶⁵¹. Эту же идею поддерживал Рассудов, чья статья была известна Шахматову уже в 1889 году: она упомянута в составленном тогда же описании его библиотеки⁶⁵².

Как исследователь Нестора, Шахматов брал на себя роль продолжателя и защитника священного предания. Например, в 1913 году, он писал: «Я основываюсь на всем давно известных данных, которых, как мне кажется, совершенно достаточно для *восстановления старой традиции*» (курсив мой. — В. А.)⁶⁵³. И Шахматов явно от этой традиции зависел: «освященная значительною давностью традиция дает основание утверждать, что составителем древней летописи был Нестор»⁶⁵⁴.

Взятое за аксиому утверждение перевешивало данные источников. Зная, «как должно было быть», Шахматов делал категорический, хотя и бездоказательный, вывод: «в первой редакции ПВЛ было указано в заглавии имя ее составителя»⁶⁵⁵. Показательны и такие сло-

⁶⁴⁸ Там же. — С. 466–467, 476.

⁶⁴⁹ Срезневский И. И. Статьи о древних русских летописях (1853–1866). — СПб., 1903. — С. 111–115; Рассудов А. Несколько слов по вопросу о первых русских летописях // Московские университетские известия. №9. — М., 1868. — С. 766–768. См. также прямую ссылку на Костомарова: Шахматов А. А. Житие Антония и Печерская летопись // ЖМНП. 1898. Март. — СПб., 1898. — С. 114–117.

⁶⁵⁰ Стоит заметить, что составителем первого свода, ПВЛ, куда Несторова летопись вошла, упомянутые исследователи считали все же Сильвестра.

⁶⁵¹ Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. Часть первая. Источники русской истории. — СПб., 1861. — С. 30–31.

⁶⁵² ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 407/5. — Л. 26 об.

⁶⁵³ Шахматов А. А. Нестор летописец. — С. 413.

⁶⁵⁴ Там же. — С. 420.

⁶⁵⁵ Там же.

ва ученого: «Несомненно он поставил свое имя в заглавие Повести временных лет [...] это так согласуется с авторским честолюбием Нестора. Но на последнем славном труде Нестора постигла неудача. Составленная им летопись была подвергнута переработке в другом, князем монастыре; Печерскому монастырю удалось восстановить, хотя и в измененном виде, ушедший из него летописный свод, но имя Нестора осталось заказанным. И только позже усилиями просвещенных людей это имя спасено было для потомства»⁶⁵⁶. Вполне вероятно, что к таким «просвещенным людям» он мог относить и себя, ведь в очередной раз восстанавливал историческую справедливость. Кроме того, «это так согласуется с авторским честолюбием» Шахматова.

Впрочем, как серьезный ученый, Шахматов осознавал отсутствие твердых доказательств летописной деятельности Нестора. В работе 1916 года он признавал: «высказанные мною предположения об участии Нестора в составлении дошедшей до нас Повести вр. лет основываются *исключительно* (курсив мой. — В. А.) на литературной традиции, связавшей имя Нестора с летописью. Вполне возможно, что надписание Повести временных лет именем Нестора в некоторых списках имеет своим источником ту же традицию»⁶⁵⁷. Итак, Шахматову приходилось уповать на авторитет Киево-Печерского Патерика, ведь его авторы в XIII веке были ближе ко временам Нестора и вполне могли знать о его участии в летописании⁶⁵⁸.

Но простая ссылка на авторитет Патерика выглядела не вполне солидно. Если «для себя» эзотерического знания о Несторе Шахматову было достаточно, то академическое сообщество требовало большего. А потому Шахматов не мог полагаться исключительно на неуловимое монастырское предание. Нужны были факты, и исследователь их создавал. Он размышлял: если Касьяновская редакция Патерика знает Нестора-летописца, значит, в XV веке был известен список летописи, подписанный Нестором. Точно так же один из создателей ядра Патерика, черноризец печерский Поликарп, в XIII веке мог считать Нестора летописцем, потому как имел список с его именем. В своей манере, Шахматов легко превращал простые предположения в твердую убежденность: «перед нами два факта...»⁶⁵⁹.

⁶⁵⁶ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том 1. — С. XVIII.

⁶⁵⁷ Там же. — С. LXVII.

⁶⁵⁸ Там же. — С. LXVII-LXVIII.

⁶⁵⁹ Шахматов А. А. Нестор летописец. — С. 422, 424.

Оставалось только вписать Нестора в историю летописи. Составление Шахматовым схемы формирования ПВЛ на начальном этапе могло быть лишь результатом выполнения «программы защиты Нестора». Для ученого уже в 1890 году существование летописи Нестора было аксиомой. И если этой летописью тогда не удавалось признать ПВЛ в нынешнем виде, значит, ее следовало искать среди источников последней, подвергшихся редакторским манипуляциям. Это был беспроектный вариант: все несоответствия летописного текста биографии и взглядам Нестора-агиографа можно было объяснить вмешательствами редактора: либо Сильвестра, либо анонимного составителя ПВЛ⁶⁶⁰.

Все это приводило к парадоксальной ситуации, когда Шахматов, по большому счету, не был заинтересован в реконструкции Несторовой летописи (или его редакции ПВЛ). Первая серьезная попытка ее осуществить показала бы бессосновательность гипотезы. Не симптоматично ли, что, признавая невозможность восстановить текст Несторовой редакции ПВЛ⁶⁶¹, Шахматов красочно описывал состав и историю гипотетического памятника, а также стиль ее автора. Чем более виртуальной была летопись Нестора, тем реалистичнее ее можно было описывать.

Для сохранения имени Нестора-летописца Шахматов шел наперекор общим принципам критики текста. Он не мог не признать противоречий между агиографическими сочинениями Нестора и ПВЛ, но объяснял это редактурой сводчика или спецификой манеры автора.

«Мы вправе поэтому думать, что и Нестор не заботился об устранении тех противоречий собственным его взглядам и знаниям, которые он находил в переписывавшемся им старшем монастырском своде [...] Нестор мог сознательно повторять то, чему не верил, если только данный рассказ был ходячим, если к нему успели привыкнуть, если в особенности он был освящен авторитетом времени и имени почтенного предшественника»⁶⁶².

Если Нестор (или вообще любой летописец) мог писать то, во что не верил, и допускать в своих текстах грубые противоречия, то вся метода «разложения» ПВЛ на части по критерию несогласованности конфликтов, написанных разными авторами, ставилась под сомне-

⁶⁶⁰ Шахматов А. А. О сочинениях преподобного Нестора. — С. 472–475.

Позднее, уже как автор первой редакции ПВЛ, Нестор был защищен от строгого глаза критики второй и третьей редакциями ПВЛ: Сильвестра и анонима 1118 г.

⁶⁶¹ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том 1. — С. LVIII.

⁶⁶² Там же. — С. XX.

ние. Но Шахматов использовал двойные стандарты: для обоснования существования сводов-предшественников ПВЛ он требовал от летописцев непротиворечивости информации; зато милому его сердцу Нестору позволял практически все. В одном случае предполагаемая несогласованность сообщений свидетельствовала о нескольких авторах, в другом — об одном. Решению этой же задачи — согласования летописи и Несторовых житий — способствовала их ранняя датировка Шахматовым — до конца 1080-х годов. Это позволяло обосновать отличия между житиями и летописью. Поскольку между периодами агиографического и летописного творчества Нестора прошло около двадцати пяти лет, то его стиль и взгляды на события могли за это время измениться⁶⁶³.

Какую летопись написал Нестор? Несмотря на то, что Шахматов своей деятельностью на долгое время восстановил идею о Несторе как авторе ПВЛ, сам он в 1890 году с этим мог бы и не согласиться: «Несторова летопись не может быть отождествлена с ПВЛ»⁶⁶⁴. Согласно воззрениям Шахматова того времени, ПВЛ была сводом разнородного материала, а сочинение Нестора — ее главным источником. В этом ученый полностью следовал предшествующей историографии, для которой свод был мостом к «настоящим» историческим произведениям. Как явствует из текста первой лекции Шахматова⁶⁶⁵, детище Нестора-летописца было эстетическим антиподом ПВЛ. Бесцветная анонимная компиляция, свод, противопоставлялась яркому и целостному авторскому сочинению — Летописи Нестора (далее — ЛН)⁶⁶⁶.

Главной своей задачей Шахматов считал тогда установление состава ЛН, но именно ее он и не выполнил. Из его рассуждений складывался противоречивый образ летописи: с одной стороны, она выглядела чисто монастырской, с другой — «общерусской». Один из выводов первой летописеведческой лекции Шахматова звучал так: «нам

⁶⁶³ Там же. — С. LXXVII.

⁶⁶⁴ Шахматов А. А. Исследование о Несторовой летописи // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 476.

⁶⁶⁵ Шахматов А. А. О сочинениях преподобного Нестора. — С. 475.

⁶⁶⁶ Как можно судить по ранней версии первой лекции Шахматова, ЛН представлялся ему «зародышем» Патерика. ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 133. — Л. 3 об. — 4.

Примечательно, что в первой научной статье по древнерусской литературе (о Житии Феодосия) Шахматов писал о Несторе как о составителе русского патерика («eines russischen Paterikon»). Кроме того, он писал о «Несторовых Анналах» («Nestor's Annalen»). Правда, так в немецком тексте можно было назвать и саму ПВЛ. Schachmatoff A. Zur Kritik der altrussischen Texte // Archiv fuer Slavische Philologie. V Band. — Berlin, 1881. — S. 613, 616.

неясно, имел ли Нестор целью написать русскую летопись с древнейших времен, или он начал летописный рассказ 1075 г., может быть, годом своего прихода в Печерский монастырь»⁶⁶⁷. Не было понятно и то, возникла ли ЛН независимо от первой редакции ПВЛ 1074 года (о редакциях ПВЛ – см. 2.9.) или стала ее продолжением? И если ЛН начиналась с 1075 года, то где заканчивалась?

В конце 1896 года в набросках статьи о ЛН ученый таким образом очертил ее состав: повесть про Бориса и Глеба, похвала Ярославу 1037 года, фрагменты из рассказа ПВЛ о Крещении Руси, все печерские рассказы и все «благочестивые размышления»⁶⁶⁸. Итак, ЛН частично дублировала первую редакцию ПВЛ (1074 года), которая должна была описывать как раз общерусские события. Однако в то время Шахматов больше склонялся в сторону признания ЛН узко монастырской летописью⁶⁶⁹.

После «открытия» Начального свода, в статьях 1897–1898 годов, Шахматов старался приспособить старую идею ЛН к своей новой схеме истории раннего летописания. В частности, Сильвестра он «перевел» с непосредственного редактора ЛН в составители первой редакции ПВЛ 1116 года. Место Сильвестра занял анонимный автор «Печерской летописи» начала XII века (или 1110 года). Указанная летопись якобы основывалась на сочинении Нестора и продолжала его рассказом о печерских и общерусских событиях до 1110 года⁶⁷⁰. «Печерская летопись» заполняла время между Начальным сводом, который тогда Шахматов датировал 1070-ми годами, и ПВЛ. При этом он фактически «забрал» у Нестора часть «печерских» сообщений за конец XI – начало XII века, чем выхолостил изначальную идею Несторовой летописи как монастырского памятника. В результате Нестор оказывался автором лишь нескольких отдельных сказаний (например, об основании Печерского монастыря, о перенесении мощей Феодосия).

Новая схема чуть не свела на нет все предыдущие усилия Шахматова. Нестор становился автором исключительно текстов патери-

⁶⁶⁷ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Л. 133. – Л. 3 об. – 4.

⁶⁶⁸ Там же. – Д. 296. – Л. 53 об. – 56 об.

⁶⁶⁹ Шахматов А. А. Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия // ИОРЯС. Т. 1. Кн. 1. – СПб., 1896. – С. 46–47; [Шахматов А. А. Кем и когда был составлен летописный свод – повесть временных лет?] Отчет о собрании Императорского общества Любителей древней письменности за 31 января 1897 г. // Отчеты о заседаниях Императорского общества Любителей древней письменности в 1896–1897 году. – СПб., 1897. – С. 23–24.

⁶⁷⁰ Шахматов А. А. Киево-Печерский Патерик и Печерская летопись // ИОРЯС 1897. Том 2. Кн. 3. – СПб., 1897. – С. 820–827; Шахматов А. А. Житие Антония и Печерская летопись // ЖМНП. 1898. Март. – СПб., 1898. – С. 116–118, 133, 138.

кового/житийного типа. Иными словами, он оставался агиографом, но переставал быть летописцем. Впоследствии Шахматов поправил схему: в статье начала 1908 года⁶⁷¹ он сделал Нестора автором уже единой Печерской летописи, доведенной до 1113-го.

Однако вернуть старую добрую ЛН образца 1890 года в новой ситуации было невозможно. Печерская летопись Нестора уже выглядела атавизмом в свете концепции сводов. Жесткое противопоставление авторской ЛН и свода ПВЛ не могло существовать в схеме, в рамках которой каждая летопись была сводом, а каждый последующий свод – дополнением и переделкой предыдущего. С другой стороны, из текста статьи 1908 года видно, что ЛН фактически перерастала в ПВЛ. Логика концепции сводов давала два варианта: Нестор был автором либо нескольких патериковых/житийных текстов, либо автором летописи «очень похожей» на ПВЛ. Испробовав первый вариант на протяжении предыдущего десятилетия, Шахматов в «Разысканиях» окончательно избрал второй и приписал Нестору оригинальную редакцию ПВЛ (детальнее см. 2.9.).

Таким образом, как парадоксально это ни выглядело бы, Шахматов оказался еще большим консерватором, чем в начале научной деятельности. Он отошел от компромиссной позиции Костомарова и пришел к довольно ортодоксальному взгляду: Нестор был автором ПВЛ.

A beautiful mind. Выясняя состав и доказывая само существование ЛН, Шахматов не мог полагаться только на ПВЛ. Предшествующая критика показала, что происхождение ее «печерских» сообщений можно объяснять и без помощи гипотезы о Несторе-летописце. Уверенному в реальности ЛН исследователю не оставалось иного выбора, кроме как искать не зависимый от ПВЛ текст – свидетель Нестора. Таким свидетелем Шахматов считал Киево-Печерский патерик. В Патерике, по его мнению, летописные тексты Нестора (будь то особенная монастырская летопись или первая редакция ПВЛ) якобы отразились точнее, полнее и более целостно, чем в ПВЛ⁶⁷². При этом сам по себе текст Патерика не давал возможности делать прямые выводы о существовании ЛН. Нужны были оба текста, чтоб из них создать третий. «Добыть» искомую Несторову летопись можно

⁶⁷¹ Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду. – С. 35–47.

⁶⁷² Шахматов А. А. О сочинениях преподобного Нестора; Шахматов А. А. Нестор летописец. – С. 426–427.

2.4. Когда и как возник «Начальный свод»

было, только заранее зная, что она существовала. Подобный образ мышления проявился и в гипотезе о Начальном своде, который был «найден» в НПЛмл (см. далее).

В обоих случаях речь шла о тексте, лежавшем в основе ПВЛ, но лучше отразившемся в другом источнике. Представление об утраченном памятнике исследователь получал путем интуитивной комбинации избранных фрагментов двух реальных произведений (ПВЛ и НПЛмл, или в случае ЛН – ПВЛ и Патерика). Внешне прием напоминает одно из проявлений шизофренического синдрома, о котором массовая публика узнала благодаря популярному фильму о гениальном математике Джоне Нэше. Совмещая разрозненные фрагменты доступных текстов по излишне формальным признакам, человек получает некий «скрытый» текст. Но остроумие и филигранность комбинаций, как выясняется, не имеет смысла, ведь никаких «скрытых» текстов в реальности не существует. Они – только плод прихотливых «игр разума». Показательно, что при помощи именно таких «игр» Шахматов создал два ключевых звена своих схем: Летопись Нестора и Начальный свод.

2.4. Когда и как возник «Начальный свод»

Киевский Начальный летописный свод (далее – Нсв) – вещь вполне реальная. Но не как памятник конца XI века, а как интеллектуальный конструкт конца XIX века. Нсв – одна из самых важных и противоречивых гипотез в текстологии летописания. В сущности, она базируется на двух главных идеях: 1) о существовании летописных сводов до ПВЛ в принципе; 2) об отражении в НПЛмл оригинальных текстов, более древних, чем ПВЛ. Как же эти идеи воплотились в гипотезе Нсв, как и когда она родилась и каким образом развивалась в работах Шахматова?

Уже в первых исследованиях летописания, в 1890 году, Шахматов сделал ставку на поздние летописи, якобы отражавшие первую редакцию ПВЛ 1074 г.: Софийскую Первую (Соф1), Новгородскую Четвертую (Н4), Тверскую (Тв), Воскресенскую (Воскр) и НПЛмл. Заметим, что это еще не была идея Нсв, в которой основная роль отводилась НПЛмл. Первую редакцию ПВЛ Шахматов искал прежде всего в Соф1, Н4, Тв и Воскр. «...Первая редакция сохранилась в новгородских летописных сводах, но, сличая их с Софийским временником – сборником историко-юридического содержания XIII в., выделив статьи этого Софийского временника, которых, впрочем, очень немно-

го, получаем древнейшую редакцию ПВЛ»⁶⁷³. Софийский временник, как считалось, лучше сохранился в НПЛ. Это означает, что Шахматов отсеивал чисто новгородские добавления (среди них и Предисловие) в текстах Соф1, Н4 или Воскр (сравнивая их с НПЛ), а затем из этих летописей выделял текст, очень близкий к ПВЛ, но обрывающийся на статье 1074 года.

Он считал, что «первая редакция ПВЛ, доведенная до 1074 г. [...] лишь в немногих местах дополнена и изменена сводчиком 1118 г.»⁶⁷⁴. Едва ли не главное отличие первой редакции от второй заключалось в отсутствии в первой рассказа о начале Печерского монастыря под 1051 годом. Зато для гипотезы Нсв ключевую роль играло соотношение ПВЛ и НПЛмл в части до 1017 года, а особенно до 945-го, где изложение отличается весьма существенно.

Внимание Шахматова к НПЛмл было приковано с начала его занятий летописанием. Но изучение двух редакций НПЛ (и сравнение начальных частей ПВЛ и НПЛмл), во время которого оформилась идея Нсв, произошло позднее. Кажется, это также подтверждает фраза из статьи 1897 года: «К сожалению, во время работы над 1-ой Новгородской летописью я не был знаком с трудом г. Филевича „История Древней Руси“...». Речь идет не о том, что Шахматов работал до выхода сочинения Филевича, а о том, что оно уже существовало, но просто не было ему известно. Книга Филевича вышла в 1896 году, т. е. Шахматов начал активно работать над НПЛмл не раньше это времени.

Чтобы понять изначальное содержание гипотезы Нсв, надо проанализировать ее первое специальное обоснование. Это сделано в статье 1897 года «О Начальном Киевском летописном своде»⁶⁷⁵ (несколько статей, где Шахматов уже пользовался гипотезой Нсв, вышли в том же году ранее; но там ученый не давал детальной аргументации). Из нее вытекает, что идея Нсв возникла в контексте исследования истории двух редакций НПЛ: старшей (Синодального списка) и младшей (Комиссионного, Академического, Толстовского списков). Поводом стало несогласие с Сениговым, который доказывал близость утраченного начала НПЛст вступительной части НПЛмл, считая Синодальный список лучшим отражением «Софийского временника».

Ход мысли Шахматова был таков. Две первых новгородских летописи (существование которых несомненно, ведь они отразились

⁶⁷³ Шахматов А. А. О сочинениях преподобного Нестора. — С. 468.

⁶⁷⁴ Там же. — С. 471.

⁶⁷⁵ Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде / Исследования // ЧОИДР 1897 г. Кн. 3. — Москва, 1897. — С. 1–58.

в отдельных рукописях) – НПЛмл и НПЛст – сходные, но не тождественные. Соответственно их начальные части также должны быть сходными, но не тождественными. Шахматов принимал традиционное представление, что в основе Синодального списка НПЛ лежала ПВЛ (приблизительный объем текста на утраченных 16 листах списка совпадал с объемом ПВЛ до той черты, где список обрывается, 1016 год). В таком случае начальная часть НПЛмл должна была опираться на сходный, но не тождественный ПВЛ свод: по объему она значительно меньше. Далее срабатывало старое представление о первичности рассказа НПЛмл по сравнению с ПВЛ⁶⁷⁶. Неизбежным в этой ситуации выводом было то, что в начальной части НПЛмл отразилась летопись (свод) более древняя, чем ПВЛ. Выстраивалась симметрическая схема: двум первым новгородским сводам соответствовали два первых киевских свода; с той особенностью, что старший киевский свод сохранился в младшем новгородском. Таков непосредственный контекст оформления идеи Нсв.

Не секрет, что гипотеза о Начальном своде появилась еще до написания первой специальной статьи на эту тему. Уже первая статья 1897 года ее предполагала⁶⁷⁷. Но когда именно возникла идея? Известно, что 31 января 1897 года Шахматов делал доклад на заседании «Императорского общества любителей древней письменности»⁶⁷⁸. В сохранившемся отчете о нем конспективно изложены представленные Шахматовым положения. Однако идеи Нсв среди них нет. Вероятно, если она тогда уже существовала в голове ученого, то он так и не высказал ее. Иначе это нашло бы отражение в отчете. Кроме того, темой доклада были только редакции ПВЛ и роль Сильвестра в редактировании летописи Нестора. Нсв в рамки заявленной темы не укладывался.

⁶⁷⁶ Позднее Шахматов, кажется, сомневался в своем выводе, но в конце концов убедил себя в правильности построения. «Возможно предположение, что мы имеем дело с сокращенным изводом Повести временных лет. Но такое предположение опровергается тем обстоятельством, что сокращения произведены как будто систематически, по определенному плану [...] Наконец, предположение это опровергается еще и тем, что памятник наш представляет, в особенности в начале, значительные отличия фактические...». Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // ИОРЯС. Т. 9. Кн. 4. – СПб., 1904. – С. 305–307.

⁶⁷⁷ Шахматов А. А. Хронология древнейших русских летописных сводов // ЖМНП. 1897. Апрель. – СПб., 1897. – С. 463–464.

⁶⁷⁸ Шахматов А. А. Кем и когда был составлен летописный свод – повесть временных лет? Отчет о собрании Императорского общества Любителей древней письменности за 31 января 1897 г. // Отчеты о заседаниях Императорского общества Любителей древней письменности в 1896–1897 году. – СПб., 1897. – С. 23–24.

Но к счастью, в архиве Шахматова сохранилась неопубликованная статья «Исследование о Киевопечерской летописи»⁶⁷⁹. Датировка ее приблизительна, но самое вероятное — вторая половина 1896 года⁶⁸⁰. Основная часть этой статьи вошла в опубликованную в 1897 году работу «Киево-Печерский Патерик и Печерская летопись», где о Нсв не упоминалось⁶⁸¹. Но нам интересна другая часть статьи, оставшаяся черновиком: в ней Шахматов развивал мысли, которые, по его собственному признанию, не входили в задачи исследования⁶⁸². Ученый поднимал вопрос о других летописях, которые могли быть под руками составителя ПВЛ (свода 1118 года) кроме летописи Нестора.

В поисках «других летописей» Шахматов обращался к спискам НПЛ, преимущественно НПЛмл, где пространное изложение киевской летописи обрывалось на статье 1074 года. НПЛст его интересовала меньше, поскольку в ее утраченном начале, как считалось, отразилась ПВЛ. По мнению Шахматова, НПЛмл (или второй новгородский летописный свод⁶⁸³) использовала НПЛст (или первый новгородский свод, второй половины XII века⁶⁸⁴) и другой источник, который заканчивался на 1074 году и которого не было в распоряжении автора первого свода. Это не могла быть ПВЛ, ведь, по представлению Шахматова, тогда рубежом была бы статья 1118 года, а не 1074-го. Ерго НПЛмл использовала летопись киевского происхождения, но не тождественную ПВЛ и при этом более древнюю⁶⁸⁵. Дополнительным аргументом для Шахматова было впечатление о первичности начальной части НПЛмл, которое возникало при сравнении двух текстов: новгородская летопись казалась более ранней, базовой, а ПВЛ — производной⁶⁸⁶.

⁶⁷⁹ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Спр. 296. Исследование о Киевопечерской летописи [1896–1897] — 63+1 арк.

⁶⁸⁰ Скорее всего, статья была написана в развитие другой работы, опубликованной в 1896 г. и знаменовавшей возвращение Шахматова к исследованию летописания после шестилетнего перерыва. Шахматов А. А. Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия // ИОРЯС. Т. 1. Кн. 1. — СПб., 1896. — С. 46–65. Примечательно, что это случилось вскоре после женитьбы ученого 31 марта 1896 г. См.: Алексей Александрович Шахматов 1864–1920. — Л., 1930. — С. 29.

⁶⁸¹ Шахматов А. А. Киево-Печерский Патерик и Печерская летопись // ИОРЯС 1897. Том 2. Кн. 3. — СПб., 1897. — С. 795–844.

⁶⁸² ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 296. — Л. 58.

⁶⁸³ Шахматов сомневался в датировке, что видно по правкам в рукописи: семидесятые, последние, первые годы XIII в. Там же. — Д. 296. — Л. 59 об.

⁶⁸⁴ И в этом случае Шахматов путался в точных датировках: 1150-е или 1160-е. Там же. — Д. 296. — Л. 59.

⁶⁸⁵ Там же. — Л. 60 об.

⁶⁸⁶ Там же. — Л. 61 — 61 об.

В неопубликованной статье Шахматов предложил также детальную характеристику этой древней киевской летописи по НПЛмл (ее в опубликованных работах уже не найти). Тогда ученый считал, что автором первой киевской летописи/свода был упомянутый в статье 1074 года Яков Печерский, которому приписывали и анонимное Сказание о мученичестве Бориса и Глеба⁶⁸⁷.

Если в докладе 31 января 1897 года Шахматов так и не высказал идеи о Нсв, то в черновике выступления, также сохранившемся в архиве ученого, он ее все-таки изложил. Как и в предыдущем тексте, он подал выводы о Нсв как отклонение от генеральной темы: «Я слишком бы уклонился от прямой своей задачи, если бы подробно развил здесь ту мысль, что первоначальный рассказ о призвании князей мы читаем не в Пов. Вр. лет, а в том не дошедшем до нас Киевском летописном своде, доведенном до 1074 года, на основании которого Новгородский сводчик нач. XIII в. дополнял первоначальную новгородскую летопись (ср. Нов I л. в сп. Ком. и сходным с ним)»⁶⁸⁸.

Эта мысль все же получила некоторое развитие. Шахматов заметил, что отсутствие в Лаврентьевском тексте ПВЛ «ладожской версии» рассказа о Рюрике обусловлено влиянием этого древнего свода, где, судя по НПЛмл, о Ладоге не упоминалось. Вместе с тем, в начальном рассказе о смерти Олега Ладога как раз фигурировала (так — в НПЛмл): «не записано ли летописцем Ладожское народное предание, не знавшее, что киевляне полагают могилу его в Ладоге, а сообщавшее о смерти его в Киеве» (в тексте этот фрагмент зачеркнут)⁶⁸⁹.

Еще один намек на первоначальное представление Шахматова об этом киевском своде можно получить из другой фразы черновика доклада: «Я мог бы признать после всего выше сказанного, что вопрос, поставленный в заголовке настоящего реферата, нашел свой ответ: свод Повести вр. лет составлен в 1118 году лицом ясно говорящем о себе под 1096 и 1114 годом, лицом весьма начитанным (вспомним его знакомство с Георгием Амартолом и впервые им сделанную попытку пользоваться для русской истории иностранными источниками), человеком бывалым, видевшим не одни стены монастырские, а посетившим и далекие северные страны Новгород и Ладогу» (курсив мой. — В. А.)⁶⁹⁰. Тут косвенно прочитывается мысль о лето-

⁶⁸⁷ Этот вывод основан на сходстве летописной повести о Борисе и Глебе и описания перенесения мощей святых в 1072 г. с соответствующими местами анонимного Сказания.

⁶⁸⁸ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 149. — Л. 5.

⁶⁸⁹ Там же. — Л. 5 об.

⁶⁹⁰ Там же. — 11 об.

писи, где история излагалась без Амартола и других «иностранных источников».

Таким образом, идея Нсв возникла как побочный продукт «спасения Нестора-летописца» и отстаивания (не шахматовской по происхождению) гипотезы о «Печерской летописи Нестора». Побочным продуктом первого порядка была идея редакции ПВЛ 1074 года, которая позволяла преодолеть противоречия между произведениями Нестора и летописью. Одним из «свидетелей» этой гипотетической редакции ученый считал НПЛмл. Именно ее изучение дало побочный продукт второго порядка – гипотезу о Нсв. Но она оказалась успешней не только редакции 1074 года, но и самой «Печерской летописи Нестора».

Таким образом, установив идейный контекст, можно максимально точно определить и «дату рождения» Нсв: осень 1896 – начало 1897 года (во всяком случае не позднее января 1897-го).

Новооткрытый памятник тут же заменил редакцию ПВЛ 1074 г. и стал самостоятельным объектом исследования. Но Шахматов некоторое время не мог определиться с его статусом. Ученый называл его то «летописным сводом», то «(первоначальной) летописью»⁶⁹¹. Вероятно, он искал термин, «похожий, но не тождественный» устоявшемуся именованию ПВЛ. Выражение «первоначальный свод» или «начальный свод» в дошахматовской литературе активно применялось как синоним ПВЛ наряду с другими: «древнейший свод», «Летопись Нестора». Шахматов фактически распределил все эти термины между разными предполагаемыми текстами.

Но почему он остановился именно на форме «Начальный свод» для обозначения источника НПЛмл? Есть основания полагать, что на выбор названия повлияла все та же книга Филевича. Говоря о своде, предшествовавшем ПВЛ, Филевич называл его «древнейшим» и (чаще) «начальным»: «...это обстоятельство имеет весьма существенное значение в вопросе об объеме начального свода»; «можно думать, что расположение повествовательного материала в начальном своде было иное, чем то, какое оказывается теперь»; «сопоставление первых страниц нашей летописи по всем главным сводам приводит к убеждению, что они представляют начальный свод, заключающий в себе предания и записи»; «не всех этих частей предания отразились одинаково в начальном своде» (курсив автора, подчеркнуто мной. – В. А.)⁶⁹².

⁶⁹¹ Там же. – Л. 5 об.

⁶⁹² Филевич И. История Древней Руси. – С. 364, 367, 372.

По-видимому, не только терминология, но и концепция Филевича повлияла на место Нсв в представлении Шахматова об истории раннего летописания. Уже в первых статьях, где речь шла о Нсв, термин «Начальный свод» идет в комплексе со схемой: «сказание о начале Руси» (составленное по преданиям) — Нсв (объединивший «сказание» с первыми собственно летописными записями)⁶⁹³. Почти тождественную схему предлагал Филевич в 1896 году.

Мало-помалу Нсв приобретал более четкие очертания: он получил название, точное время и место составления, автора, а также был вписан в «исторический контекст» 1090-х годов. Это способствовало тому, что последователями Шахматова Начальный свод был воспринят не иначе как реальный памятник конца XI в.

«Классический» вид гипотеза Нсв имеет в «Разысканиях». Но прежде она претерпела ряд головокружительных изменений. Около 1900 года Шахматов пришел к идее о двух редакциях Нсв⁶⁹⁴. Вероятно, первая редакция должна была заменить «Сказание о начале Руси»: она представлялась сочинением, которое в отличие от второй редакции Нсв не использовало хронографических источников. В том же году, как видно из другой статьи Шахматова⁶⁹⁵, число редакций увеличилось до трех. Вторая (авторства Иоакима, около 1030 года) и третья (конец XI века) редакции были новгородскими. Вторая — лучше отразилась в НПЛмл, а третья — в ПВЛ. В основание Иоакимовской редакции Нсв, по Шахматову, был положен древний киевский рассказ о русских князьях — это и была первая редакция Нсв, составленная киевлянином еще в конце X века.

Уникальный архивный источник — черновики и «планы-конспекты» «Разысканий» 1903 года — дают возможность в большом приближении увидеть творческий процесс ученого: детали схем менялись день ото дня.

4 ноября 1903 года Шахматов писал о тех же трех редакциях Нсв. Первая редакция основана на преданиях, не поделена на годы и доведена до крещения Руси. Вторая редакция — Иоакимовская, составленная около 1030 года⁶⁹⁶, добавляла к первой некоторые материалы

⁶⁹³ Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде. — С. 57.

⁶⁹⁴ Шахматов А. А. Начальный Киевский летописный свод и его источники // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 175–185.

⁶⁹⁵ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. Часть III–IV — 1900 (Ноябрь). — С. 183–186.

⁶⁹⁶ Это летописная дата смерти Иоакима. Иными словами, новгородский епископ писал сочинение чуть ли не на смертном одре.

о христианстве в Киеве и в Новгороде. Третья редакция – также создана в Новгороде, при епископе Никите, между 1106 и 1108 годами⁶⁹⁷.

На следующий день, 5 ноября 1903 года, Шахматов записал измененный и значительно более развернутый план будущей работы. Здесь количество редакций Нсв уменьшено до двух, причем Иоакимовская – первая. Во второй редакции, составленной около 1100 года, была внесена погодная сетка и использован хронографический источник («Эллинский летописец особой редакции»)⁶⁹⁸.

Но вскоре Шахматов вновь все пересмотрел. С 1904 года он уже не обращался к идее нескольких редакций Нсв. Бывшая первая редакция с этого времени превращается в самостоятельный свод – «Древнейший»⁶⁹⁹.

На протяжении 1897–1908 годов Нсв неоднократно менял локализацию. В статьях и материалах 1900–1903 годов две из его редакций (двух или трех) провозглашались новгородскими по происхождению. В статьях до 1900-го и после 1908 года местом составления Нсв (в единственной редакции) Шахматов считал Печерский монастырь. Однако в статьях 1904–1906 годов Нсв прописан по другому адресу – Выдубицкий монастырь⁷⁰⁰. В заготовках неопубликованной работы 1900-х годов (предположительно 1904–1906) о начальном летописании Шахматов высказывал уверенность в том, что «в Выдубицком монастыре летопись велась постоянно и что именно в нем возник Начальный свод»⁷⁰¹. В то время Шахматов считал, что составитель ПВЛ, Сильвестр, дополнял Нсв по Печерской летописи. Видимо, без учета печерских сообщений выдубицкое происхождение ПВЛ и ее гипотетической основы становилось очевидным.

И все же, по шахматовским статьям 1897–1907 годов, Нсв еще сложно представить как отдельное целостное произведение. В сохранившихся списках от него остались только отрывки, свод не имеет ни определенного начала, ни конца. Либо же вообще памятник распадается на редакции – термин «Начальный свод» тогда означает всю совокупность ранних исторических текстов. Зато ПВЛ име-

⁶⁹⁷ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 148. – Л. 1. И снова труд приурочен к смерти автора: в 1108 г. – умер епископ Никита.

⁶⁹⁸ Там же. – Л. 2.

⁶⁹⁹ Шахматов А. А. Толковая Палея и русская летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. – С. 248–295.

⁷⁰⁰ Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // ИОРЯС. Т. 9. Кн. 4. – СПб., 1904. – С. 308–314; Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. Оттиск из Сборника статей в честь В. И. Ламанского. – СПб., 1906. – С. 74–75, 104.

⁷⁰¹ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 145. – Л. 80–81.

ла заголовок и вступительную часть, которая указывала на окончание — время после 1113 года («до смерти Святополчи», как написано в первой датированной статье 852 года).

Только в 1908 году Нсв тоже получил этот «прожиточный минимум» в виде заголовка и вступления — Предисловия к НПЛмл (далее — Предисловие). Это дало возможность уточнить и состав памятника.

Еще за три года до выхода статьи Шахматова о Предисловии⁷⁰² статью на эту же тему написал А. И. Соболевский⁷⁰³. Хотя его работа была почти не замечена исследователями, сам Шахматов ее хорошо знал⁷⁰⁴. Более того, есть основания считать, что самым вниманием к Предисловию он обязан своему старому оппоненту Соболевскому.

В первых статьях о Нсв Шахматов не считал Предисловие его частью, датируя его традиционно началом или серединой XIII века и приписывая к одному из новгородских сводов того времени⁷⁰⁵. Идея о новгородском происхождении Предисловия была вполне естественной, коль скоро оно читается в новгородских летописях. До новой шахматовской датировки и локализации этого текста оставалось два серьезных шага: признать его киевским и датировать концом XI века.

Первый и, как кажется, решающий шаг сделал Соболевский. Он проанализировал содержание Предисловия и пришел к выводу, что оно написано в Киеве. Датировку он оставил традиционную — начало XIII века⁷⁰⁶. Интересно, что Шахматов, не ссылаясь на коллегу, повторил аргументы Соболевского, но адаптировал их к собствен-

⁷⁰² Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись // ИОРЯС. Т. XIII. Кн. 1. — СПб., 1908. — С. 213–270; Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись. — СПб., 1908. — 58 с. (далее работа цитируется по этому изданию).

⁷⁰³ Соболевский А. И. Древняя переделка Начальной летописи // ЖМНП. Часть 358. 1905 Март. — СПб., 1905. — С. 100–105.

⁷⁰⁴ Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду. — С. 16.

⁷⁰⁵ Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде. — С. 9–14; Шахматов А. А. Древнейшие редакции Повести временных лет // ЖМНП. 1897. Октябрь. — СПб., 1897. — С. 248; Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // ИОРЯС. Т. 9. Кн. 4. — СПб., 1904. — С. 304–305.

⁷⁰⁶ Соболевский А. И. Древняя переделка Начальной летописи. — С. 101. «...исключительно идет речь о Киеве XII–XIII веков». Он отмечает, что на Киев и на начало XIII в. указывают такие места: в заглавии речь идет о летописи князей «Руской земли» т. е. Киева, а Новгород упомянут мимоходом (от новгородца этого не следует ожидать); автор интересуется основанием Киева; сказано о «златоверхих церквах», а это можно было сделать не раньше строительства киевского златоверхого Михайловского собора, т. е. не раньше начала XII в. Сетования по поводу нападений «поганых», по мнению Соболевского, имели ближайшие параллели в летописных описаниях разграбления Киева половцами в 1203/1204 г.

ной гипотезе (в частности, подверстал их под более раннюю датировку текста)⁷⁰⁷.

Другим важным тезисом Соболевского было то, что Предисловие прямо связано с первыми историческими статьями НПЛмл: там действительно рассказывалось преимущественно о судьбах Киева и киевских князей⁷⁰⁸. Ученый писал: «Следовательно, начало 1-й Новгородской летописи (до 943 г.) есть начало той летописи, к которой относится предисловие и которая может быть названа всего удобнее „Летописью киевских князей“»⁷⁰⁹. Дальнейшие мысли Соболевского не менее ценны: «Далее в 1-й Новгородской летописи находятся извлечения из Начальной (Несторовой) летописи, и нет ничего, что бы нам указывало на пользование Летописью киевских князей, за одним исключением: рассказ о битве Ярослава с Святополком под 1016 г., по-видимому, взят из последней». Соболевский указывал, что составитель протографа НПЛмл взял из «Летописи киевских князей» только начало. «Летопись» была для него удобнее, поскольку давала достаточно сухой и сжатый рассказ по сравнению с велеречивым вступлением ПВЛ.

Соболевский скрыто полемизировал с шахматовской идеей Нсв⁷¹⁰. Во второй половине своей статьи он демонстрировал неуклюжесть начальных рассказов НПЛмл и их вторичность по отношению к ПВЛ⁷¹¹. Но в то же время идея Соболевского открывала Шахматову путь развития собственной концепции. Вывод о тесной связи текста НПЛмл до 945 года с Предисловием подсказывал (в рамках уже существующей шахматовской схемы) принадлежность Предисловия Начальному своду. Надо было только дезавуировать или переосмыслить аргументы в пользу поздней датировки Предисловия. Что и было сделано.

Едва ли не самый первый текст Шахматова о Предисловии — заготовка четвертой главы «Разысканий» «Начальный Киевский свод и

⁷⁰⁷ Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду. — С. 6–7.

⁷⁰⁸ Соболевский А. И. Древняя переделка Начальной летописи. — С. 101–102.

⁷⁰⁹ Там же. — С. 102. В примечании Соболевский указывал, что именно на этом отрезке летописи встречаются языковые архаизмы, не сохранившиеся в главных списках ПВЛ. Приводит пример из статьи 922 г.: «имеся своих толстинах» вместо «своимъ толстинамъ» в ПВЛ.

⁷¹⁰ Он не упомянул Шахматова в своей статье, хотя о его идее Начального свода несомненно знал.

⁷¹¹ Соболевский А. И. Древняя переделка Начальной летописи. — С. 102–105. Более того, ученый при помощи гипотетической «Летописи» находил объяснения многим уникальным сообщениям и разночтениям (с ПВЛ), которые имелись в новгородско-софийских и Никоновской летописях. Они все якобы могли читаться в «Летописи», но не попали в НПЛмл, потому что ее составитель существенно сокращал свой источник.

его источники», хранящаяся в архиве ученого⁷¹². По описи дело датировано 1903–1904 годами, но есть основания считать, что черновик написан не ранее 1905-го.

В четвертой главе Шахматов детально разбирал вопрос о происхождении Предисловия и делал вывод, что текст имеет признаки, которые одновременно ведут и к XIII веку (упоминание императоров⁷¹³), и к Нсв конца XI века (апелляция к истории первых князей, о которых рассказывает Нсв, т. е. НПЛмл). Итак, Предисловие могло иметь несколько слоев: его основа, составлявшая начало Нсв, в XIII века подверглась новгородской редакции. При этом вместо имен императоров начала XIII века в оригинале Предисловия, по мнению Шахматова, могло стоять какое-то другое указание, отсылавшее к более раннему времени⁷¹⁴.

Важно заметить, что в своих рассуждениях Шахматов почти не вышел за рамки аргументов Соболевского и сюжетов, на которые тот обратил внимание в статье 1905-го, хотя и пришел к другим выводам. Кроме того, сама идея связи Предисловия с дальнейшим текстом НПЛмл появляется у Шахматова только с этого времени. В предшествующих статьях, и еще в 1904 году⁷¹⁵, исследователь однозначно признавал Предисловие текстом XIII века. Все это дает основания предполагать, что заготовка четвертой главы «Разысканий» писалась уже под влиянием статьи Соболевского.

Следует добавить, что сомнения в традиционной датировке Предисловия и идея многослойности его текста раньше, чем у Шахматова, еще в 1890-х годах, возникли у Преснякова. Ученый, во-первых, не «узнавал» в Александре и Исакии императоров, следуя догадке П. М. Строева, что указанные лица могли быть новгородскими посадниками⁷¹⁶. Во-вторых, по его мнению, оригинальное окончание временника затерялось в переделках, а значит, в Предисловии отразилось несколько стадий редактирования⁷¹⁷.

В свою очередь, предшественником Преснякова был Соловьев, имя которого в этом контексте не упоминали ни сам Пресняков, ни

⁷¹² ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 148. — Л. 26 — 37 об.

⁷¹³ «Мы же от начала Рускы земля до сего лѣта и все по ряду извъстно да скажемъ, от Михаила цесаря до Александра и Исакья» (по Комиссионному списку).

⁷¹⁴ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 148. — Л. 27–28.

⁷¹⁵ Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // ИОРЯС. Т. 9. Кн. 4. — СПб., 1904. — С. 304–305.

⁷¹⁶ Недавно эта идея была развита Гиппиусом. Гиппиус А. А. «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской Первой летописи // Древняя Русь: вопросы медиевистики. № 1(43). — М., 2011. — С. 18–30.

⁷¹⁷ АСПИИ РАН. — Ф. 193. Оп. 1. — Д. 59. — Л. 4 об. — 5.

Соболевский, ни Шахматов. Соловьев считал, что Предисловие состояло из двух частей с двумя заглавиями. Первая часть принадлежала позднему новгородскому «составителю», который назвал свой труд «временником». Вторая часть — в нынешнем тексте начинается с середины Предисловия и открывается словами «о началѣ Русьския земля и о князѣхъ, како откуду быша». По Соловьеву, это было заглавие, взятое «из древнейшего летописца — какого: новгородского или киевского — решить трудно»⁷¹⁸.

Впрочем, доказательств непосредственного влияния Соловьева или Преснякова на Шахматова в этом вопросе не имеется. Зато статья Соболевского очевидным образом повлияла на ученого, а ее аргументация была использована им в собственных построениях.

Параллельно с «пропиской» и началом новый памятник получил также точную «дату рождения». Около десяти лет Нсв просуществовал без определенного времени составления. В статьях 1897–1907 годов Шахматов датировал памятник расплывчато: в одних после 1074 года, в других концом XI — началом XII века. Более точная датировка впервые появилась в упомянутой заготовке четвертой главы «Разысканий», написанной около 1905 года. Вероятно, толчком для поиска даты Нсв было желание найти «хронологическое указание», якобы стоявшее в Предисловии вместо «до Александра и Исакия». В статьях ПВЛ конца XI века самое очевидное (для Шахматова) указание стояло под 1093 годом: «Не доходил ли Нач. свод до первого лета княжения Святополка-Михаила, т. е. до 1093 года? Что древний свод оканчивался на 1093 году, давно уже предположено было Татищевым, который нашел в своих источниках более полное окончание благочестивых размышлений летописца [...] Словом аминь действительно нередко определяли конец летописного свода»⁷¹⁹. Как ПВЛ доводила расчет лет в статье 852 года до смерти Святополка, так Нсв мог довести рассказ до начала его княжения (от Михаила цесаря до Святополка-Михаила!).

Не исключено, что 1093 год Шахматов мог заимствовать напрямую из Татищева. Но не стоит забывать, что эта дата уже успела сделать историографическую карьеру после Татищева. В частности, Рассудов⁷²⁰ в 1868 году писал, что статья 1093 года кажется запи-

⁷¹⁸ Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга 2. История России с древнейших времен. Том 3. — М., 1993. — С. 131.

⁷¹⁹ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 148. — Л. 28.

⁷²⁰ Как мы помним, его работа находилась в личной библиотеке Шахматова. Там же. — Д. 407/5. — Л. 26 об.

санной в том же году. При этом он признавал, во-первых, что ее автор работал не позднее 1101-го (поскольку не мог под 1044-м писать о Всеславе как о живом⁷²¹) и, во-вторых, что текст ПВЛ формировался не меньше чем в два приема. На первый «слой» текста (легендарные сказания за древнейший период — до крещения), по Рассудову, погодную сетку наложил Сильвестр, он же расставил по тексту летописи индиктные даты⁷²².

В 1908 году в специальной статье о Предисловии Шахматов уже без особых объяснений отказался от прежней датировки Нсв, заменив ее 90-ми годами XI века. Установление новой даты открывало путь наблюдениям, вряд ли возможным ранее. Шахматов заметил перекличку между Предисловием и «размышлениями» летописца под 1093 годом (о половецких набегах и произволе со стороны княжеских слуг)⁷²³. Последовательность развития мысли была именно такой: сначала — дата, потом — текстологические наблюдения, «подтверждающие» ее; не наоборот. Еще в черновиках около 1905 года Шахматов ничего не писал о родстве Предисловия со статьей 1093-го, этот аргумент появился позже.

Примечательно, что прямые текстуальные параллели между Предисловием и другой статьей ПВЛ, под 1097 годом, Шахматов счел заимствованием из Предисловия. Он специально оговаривал невозможность отнести этот текст к 1097-му и последующим годам, желая не выходить за рамки 1093–1096 годов⁷²⁴. Таким образом, датировка Нсв определяла границы текстологических наблюдений. Кроме того, Шахматов теперь отбрасывал «компромиссную» идею многослойности Предисловия: главное хронологическое свидетельство XIII века — обещание рассказать до «Александра и Исакия» (как считалось, императоров из династии Ангелов) — ученый подогнал под собственную датировку Нсв (превратив их в Комнинов конца XI — начала XII века)⁷²⁵. Переезд Предисловия в XI век состоялся.

И Соболевскому, и Шахматову было понятно, что Предисловие зависит от летописи. Но если первый доказывал его зависимость от

⁷²¹ Здесь Рассудов следовал Срезневскому, см. выше.

⁷²² Рассудов А. Несколько слов по вопросу о первых русских летописях // Московские университетские известия. №9. — М., 1868. — С. 749–752, 765–772.

⁷²³ Ученый не усматривал в словах Предисловия свидетельство «конечного разорения» Киева, которое якобы наступило после 1203 г. Здесь он, видимо, скрыто полемизировал с Соболевским. Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду. — С. 7–8.

⁷²⁴ Там же. — С. 8–15. В противном случае надо было признать, что либо Предисловие написано автором ПВЛ (а это сложно представить), либо начальная часть НПЛмл произведена от ПВЛ.

⁷²⁵ Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду. — С. 15–26.

ПВЛ, то второй (прикрепив Предисловие к Нсв) находил в ней свидетельства существования свода, более древнего, чем Начальный⁷²⁶. Не исключено, что уверенность в этой мысли повлияла на быстрое оформление шахматовских идей о самых ранних киевских летописных сводах первой и второй половины XI века.

В «Разысканиях» Нсв был наиболее точно локализован во времени — «около 1095 г.» (вместо прежних 1093–1096 годов). Предисловие, а вместе с ним и Нсв, было вписано в предполагаемый идеологический контекст конца XI века⁷²⁷. Наконец, в статье 1913 года⁷²⁸ Шахматов прямо указал и на автора Нсв — печерского игумена Иоанна.

Однако с этого же времени наблюдается и другая тенденция — постепенное исключение ненадежных или устаревших элементов гипотезы, которые уже не укладывались в общую схему истории раннего летописания. Так, уже в «Разысканиях» Шахматов признал, что название «Начальный свод» «не вполне удачно»⁷²⁹ (хотя никогда его так и не пересмотрел). Позднее, в работе 1916 года Шахматов фактически поставил под сомнение свою датировку Предисловия. Он вернулся к мысли, что окончание текста, где читаются имена императоров, окончательно оформилось в начале XIII века под влиянием повести о взятии Царьграда⁷³⁰. Изначально якобы читалось только «до (сего) Олексия», а Исакия добавили позднее. Между тем, и это очень характерно для Шахматова, тезис продолжал успешно использоваться, когда его главное доказательство было нивелировано. В дальнейшем можно было обращаться не к аргументации, а к самой идее, уже крепко вмонтированной в схему.

Завершающим аккордом в эволюции гипотезы Нсв стало «перерезание пуповины», связывавшей ее с материнскими идеями. Во второй половине 1910-х годов Шахматов сделал попытку изменить направление аргументации. Вывод о существовании Начального свода он теперь преподносил прежде всего как результат рассмотрения внутренних противоречий ПВЛ, а не как следствие сравнения ПВЛ и НПЛмл⁷³¹. Показательный пример: разбирая сообщения ПВЛ

⁷²⁶ Там же. — С. 56–58.

⁷²⁷ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — С. 11.

⁷²⁸ Шахматов А. А. Нестор летописец // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 413–427.

⁷²⁹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — С. IV.

⁷³⁰ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том 1. — С. xxii–xxiii.

⁷³¹ «Начальный свод восстанавливается, во-первых, путем анализа ПВЛ, а именно обнаружения той первоначальной летописной основы, которая выясняется по удалении их ПВЛ различных вставок и исправлений, во-вторых, путем анализа Новгородской 1-й младшего извода [...], а именно удаления из нее в части до 1074 г. включительно ряда статей и

за конец IX — первую половину X века, ученый предполагал, что в более древней летописи, на которую опиралась ПВЛ, Олег имел статус воеводы Игоря. Шахматов старался показать, что все черты начальной части Нсв могут быть и собственно были им выведены из анализа одной ПВЛ. Имея готовую характеристику предшествующего ей свода, оставалось будто бы только подыскать под нее какую-то из известных летописей — независимых свидетелей памятника⁷³².

Исследователь заявлял: «летопись, определяемая нами как летопись сходная, но не тождественная с ПВЛ (речь идет о тексте НПЛмл. — В. А.), при ближайшем рассмотрении оказывается тождественною с тою первоначальною летописью, которая, как мы видели выше, предполагается дошедшим до нас текстом ПВЛ»⁷³³. На самом деле логика была обратной: к выводу о Начальном своде и его характере Шахматов дошел именно через сравнение ПВЛ с НПЛмл.

Не следует думать, что Шахматов в конце концов усомнился в самой идее Нсв (хотя, вероятно, и стал более осторожным в построении аргументации). В этом убеждают такие его слова из одной поздней работы: «я твердо убежден, что значение ее (НПЛмл. — В. А.) для нас чрезвычайное, как содержащей текст, основной для ПВЛ»⁷³⁴. С 1896 до 1920 г. основа концепции Нсв не изменилась: «в древнейшей части (до 1074 г.) Новгородской 1-ой летописи второй редакции (все списки этой летописи, кроме синодального) сохранился тот первоначальный летописный свод, на котором основана Повесть временных лет»⁷³⁵. Не менее стойким оказалось и название свода — «Начальный». Несмотря на сомнения в его адекватности, традиция, созданная самим Шахматовым и представленная на то время не только его собственными работами, начала влиять на ученого. «Согласно с прежними своими работами я называю эту летопись „Начальным сводом“»⁷³⁶.

известий, возводящихся к новгородским ее источникам». Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. — С. 461–462.

⁷³² Шахматов А. А. Несторова летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 520–524; Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. — С. 431–432, 461–462.

⁷³³ Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. — С. 457.

⁷³⁴ Там же. — С. 461.

⁷³⁵ Шахматов А. А. Древнейшие редакции Повести временных лет // ЖМНП. 1897. Октябрь. — СПб., 1897 — С. 209.

⁷³⁶ Там же. — С. 461.

2.5. «Начальный хронограф»

Автором гипотезы о существовании т. н. «Хронографа по великому изложению» (далее – ХВИ) считается Истрин. Но до сего дня в летописеведении она тесно вплетена в шахматовскую схему истории раннего летописания⁷³⁷. Эта гипотеза служит аргументом в пользу другой – Нсв, и призвана объяснить происхождение хронографических вставок в тексте НПЛмл и особенностей размещения в ПВЛ цитат из греческих переводных произведений. Она состоит в том, что ХВИ – первый русский хронограф, компилятивный труд, объединяющий фрагменты разных переводных византийских хроник (как то Амартола и Малалы) и библейских книг. Он якобы стал источником «хронографических» вставок в Нсв (т. е. в НПЛмл), тогда как полный текст Амартола привлекался только в ПВЛ⁷³⁸. Соответственно, заимствования из Амартола в ПВЛ распадаются на две группы: те, что унаследованы при посредничестве Нсв от ХВИ, и те, которые попали в летопись только на этапе создания ПВЛ из полного текста Амартола.

Достоен внимания тот факт, что гипотеза ХВИ младше гипотезы Нсв, и разработана исследователями, хорошо ознакомленными с последней. Конечно, Истрин строил свою гипотезу ХВИ на материале хронографических текстов, лишь много позже используя ее в собственных летописеведческих построениях. Но параллельное развитие шахматовской концепции Нсв создавало благоприятные условия для возникновения идеи о каком-то древнейшем хронографе, влиявшем на раннее летописание.

Этот хронограф последователи Шахматова «распознали» в истринском ХВИ. Правда, сам Истрин первым указал на тождество своего ХВИ и хронографического произведения, предположенно Шахматовым: «Этот-то „Хронограф по великому изложению“ и есть та особая редакция Эллинского Летописца, которую нужно сопоставлять с Летописью (Начальным сводом – по терминологии Шахматова)...»⁷³⁹. Благодаря этому идея ХВИ стала одной из немногих гипотез шахматовских оппонентов, которую его продолжатели удачно адаптировали к схеме ранних летописных сводов.

737 Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Т. 28. – Л., 1974. – С. 99–100, 102, 111–113. Современную критику гипотезы см.: Вилкул Т. Л. Літопис і Хронограф. Студії з текстології домонгольського киявського літописання.

738 Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. – Л., 1975. – С. 20, 46–50, 232.

739 Истрин В. М. Редакции Толковой Палеи. III. Хронографическая часть полной и краткой Палеи и «Хронограф по великому изложению» // ИОРЯС. Т. 11. Кн. 2. – СПб., 1906. – С. 44.

Еще в 1897 году, размышляя над происхождением дат и «византийских фрагментов» в НПЛмл до 945 года, Шахматов выдвинул гипотезу о том, что Нсв использовал источник, «сходный с Амартолом», или, по крайней мере, обращался к тексту Амартола независимо от ПВЛ⁷⁴⁰. Именно эта мысль сделала возможным развитие идеи ХВИ на почве шахматовских схем. Логика была простой: если Нсв существовал, то ему должен был отвечать хронографический источник, не тождественный тому, который использован в ПВЛ.

Вообще хронографические вставки в тексте НПЛмл до 1074 года можно было объяснять только двумя способами: либо НПЛмл зависима от ПВЛ, либо она использовала древнейшее хронографическое произведение. Первый вариант Шахматов допустить не мог. Остался второй: возвести цитаты из Амартола в ПВЛ (в частности, отраженные в НПЛмл) к двум разным источникам. Подобно Нсв, летописи сходной, но не тождественной ПВЛ, идея «особого», начального, хронографа возникала из мысли о тексте сходном, но не тождественном Амартолу.

Шахматов неоднократно пытался детализировать свое видение «начального хронографа». В статьях 1900 года он писал, что это хронографическая компиляция, которая была протографом «Эллинского летописца» Троицкой редакции начала XV века или во всяком случае текст, похожий на «Эллинского летописца»⁷⁴¹. Через четыре года⁷⁴² ученый изменил мнение. Теперь он считал, что хронографическим источником Нсв была компиляция, аналогичная болгарской хронографической Палее (а не «Эллинскому летописцу»), тогда как ПВЛ опиралась на Амартола и еще какой-то «особый хронограф», соединявший тексты Амартола и Малалы. Позднее Шахматов оставил и это построение, предполагавшее не один, а два гипотетических хронографа. Попытки идентифицировать источник Нсв как редакцию одного из известных памятников («Эллинского летописца» или Палеи) потерпели фиаско.

В «Разысканиях» Шахматов писал уже просто о «каком-то хронографе», не останавливаясь на его составе и истории. Ученый обращался к хронографу, обосновывая гораздо более важный для него тезис — о наложении автором Нсв хронологической сетки на текст

⁷⁴⁰ Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде. — С. 42–44.

⁷⁴¹ Шахматов А. А. Начальный Киевский летописный свод и его источники // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 175–185; Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. Часть III–IV — 1900 (Ноябрь). — С. 185.

⁷⁴² Шахматов А. А. Толковая Палея и русская летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 248–295.

предшествующей летописи, не разбитой на годы⁷⁴³. Подчеркну: первичными были представления о нехронологизированном историческом тексте и о существовании Нсв; хронограф был просто удобной вспомогательной гипотезой.

Со временем Шахматов все-таки несколько уточнил образ хронографа. В тексте лекции о ПВЛ («Несторова летопись»), написанном около 1913 года, он уже писал не о «каком-то» хронографе, а о «хронографе особого состава». Из него якобы были заимствованы сюжеты про Сима, Хама и Яфета, а также про семьдесят два народа, среди которых были и славяне⁷⁴⁴. Интересно, что в черновике работы об источниках Нсв, написанной не ранее 1906 года, Шахматов «опознал» свой хронограф в истринском ХВИ⁷⁴⁵, но, как видим, не утвердился в этой идентификации.

Еще увереннее об этом «особом хронографе» Шахматов писал в одной из своих последних работ – об источниках ПВЛ – в конце 1910-х годов. Интересно, что прямая связь между идеей «особого хронографа» и гипотезой Нсв здесь уже отсутствует. Как и в случае с Нсв, со временем шахматовская идея отрывалась от своего изначального контекста, структура аргумента менялась, а соображения, которые были первопричиной развития идеи, изымались. К концу своей эволюции гипотеза о хронографе выглядела результатом анализа противоречий в тексте ПВЛ. Существование «хронографа особого состава» Шахматов теперь (в отличие от более ранних работ) доказывал не наличием фрагментов из Амартола в НПЛмл, а специфическим соединением текстов хроник Амартола и Малалы в некоторых местах ПВЛ (разницей приемов цитирования) и отклонениями летописи от текста Амартола⁷⁴⁶.

С гипотезой о «начальном хронографе» связана одна из гипотез о происхождении русского летописания. Она заключается в том, что летопись возникла как дополнение к переводному греческому хронографу или хронике. Автором этой гипотезы считается Истрин. Эту мысль он обосновывал в нескольких работах 1920-х годов⁷⁴⁷. Но

743 Шахматов А. А. Разыскания... – С. 98–100.

744 Шахматов А. А. Несторова летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. – С. 517.

745 ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 146. – Л. 9.

746 Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ Том 4. – М.-Л., 1940. – С. 72–80.

747 Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. – Петроград, 1922. – С. 418–422; Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (начало) // ИОРЯС – 1921. Том XXVI. – Петроград, 1923. – С. 44–102; Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (окончание) // ИОРЯС – 1922. Том XXVII. – Л., 1924. – С. 207–251;

к аналогичной идее еще в 1904–1905 годах пришел и Шахматов. В подготовке четвертой главы «Разысканий» читаем: «Не послужила ли греческая хроника примером, образцом повести нашей? И поэтому самому не была ли она (историческая повесть о начале Руси. — В. А.) вписана в конце ее (греческой хроники. — В. А.)?»⁷⁴⁸. Подтверждение своей мысли он находил в рукописи хронографа из собрания Троице-Сергиева монастыря, где после окончания основного текста находится запись о походе Олега с русью на Царьград⁷⁴⁹.

Вывод про связь переводной хроники с началами летописания Шахматов формулировал так: «Итак, вот наше предположение: хроногр. компиляция, подобная той, которую представляет из себя Троицкая Палея № 728, содержала в конце, после известия о кончине Романа, повесть «Начало земли Русской». Повесть эта не заключала в себе годов, исключая года крещения Руси (ср. Палея № 728). Составитель начального свода положил повесть в основание своего труда, разбил ее на годы (основываясь при этом, как увидим, на предшествующей повести хроногр. компиляции) и между прочим сохранил 945 год, который нашел перед повестью, в начале той части своей работы, которую он не мог подогнать к другим хронологическим датам»⁷⁵⁰.

Показательно, что ни Шахматов, ни Истрин не ссылались на 11-й номер «Сборника князя Оболенского» за 1840 год, где впервые была сформулирована идея прямого происхождения летописи от хронографа. Автор писал: «мне кажется именно, что первый летописец наш был никто иной, как переводчик одного из византийских хронографов [...] кончив перевод [...] трудолюбивый монах [...] поместил в приличных местах собственные свои сведения о внутреннем положении России, прибавил к ним некоторые народные и монастырские предания, обозначил главнейшие происшествия, случившиеся в его монастыре — и все это заключил словом „аминь“». Следующий летописец, по мнению автора, переписал без изменений труд предшественника и добавил от себя несколько новых сообщений.

Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). — М., 2003. — С. 180–183.

⁷⁴⁸ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 148. — Л. 29 об.

⁷⁴⁹ Приписки Троицкого хронографа как свидетеля древнейшего летописания ученый уже использовал ранее в работе о Начальном своде, датируемой 1900 г. Шахматов А. А. Начальный Киевский летописный свод и его источники // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 177–183.

Подробнее об этих приписках см.: Вилкул Т. Л. Літопис і Хронограф. — С. 213–216. Тут же — полемика с идеей Шахматова.

⁷⁵⁰ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 148. — Л. 30.

Так же поступил и третий — Сильвестр. Не ранее XIII века, когда накопилось много чисто русских известий, летопись оторвали от хронографа, «прихватив» только часть его текста во вступлении и в изложении до конца X века, а также приделав заголовок⁷⁵¹. В этой схеме возникновение ПВЛ растянулось на триста лет, но по сути она почти тождественна схеме Истрина и «черновым» мыслям Шахматова. Вдохновила ли ученых (или одного из них) старая забытая статья, или они изобретали идею заново — сейчас сказать трудно.

2.6. Древнейшие своды: даты и создатели

Открытие Начального свода, по мнению Шахматова, давало возможность на основе сравнения Нсв (НПЛмл) с ПВЛ (привлекая и другие источники) дойти до более древних памятников. В одной из ранних работ⁷⁵² Шахматов весьма неопределенно называл вероятным руским источником Нсв «народное предание». В другом месте он писал еще туманнее: автор Нсв использовал некие «русские данные». Однако история раннего летописания в дальнейшем становилась все более конкретной. Шахматов «открыл» еще два свода: «Древнейший» и «свод Никона». Через десять лет после появления гипотезы о Нсв, в «Разысканиях», эти два свода приобрели очень реалистические черты.

Согласно мысли Шахматова, каждый летописный свод можно было выделить из более позднего, который так или иначе искажал текст свода-предшественника. Это приводило к ситуации, когда чем древнее свод, тем более опосредованно он доходит в имеющихся текстах. Логично ожидать, что сведений о самом старом своде будет меньше всего. Но работы Шахматова и его последователей демонстрируют обратное. Необходимой информации о Древнейшем своде (Дрсв) или своде 1073 года мы получаем ровно столько же, сколько и о ПВЛ. Мы знаем, когда они составлены, условия написания, «интеллектуальную среду» их появления, автора или вдохновителя произведения, содержание и стилистические черты текста. Но почему мы знаем так много о хуже всего сохранившихся текстах (если допустить реальность их существования)? Ответ — не в наличии у исследователя уникальных источников, а в специфических установках

⁷⁵¹ Оболенский М. А. Несколько замечаний для издателей русских летописей // Сборник князя Оболенского. №11. — М., 1840. — С. 46–48.

⁷⁵² Шахматов А. А. Хронология древнейших русских летописных сводов // ЖМНП. 1897. Март. — СПб., 1897. — С. 463–482.

исследования. Этот тезис несложно доказать на примере определения Шахматовым дат и авторов двух древнейших сводов.

Даты. Из трудов Шахматова и его продолжателей может возникнуть впечатление, что точная датировка ранних сводов была результатом кропотливой и фронтальной работы с летописными текстами. Однако есть основания считать, что исследователь заранее знал: где искать, что искать, и что это вообще нужно делать. Середина 1070-х и 1030-е годы уже успели привлечь внимание Шахматова до того, как появились идеи Дрсв и свода 1073 года и их даты.

Когда Шахматов развивал гипотезу о «Повести о начале Руси» и ранних редакциях Нсв (см.: 2.7.), он был склонен датировать их 1030 годом (во всяком случае, не позднее 1030-го). Это было связано с идеей причастности Иоакима к киевскому летописанию: он умер в 1030 году, а значит, не мог писать свои тексты позднее. Потом, когда Шахматов по неизвестным причинам ограничил деятельность Иоакима Новгородом и выдвинул идею Дрсв вместо «Повести», пришлось уточнить и по-новому обосновать датировки.

Поиск проходил на том же отрезке: 1030-е, не позднее середины 1040-х годов. Не вдаваясь в пересказ аргументации Шахматова в пользу подобной датировки древнейшей части летописи, подчеркну: Шахматов установил конец Дрсв там же, где Костомаров – конец своей «повести древних лет» – не позднее статьи 1043 года⁷⁵³. Конкретным годом Шахматов считал 1039-й – год упоминания первого известного митрополита Феопемпта, когда, по мнению ученого, была основана киевская митрополия. Примечательна логика исследователя: летописный свод создается не «просто так», а по поводу определенного важного события. Возможно, на Шахматова повлиял взгляд Сенигова, пытавшегося события истории летописания прямо связать с политическими или церковными событиями⁷⁵⁴. Ничем не худшими датами составления Дрсв были бы 1040-й или 1038-й, но они не были отмечены никакими значимыми событиями⁷⁵⁵.

Дата свода 1073 года (или продолжения Дрсв)⁷⁵⁶ имеет под собой более прочные основания. В отличие от дат Нсв или Дрсв, середи-

753 Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – С. 412, 414–416; Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. – С. 35.

754 Сенигов И. П. О первоначальной летописи Великого Новгорода // ЖМНП. 1884. Июнь. – СПб., 1884. – С. 215–230.

755 Характерно, что в шахматовской традиции сложилось неформальное правило привязывать появление летописных текстов к выдающимся датам и событиям.

756 Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – С. 420–460.

на 1070-х — реальный текстологический рубеж. После 1074 года во многих списках летописей новгородского происхождения прекращались вставки из ПВЛ и начинался новгородский текст. Исследователи раннего киевского летописания искали объяснения этому яркому факту задолго до Шахматова. Так, Перевошиков считал, что Нестор писал до 1074 года, а с 1075-го — его продолжатели, в частности, Василий⁷⁵⁷. Хотя явного текстологического обрыва в этом месте ПВЛ нет, именно здесь заканчивался пространный рассказ о Феодосии и печерских черноризцах. Статья 1074 года увенчана словом «аминь», что могло выглядеть как некий рубеж⁷⁵⁸. Не исключено, что первыми так восприняли это место новгородские книжники — не потому ли именно отсюда они прекратили цитировать ПВЛ? Возникший из-за этого текстологический обрыв подтолкнул исследователей к идее перерыва в киевском летописании.

Шахматов обратил внимание на этот рубеж уже в первых статьях по летописанию 1890 года⁷⁵⁹. 1074-м он датировал первую редакцию ПВЛ. Исследователь быстро отказался от этой гипотезы, но 1074 год из его построений не исчез. С 1896–1897 годов это была самая ранняя дата создания Нсв. Когда же Нсв был передатирован 1090 годом, почти сразу, в «Разысканиях», 1070-е годы стали временем составления свода Никона. Правда, он был датирован 1073 годом, т. е. открыто не связан с рубежом 1074-го. Но трудно поверить в независимость датировки свода Никона от традиции размещения в 1070-х определенного эпизода истории летописания.

Следует подчеркнуть, что основания для установления рубежа после статьи 1074 года Шахматов пытался аккуратно обойти. В частности, он доказывал, что часть статьи 1074 года, в т. ч. финальная фраза с «аминем» написана до 1074 года и изначально читалась под 1051-м в рассказе об основании Печерского монастыря⁷⁶⁰. Таким образом, ученый отсекал аргументы старой гипотезы о текстуальном рубеже 1070-х годов, подчиняя историю формирования текста новому построению.

На чем была основана новая датировка? Как водится — привязкой к важному событию в истории Руси. 1073 год — это дата изгнания Изяслава братьями из Киева. История всех ранних сводов, казалось,

⁷⁵⁷ Перевошиков В. О. О русских летописях и летописателях по 1240 г. — СПб., 1836. — С. 32–33.

⁷⁵⁸ «Аминь» есть и в самом начале статьи, где завершает процитированную летописцем молитву Феодосия.

⁷⁵⁹ Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 465–475.

⁷⁶⁰ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — С. 449–450.

только подтверждала корреляцию между общественно значимыми инцидентами и эпизодами истории летописания. Нсв составлен в год смерти Всеволода и смены князя на киевском столе, возникновение ПВЛ связано с выдающимися событиями 1110-х годов (смерть Святополка и приход Владимира Мономаха в Киев, перенесение мощей Бориса и Глеба в 1115 году)⁷⁶¹, Дрсв возник вместе с установлением митрополии. Свод 1073 года не выбивается из ряда. Но существовали и другие причины, которые мешали Шахматову датировать свод позднейшим временем. Его гипотетический автор – Никон Печерский – вскоре после изгнания Изяслава бежал из Киева, т. е. не мог уже заниматься летописанием. Итак, если приблизительная датировка свода-предшественника Нсв 1070-ми годами была обусловлена влиятельной традицией, то конкретный год создания памятника оказался «подогнан» к биографии предполагаемого автора.

Авторство. Вопрос об авторстве древнейших летописей и персонах летописцев стоял с самого начала их научного исследования. На протяжении всего XIX века велась дискуссия о проблеме выявления конкретных летописцев – ей отдал дань чуть ли не каждый летописец-вед⁷⁶². Но ее решение имело особенность: на личность летописца обращали внимание преимущественно тогда, когда упоминалось имя и летописец указывал на себя сам (например, Сильвестр, Василий, Герман Воята, пономарь Тимофей). Ученые вполне допускали анонимность летописей и не считали нехватку знаний об авторах признаком неполноты или ненаучности построения. Соответственно, попытки установить личность летописца, если он сам себя не выявлял или если другие источники его не называли, не выглядели необходимыми и даже легитимными.

Принятую практику нарушил Сенигов. Обсуждая вопрос об авторе первого новгородского летописного свода, он отбросил рассматриваемые тогда наукой кандидатуры Германа Вояты и пономаря Тимофея. Вместо этого он предложил считать автором свода монаха Порфирия/Перфурия, бегло упомянутого в летописи под 1207 годом, как человека, которого мог близко знать летописец. По мысли Сенигова, летописец мог проявить внимание к Перфурию именно потому, что тот был его предшественником. Поскольку же он жил тогда, когда, по мнению Сенигова, был составлен первый новгородский свод,

⁷⁶¹ Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду. – С. 42.

⁷⁶² Маркевич А. И. О летописях. – С. 63–67, 107.

его и следовало признать автором-составителем свода⁷⁶³. Несмотря на минимальную доказательность положения, оно создавало прецедент: открытие летописи, изучение ее содержания и объема вело за собой установление автора, даже если никаких прямых данных не имелось. Теперь автором летописи можно было признать любое упомянутое в тексте лицо, которое «подходило» по определенным, хотя и довольно размытым, параметрам (лицо могло находиться в городе, о котором рассказывается; могло быть связано с князем, к которому летопись благосклонна и т. д.)⁷⁶⁴.

Идея «авторизации» летописных сводов была воспринята и развита Шахматовым. В «программной» рецензии на сочинения Тихомирова он писал: «Большинство наших летописных сводов безыменно, но тем не менее характер их таков, что исследование каждого из них должно начинаться с определения личности составителя свода (времени, места, обстоятельств, при которых он работал)»⁷⁶⁵. Сначала возникала сама мысль о существовании того или иного летописного свода, потом определялся образ его автора, а далее под этот «фото-робот» подбирался кандидат среди известных людей соответствующего времени. Например, под гипотезу об отраженной в НПЛмл летописи 1074 года Шахматов подобрал автора – Иакова Печерского, упомянутого в статье ПВЛ 1074 года⁷⁶⁶. Так же случилось с Иоанном, печерским игуменом: сперва Шахматов сформировал представление о Нсв и его датировке (1090-е годы), а потом приписал ему автора – известного из сообщений 1090-х годов игумена Иоанна.

По сходному сценарию происходила детализация истории Дрсв. Ученый предположил, что средой, из которой вышел составитель свода, было окружение киевского митрополита Феопемпта. Самому митрополиту он приписывал только инициативу его создания⁷⁶⁷. Но на примере Нсв хорошо видно, что «создание по инициативе» или «согласно с настроениями» (того или иного церковного лидера) мало отличалось от авторства. Нсв, который для Шахматова в 1908 году

⁷⁶³ Сенигов И. П. О древнейшем летописном своде Великого Новгорода. – С. 94–102.

⁷⁶⁴ Впрочем, эта тенденция еще раньше проявилась по отношению к нелетописным текстам и к концу XIX в. была достаточно мощной. На примере истории изучения «Памяти и Похвалы князю Владимиру» (приписываемой Иакову Мниху) Бугославский делал вывод: «Тенденция излагать историю литературы по авторам и, в связи с этим, усвоение анонимных произведений известным или выдающимся деятелям и создала гипотезу о русском писателе XI в., мнихе Иакове». Бугославский С. А. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру // ИОРЯС. Т. 29. – Петроград, 1925. – С. 125.

⁷⁶⁵ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова. – С. 108.

⁷⁶⁶ Известно из рукописи конца 1896 г. ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 296. – Л. 62 – 62 об.

⁷⁶⁷ Шахматов А. А. Разыскания... – С. 416–419.

просто отвечал настроениям печерского игумена Иоанна, в статье 1913 года прямо назван произведением Иоанна. Поэтому не было бы большой ошибкой называть шахматовскую гипотезу «Древнейшим сводом митрополита Феопемпта». Что касается свода 1073 года, то здесь Шахматов колебался еще меньше. Предполагая, что над сводом могла работать группа печерских монахов, он в основном писал именно о Никоне как о его авторе или редакторе⁷⁶⁸.

Показательно, что вопрос о роли печерского игумена Никона в формировании текста ПВЛ Шахматов поднял не первым. Это сделал еще Бутков. Он считал Никона одним из информаторов Нестора, пытаясь доказать, что именно Нестор был первым настоящим летописцем и единственным автором текста ПВЛ⁷⁶⁹. Именно Бутков связал с Никоном экзотическую информацию о тмутараканских событиях, о смерти Ростислава Владимировича в Корсуне, о княжеских взаимоотношениях 1060–1070-х годов. Это дает основание предположить, что идею о происхождении ряда летописных сообщений от Никона Шахматов мог заимствовать у Буткова. Но если это так, то он превратил Никона из информатора в непосредственного автора соответствующих фрагментов ПВЛ.

Одним из мотивов Шахматова «авторизировать» гипотетические своды была сама логика их «открытия». Предположив существование Начального, Древнейшего и, наконец, свода 1073 года, ученый фактически клонировал ПВЛ. Каждый свод-предшественник ПВЛ должен был иметь такие же сущностные характеристики: более-менее точную дату написания, автора, четкую идеологическую направленность или общую идею. Поскольку вопрос авторства был ключевым для истории ПВЛ, он стал обязательным и для всех ее «клонов». Странным образом, только последняя редакция ПВЛ (1118 года) так и осталась анонимной: «к сожалению, имени этого лица мы угадать не можем»⁷⁷⁰. Источники просто не сохранили имени подходящего кандидата. В то же время Шахматов создал очень детальный «фото-робот» автора: духовник Мстислава Владимировича, прибывший с ним в Киев в 1117 году из Новгорода, близкий к Мономаху, печерянин, человек начитанный и образованный, путешественник, креатура новгородского епископа Никиты⁷⁷¹.

⁷⁶⁸ Шахматов А. А. Разыскания... — С. 420–460.

⁷⁶⁹ Бутков П. Г. Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. — СПб., 1840. — С. 199–200.

⁷⁷⁰ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том 1. — С. xxxvii.

⁷⁷¹ Там же. — С. xxxvii–xli.

Сложно не заметить, что Шахматов на протяжении своей научной жизни выработал своеобразный канон реконструкции летописных сводов. Детальность описания свода (дата, авторство, идеологический уклон и т. п.) только частично зависела от прямых свидетельств. В таком описании был важен не эпистемологический статус деталей (одни могли быть точно засвидетельствованы, другие — только допускались), но их наличие как таковое. Шахматовская практика исследования решающим образом повлияла на его последователей. В результате вопросы точной датировки и авторства летописных сводов и даже отдельных фрагментов летописи прочно вошли в «каноническую» анкету летописевода. Отказ отвечать на эти вопросы (и даже ставить их) делал исследование ущербным, а значит, и не вполне научным.

2.7. Первые исторические тексты.

Вопрос о начале летописания встал перед Шахматовым далеко не сразу. Только в 1900-х годах, когда он углубился в исследования раннего летописания и параллельно начал изучать летописи XV–XVI веков, появилась возможность построить общую историю летописания на Руси. Замысел частично воплотился в двух проектах: «Разысканиях» о древнейших сводах и «Обзрении» сводов XIV–XVI веков. Первое десятилетие XX века — время «экспериментов» Шахматова в поисках первичных форм русского историописания. После выхода «Разысканий» (1908) эту тему ученый больше не развивал. Достигнув максимальной детализации схемы, в дальнейшем он излагал свои взгляды в этой области более упрощенно.

К началу XX века в историографии было известно несколько гипотез о происхождении на Руси самой идеи писания истории. Согласно одному представлению, она была заимствована из Византии⁷⁷². В частности, И. Д. Беляев считал, что рассказы о крещении Владимира и осаде Херсонеса, приходе послов от разных религий, Речь Философа и символ веры, изложенный Владимиру, были записаны ви-

⁷⁷² Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке. Часть 1. — СПб., 1809. — С. 17; Беляев И. Д. О Несторовой летописи // ЧОИДР. №5 1846. — Москва, 1847. — С. 38–39; Ламбин Н. П. Источник летописного сказания о происхождении Руси // ЖМНП. 1874 Июнь. — СПб., 1874. — С. 225–263; Ламбин Н. П. Источник летописного сказания о происхождении Руси (Продолжение) // ЖМНП. 1874 Июль. — СПб., 1874. — С. 53–119; Бычков А. Ф. Разбор сочинения Н. П. Ламбина: «Опыт восстановления и объяснения Несторовой летописи. I. О Свенгелде и угличах». — СПб., 1872.

зантийцем. Н. П. Ламбин отстаивал идею о «реляциях», которые создавались членами византийской миссии в Киеве на рубеже IX–X вв. В докладах миссии были и сведения об истории Руси до захвата власти Олегом. Отрывки текста одного из таких докладов стали основанием русской историографии.

Согласно другому представлению идея историографии возникла на местной основе⁷⁷³. Форма первичных исторических текстов тоже вызывала разногласия: краткие анналистические заметки на пасхальных таблицах⁷⁷⁴ или недатированные сказания⁷⁷⁵. Зачастую предполагалось, что сказания возникали независимо и параллельно с анналистическими заметками. Некоторые ученые, как-то Костомаров и Филевич, писали о едином базовом произведении, повести/сказании о начале Руси, над которым позднее «надстроилось» дальнейшее летописание⁷⁷⁶.

С именем Шахматова принято связывать идею, что первым русским историческим произведением был Древнейший свод времен Ярослава Мудрого – первое звено в цепи ранних сводов. В историографической традиции гипотеза о Дрсу была «прикреплена» к Шахматову, вероятно, из-за того, что она изложена в его «капитальных» «Разысканиях». На самом деле, это была далеко не единственная версия древнейшего исторического текста, выдвинутая ученым. В период «активного поиска» Шахматов заметно колебался между разными решениями проблемы начала летописания и был сильно зависим от взглядов предшественников.

Можно выделить пять основных гипотез о древнейших формах русского историописания или старейших пластах в ПВЛ, которые развивал Шахматов: 1) Древнейший свод, 2) «Повесть о начале Руси», 3) Иоакимовская летопись, 4) летописные заметки X века и летопись Иакова Мниха, 5) болгарская летопись.

773 Бутков П. Г. Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. – СПб., 1840. – С. 172–173; Срезневский И. И. Чтения о древних русских летописях. – СПб., 1862. – С. 9–16; Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. – СПб., 1868. – С. 39–44.

774 Сухомлинов М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном. – СПб., 1856. – С. 28–48; Порфирьев И. История русской словесности. Часть I. Древний период. – Казань, 1879. – С. 359; Маркевич А. И. О летописях. – С. 19–21, 48–56.

775 Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. Часть первая. – С. 35–38; Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. – СПб., 1868. – С. 39–40; Филевич И. История Древней Руси. – С. 358–372.

776 Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. Часть первая. – С. 35–38; Филевич И. История Древней Руси. – С. 358–372.

1) Древнейший свод. Идея о летописном своде первой половины XI века⁷⁷⁷ появляется у Шахматова в статьях 1900 года⁷⁷⁸. Тогда такой памятник ему виделся как «первая редакция» Нсв. Но уже с 1904 году⁷⁷⁹ ученый писал об отдельном «Древнейшем летописном своде». В схеме летописания, изложенной в «Разысканиях», Дрсв является тем ядром, в продолжении и редактировании которого заключалась вся история русского летописания. Это произведение, как первое в ряде, оказало определяющее влияние на жанр летописных сводов. В простейшем смысле Дрсв – это нарратив о древнейшей истории Киева и Руси, не имеющий разбивки на годовые статьи.

Воображая источник таким образом, Шахматов повторял идеи из работ хорошо известных ему авторов. Мнение о том, что древнейшее ядро ПВЛ было лишенной хронологии подборкой преданий, на момент выхода в свет первых работ Шахматова уже получило известность и было освящено именами авторитетных ученых.

Именно так Костомаров представлял «Повесть древних лет» (написанную до середины XI века): «самая повесть эта носит характер составности в свою очередь»⁷⁸⁰. Кроме того, «тон повествования показывает, что летописец имел под рукой уже готовые рассказы без годов, разлагал их на годы...»⁷⁸¹. Идею о позднем и «насильственном» внесении погодной сетки на «сплошной рассказ» о событиях IX–X веков одним из первых высказал С. М. Соловьев⁷⁸², и до начала XX века она успела обрести многих сторонников.

Среди них следует вспомнить Ламбина, категорически утверждавшего о вторичности хронологии и первичности «связного повествования». Свою гипотетическую «Повесть о начале Руси» он добывал путем исключения из текста ПВЛ погодных заголовков («въ лѣто...») и всяческих «объяснений летописца». В результате Ламбин получал

⁷⁷⁷ Не «летописи» или «повести», а именно «летописном своде».

⁷⁷⁸ Шахматов А. А. Начальный Киевский летописный свод и его источники // Шахматов А. А. История русского летописания. – С. 175–185; Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. Часть III–IV – 1900 (Ноябрь). – С. 185–186.

⁷⁷⁹ Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // ИОРЯС. Т. 9. Кн. 4. – СПб., 1904. – С. 308–314; Шахматов А. А. Толковая Палея и русская летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. – С. 248–295; Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. Оттиск из Сборника статей в честь В. И. Ламанского. – СПб., 1906. – С. 74–75, 104.

⁷⁸⁰ Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. Часть первая. Источники русской истории. – СПб., 1861. – С. 31.

⁷⁸¹ Там же. – С. 33. Сходные мысли излагал Яниш. Яниш Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. – С. 61.

⁷⁸² Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга 2. История России с древнейших времен. Тома 3–4. – М., 1993. – С. 118.

«отрывки текста, совершенно однородные по содержанию и даже соединенные между собою внутреннею логическою связью, так что их не возможно не признать довольно хорошо сохранившимися частями одного логического целого, одной связной статьи, которая только в некоторых местах утратила соединительные выражения или словесные указания времени, замененные в летописи годами от С. М., а в других — в весьма немногих местах — получила незначительные чуждые наросты, легко отпадающие под ножом критики»⁷⁸³.

Костомаровская «Повесть», сложенная из отдельных сказаний, и аналогичные построения других ученых стали прообразами Дрsv. Не хватало только самого названия — «Древнейший свод». Конечно, из шахматовской «теории сводов» должно было следовать, что если все летописные произведения — своды, то и древнейшее — тоже свод. Но помимо этого, название могло возникнуть как следствие знакомства Шахматова с работами коллег, а именно Филевича⁷⁸⁴. Вот как Филевич описывал состав первоначального летописного текста: «можно думать, что расположение повествовательного материала в *начальном своде* было иное, чем то, какое оказывается теперь, то есть **вся повествовательная часть была соединена вместе, не была разбита**, а за нею следовала часть летописная, иначе говоря: **древнейший свод начинался сводом преданий, а за преданиями следовали записи отдельных фактов**» (курсив автора, выделено мной. — В. А.)⁷⁸⁵.

В данном описании присутствуют не только сущностные приметы шахматовского Дрsv, но и нужное выражение — «древнейший свод»⁷⁸⁶.

2) «Повесть о начале Руси». Надо сказать, что Дрsv не был для Шахматова первым воплощением идеи «нарративного ядра» ПВЛ. В конце 1890-х — начале 1900-х годов, когда первым летописным сводом Шахматов считал Нsv, роль его базиса выполняла «Повесть/Сказа-

⁷⁸³ Ламбин Н. П. Источник летописного сказания о происхождении Руси // ЖМНП. — СПб., 1874. — С. 242; Бычков А. Ф. Разбор сочинения Н. П. Ламбина: «Опыт восстановления и объяснения Несторовой летописи. I. О Свенгелде и угличах». — СПб., 1872. — С. 14.

⁷⁸⁴ Таким образом, получается, что Шахматов выбирал названия для двух гипотетических памятников, «Начального» и «Древнейшего» сводов, под воздействием одной и той же работы Филевича, «История Древней Руси». Конечно, речь не идет об ее исключительном влиянии, но словесная близость исследований Филевича и Шахматова не может быть случайной.

⁷⁸⁵ Филевич И. История Древней Руси. — С. 367.

⁷⁸⁶ Для Филевича «древнейший» еще обычное прилагательное, у Шахматова оно становится частью имени собственного.

ние о начале Руси»⁷⁸⁷. Она представлялась исследователю как связанный (без хронологии) текст, который рассказывал историю Киева и Руси от легендарных времен Кия до X века включительно. Гипотеза о целостном произведении, повести о начале русской (или шире – славянской) истории – общее место в историографии второй половины XIX в.⁷⁸⁸ В то же время есть все основания утверждать, что на Шахматова повлияла не историография «вообще», а конкретная работа Филевича. Дело в том, что идею «Повести» он впервые употребил в статье о Нсв 1897 года, где ссылается на этого автора.

Филевич не сомневался в реальности «Повести», на которую якобы указывало заглавие ПВЛ⁷⁸⁹. Исследователь специально обсуждал не столько вопрос ее существования, сколько формат и структуру. Не удивительно, что Шахматов тоже специально не обосновывал реальности «Повести» (как делал с Нсв) и даже не старался очертить ее рамки.

Для Филевича «составление „повести“ должно было предшествовать составлению сводов»⁷⁹⁰. Так же и для Шахматова: «Повесть» рассматривалась как нарративное ядро самого раннего свода, которым он считал тогда Нсв. По мнению Шахматова, «Повесть» доходила только до княжения Владимира, а значит, не содержала рассказ о крещении. Хотя позднее ученый расширил границы гипотетических древнейших нарративов до 996 года либо до первой половины XI века, изначально он в этом вопросе находился под влиянием Филевича. Последний писал, что в заглавии ПВЛ «не отмечен такой факт обще-русского значения, как крещение Руси при Владимире Святом, следовательно, та повесть, к которой должно относиться заглавие, не доходила до крещения, не имела даже в виду дойти до него, оставалась на времени предшествующем»⁷⁹¹.

В последний раз Шахматов обращался к идее «Повести» в заготовках к «Разысканиям» 1904–1905 годов. Теперь он приходил к выводу, что кульминацией «Повести» было крещение и что она заканчивалась на событиях, описанных в ПВЛ под 996 годом⁷⁹². Эта «Повесть» легла в основание Нсв, но, возможно, и более раннего свода (его Шахматов называл здесь «Древнейшим временником»)⁷⁹³. Позд-

⁷⁸⁷ Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде. – С. 57–58.

⁷⁸⁸ Филевич И. История Древней Руси. – С. 342–357. Здесь обзор историографии.

⁷⁸⁹ Там же. – С. 357–363.

⁷⁹⁰ Там же. – С. 354.

⁷⁹¹ Там же. – С. 342.

⁷⁹² ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 148. – Л. 30 об. – 31 об.

⁷⁹³ Там же. – Л. 38 – 42 об.

нее Тихомиров, а за ним Гиппиус выдвигали идею о первом русском историческом произведении, которое не было разбито на годы, заканчивалось статьей, читающейся ныне под 996 годом, и было составлено в последние годы X века⁷⁹⁴. Но, как можно увидеть, эти «поправки» к шахматовской схеме на самом деле не вышли за круг идей, которые предлагались основателем традиции.

На материале указанных черновиков хорошо виден процесс постепенного превращения «Повести» в первую редакцию Нсв, а потом – в Дрsv. И «Повесть», и первую редакцию Нсв, и Дрsv Шахматов в этих материалах описывал одинаково: это связный текст без хронологии, основанный на устных преданиях, а также некоторых писанных «сказаниях», и доводящий рассказ до крещения Руси⁷⁹⁵. После непродолжительного периода «существования», «Повесть» во второй половине 1900-х окончательно уступила место Дрsv.

Здесь следует сделать отступление. Кроме «Сказания/Повести о начале Руси» Шахматов оперировал еще несколькими «сказаниями» (с ними же можно встретиться в работах шахматовской традиции): о призвании варягов, о славянской грамоте, об ослеплении Василька Теревольского и некоторыми другими. Понятия «сказание» и «повесть» (для определения отдельного произведения, вошедшего в летопись) Шахматов унаследовал от предшествующей историографии, хотя именно за выделение сказаний и повестей, вместо реконструкции сводов, критиковал ее в лице Тихомирова. Вопреки методологической установке исследовать летописный материал с помощью понятия «свод», Шахматову на деле нелегко было отбросить практику выделения «сказаний». Отдельные «повести» и «сказания», эти «реликты» дошахматовской классификации летописных текстов, были вмонтированы в новую схему летописания.

В восприятии «сказаний» и гипотез об их происхождении Шахматов целиком зависел от предшественников. К примеру, представление об самостоятельности «Повести об ослеплении Василька Теревольского» было нормальным в рамках теории «сборников». «Повесть» была одной из многих, на которые раскладывался текст ПВЛ. Зато в шахматовской концепции сводов выделение отдельной «Повести» выглядело аномалией. Рассказ об ослеплении Василька не выпадал из летописного нарратива конца XI века. Несомненных тек-

⁷⁹⁴ Тихомиров М. Н. Русское летописание. – М., 1979. – С. 27–65; Гиппиус А. А. «Рекоша дружина Игореве...». К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian linguistic*, 2001. – С. 147–181.

⁷⁹⁵ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 148. – Л. 1, 2, 28 об., 30 об. – 35 об.

стуальных границ «Повести» тоже не было. Даже упоминание имени автора (Василия) можно было объяснить иначе: сделать его составителем одного из ранних сводов или редакций ПВЛ. Почему Шахматов все-таки усматривал здесь самостоятельное сочинение? — ответ очевиден: он зависел от старших коллег, которым и в голову не пришла бы мысль интерпретировать указанный фрагмент ПВЛ иначе.

Другим примером служит исследование Шахматовым «Сказания о преложении книг» (из статьи 898 года ПВЛ). Ученый доказывал, что оно было отдельным произведением западнославянского происхождения, которое, кроме миссии Кирилла и Мефодия, освещало расселение и позднейший переход части славян в латинскую веру⁷⁹⁶. Шахматов лишь глухо отмечал, что «Сказание» привлекало значительное внимание исследователей, «начиная с А. В. Горского». Между тем, представление о западнославянской основе «Сказания», контексте и приблизительном времени его появления, а также общее впечатление об особенностях его интеграции в летопись — все это было известно в тогдашней историографии⁷⁹⁷. Более того, за тридцать лет до Шахматова Ламбин уже писал, что рассказ о расселении славян происходит из того же западнославянского текста, что и «Сказание»⁷⁹⁸. Что же открыл Шахматов? — *nihil novi*; вино старых идей было влиито в мехи новой схемы летописания, не более.

3) Иоакимовская летопись. Среди разрабатываемых Шахматовым идей о древнейших исторических текстах Руси были крайне противоречивые гипотезы, имеющие к тому же не лучшую славу. Одна из них — Иоакимовская летопись, которая нечасто упоминается при анализе шахматовских построений.

Эту гипотезу Шахматов позаимствовал у Татищева. Как уже отмечалось, его «История Российская» произвела сильное впечатление на еще юного Шахматова. Это была одна из первых прочитанных им исторических книг. Довольно рельефно это видно в «Русской старине» десятилетнего Шахматова. Если сначала историю славян и Руси он излагал по ПВЛ или (что более вероятно) по Карамзину, то со времен крещения Владимира его главным источником становится именно Татищев. «История российская» поставляла Шахматову любопытные факты, детали и объяснения, которые отсутствовали в других

⁷⁹⁶ Шахматов А. А. Сказание о преложении книг на словенский язык // Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. — Berlin, 1908. — С. 172–188.

⁷⁹⁷ Ср. Маркевич А. И. О летописях. — С. 145–146.

⁷⁹⁸ Там же. — С. 145–146.

летописях. Отсюда в его сочинении появились такие «татищевские» (или по-татищевски представленные) персонажи, как Иоаким, Воробей, Богумил, Соловей, а также рассказы о богатырях⁷⁹⁹.

Кроме непосредственного влияния Татищева, Шахматов опирался на историографическую традицию, в которой, пусть и с оговорками, было принято доверять его «находкам». Во-первых, еще в XVIII веке некоторые ученые люди, как-то И. Болтин, считали Иоакимовскую летопись вполне реальной⁸⁰⁰. Во-вторых, внимание к Татищеву проявляли прямые предшественники Шахматова. Так, автор первого специального исследования Иоакимовской летописи⁸⁰¹, П. А. Лавровский, доказывал ее аутентичность. Его работа писалась на волне «преодоления» Шлецера и Карамзина, набиравшей силу во второй половине XIX века. Одним из последствий этого движения была «реабилитация» Татищева, отвергнутого старыми классиками. В случае Лавровского «оборона Иоакима» от скептиков усиливалась неприкрытыми антизападными выпадами (направленными против немецкой науки и ее представителя в России, Шлецера)⁸⁰².

Через год после Лавровского на возможность подлинности летописи указывал Сухомлинов⁸⁰³. Наконец, Иоакима считали одним из первых летописцев повлиявшие на Шахматова Рассудов⁸⁰⁴, Сенигов (посвятивший специальную книгу защите сообщений Татищева)⁸⁰⁵ и Филевич⁸⁰⁶.

Так же, как с Нестором, Шахматов в значительной степени зависел от «предания» о своем герое. Там, где нельзя было найти документальные подтверждения, он обращался к «легендам» или «столетней традиции». Ученый писал: «предание упорно приписывает Иоакиму составление такого летописного свода, где между прочим говорилось и о первых князьях русских...». При этом он ссылался только (!) на Татищева и приписку к Комиссионному спи-

⁷⁹⁹ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 402. «Русская старина. Книга I до Ярослава I». Первое детское сочинение Шахматова [1874]. — Л. 59 об. — 62, 71 — 81 об.

⁸⁰⁰ Болтин И. Примечания на историю древней и нынешней России Г. Леклерка. Том 1. — СПб., 1788. — С. 58–59.

⁸⁰¹ Лавровский П. А. Исследование о летописи Якимовской. — СПб., 1855.

⁸⁰² Там же. — С. 1–17.

⁸⁰³ Сухомлинов М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном. — СПб., 1856. — С. 26.

⁸⁰⁴ Разсудов А. Несколько слов по вопросу о первых русских летописях // Московские университетские известия. №9. — М., 1868. — С. 770.

⁸⁰⁵ Сенигов И. П. Историко-критические исследования о новгородских летописях и Российской истории В. Н. Татищева. — Москва, 1887.

⁸⁰⁶ Филевич И. История Древней Руси. Том 1. Территория и население. — Варшава, 1896. — С. 368.

ску НПЛмл, сделанную рукой XVIII века «Летопись Акима епископа новгородского»⁸⁰⁷.

Впрочем, представление о летописи Иоакима развивалось у Шахматова постепенно⁸⁰⁸. По крайней мере, в 1897 году он еще сознавался: «я мало занимался Иоакимовскою летописью и ничего не могу сказать о ее существовании»⁸⁰⁹.

Через три года, видимо, занятия продвинулись далеко, поскольку в статье 1900 года Шахматов уже достаточно детально описывал Иоакимовскую летопись⁸¹⁰. Она представлялась ему второй из трех редакций Нсв. Работая над ней, Иоаким якобы воспользовался компиляцией типа «Эллинского Летописца», откуда взял даты 854, 920 и 922 (как в НПЛмл), и заимствовал «византийские» сюжеты. Также в своде Иоакима содержались те сообщения о новгородской истории первых десятилетий XI века, которые читаются в НПЛмл, Н4, Соф1, списках князей и посадников. Свод Иоакима — первая новгородская летопись — якобы получил несистематическое продолжение в XI веке, а в XII веке лег в основу владычного свода. Летописью Иоакима (в разных редакциях) воспользовались ПВЛ и НПЛмл; таким образом, ее, по мнению Шахматова, можно было восстановить по двум этим памятникам. Составление летописи Иоакимом он датировал, как указывалось выше, не позднее 1030 года.

«Иоакимовский» уклон во взглядах Шахматова отразился не только в публикациях, но и в черновиках. К сожалению, многие из них (заготовки к разным работам по летописанию) датируются очень приблизительно — 1890-е — 1900-е годы. Но учитывая то, что в них присутствует идея «Повести о начале Руси», исчезающая из публикаций и рукописей со второй половины 1900-х годов, можно предполагать, что черновики относятся ко времени не раньше 1897-го и не позже середины 1900-х годов.

В одном из архивных дел Шахматова находится черновик статьи «Общерусские летописные своды», опубликованной в 1900–1901 годах⁸¹¹. Эти материалы отражают те же представления о месте

⁸⁰⁷ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. Часть III–IV — 1900 (Ноябрь). — С. 184.

⁸⁰⁸ Следует подчеркнуть, что ученый не привлекал «татищевские сообщения», но использовал саму идею о летописи, написанной Иоакимом.

⁸⁰⁹ Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде. — С. 31.

⁸¹⁰ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды. Часть III–IV. — С. 183–186.

⁸¹¹ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. — 1900. — Часть I–II (Сентябрь). — С. 90–176; 1900. — Часть III–IV (Ноябрь). — С. 135–200; 1901. — Часть V (Ноябрь). — С. 52–80.

Иоакима в раннем летописании. Епископ признается «основателем новгородского летописания»; само оно понимается как «владычная летопись», которая «тесно примкнула к летописи Иоакимовой»⁸¹², пережила несколько редакций и повлияла на ПВЛ. На одном из листов в примечании отмечено: «Новгородский свод уже в редакции более поздней, чем 1030-й год, перешел в Киев и здесь в начале 12 в. лег в основание Повести временных лет. Вот почему мы найдем в Повести некоторые новгородские известия в роде известия о закладке Софии новгородской (1045 г.), о том, что Волхов тек вспять в течение пяти дней, что предвещало нападение Всеслава (1063 г.), и др.».

На следующем, пустом, листе сверху приписано: «Правда, мы имеем основание предполагать еще более древнюю редакцию, доведенную только до крещения Владимира»⁸¹³. Как и в статье 1900 года⁸¹⁴, здесь речь идет о ранней редакции Нсв, начальном киевском тексте, доведившем рассказ до Крещения. Это хорошо соотносится со схемой, представленной в плане «Разысканий» от 4 ноября 1903 года⁸¹⁵. В нем также предусмотрены три редакции свода, две из которых составлены в Новгороде либо при участии новгородских епископов и отражены в ПВЛ и НПЛмл. В плане содержатся такие пункты:

II Первая редакция Начального свода. [...] Быть может, свод этот доведен до крещения Руси притом без годов. Материал — предания.

III Вторая редакция Начального свода (Иоакимовская). Составлена до 1030 г. Доводит эта [...] тоже до крещения Руси и Новгорода. Выделение из Иоак. летописи древнейших данных.[...] М.б. все еще без годов.

IV Третья редакция Начального свода. Составлена в Новгороде при епископе Никите (ср. под 1096 г.). след. между 1096–1108. С годами.

Интересно, что в плане, датированным 5 ноября 1903 года (на следующий день!), схема изменена: первая редакция Нсв становится Иоакимовской, т. е. получает новгородскую «прописку».

На одном из листов указанного дела (позднее текст был зачеркнут) Шахматов писал о том, что подробности взятия Корсуна в ПВЛ «могут обличать Иоакима». Он же мог описать события жизни Владимира, крещения Киева и Новгорода, а также записать известия

⁸¹² ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 327. — Л. 48.

⁸¹³ Там же. — Л. 50.

⁸¹⁴ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. Часть III–IV — 1900 (Ноябрь). — С. 183–186.

⁸¹⁵ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 148. — Л. 1.

о смертях в княжеской семье в начале XI века⁸¹⁶. Эта же мысль проводится в статье 1900 года: именно Иоаким, как корсунянин, мог внести в текст топографические указания на корсунские сооружения и он же, как епископ, мог уделять особенное внимание истории Крещения, «просветительской деятельности» и церковному строительству. Он якобы мог быть автором сообщений о событиях в правящей династии за первую четверть XI века, которые сохранились в разных летописях⁸¹⁷.

Другая группа заметок Шахматова из того же архивного дела прямо раскрывает роль Иоакима в составлении «Повести о начале Руси». Исследователь писал: «Мы не решаемся определенно назвать автора повести о Начале земли русской. В виде предположения высказываем догадку, что этим автором был новгородский епископ Иоаким Корсунянин. Судя по преданию, записанному в Новгородский владычный свод, Иоаким был поставлен епископом в 989 году и умер в 1030; следовательно, по времени он мог быть составителем нашей повести, возникшей, как мы видели между 1015 и 1040 гг.»⁸¹⁸.

Примечательно, что в самой ранней летописеведческой рукописи Шахматова, 1889–1890 годов, киевскому летописанию приписано явно новгородское происхождение (хотя Иоаким здесь и не упомянут)⁸¹⁹. «...летопись [...] возникла в Новгороде. Она велась там при Соф[ийском]. храме и называлась Софийским временником». «Эта летопись (доведена прибол. до середины 70 годов) попала на юг, в Киев и [...] подверглась переработке, легла в основание Киевской летописи. [...] В начале была помещена м. б. написанная им самим Повесть вр. лет (недатированная часть ПВЛ? – В. А.), затем к новгородским известиям были присоединены кое-какие киевские предания, были включены договоры, затем вошло все Ж[итие]. Владимира, потом все Сказ[ание] Иакова [...] далее включен рассказ о битвах Ярослава и Мстислава, затем рассказ о волхвах, знамениях, о Всеславе, наконец перенесение мощей 1072 года, смерть Феодосия (его поучение)». Около 1093 года летопись была продолжена до 1100-х годов; а в 1116-м этот материал переработал Сильвестр, создав ПВЛ.

Из более поздних записей начала 1900-х годов не совсем понятно, какое происхождение Шахматов предполагал для самой первой

⁸¹⁶ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 327. – Л. 48.

⁸¹⁷ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды. Часть III–IV. – С. 185–186.

⁸¹⁸ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 327. – Л. 59.

⁸¹⁹ Там же. – Д. 133. – Л. 4 об. – 5 об.

летописи («Повести», либо редакции Нсв): киевское или новгородское. То, что в одном черновике было первой редакцией древнейшего новгородского свода, в другом оказывалось первой редакцией Нсв. Создается впечатление, что Шахматов сильно колебался в выборе родины русской историографии. Он не мог «обделить» ни Киев, ни Новгород. Иоаким был удобной фигурой, связанной одновременно и с Киевом, и с Новгородом. В итоге тексты становились общими, «киево-новгородскими»⁸²⁰.

Позднее Шахматов от такого решения отказался и отдал предпочтение концепции двух параллельных традиций, находившихся изначально в тесной связи. В «Разысканиях» была создана симметричная схема: киевскому «Древнейшему своду» 1039 года с продолжением 1073 года соответствовал древнейший новгородский свод 1050 года с продолжением до конца 1070-х годов.

«Отлучив» Иоакима от киевского летописания, Шахматов не вычеркнул его из своих построений. Епископ попал в чистовой вариант «Разысканий» как учредитель первой новгородской летописи (1017–1036). Ее возникновение, по Шахматову, было вызвано политическими событиями – получением новгородцами грамоты от Ярослава.

«В 1017 году новгородские власти во главе с посадником и епископом решили вписать Правду новгородскую [...] в летопись; исполнение этого решения принял на себя епископ Иоаким. Так возникла первая Новгородская летопись: она в начале сообщала кратко о крещении Новгорода прибывшим туда Иоакимом, поставлении им церквей, посажении Вышеслава, приглашении на стол Ярослава и затем подробно говорила о событиях 1015–1016 годов; в конце была вписана Ярослава грамота»⁸²¹.

Попутно замечу: политическое происхождение новгородского летописания – также не шахматовская идея. Его ближайший предшественник Сенигов считал, что развитие летописания прямо отражало развитие политической жизни. По его мнению, новгородское летописание могло появиться, когда новгородцы впервые нарушили

⁸²⁰ Последние работы, где Шахматов намекал на участие Иоакима в основании не только новгородского, но и киевского летописания, – это черновики глав «Разысканий», составленные в 1903–1905 гг. Обсуждая происхождение автора «Повести о начале Руси», он не решался определить, был ли автор киевлянином или новгородцем. Хотя имени автора ученый здесь и не упомянул, его логика (не совсем киевлянин, не вполне новгородец) напоминала предыдущие рассуждения об Иоакиме. ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 148. – Л. 34 об. – 35.

⁸²¹ Шахматов А. А. Разыскания... – С. 508–509.

порядок подчинения Киеву и за помощь в усобице получили грамоту от Ярослава⁸²².

Все размышления Шахматова о Иоакиме и его летописи едва ли находились в рамках научного (доказательного) дискурса. В своей обычной манере оперируя этой летописью как фактом, исследователь вынужденно признавал: «Владычная летопись велась, вероятно, беспрерывно, хотя с 11 века она оставила лишь слабые по себе следы: до нас не дошла ни Иоакимова летопись, ни последующие летописи новгородских владык в их первоначальном виде...»⁸²³. Но, как и в случае Несторовой летописи, он довольно долго не мог избавиться от установки, что летопись Иоакима просто должна была существовать.

4) Летописные заметки X века и летопись Иакова Мниха. Как бы не датировал Шахматов «Повесть о начале Руси» и «Иоакимовскую летопись», они были не самыми древними историческими текстами Руси, существование которых предполагал ученый. В начале 1900-х был короткий период, когда Шахматов развивал идею Срезневского о летописании X века. В двух планах «Разысканий», от 4 и от 5 ноября 1903 года, содержится такой пункт: «Данные ведущие к предположению, что летопись велась и в X в. Соображения Срезневского. Летопись Иакова мниха»⁸²⁴. К сожалению, эти телеграфно зафиксированные положения не были развиты в его статьях, и их можно представлять только приблизительно. Вероятно, Шахматов имел в виду аргументы Срезневского о возникновении летописания на местной русской почве в форме записок на «таблицах» в X или даже IX веке⁸²⁵.

Идея летописи X века прямо не противоречила гипотезе о начальной «повести» или «древнейшем своде». Два самостоятельных истока русского историописания (нарративный и анналистический) предполагал Бестужев-Рюмин. П. Н. Полевой (чья книжка значилась в библиотеке Шахматова⁸²⁶) вслед за ним тоже признавал две первичных

⁸²² Сенигов И. П. О древнейшем летописном своде Великого Новгорода. — С. 226–228.

Кроме того, считая первой статьёй летописи рассказ о крещении Новгорода и приходе Иоакима, Шахматов тоже повторял Сенигова. Ср.: Сенигов И. П. О древнейшем летописном своде Великого Новгорода. — С. 229–234; Сенигов И. П. О первоначальной летописи Великого Новгорода. — С. 228–229.

⁸²³ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 327. — Л. 48.

⁸²⁴ Там же. — Д. 148. — Л. 1–2.

⁸²⁵ Срезневский И. И. Памятники X-го века до Владимира Святого // ИОРЯС. Т. 3. — СПб., 1854. — С. 49–66; Срезневский И. И. Чтения о древних русских летописях. — СПб., 1862. — С. 4–15.

⁸²⁶ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 407/5. Перечень книг, составлявших библиотеку Шахматова [1889]. — Л. 28 об.

формы исторических текстов: анналы на пасхальных таблицах и древнейшую повесть о начале Руси (не разбитую на годы). Историк допускал возникновение анналов еще во времена Олега, но при этом считал, что сперва они велись не по «христианским летам», а по годам правления князей⁸²⁷. В последнем пункте он был солидарен со Срезневским, который считал, что первые летописи вышли из внецерковной среды, а значит, использовали «светскую» хронологию⁸²⁸.

В черновиках «Разысканий» «в паре» с данными о летописании X века идет «летопись Иакова Мниха». Можно предполагать, что рассмотрение ее вместе с заметками X века вызвано влиянием указанной идеи — о специфически «светской» хронологии древнейших летописных текстов. Завершающая, «историческая», часть «Памяти и Похвалы», произведения Иакова, содержит похожие на летопись заметки, отмечающие события конца X века не по абсолютным, а по относительным датам⁸²⁹. Уже в «Разысканиях», как и черновиках отдельных разделов⁸³⁰, Шахматов ставил сочинение Иакова Мниха (точнее, его «историческую часть») в зависимость от Дрсв⁸³¹, но не исключено, что сначала такую связь он не предполагал. Об этом может свидетельствовать то, что, согласно планам-черновикам «Разысканий», о древнейших сводах и «летописи Иакова Мниха» должно было рассказываться в разных разделах, причем о «летописи» раньше⁸³².

Следует отметить удивительное сопротивление Шахматова идее начала летописания в виде классических христианских анналов (см. 2.8.). Даже когда он высказывал мысль о древнейших «заметках», их формат представлялся ему не вполне анналистическим.

5) Болгарская летопись. Наконец, в арсенале Шахматова была еще одна идея летописи, которая решающим образом повлияла на формирование ядра ПВЛ. Но и эта летопись мало походила на анналы. В «Разысканиях» ученый обосновывал идею «болгарской летописи» как главного письменного источника Дрсв⁸³³. И снова это не изобретение Шахматова. Мысль о болгарской летописи как источнике ПВЛ

⁸²⁷ Полевой П. Н. История русской литературы в очерках и биографиях. Часть 1. Древний период. 5-е издание. — СПб., 1883. — С. 27–29.

⁸²⁸ Срезневский И. И. Памятники X-го века до Владимира Святого. — С. 61–62; Срезневский И. И. Статьи о древних русских летописях (1853–1866). — СПб., 1903. — С. 42–44.

⁸²⁹ Напр.: «на другое лѣто по крещении къ порогамъ ходи, на третье Корсунь городъ взя; крестиль же ся князь Володимерь въ десятое лѣто по убьении брата своего Ярополка».

⁸³⁰ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 148. — Л. 39 об. — 40 об.

⁸³¹ Шахматов А. А. Разыскания... — С. 133.

⁸³² ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 148. — Л. 1 — 2 об.

⁸³³ Шахматов А. А. Разыскания... — С. 122–138, 465–468.

развивали Погодин (со ссылкой на барона Розенкампа, как первого, кто ее высказал)⁸³⁴, Соловьев⁸³⁵, Срезневский⁸³⁶. В который раз мы оказываемся в кругу знакомых авторитетных имен, чьи труды на разных уровнях оказывали воздействие на Шахматова.

Согласно «Разысканиям», «болгарская летопись» была ключевым текстом для создателей Дрsv. На ней жидились такие узловыe сюжеты, как походы Олега и Святослава на Византию и крещение Владимира. Это тот событийный каркас, на который могли быть нанизаны разнообразные «предания» и который мог дать образец целостной истории.

Примечательно, что в черновом варианте «Разысканий» Шахматов отдавал роль такого образца некой греческой хронике или хронографу⁸³⁷. В чистовом варианте ее заменила болгарская летопись: «Думаю, что болгарская летопись в отношении к Древн. своду имела еще то значение, что послужила для него и образцом, и главным основанием, откуда русский летописец почерпнул как приемы летописания, так и свою фразеологию»⁸³⁸. Из этого следует два вывода.

Во-первых, выясняется, что и Древнейший свод не был древнейшим — ему предшествовал далеко не элементарный текст, а сочинение, определившее его формат. В рамках шахматовской «теории сводов» и принципа «расслоения» любой летописный «атом» оказывался делимым. Даже древнейший текст можно было освободить от вставок и выделить еще более раннее ядро. Оборвать эту вечно удлиняющуюся цепь можно было, только выведя ее начало за границы Руси — как основателя династии, который обязательно приходит «из-за моря».

Во-вторых, выбирая между иностранными кандидатами на роль главного источника русского историописания, Шахматов избрал болгарский текст (вместо изначально запланированного византийского). Это решение было наиболее «патриотичным», лучше всего отвечало тому «мягкому» славянофильству, которое было распространено среди исследователей славянских (кириллических) литератур⁸³⁹.

⁸³⁴ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Том 1. — С. 97–98.

⁸³⁵ Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга 2. Том 3. — С. 120.

⁸³⁶ Срезневский И. И. Статьи о древних русских летописях (1853–1866). — СПб., 1903. — С. 37.

⁸³⁷ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 148. — Л. 29 об. — 30.

⁸³⁸ Шахматов А. А. Разыскания.... — С. 468.

⁸³⁹ Tolochko O. P. Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus'. P. 214.

Как видно из вышесказанного, Шахматов развивал параллельно несколько идей о древнейших русских исторических текстах, находившихся нередко во взаимном противоречии. В «Разысканиях» фактически была сделана попытка согласовать эти идеи, хотя и не до конца удачная. Насколько известно, ученый так окончательно и не остановился на одном, лучшем, решении. Все гипотетические прототексты, как и их связь друг с другом, выглядели в его построениях размыто. Один из самых амбициозных проектов Шахматова – открытие древнейших «ядер» летописания – увенчался наименее определенными результатами.

2.8. Десятинные анналы – быть или не быть?

В фонде Шахматова, который хранится в Архиве Российской Академии наук в Санкт-Петербурге, есть черновик шестой главы «Разысканий»⁸⁴⁰. В публикации первый параграф этой главы посвящен «князю помянику» как источнику Начального свода⁸⁴¹. Здесь Шахматов анализирует краткие сообщения ПВЛ за 1000–1011 годы о смертях членов княжеского рода. Здесь же приходит к выводу, что первоначальные элементарные записи (с годовыми датами) делались на могильных плитах или крестах в Десятинной церкви, где все эти люди были погребены. Позднее, во второй половине XI века, на основании этих записей был составлен помяник, ставший источником летописи. Утверждая так, Шахматов открыто принимает гипотезу А. А. Куника о княжеском помянике как источнике летописи⁸⁴². Он пишет: «продолжительные размышления побудили меня принять это мнение знаменитого исследователя нашей древней истории»⁸⁴³. Указанный черновик позволяет узнать, в чем именно состояли эти «продолжительные размышления».

В начале черновика (листы 4–5) Шахматов полемизирует с Куником и критикует идею помяника. Ученый указывает, что помяник или синодик должен содержать точные даты смертей, чтобы поминать усопших. Здесь же – только годовые датировки. Кроме того, Шахматов сравнивает сообщения 1000–1011 годов с записями о смертях и рождениях членов княжеской семьи до конца XI века и выявляет

⁸⁴⁰ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 140. – Л. 4–7.

⁸⁴¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – С. 162–164.

⁸⁴² Куник А. А. Известны ли нам год и день смерти великого князя Ярослава Владимировича? // СПб., 1896. – С. 20–27.

⁸⁴³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – С. 164.

формальное сходство между ними. Это ведет его к мысли, что все типологически близкие сообщения происходят из одной летописи. Эта летопись, включает Шахматов, велась на протяжении XI века при Десятинной церкви, где и возникла около 1000 года.

Перед нами — довольно «нетипичная» для Шахматова идея о подном летописании, которое возникает на рубеже X–XI веков и становится стержнем текста ПВЛ за XI век. В то же время, это самая простая и наиболее естественная интерпретация происхождения кратких фактографических сообщений на оси годовых дат.

Два листа, на которых сформулирована идея «Десятинных анналов», зачеркнуты карандашом (двумя диагональными линиями через весь лист — в форме буквы «X»). Что же дальше?

На двух следующих листах (уже не зачеркнутых) Шахматов отходит от только что прописанной гипотезы! Он оттягивает начало синхронных летописных записей до 1061 года, а вместо летописи Десятинной церкви пишет о «каких-то церковных отрывках». Одновременно исследователь обращается к своим гипотезам Древнейшего свода 1039 года и «Древнего Жития Владимира» и пишет о вторичности погодной сетки за XI век, а также о первичности «связного рассказа». В конце концов, в «Разысканиях» Шахматов реанимирует идею помянника, но в другом виде⁸⁴⁴. В выводах книги он еще раз повторяет, что погодное летописание при Десятинной церкви и вообще в Киеве до середины XI века не существовало⁸⁴⁵.

Что же случилось? Складывается впечатление, что, развивая гипотезу «Десятинных анналов», Шахматов вдруг «вспомнил» о своей схеме ранних сводов, которая исключала анналистический характер начального летописания, увидел противоречие и совершил акт «автоцензуры».

Был ли решающим авторитет Куника? Вряд ли. Развитие идеи анналов угрожало подорвать всю теорию сводов и привело бы к кар-

⁸⁴⁴ Странную идею записей на надгробных досках Шахматов, очевидно, заимствовал из статьи А. Рассудова 1868 г. В ней автор высказывал мысль, что даты княжеских смертей взяты летописцем из синодика или даже записей на саркофагах князей. Именно эти даты, по мнению Рассудова, послужили стержнем для выстраивания хронологии за XI в. См.: Рассудов А. Несколько слов по вопросу о первых русских летописях // Московские университетские известия. №9. — Москва, 1868. — С. 756–757, 763.

Не исключено, что и Куник воспользовался идеей Рассудова, хотя тоже не упомянул его в своей статье.

Согласно предположению А. П. Толочко, на Шахматова (от себя добавлю — и/или на Рассудова) могли повлиять личные впечатления от посещения Архангельского собора Московского кремля, где стояли кенотафы с именами и датами смерти великих князей и царей. См.: Толочко А. П. Очерки начальной руси. — С. 27–28.

⁸⁴⁵ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — С. 527–528.

динальному пересмотру всей схемы истории раннего летописания. Шахматов вовремя почувствовал опасность и на это не пошел. Схема устояла, а вполне рациональное и естественное объяснение записей 1000–1011 (и последующих) годов как заимствованных из анналов, было отброшено⁸⁴⁶. Впрочем, не так важно, как было на самом деле. Важно другое. Уже сформированная система взглядов, как это часто бывает в науке и вне ее, создала фильтр от «небезопасных» идей. Не стоит удивляться, почему «схема Шахматова» до сих пор настолько влияет на исследователей, если она сделала своим «узником» самого Шахматова.

Приведу еще один характерный пример, когда уже готовая концепция сводов сдерживала исследовательскую мысль ученого. Летописную деятельность Никона Печерского в 1073 году Шахматов представлял продолжением Древнейшего свода 1039 года. Речь шла о том, что не был создан новый свод, а сделаны лишь дополнения к старому. Однако, развивая эту идею, ученому пришлось признать, что «Никон мог сделаться главным редактором летописи; ему же мы вправе приписать некоторые вставки, сделанные в переписанный им, или под его наблюдением Древн. летописный свод...»⁸⁴⁷.

Итак, «продолжение» оказалось переписыванием предыдущего свода, вставками и редактированием. Это по сути не отличается от составления любого «свода», как его понимал Шахматов. Далее в той же главе в противоречии со своим же тезисом о простом «дополнении» исследователь уже прямо писал о «переделке» старого свода и «составлении» нового⁸⁴⁸. Не удивительно, что последователи Шахматова восприняли его гипотезу о творчестве Никона в смысле создания самостоятельного свода, а не «продолжения» предыдущего (как изначально задумывалось).

Интересно, что «фундаментальная поправка» к шахматовской схеме об «анналистическом продолжении» Начального свода за 1091–1110-е годы⁸⁴⁹ имела источником беглое замечание того же Шахматова. В статье о Предисловии к «Софийскому временнику» и летописи

⁸⁴⁶ Из рассуждений Шахматова следует, что схема сводов, сменявших друг друга каждые 20–30 лет, делала идею о погодном летописании просто ненужной. По мнению ученого, 20 лет – небольшая дистанция, и порядок событий за этот срок можно было вполне восстановить по памяти. Но если серию ранних сводов убрать, гипотеза о погодном летописании от рубежа X–XI вв. должна будет неминуемо вернуться.

⁸⁴⁷ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – С. 424.

⁸⁴⁸ Там же. – С. 431–432.

⁸⁴⁹ Автором поправки считается М. Х. Алешковский. См.: Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции. – С. 46.

Нестора, в подстрочном примечании, он так написал о происхождении сообщений ПВЛ за 1094–1110 годы: «Некоторые из них могли быть записаны и раньше момента составления нового Печерского свода (летописи Нестора. — В. А.), могли быть записаны и не Нестором, а другим лицом, из года в год или периодически дополнявшим свод (Начальный свод 1093 года. — В. А.)»⁸⁵⁰.

Как и в случае с Десятиными анналами, подспудно пробивавшаяся мысль о погодном летописании не вышла за пределы примечания и осталась в тени гипотез о ранних летописных сводах.

2.9. Редакции «Повести временных лет».

Гипотеза Шахматова о существовании нескольких (обычно вспоминают три) редакций ПВЛ — не менее влиятельна в историографии, чем гипотеза Нсв. До сего дня не утихают споры о количестве редакций, их датировке и авторстве; делаются попытки пересмотреть и реставрировать шахматовские взгляды⁸⁵¹. Однако важно разобраться в предмете спора: какое содержание имело шахматовское понятие «редакции», как формировались и эволюционировали его идеи о редакциях ПВЛ.

Что такое редакция летописи? В критике текста существует различие между, так сказать, «технической редакцией» — условной группой списков, объединяемых по каким-либо критериям — и «исторической редакцией» — этапом истории определенного произведения, заключающемся в его переработке.

Первым, кто применил к спискам ПВЛ принцип разделения на редакции («рецензии»), был Добровский⁸⁵². Но его работа, до того как ее «открыл» Пресняков, не была известна в российской историогра-

⁸⁵⁰ Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду. — С. 41.

⁸⁵¹ Müller L. Die "Dritte Redaktion" der sogenannten Nestorchronik // Festschrift für Margarete Woltner zum 70 Geburtstag. — Heidelberg, 1967. — S. 171–186; Творогов О. В. Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In memoriam. Сборник памяти Я. С. Лурье. — СПб., 1997. — С. 203–209; Вилкул Т. Л. Повесть временных лет и Хронограф // Palaeoslavica, XV. — Cambridge, Massachusetts, 2007. — С. 88–89; Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет I // Славяноведение № 5. — М., 2007. — С. 20–44; Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет II // Славяноведение № 2. — М., 2008. — С. 3–24.

⁸⁵² Dobrowsky J. Wie soll Nestors Chronik aus so mancherlei Recensionen des Textes, die in Handschriften zu finden sind, rein hergestellt werden? // Müller J. Altrussische Geschichte nach Nestor. Mit Rücksicht auf Schlözers Russische Annalen, die hier berichtigt, ergänzt und vermehrt werden. — Berlin, 1812.

фии⁸⁵³. Сходный принцип разделения на редакции («разряды списков») «Нестора», т. е. ПВЛ, был реализован в первых томах ПСРЛ⁸⁵⁴. Под «разрядами» понимались группы списков, которые имели «более или менее определенное сходство [...] по содержанию и изложению событий». Через сто лет после Добровского универсальный формализованный метод критики текста отстаивал Бугославский⁸⁵⁵. И Добровский, и Бугославский понимали под «редакцией» группы списков одного произведения. Но все же в российском летописеведении XIX – начала XX века основное внимание было сосредоточено на «исторических редакциях» летописных текстов.

Шахматов, как и его коллеги, конечно, знал об отличиях двух понятий. Но в рамках летописной критики «исторические редакции» были для него куда важнее «технических». Показателен опыт Истрина, его современника и оппонента. Он употреблял термин «редакция» в исследованиях нелетописных текстов (скажем, «Александрии») в обычном для критики текста значении: как категорию классификации списков⁸⁵⁶. Зато в сфере истории раннего летописания «редакцией» Истрин называл гипотетические стадии эволюции текста, прямо не засвидетельствованные списками.

Большие трудности применения этого понятия к летописям заключались в невозможности четко отличить список, отдельный сборник/свод и редакцию сборника/свода. Вследствие наложения и путаницы понятий «летопись», «свод», «редакция» соответствующие термины применялись довольно хаотично.

Одним из первых эту проблему описал Бестужев-Рюмин. По его наблюдениям, в летописных статьях за XII век «начинаются замечательные разногласия в редакции летописных сборников, свидетельствующие о том, что с тех пор каждая редакция уже представляет собой особый свод или часто и свод из сводов»⁸⁵⁷. Из текста книги Бестужева-Рюмина следует, что он не мог разделить понятия сборника и редакции. Например, новгородские «сборники» он одновременно описывал как «редакции» новгородских летописей⁸⁵⁸.

⁸⁵³ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. – С. 81.

⁸⁵⁴ Бередников Я. И. Предисловие к Полному собранию русских летописей // ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. – СПб., 1846. – С. IV; Лаврентьевская летопись // Там же. – С. XVIII–xIX; ПСРЛ. Т. 2. 1-е изд. Ипатьевская летопись. – СПб., 1843. – С. VII.

⁸⁵⁵ Бугославский С. А. Несколько замечаний к теории и практике критики текста. – Чернигов, 1913.

⁸⁵⁶ Истрин В. М. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. – М., 1893. – С. 3–45; С. 310–346.

⁸⁵⁷ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. – С. 24.

⁸⁵⁸ Там же. – С. 61.

Амбициозную задачу выделить редакции московских сводов XVI века ставил себе в начале карьеры Пресняков. Но в ходе работы он осознал, что чрезвычайно сложно различить, где редакции одного и того же свода, а где несколько отдельных сводов: «имеем ли мы в летописном материале московского периода дело с одним литературным произведением, в различных списках которого запечатлелись разные стадии редакционной работы, или же с несколькими более или менее самостоятельными литературными предприятиями»⁸⁵⁹.

Статьи Истрина демонстрируют ту же двусмысленность: «редакцией» названы и разновидности одной и той же летописи, и разные летописные произведения/«своды». Надо отдать должное Истрину — он задумывался над проблемой и искал выход в строгом очерчивании содержания терминов. По его определению, «редакция» — целенаправленная литературная переделка произведения. Исходя из шахматовского описания трех редакций ПВЛ, Истрин отрицал существование двух из них как безосновательные предположения. По его мнению, отличия текста ПВЛ в списках «не дотягивали» до уровня редакций, а списки иллюстрировали только «виды» этого произведения⁸⁶⁰.

В то же время, отбрасывая схему Шахматова, Истрин заменял ее своей концепцией двух редакций ПВЛ (1050-х и 1110-х годов). Ее главным элементом были точно такие же гипотетические («исторические») редакции ПВЛ, которые вместе с тем были отдельными сводами⁸⁶¹. Таким образом, исследователю так и не удалось преодолеть проблему несоответствия стандартной текстологической терминологии представлениям об истории летописания. Несмотря на постулированную теоретическую строгость в разграничении отдельного летописного произведения и его редакций, практика показывала другое. Вот что писал сам Истрин: «Первый летописный свод, являющийся первой редакцией Повести временных лет...» (*курсив мой* — В.А.)⁸⁶².

В шахматовской традиции изучения раннего летописания термин «редакция» закрепился за версиями ПВЛ, отраженными в списках разных групп, а «свод» — за ее гипотетическими предшественниками. Однако в текстах самого Шахматова, вне заглавий статей и разделов книг, это различие теряло четкость. Исследователь упо-

⁸⁵⁹ Пресняков А. Е. [Рец.] Летопись занятий Археографической комиссии. Выпуск десятый. СПб., 1895 // ЖМНП. Часть 307. №9. — СПб., 1896. — С. 153–154.

⁸⁶⁰ Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (окончание). — С. 222–244.

⁸⁶¹ Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (начало) // ИОРЯС — 1921. Том XXVI. — Петроград, 1923. — С. 87, 88, 95, 97; Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (окончание). — С. 244–251.

⁸⁶² Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (начало). — С. 97.

треблял термин «редакция» достаточно произвольно, ситуативно используя его взамен термина «свод»⁸⁶³.

Но почему Шахматов был настолько уверен в самой конструкции, в том, что ПВЛ должна была иметь несколько «редакций»? Представление о ней как едином произведении было тем безоговорочно «установленным положением» предшествующей историографии, от которого Шахматову непросто было отказаться. Даже провозглашая ПВЛ механической компиляцией, исследователи не могли отделаться от впечатления о едином труде. Отсюда утверждение, что в главных списках ПВЛ могут отражаться разные редакции *одного и того же* памятника. В свете шахматовской «теории сводов» следовало бы скорее говорить о трех разных сводах, т. е. *разных памятниках*, пусть и созданных на протяжении короткого времени. Но «разбить» таким образом ПВЛ на отдельные своды (скажем, «свод Нестора» 1112 года, «свод Сильвестра» 1116 года и «анонимный свод 1118 года») Шахматов не решался.

С одной стороны, действовала историографическая инерция. С другой стороны, хронологические рамки «редакций» (1111–1118) совпадали с тем временным интервалом, в который укладывалось подавляющее большинство датировок ПВЛ как таковой. Как электрон, не поддающийся точной локализации, ПВЛ «расплывалась» по второму десятиетию XII века. Гипотеза о «редакции ПВЛ 1074 года», которая присутствует в ранних работах Шахматова, выпадала из этих хронологических рамок, а потому была превращена в самостоятельный свод 1073 года (Никоновский). Хотя Шахматов и оставил за гипотетическими эпизодами истории киевского летописания 1110-х годов название «редакции ПВЛ», в целом по своим сущностным признакам они очень походили на отдельные «своды».

Схемы редакций ПВЛ. Первая схема редакций ПВЛ, изложенная Шахматовым в 1890 году, не была похожа на все последующие и сформулирована до возникновения шахматовской концепции ранних летописных сводов. Согласно этой схеме ПВЛ имела две редакции: 1074 и 1118 годов. Первая редакция дошла в Соф1, Н4, Тв, Воскр и НПЛмл. Вторая – которая отразилась в главных списках ПВЛ – поч-

⁸⁶³ Например, на двух страницах одной из своих ранних статей Шахматов называл «редакциями» старший и младший «изводы» НПЛ, а также отличия между списками ПВЛ Ипатьевской и Лаврентьевской групп. Одновременно, описывая Нсв и две «редакции» ПВЛ, все три текста он называл «сводами». Шахматов А. А. Хронология древнейших русских летописных сводов // ЖМНП. 1897. Апрель. – СПб., 1897. – С. 463–464.

ти не изменила текста первой редакции, и возникла путем добавления текста (преимущественно из Летописи Нестора) в части после 1074 года⁸⁶⁴. Похоже, что схема из двух редакций имела во многом инструментальное значение, высвобождая место для Летописи Нестора. Схема 1890 года была отброшена в 1897-м, и тогда же появилась новая, модификация которой Шахматов занимался всю последующую жизнь.

Первый шаг к новому видению зафиксирован в материалах выступления 31 января 1897 года⁸⁶⁵. По сравнению со своими работами 1890 года Шахматов заявлял только об одной редакции ПВЛ, не упоминая о роли летописей новгородского происхождения XV–XVI веков в сохранении ее ранней редакции. Это связано с тем, что Соф1, Н4, Тв, Воскр, но прежде всего НПЛмл, были уже тогда «зарезервированы» для другого памятника – Начального свода, «заменившего» первую редакцию ПВЛ 1074 года. Действительно, если в рамках старой схемы перекалфицировать редакцию 1074 года в отдельный свод или древнюю киевскую летопись, то останется только одна редакция ПВЛ – 1118 года.

Вскоре, правда, Шахматов поменял свои представления. В статьях, написанных после февраля 1897-го⁸⁶⁶, он разделял основные списки ПВЛ на две группы, соответствовавшие двум редакциям: в одной из них текст доведен до 1110 года (как в Лавр), в другой (как в Ипат) – добавлены статьи за 1110–1117 годы.

С 1897 года и до «Разысканий» схема редакций ПВЛ в публикациях и черновиках Шахматова выглядела почти одинаково. Все списки ПВЛ ученый делил на три группы или «изводы»⁸⁶⁷: с припиской Сильвестра (1), без приписки и с текстом 1110–1117 годов (2), в соединении с новгородской летописью (3). Иногда эти три группы он сводил в два «разряда»: полные, самостоятельные, списки (1+2) и сокра-

⁸⁶⁴ Шахматов А. А. О сочинениях преподобного Нестора. – С. 465–475.

⁸⁶⁵ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 149. – Л. 2 об.; [Шахматов А. А. Кем и когда был составлен летописный свод – повесть временных лет?] Отчет о собрании Императорского общества Любителей древней письменности за 31 января 1897 г. // Отчеты о заседаниях Императорского общества Любителей древней письменности в 1896–1897 году. – СПб., 1897. – С. 23–24.

⁸⁶⁶ Шахматов А. А. Хронология древнейших русских летописных сводов // ЖМНП. 1897. Апрель. – СПб., 1897. – С. 463–464; Шахматов А. А. Киево-Печерский Патерик и Печерская летопись // ИОРЯС 1897. Том 2. Кн. 3. – СПб., 1897. – С. 820–827; Шахматов А. А. Древнейшие редакции Повести временных лет // ЖМНП. 1897. Октябрь. – СПб., 1897 – С. 209–210. Так же и в других статьях до 1908 г.

⁸⁶⁷ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 336. – Л. 1.

щенные (з)⁸⁶⁸. Согласно этой схеме ПВЛ имела две редакции. Первую, «первоначальную», 1116 года составил Сильвестр, вторую — аноним в 1118 (1117) году.

Идею двух редакций ПВЛ уверенно фиксируют не только изданные статьи, но и заготовки двух больших проектов Шахматова: план-конспект «Разысканий» 1903–1905 годов и план особого исследования ПВЛ 1907-го⁸⁶⁹.

Между тем, примерно в 1908-м в схему была внесена «фундаментальная поправка». Еще в одном черновом плане исследования ПВЛ, написанном после 1907 года, уже предполагалось три редакции: «Нестора, Сильвестра и 3-я»⁸⁷⁰. Среди печатных работ Шахматова идею трех редакций впервые фиксируют «Разыскания». Новая схема возникла путем прибавления к Сильвестровской и анонимной редакции 1118 года еще одной — более ранней, Несторовой.

Нетрудно заметить, что введение первой редакции ПВЛ совпало по времени с удалением из схемы отдельной Печерской летописи Нестора — ей нашлась замена. Это «чудесное превращение» могут проиллюстрировать яркие примеры. Так, в одном из черновики, написанном около 1908 года, первая редакция ПВЛ названа «Несторовой летописью»⁸⁷¹. Не менее примечательно и то, как в начале «Разысканий» Шахматов «проговаривается»: Сильвестровскую редакцию 1116 года по привычке называет «первой», а редакцию 1118 года — «второй». Читатель в одном и том же тексте сталкивается с противоречащими друг другу утверждениями: о двух редакциях ПВЛ (рассмотренных выше) и о трех редакциях, включая Несторову, «основную»⁸⁷². Старая терминология поначалу сосуществовала с новой: Сильвестровская редакция по инерции в названиях подразделов и предисловии выступает как «первая», а Несторова — как «основная» (без номера). Перед нами свидетельство того, что ученый еще не успел свыкнуться с обновленной схемой.

Есть основания полагать, что идея трех редакций появилась на протяжении 1908 года, в любом случае до написания «Разысканий». Датированная январем 1908-го статья Шахматова о Предисловии к Начальному своду еще содержит старую схему двух редакций

⁸⁶⁸ Шахматов А. А. Древнейшие редакции Повести временных лет. — С. 209–210; Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. — С. 308–314; ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 322. — Л. 1 — 1 об.

⁸⁶⁹ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 148. — Л. 2 об., 4; Там же. — Д. 322. — Л. 1 — 1 об.

⁸⁷⁰ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 322. — Л. 3.

⁸⁷¹ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 322. — Л. 3.

⁸⁷² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — С. IV, XI, 1–3.

ПВЛ⁸⁷³. Но в то же время ее текст поможет наглядно раскрыть процесс формирования новой гипотезы, а именно — превращение Несторовой летописи в первую редакцию ПВЛ.

На страницах статьи Шахматов обосновывал мысль о том, что летопись Нестора была не самостоятельной ветвью развития киевского летописания, а продолжением Нсв (1094–1113). Вместе с тем, работа Нестора заключалась в переписывании и частичном редактировании всего предшествующего текста (до 1094), т. е. в создании нового свода⁸⁷⁴. По объему и общему составу Летопись Нестора почти равнялась ПВЛ («Несторова летопись обнимала те самые события, что Повесть временных лет»⁸⁷⁵), но «Несторова летопись не была тождественна с Повестью временных лет» (т. е. текстами типа Лавр и Ипат)⁸⁷⁶. Чем не базовая редакция ПВЛ? После 1113 года, по Шахматову, Летопись Нестора была переработана (сокращена и дополнена) летописцем Василием (тем, который описал ослепление Василька Теребовльского). И уже эти две летописи (Нестора и Василия) использовал Сильвестр для составления ПВЛ.

Заметно, что схема из статьи 1908 года структурно почти тождественна той, что представлена в работах Шахматова, начиная с «Разысканий». До гипотезы трех редакций оставался один чисто формальный шаг — провозгласить Летопись Нестора первой редакцией ПВЛ.

Надо заметить, что хотя Шахматов и его предшественники выделяли «редакции» ПВЛ по разным критериям и вкладывали разный смысл в это понятие, но приходили к одинаковому результату — к трем редакциям. Добровский сначала выделял четыре редакции, но быстро две из них свел в одну (общий текст НикЛ и Воскр). Конечная схема была такой: «древняя» редакция (общий текст НикЛ и Воскр), «украинская» (выделенная на основании Ипат и Радз) и «белорусская» (новгородско-софийские летописи)⁸⁷⁷. Позднее Комиссия по изданию ПСРЛ под руководством Бередникова разложила списки по другому принципу. Но редакций тоже оказалось три (не считая т. н. сокращенной): древняя, средняя и новая. «Древнюю редакцию» представляли такие списки, как Лавр и Ипат, «среднюю» — Соф1, «новую» — Патриарший (НикЛ)⁸⁷⁸.

⁸⁷³ Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду. — С. 44–47.

⁸⁷⁴ Там же. — С. 42.

⁸⁷⁵ Там же. — С. 41.

⁸⁷⁶ Там же. — С. 42.

⁸⁷⁷ Dobrowsky J. Wie soll Nestors Chronik aus so mancherlei Recensionen des Textes, die in Handschriften zu finden sind, rein hergestellt werden? — S. 6–14, 30–33.

⁸⁷⁸ Бередников Я. И. Предисловие к Полному собранию русских летописей // ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. — СПб., 1846. — С. IV; Лаврентьевская летопись // ПСРЛ.

После 1908 года гипотеза о трех редакциях ПВЛ во всех последующих публикациях Шахматова воспроизводилась без принципиальных изменений. Известно только о двух попытках исследователя изменить число редакций: как в сторону увеличения, так и уменьшения. В предисловии к изданию ПВЛ 1916 года ученый тестировал идею особой галицкой редакции. Она, по Шахматову, была создана Василием на основе первой, Несторовой, редакции и затем использована Сильвестром⁸⁷⁹.

Впрочем, Шахматов признавал: «я думал раньше, что Василий пользовался Сильвестровскою редакцией»⁸⁸⁰. По этому поводу Истрин отмечал, что Шахматов изменил схему уже после набора основного текста работы, но до написания предисловия⁸⁸¹. Предыдущий вариант схемы, до этого изменения, отражают архивные материалы – заготовки к исследованиям ПВЛ. В них речь идет о том, что галицкая редакция (или «Перемышльская летопись», основанная на второй, Сильвестровской, редакции ПВЛ) вместе с первой и второй стала источником для составителя третьей редакции 1118 года⁸⁸².

Другая попытка изменить число редакций ПВЛ была предпринята Шахматовым в посмертно изданной работе конца 1910-х годов («Повесть временных лет и ее источники»). Ученый будто бы делал шаг назад и писал только о двух редакциях: первой (Несторовой) и второй (1118). Однако Шахматов вменял Сильвестру некоторую переработку предшествующего текста и тем самым оставлял возможность считать работу выдубицкого игумена не просто переписыванием текста первой редакции, а созданием особой (т. е. второй) редакции⁸⁸³.

Относительное умаление роли Сильвестра в летописании характерно для шахматовской традиции; но сам ученый пришел к этому довольно поздно. Несколько неожиданным может показаться то, что одиннадцать лет своей научной жизни Шахматов считал автором ПВЛ

Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. – СПб., 1846. – С. xviii–xix; ПСРЛ. Т. 2. 1-е изд. Ипатьевская летопись. – СПб., 1843. – С. VII.

Примечательно, что такая схема трех «Несторов» напоминала принятую в то время схему стадий развития языков (в частности, верхненемецкого и церковнославянского): древней, средней и новой. Keipert Н. Востоков и Шлецер. – С. 309.

⁸⁷⁹ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том 1. – С. xxxi–xxxvi. Как говорилось выше, подобное построение было предложено Шахматовым в статье 1908 г. Но если речь там речь шла об отдельной летописи Василия, то теперь она превращалась в особую редакцию ПВЛ.

⁸⁸⁰ Там же. – С. XXXIV.

⁸⁸¹ Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (окончание). – С. 222.

⁸⁸² ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 322. – Л. 62 – 62 об.

⁸⁸³ Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. Том 4. – М.-Л., 1940. – С. 22–24.

Сильвестра. Именно ему приписывалось составление ее первой редакции (1116) в статьях 1897–1908 годов. Даже после введения в схему Несторовой редакции ПВЛ Сильвестровская редакция оставалась исходным пунктом анализа⁸⁸⁴.

Критерии редакций. Единого принципа выделения редакций ПВЛ у Шахматова не было. Уже в первых его работах применялось несколько критериев. Один из них – довольно традиционный – обрыв текста. Так определялась редакция 1074 года, на которую якобы указывал обрыв пространного текста посередине статьи 1074 года в ряде летописей – Соф1, Н4, Тв, Воскр и НПЛмл. В сочинениях, написанных после февраля 1897-го, Шахматов признавал критерием Сильвестровской редакции обрыв текста ПВЛ в статье 1110 года и приписку Сильвестра в Лавр и подобных списках. Следует подчеркнуть, что в выступлении 31 января того же 1897 года и Лавр, и Ипат (где приписки Сильвестра нет) он относил к одной редакции, а значит, указанные отличия не считал значимыми.

В определении границ Несторовой редакции ПВЛ Шахматов по необходимости обращался не к видимым обрывам или рубежам в тексте летописи, а к ее содержанию. Прежде всего, он обращал внимание на хронологические указания. В частности, использовался старый аргумент о составлении летописи после или около 1113 года, на что указывал расчет лет под 852 годом, доведенный до смерти Святополка (1113). Аналогичным образом Шахматов делал вывод о составлении первой (Несторовой) редакции ПВЛ не ранее 1112 года, поскольку в статье 1100 года было ретроспективное упоминание о смерти волынского князя Давида Игоревича, случившейся в 1112 году⁸⁸⁵.

Редакция ПВЛ 1118 года определялась по наиболее субъективным критериям. Но, как ни парадоксально, Шахматов отстаивал ее существование последовательнее всего. Выдвинутая в 1890 году, идея этой редакции присутствует во всех работах ученого, так или иначе связанных с ПВЛ. Начиная с 1897 года⁸⁸⁶ Шахматов постоянно увеличивал количество аргументов в пользу этой идеи. Но был лишь один аргумент, который указывал именно на 1118-й как год создания редакции. В статье 1890 года собственно только он и фигурирует⁸⁸⁷.

⁸⁸⁴ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том 1. – С. II.

⁸⁸⁵ Там же. – С. XXXIV.

⁸⁸⁶ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 149. – Л. 4–5.

⁸⁸⁷ Шахматов А. А. О сочинениях преподобного Нестора // Шахматов А. А. История русского летописания. – СПб., 2003. – С. 471.

Это слова новгородца Гюряты Роговича, приведенные под 1096 годом, которые летописец слышал «преже сих 4 летъ». Данное выражение Шахматов понимал так, что летописец беседовал с Гюрятой за 4 года до момента написания текста, и датировал их разговор 1114 г. Под этим годом летопись сообщает об одном ладожском событии (закладке каменной крепости), и автор, пользуясь случаем, рассказывает об опыте своего пребывания в Ладогe. Шахматов однозначно интерпретировал сообщение так, будто летописец посетил Ладугу именно в 1114 году, хотя в тексте дана очень широкая датировка поездки – «при князе Мстиславе»⁸⁸⁸ (т. е. это мог быть и конец 1090-х). В соответствии с шахматовской установкой, чтобы получить год написания текста, надо было прибавить 4 года к 1114-му – получался 1118 г. Иррациональная уверенность Шахматова в связи пассажей 1096 и 1114 годов собственно и «создала» редакцию 1118 года⁸⁸⁹.

Важно отметить, что разные критерии выделения редакций ПВЛ вступали друг с другом в противоречие. Но Шахматов был склонен не пересматривать их, а усложнять свои схемы разными «надстройками». Одной из таковых было принципиальное положение Шахматова о контаминации редакций ПВЛ в списках. Оно появилось в работах ученого 1897 года, где он развивал идею о двух редакциях ПВЛ (Сильвестровской и 1118 года), и с тех пор не подвергалось ревизии. Предполагалось, что списки первой группы (Лавр и близкие списки) имели в основе Сильвестровскую редакцию ПВЛ, но испытали влияние редакции 1118 года. Списки второй группы (сходные с Ипат) имели в основе редакцию 1118 года, но находились под влиянием Сильвестровской. Списки третьей группы (Соф1, Н4 и близкие к ним) также использовали последнюю редакцию ПВЛ, но подверглись влиянию Начального свода посредством НПЛ⁸⁹⁰.

Идея контаминации заметно усложняла схему. Вероятно, она возникла, чтобы обеспечить «безболезненное» удвоение редакций ПВЛ (Сильвестровская и 1118 года), на которое Шахматов пошел в первые месяцы 1897-го. Представление о масштабах работы последнего редактора исследователь составил еще в 1890 году. К комплексу внесенных им статей он относил рассказ о Гюряте Роговиче под 1096 годом, сочинения Мономаха, сообщение о путешествии в Ла-

⁸⁸⁸ Мстислав – старший сын Владимира Мономаха, занимавший новгородский стол в 1095/1096–1117 гг.

⁸⁸⁹ О развитии Шахматовым этой гипотезы и о спорах о ней в историографии см.: Данилевский И. Н. «Сии 4 лѣта»: когда они наступили? // *Ruthenica*. Т. IX. К., 2011. С. 7–16.

⁸⁹⁰ Шахматов А. А. Хронология древнейших русских летописных сводов. – С. 481–482.

догу под 1114 годом и др. Но выделение редакции 1116 года требовало бы «отдать» большую часть этих текстов Сильвестру. Анонимному редактору 1118 года остались бы только статьи 1110–1117 годов и несколько небольших правок в предшествующем тексте. Это также привело бы к разрыву связи между статьями 1096 и 1114 годов, на которой основывалась датировка редакции 1118 года. На такие кардинальные изменения собственной концепции Шахматов, видимо, не мог решиться. «Защитить» идею редакции 1118 года и одновременно ввести редакцию Сильвестра можно было только предположением о контаминации.

Идея третьей редакции ПВЛ, точнее, редакции 1118 года, была самой «стабильной» в шахматовском арсенале. Однако есть основания считать, что на протяжении тридцати лет изучения летописей (1890–1920) он иногда сомневался и в ней. Отмечу два примера, относящихся к различным периодам карьеры ученого.

В заготовке к первой пробной лекции 1890 года Шахматов «среди неопровержимых результатов науки» отметил: «Свод этот (ПВЛ. — В. А.) составлен в начале XII века, всего вероятнее игуменом Сильвестром»⁸⁹¹. Репарку о Сильвестре Шахматов удалил и отдал предпочтение безымянному автору 1118 года — иначе третьей редакции не было бы, и ПВЛ была бы датирована по приписке Сильвестра 1116 годом.

После 1916 года, на полях авторского экземпляра книги о ПВЛ, возле рассказа о заточенных в горах народах и Гюряте Роговиче (статья 1096 года) Шахматов оставил такую приписку: «м. б. эти две статьи были еще в Сильв. редакции?»⁸⁹². Эта репарка показательна, ведь именно из рассказа о Гюряте выводилась датировка последней редакции ПВЛ. На протяжении не одного десятилетия Шахматов убеждал публику, что «4 лѣта преже сихъ» должны прибавляться к 1114-му и указывать на 1118-й как время написания ее текста. Если же допустить, что рассказ о Гюряте появился еще в редакции 1116 года, вся система выводов о редакции 1118-го бесповоротно разрушится.

⁸⁹¹ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 142. О сочинениях преподобного Нестора. Первая пробная лекция Шахматова в заседании Историко-филологического факультета Московского университета 1 марта 1890 г. [1890] — Л. 3.

⁸⁹² Там же. — Д. 365. Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том 1. — Петроград, 1916 — 402 С. С пометками Шахматова. — Л. 192, (С. 293).

2.10. Шахматов историографический и реальный

Шахматов много писал. Далеко не всё было опубликовано. Много навсегда осталось в неизвестных черновиках. Из напечатанных работ по летописанию только две – книги, остальное – статьи, разбросанные по сборникам и периодическим изданиям. При этом основной текст книг отразил лишь ограниченный набор идей: некоторые немаловажные соображения были перенесены в примечания. Между тем, важно отметить, что именно книги более всего повлияли на читателей. Но строить представление о Шахматове-летописеведе только на основании этих работ было бы неблагоприятно.

В трудах по истории и историографии летописания распространено утверждение о «Разысканиях» как «капитальном труде» или самом главном исследовании Шахматова. Зачастую о «Разысканиях» и «Повести временных лет» 1916 года пишут как о монументальных работах, которые подводили итоги длительным исследованиям. Это не верно. Если поставить идеи, представленные в двух книгах Шахматова, в ряд всех остальных его текстов, то окажется, что эти работы не всегда фиксируют самые устойчивые мысли.

Не секрет, что взгляды ученого на протяжении жизни менялись. Но историография чаще всего обращается к определенному обобщению, сборному образу шахматовских идей. В других случаях выбирают из его работ разных лет то, что нужно для обоснования той или иной гипотезы.

Такой «историографический Шахматов» отличается от «настоящего Шахматова». Если первый – это статичный, эклектический слепок нескольких концепций, то второй – динамичная последовательность научных предложений и идей. «Реальный Шахматов» был гораздо богаче своего историографического двойника. Он делал множество предположений и разрабатывал самые разные гипотезы. Среди всего набора зафиксированных на бумаге его мыслей было немало таких, которые шли вразрез с его «каноническими» концепциями. Другое дело, что многие из них так и остались в черновиках⁸⁹³.

Шахматов не принадлежал к тем ученым, которые всю жизнь шлифуют одну концепцию и воплощают ее в итоговой книге. Каждую новую мысль или открытие он старался как можно быстрее вынести на суд публики. Каким бы ни было отношение к такой манере

⁸⁹³ Бóльшее богатство взглядов Шахматова по сравнению с его опубликованными работами стало предельно ясно при подготовке к изданию «Обозрения русских летописных сводов». См.: Насонов А. Н. О неизданной рукописи А. А. Шахматова «Обозрение летописных сводов» // Проблемы источниковедения. Т. II. М., 1936. С. 279–298.

работы, очевидна ее ценность для исследователя историографии – она обеспечивает ему обильную источниковую базу.

Нужно согласиться с Феликсом Гилбертом: не стоит рассматривать взгляды того или иного деятеля как стабильную систему и объяснять его ранние идеи, исходя из позднейших периодов творчества⁸⁹⁴. Исследование «настоящего» Шахматова-летописевода должно опираться на четкую картину изменений взглядов ученого. Составить ее позволяет строгая локализация во времени (а иногда – и пространстве) идей, а точнее, статей, книг или других текстов, где они высказаны. При этом должно учитывать любые «носители»: и опубликованные «готовые» работы, и черновики.

Такая установка близка к пониманию задач «генетической критики». Данное направление возникло в рамках французского постструктурализма и поставило целью взглянуть на текст как на творческий процесс, а не застывший монумент, внести динамику в изучение литературных произведений. Традиционная критика текста и генетическая критика разнонаправлены: первая нацелена на восстановление оригинала, вторую занимает «кухня» автора. Генетист заинтересован не тем, что получилось в результате, а всем тем долгим и противоречивым путем, которым автор (при)шел к этому результату; предмет его изучения – черновики и варианты⁸⁹⁵.

Говоря языком генетической критики, работы Шахматова (скажем, «Разыскания») не были «чистовиком», ведь их нельзя вырывать из постоянного течения его исследовательской мысли. «Чистовиком» был историографический образ, та «схема Шахматова», которая получила жизнь после смерти ученого и вошла в канон. В таком случае все то, что он действительно писал о раннем летописании, становится «авантекстом». Такой подход позволяет взглянуть на идеи Шахматова как на принципиально незавершенную систему, или даже не систему, а процесс.

⁸⁹⁴ Gilbert F. *Intellectual History: its Aims and Methods*. P. 90.

⁸⁹⁵ Генетическая критика во Франции. Антология. – М., 1999; *Genetic criticism. Texts and avant-textes* / Ed. by J. Deppman, D. Ferrer, and M. Groden. – Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2004. – P. 1–25; Sherbert G. *Genetic Criticism: Texts and Avant-textes (review)* // *English Studies in Canada*. Volume 32, Issue 2–3, June/September 2006. – Pp. 258–262; Наймушин С. В. Генетическая критика во Франции и интерпретация // *Сумма философии*. Вып. 5. – Екатеринбург, 2006. – С. 106–107; *Genetic criticism and the creative process. Essays from music, literature, and theater* / Ed. by W. Kinderman and J. E. Jons. – University of Rochester Press, 2009. – P. 1–18.

О применении генетической критики к летописям см.: Данилевский И. Н. *Текстология и генетическая критика в изучении летописных текстов* // *Герменевтика древнерусской литературы*. Сб. 12. – М., 2005. – С. 368–406.

В ходе работы с материалами Шахматова мне удалось составить нечто вроде «генетического досье» его пятнадцати ключевых гипотез по истории раннего летописания. Созданный «каталог идей» дал возможность отследить изменения взглядов Шахматова на протяжении его научной жизни. Для этого было использовано двадцать пять работ ученого за 1890–1919/1920 годы, расположенных в хронологическом порядке⁸⁹⁶. Оговорюсь, что здесь (для большей наглядности и более легкой проверяемости выводов) я ограничился прижизненными публикациями, а также некоторыми работами Шахматова (в т. ч. текстами первых статей о летописании), изданными после его смерти⁸⁹⁷.

Выяснить точное время написания каждой работы не всегда возможно. При отсутствии других данных я ориентировался на год издания либо дату, поставленную ученым в самом тексте. Наконец, здесь важна не столько абсолютная, сколько относительная хронология работ, а соответственно – и зафиксированных в них идей. По результатам обработки «каталога» была составлена таблица, которая схематически отразила развитие мыслей ученого (см. Приложение 4).

На основе сведенных данных можно предложить краткую характеристику эволюции шахматовских схем истории раннего летописания и проследить некоторые тенденции⁸⁹⁸.

В творчестве Шахматова-летописевода выделяются два явных рубежа: 1897 и 1908 годы, а значит, три периода: 1890–1896, 1897–1907, 1908–1919/1920.

I. На протяжении первого и даже в начале второго периода Шахматов разделял почти все ключевые идеи предшествующей историографии о характере и составе ПВЛ. Изложенная им в лекциях 1890 года и в некоторых статьях 1890-х годов схема формирования текста ПВЛ была близка схемам Костомарова, Рассудова и (чуть менее) Бестужева-Рюмина. В центральных положениях она почти точно воссоздава-

⁸⁹⁶ Следует признать, что в части работ Шахматов только мимоходом и при случае демонстрировал свои взгляды на тот или иной вопрос истории летописания. Но даже при этом «каталог» может считаться достаточно репрезентативным.

⁸⁹⁷ Замечу, что здесь не учтены материалы, опубликованные позднее в книге «Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв.». Во-первых, раннему летописанию в «Обозрении» уделено мало внимания. Во-вторых, материалы не имеют точной датировки; в едином тексте спрессованы разновременные слои.

⁸⁹⁸ Здесь важно подчеркнуть, что у Шахматова методы и схемы «мутировали» с разной скоростью. Как указывалось выше (1.5.), после 1897 г. и до смерти в его работах с летописанием мало что менялось в методологическом плане. Зато схемы истории летописания переписывались довольно часто.

ла гипотезы этих ученых. Для наглядности прилагаю сравнительную таблицу схем истории раннего киевского летописания.

Костомаров	Рассудов	Шахматов
1. «Повесть древних лет», около 1043 г. Легендарные сказания без хронологии.	1. «Ранняя часть» ПВЛ, до нач. XI в. Легендарные сказания без хронологии.	1. Первая редакция ПВЛ 1074 г. / Начальный свод 2-й пол. XI в. / «Повесть о начале Руси», до середины XI в. Легендарные сказания (преимущественно) без хронологии.
2. Печерская летопись Нестора 2-й пол. XI – нач. XII в.	2. Печерская летопись Нестора 2-й пол. XI – нач. XII в.	2. Печерская летопись Нестора 2-й пол. XI – нач. XII в. (около 1110 г.).
3. Летописный свод Сильвестра (ПВЛ).	3. Летописный свод Сильвестра (ПВЛ).	3. Летописный свод Сильвестра (ПВЛ).

II. В 1891 году Шахматов отбыл в Саратовскую губернию, оставив работу в Московском университете. Следующие шесть лет он занимался преимущественно лингвистикой. Возвращение к летописям произошло не раньше женитьбы и свадебного путешествия весной-летом 1896 года⁸⁹⁹. На рубеже 1896–1897 годов Шахматов начинает пересмотр своих взглядов на летописание. Начинается второй период его творчества.

В это время Шахматов сформулировал положения, заложившие основу его дальнейших исследований, прежде всего, гипотезу о Начальном своде. Если в 1890 году воззрения Шахматова выглядели консервативно, то после 1897-го они становились более новаторскими. Однако в этот период новые идеи еще сосуществовали со старыми, прямо унаследованными от предшественников («Повесть о начале Руси», Летопись Нестора). Вероятно, стоит говорить о «периоде перехода» Шахматова от предыдущей концепции истории летописания к новой теории сводов. Монастырская летопись Нестора, «Повесть о начале Руси» или рассказ Василия, ПВЛ как свод-сборник «разнородного материала» – все это пережитки старой концепции. В то же время последовательность Древнейшего, Начального сводов и редакций ПВЛ уже отражала другую модель.

⁸⁹⁹ Алексей Александрович Шахматов 1864–1920. – Л., 1930. – С. 23–30.

III. Работы Шахматова третьего периода больше всего повлияли на его коллег. И главным образом благодаря «Разысканиям», которые, впрочем, трудно назвать *opus magnum* исследователя. В этой книге действительно полнее всего изложены взгляды ученого на раннее летописание. Это их самый подробный срез. Однако «Разыскания» отражают только одно из состояний мысли Шахматова. Да и концептуальную новизну труда не стоит преувеличивать. Ключевые идеи, развитые в нем (Начальный свод, его датировка и Предисловие, Древнейший свод, Древний новгородский свод), впервые появились в предыдущих работах Шахматова. В целом, «Разыскания» были написаны уже в рамках теории сводов, оформившейся еще в конце 1890-х годов.

Новые идеи, появившиеся в «Разысканиях» и позднейших работах, также преимущественно основаны на предшествующем опыте ученого. Часть старых гипотез были модифицированы и адаптированы к схемам последовательных сводов. Так, старая Летопись Нестора превращается в первую редакцию ПВЛ, вместо старой редакции ПВЛ 1074 года возникает свод Никона 1073 года, а краткий рассказ Василия разрастается до особенной галицкой (перемышльской или волынской) летописи.

В третьем периоде происходит перестройка аргументации, вследствие чего старые гипотезы получают обновленную доказательную базу. Например, в поздней работе об источниках ПВЛ, приводя доказательства существования Начального свода, Шахматов обращался в первую очередь не к НПЛмл, а к ПВЛ.

Вместе с тем, многие гипотезы, установки и аргументы Шахматова почти не пересматривались на протяжении его научной жизни. Среди них: использование новгородских летописей для воссоздания древнейших киевских памятников; умаление значения погодного летописания; идея о Несторе-летописце (сначала как об авторе монастырской летописи, потом – ПВЛ); редакция ПВЛ 1118 г. и аргументы в пользу этой датировки (в частности, толкование фрагмента статьи 1096 г.); отдельные важные конъектуры (например, под 882 г. – о дани, которую «ныне дают»).

Взгляды Шахматова на раннее летописание развивались дугообразно. В первый период его внимание охватывало довольно узкий круг тем и источников. В это время он делал отдельные наблюдения и сформулировал несколько идей, разработанных (либо отброшенных) позднее. Второй период обозначен активным освоением более широкого круга летописных материалов. Теперь Шахматов пытался сформировать представление об истории русского летописания в це-

лом с помощью концепции сводов. Второй и начало третьего периода определялись наиболее претенциозными проектами восстановления гипотетических памятников русского историописания (сказания о варягах, древнейших сводов). В это время гипотезы Шахматова активно обрастают деталями. Наблюдаются стремительные смены схем и эксперименты с текстологическими построениями (Иоакимовская летопись, несколько редакций Начального свода). В третьем периоде заметно сужение (и/или смещение) тем летописеведческих исследований, уменьшение детализации построений. После попыток прорваться к текстам древнейших сводов Шахматов концентрируется на восстановлении текста ПВЛ. Он отходит от экспериментов и начинает более серьезно заниматься своими базовыми гипотезами (о редакциях ПВЛ и Начальном своде).

Итак, перед нами как минимум «три Шахматова», каждый из которых не согласился бы со многими утверждениями двух других. При том и «второй», и «третий» Шахматов органично вырос из предыдущего, а «первый» — из Костомарова, Бестужева-Рюмина и прочих. На приведенном материале подтверждается общий социологический вывод Коллинза о том, что новые идеи возникают вследствие взаимодействия не столько исследователя с материалом, сколько исследователя с его коллегами (через их тексты или лично), а если быть более точным, с другими идеями⁹⁰⁰. Иными словами, появление именно такой, а не другой, идеи определяется структурой интеллектуального поля в данный конкретный момент.

Несмотря на видимую грандиозность и сложность летописеведческих текстов ученого, они строились на довольно простом каркасе базовых гипотез и представлений. Чтобы понять логику шахматовских исследований, надо отслеживать их изменения. Сам Шахматов был во многом заложником своих «стержневых» концепций. Именно поэтому он не давал хода некоторым идеям, подрывавшим общую структуру. Тесную зависимость от этой структуры обнаруживает и литература, выполненная в шахматовской традиции. При этом последователям ученого очень редко удается выходить за круг тех идей и интерпретаций, которые предлагались Шахматовым.

⁹⁰⁰ Collins R. The Sociology of Philosophies. — P. 51–53.

Глава третья

ТРАДИЦИЯ

**«ШАХМАТОВСКИЙ ПЕРЕВОРОТ»
В ИЗУЧЕНИИ ЛЕТОПИСЕЙ**

3.1. Критика и альтернативы

Образ Шахматова в историографии сложился ретроспективно. Мы наблюдаем его проекты через «тусклое стекло» накопившихся за сотню лет мнений. Играем в «испорченный телефон»: исходное слово, якобы повторяемое длинным рядом людей, в конце оказывается не похожим на себя. Поэтому важно разобраться, как воспринимали достижения Шахматова в «свое время» те, кто еще не знал о его будущем успехе. Особенно интересно присмотреться к тем отзывам, которые не совпадают с каноническим портретом ученого.

Для начала следует напомнить, что Шахматова современники знали прежде всего как лингвиста (что видно на примере статей в посвященном ему сборнике ИОРЯС за 1920 год). Шахматов-летописец стоял на втором месте. Позднее ситуация изменилась: его летописеведческие работы начали постепенно приобретать все больший вес.

Занявшись наукой с гимназических лет, Шахматов сразу обратил на себя внимание академической общественности. Работы по языкознанию быстро принесли ему признание. Но в сфере изучения раннего летописания его исследования долго не воспринимались как новые или особенные. Более того, часть коллег Шахматова сперва приняла его за прямого продолжателя господствующих, а то и устаревших, научных течений. Так, Д. И. Абрамович в 1899 году не замечал ничего нового во взглядах Шахматова на характер летописей, в частности на ПВЛ. Он писал: «Высказанное еще в 1820 г. Строевым, это мнение (что Начальная летопись была сводом/сборником⁹⁰¹. — В. А.) вполне подтвердилось учеными наблюдениями Погодина, Соловьева, Срезневского, Беляева, М. И. Сухомлинова, Бестужева-Рюмина, Костомарова, В. О. Ключевского, А. А. Шахматова, St. Srkulj'я, Е. Н. Щепкина, М. Грушевского, С. Ф. Платонова и др. Са-

⁹⁰¹ При этом Абрамович ошибался, см. главу 1.3.

мыми типичными (курсив мой. — В. А.) выразителями такого взгляда являются покойные Костомаров и Бестужев-Рюмин, а в наше время — акад. А. А. Шахматов»⁹⁰².

По мнению В. В. Завитневича, «со стороны преследуемой научной задачи г. Шахматов ничего нового не вводит. Не давал он ничего принципиально нового и в методологическом отношении; но зато в смысле применения раньше практиковавшегося научного приема (разложения сводов на составляющие части и поиск первоисточников. — В. А.) на практике он проявил некоторое своеобразие...»⁹⁰³. «Некоторое своеобразие», и это уже после выхода «Разысканий».

Анонимный автор в 1916 году также не замечал существенной новизны в «открытии» Начального свода. Все положения, что легли в основу исследований Шахматова (ПВЛ — летописный свод, опиравшийся на более древние тексты; попытка «реставрации» древнейших сводов — научно обоснована; новгородская летопись — ключевой памятник в изучении истории раннего летописания), Аноним считал достижением предыдущих ученых⁹⁰⁴. Автор рукописного обзора, даже после выхода «капитальных» трудов Шахматова, все еще видел в его проектах продолжение старых идей. По его мнению, Шахматов, в отличие от более осторожных предшественников, решил не только разложить ПВЛ на составляющие (своды), но и построить точную схему филиации сводов, а по примеру Шлецера — текстуально «реставрировать» их⁹⁰⁵.

Образ Шахматова у Петухова близок к аналогичному у Анонима (не повлиял ли Петухов на последнего?). Он изображен «выдающимся» продолжателем традиций Шлецера, Строева, Срезневского, Сухомлинова, Костомарова, Бестужева-Рюмина и носителем старых идей и подходов⁹⁰⁶. Даже М. С. Грушевский, который одним из первых отметил неординарность концепций Шахматова, видел его роль в восстановлении изучения раннего летописания, в возвращении к традиции выдающихся трудов 1860-х годов⁹⁰⁷.

⁹⁰² Абрамович Д. И. К вопросу об объеме и характере литературной деятельности Нестора Летописца // Труды 11-го Археологического съезда в Киеве 1899. Том 2. Отделение 2. — М., 1902. — С. 24.

⁹⁰³ Завитневич В. З. [Рец.] Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб. 1913. — С. 629–630.

⁹⁰⁴ АРАН. — Ф. 665. Оп. I. — Д. 12. — С. 122, Л. 66.

⁹⁰⁵ Там же. — Л. 115 об. — 116 об.

⁹⁰⁶ Петухов Е. В. Русская литература. — С. 20.

⁹⁰⁷ Грушевський М. С. [Рец]: А. А. Шахматов О Начальном Киевском летописном своде I-III... — С. 10; Грушевський М. С. Найдавніша кийівська літопись. — С. 581–582.

Позднее, в работах Бугославского, Шахматов представлен не «первым после (предшествующей традиции)», а «последним из». Последним из летописеведов, которые («от Шлецера до Шахматова») шли «по пути отбора вариантов на основании логических заключений и гипотез и лишь частично, не в полной мере, на основе критического анализа вариантов и истории текста». Шахматов, таким образом, оказывался ярким эпилогом «конъектуальной критики», «в сильной степени субъективной и мало достоверной»⁹⁰⁸. Действительно новым Бугославский считал применение к летописям строгой «текстологической» (т. е. стемматической) критики, чем он сам и занимался.

После смерти Шахматова, естественно, стали больше писать о его методологическом и концептуальном новаторстве, но во многих случаях «новизна» была категорией отрицательной. Так, по словам Истрина, «история нашего древнейшего летописания должна изображаться иначе, чем ее строит А. А. Шахматов. В этом изображении во многом придется *вернуться к старым мыслям*, высказанным в свое время различными исследователями, и внести лишь результаты исследования вновь привлеченных памятников» (курсив мой. — В. А.)⁹⁰⁹.

Резко отрицательными были высказывания некоторых современников Шахматова о статусе его гипотез. Если сам ученый преподносил свои исследования как «действительно научные», то в глазах наиболее подготовленных коллег по цеху все выглядело наоборот. Это ярко выражено уже в отзыве А. И. Соболевского на его магистерскую работу по фонетике: «Автор не доказывает, не объясняет, а как бы изрекает. Читатель находит у него аксиому, не требующую доказательств и ясную саму по себе...»⁹¹⁰.

В письме к Шахматову 1897 года, когда одна за другой начали издаваться его летописеведческие статьи, Истрин также упрекал его в отходе от самых основ критического исследования: «Ваш догматизм, часто не подкрепленный доказательствами, заставляет задумываться, почему приходите к тому или иному положению, на каком основании»⁹¹¹. Истрин советовал Шахматову в будущем вводить

⁹⁰⁸ Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 1: Повесть временных лет [Сост. Ю. А. Артамонов]. — М., 2006. — С. 24–25.

⁹⁰⁹ Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (начало) // ИОРЯС — 1921. Том XXVI. — Петроград, 1923. — С. 80.

⁹¹⁰ Рецензия А. Соболевского на: Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики. — Варшава, 1893. // Отдел рукописей (ОР) РНБ. — Ф. 846 (Алексей Александрович Шахматов). — Д. 12. О А. А. Шахматове [1875–1925]. — Л. 68.

⁹¹¹ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 3. — Д. 618 Истрин Василий Михайлович, академик. Письма его к А. А. Шахматову. [1895–1919]. — Л. 10 — 10 об.

в исследование «точное указание на то [...] что нового даете Вы». Обвинял Истрин коллегу и в пренебрежении такими «азами» ремесла, как указание необходимых ссылок на источники и литературу. Итак, по внешним параметрам, определяющим научность (а это: работа с литературой вопроса, доказательность и критичность, техническое оформление), статьи Шахматова «не дотягивали» до уровня.

Приблизительно те же впечатления Истрина, хоть и в более мягкой форме, находим в статье памяти Шахматова более чем двадцать лет спустя: «...его изложение было по преимуществу догматическим и, так сказать, властным, подобно тому, как и устная его речь, при всей его мягкости, была обыкновенно и догматична, и авторитетна»⁹¹².

Тихомиров, более известный как «жертва» критики Шахматова, сам написал рецензию на его статью о Начальном своде⁹¹³. Разбирая отдельные положения Шахматова об истории новгородского летописания XII–XIII веков, Тихомиров оценивал многие из них как «произвольные» или безосновательные. Среди прочего он указывал: «мы думали найти в настоящем труде веские доказательства насчет всего вышеизложенного; но, к сожалению, обо всех этих сомнительных вопросах говорится, как о не требующих доказательства, все приводится в виде неоспоримых истин. Для нас, по крайней мере, и после исследования г. Шахматова эти вопросы остаются такими же спорными, как и прежде» (речь идет о начальной истории новгородского летописания)⁹¹⁴. Парадоксально: именно то, что гипотезы преподносились как истины, подвигло позднейших читателей Шахматова думать, что это действительно истины.

Похожие упреки повторялись и после выхода «Разысканий». Так, Петухов, признавая Шахматова «выдающимся», называл его основные текстологические концепции «домыслами». Он писал: «следя за этими соображениями исследователя, мы находимся пока только в области весьма остроумных и правдоподобных, но все-таки теоретических построений, и впервые становимся на прочную почву интересных для историка литературы фактов лишь в „Повести временных лет“, являющейся непосредственным результатом „Начального Киевского свода“»⁹¹⁵; «принимая в соображение указанные выводы из исследования Шахматова, приходится однако же стоять на почве

⁹¹² Истрин В. М. А. А. Шахматов как ученый. – С. 36.

⁹¹³ Тихомиров И. А. Рецензия на: Шахматов А. А. О начальном Киевском летописном своде // ЖМНП. 1897. Ноябрь. – СПб., 1897. – С. 495.

⁹¹⁴ Там же. – С. 489.

⁹¹⁵ Петухов Е. В. Русская литература. – С. 22.

лишь „Повести временных лет“ и только на этой фактической основе наблюдать состав нашей старой летописи»⁹¹⁶.

Аноним не мог отрицать, что «Шахматов обнаруживает доходящую до гениальности находчивость и остроумие и совершенно исключительную эрудицию». Но «несмотря на исключительную одаренность автора, несмотря на громадное значение шахматовских работ [...] основное задание этих шахматовских работ над летописями нельзя не признать неправильным. Задача текстуальной реставрации летописных сводов, легших в основу Повести врем. л., несостоятельна»⁹¹⁷. По мнению неизвестного автора, приблизительное выяснение состава и объема предшествующих летописей или сводов «вполне законно с научной точки зрения», однако текстуальная реставрация этих памятников, а также построение исчерпывающей схемы последовательности сводов не может иметь твердых доказательств и лежит за границами «научно-критического» исследования⁹¹⁸.

Похожее отношение к построениям Шахматова демонстрировал Истрин в статьях, написанных уже после смерти ученого. В частности, выводы Шахматова о вставках в статьи ПВЛ второй половины X — первой половины XI века Истрин считал натянутыми или вообще безосновательными⁹¹⁹, ведь они обоснованы «общими соображениями, которые, конечно, не будучи подкреплены документально, вызывают возражения»⁹²⁰. Он обвинял Шахматова в излишнем усложнении истории многих фрагментов летописи и поиске противоречий на пустом месте. «Если ко всему рассказу подойти просто, то не найдем никакого противоречия», — комментировал Истрин анализ Шахматовым статьи 968 года⁹²¹. Также он отвергал претензии Шахматова на знание логики авторов гипотетических произведений, считая, что «нельзя летописцу предписывать, чтобы он следовал нашему плану»⁹²².

Общее впечатление Истрина от методики выделения вставок было таким: «мы видели, что во всех разобранных примерах исходным пунктом для признания той или другой вставки является исключительно субъективное понимание каждого отдельного летописного рассказа.

⁹¹⁶ Там же. — С. 23.

⁹¹⁷ АРАН. — Ф. 665. Оп. I. — Д. 12. — Л. 116.

⁹¹⁸ Там же. — Л. 116 об.

⁹¹⁹ Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (начало) // ИОРЯС — 1921. Том XXVI. — Петроград, 1923. — С. 51–65.

⁹²⁰ Там же. — С. 56.

⁹²¹ Там же. — С. 53–54.

⁹²² Там же. — С. 55–56.

Но такое субъективное понимание текста, соединенное с особенным стремлением видеть чуть ли не на всякой странице позднейшую вставку, естественно вызывает на возражение, и мы видели, что во всех случаях нет никаких оснований видеть какие-либо противоречия, которые указывали бы на наличие позднейших вставок»⁹²³.

Другой ровесник Шахматова, Н. К. Никольский, вообще сомневался в применимости сравнительно-текстологического подхода к ПВЛ, особенно к ее «легендарной части». Никольский противопоставлял ему свой «литературно-идеологический» анализ летописных текстов, заключающийся в поиске не вставок и мелких переделок, а идейных принципов организации нарратива. Помимо этого, Никольский возражал и против «чисто текстологических» выводов Шахматова. В частности, он считал шахматовские реконструкции древнейших сводов беспочвенными и отвергал их важнейшее основание – идею об отражении в НПЛмл предшествующего ПВЛ свода⁹²⁴.

Противником идей Шахматова был и его младший современник С. А. Бугославский. Он сомневался в самой возможности реконструкции утерянных сводов, отрицал шахматовскую методологию (из-за субъективности, гипотетичности, неоправданных представлений о летописцах, некорректной работы со списками) и исследовательскую программу. Единственно реальной целью Бугославский видел воссоздание первоначального текста ПВЛ на основе сравнения всех списков летописи (чего и старался достичь сам). Построения Шахматова, которые использовались для восстановления предыстории ПВЛ (в частности, идею Начального свода), он считал нецелесообразными и необоснованными⁹²⁵.

Едва ли не острее всех высказывался В. З. Завитневич, обвиняя Шахматова в формализме: «...на основании [...] чисто формальных соображений можно получить только то, что исследователю „кажется“, что он „думает“, что он находит „вероятным“, „правдоподобным“; но нельзя добыть истины твердо установленной, очевидной, несомненной»⁹²⁶. По мнению киевского ученого, гипотезы и догадки

⁹²³ Там же. – С. 60–61.

⁹²⁴ Никольский Н. К. Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры // Сборник по русскому языку и словесности. Том 2, Вып. 1. – Л., 1930. – С. 3–6.

⁹²⁵ Бугославский С. А. «Повесть временных лет» (списки, редакции, первоначальный текст) // Старинная русская повесть. Статьи и исследования (под ред. Н. К. Гудзия). – М.-Л., 1941. – С. 9–13; Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 1. – С. 25–27.

⁹²⁶ Завитневич В. З. [Рец.] Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. – С. 635.

«должны покоиться на одном общем логическом законе, законе достаточного основания»; «вне этого закона действуют только чистый произвол и необузданная фантазия»⁹²⁷. В итоге Завитневич диагностировал у Шахматова и (зависимого от него) Приселкова замену научной истины «бредом досужей фантазии»⁹²⁸.

По остроте критики в адресе Шахматова с Завитневичем мог состязаться разве что польский филолог Александр Брюкнер⁹²⁹. Он открыто называл Шахматова «фантазером» и отбрасывал построения ученого, основанные на уникальных сообщениях поздних (т. е. всех, кроме ПВЛ) русских летописей, которые считал вымыслом книжников, а также Яна Длугоша. Для Брюкнера ПВЛ – единое вместилище начального летописания⁹³⁰.

Вместе с тем, надо заметить, что некоторые критики Шахматова в своих собственных построениях невольно принимали «правила игры» своего оппонента. Это выражалось в создании конкурентных схем истории раннего летописания и заимствовании терминологии.

Одним из первых эту зависимость отметил Бугославский: летописные исследования Истрина и Никольского «базируются на принципах, сходных с методами А. А. Шахматова»⁹³¹. То же отмечал М. Кордуба, сравнивая концепции Шахматова и Истрина: общими чертами работ обоих ученых была гипотетичность построений, использование «фиктивных» текстов, выход из круга наблюдаемых фактов. Схема Истрина, по его мнению, была лишь несколько проще⁹³². Сходная мысль развита в предисловии к первому английскому переводу ПВЛ: несмотря на отличия схемы, подходы Истрина принципиально не отличаются от шахматовских⁹³³.

Истрин частично перенял и «язык Шахматова», в частности, термин «свод» в шахматовском значении⁹³⁴. Более того, отбрасывая некоторые из элементов схем Шахматова, Истрин тем не менее оставлял их в своей схеме в «редуцированном» виде. Во-первых, он призна-

⁹²⁷ Там же. – С. 637.

⁹²⁸ Там же. – С. 651.

⁹²⁹ Brückner A. Rozdział z «Nestora» // ЗНТШ. Том CXLI-CXLIII. – Львів, 1925. – С. 1–15. Впрочем, стоит заметить, что он высказался по интересующему нас вопросу уже после смерти ученого.

⁹³⁰ Там же. – С. 10–11.

⁹³¹ Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 1: Повесть временных лет. – С. 25.

⁹³² Korduba M. Rozwój i obecny stan badań nad latopisami staroruskiemi. – S. 203.

⁹³³ The Russian Primary Chronicle. Laurentian text. Translated and edited by Samuel Hazzard Cross and Olgerd P. Sherbowitz-Wetzor. – Cambridge, Massachusetts, 1953. – P. 19–21.

⁹³⁴ Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (начало) // ИОРЯС – 1921. Том XXVI. – Петроград, 1923. – С. 87–88, 95–97.

вал возможность «дополнений» летописи в 1070-х (и даже собственно Никоном) и 1090-х годах⁹³⁵. Во-вторых, только что раскритиковав идею Начального свода, Истрин утверждал, что НПЛмл в начальной части основана на тексте, предшествовавшем ПВЛ. С его точки зрения, НПЛмл имела самостоятельную историю, упиравшуюся в Хронограф, от которого происходила и первая редакция ПВЛ середины XI века. Ученый усматривал в основании новгородской летописи именно эту первую (гипотетическую) редакцию ПВЛ⁹³⁶, т. е. фактически повторял идею о Начальном своде⁹³⁷.

Критикуя концепцию Никольского о «поляно-русской повести» как первом историческом произведении Руси, Истрин в целом демонстрировал те же приемы, что и Шахматов (разбивка фраз на разнородные элементы, приписывание отдельных фрагментов летописи разным текстуальным пластам и др.). Он опровергал Никольского, опираясь преимущественно на собственную концепцию, а не на показания источников. Другими словами, Истрин противопоставлял одному гипотетическому тексту («повести о полянях-руси») другие (Хронограф и «первую редакцию ПВЛ»). Еще точнее: вместо сверки с реальным текстом он проверял один гипотетический сценарий другим⁹³⁸.

Шахматов стимулировал появление альтернативных концепций предыстории ПВЛ. Все они преподносились как воплощения критики его схемы, но на деле строились по ее примеру. Так появилась схема Грушевского, опиравшаяся на шахматовскую идею древней основы НПЛмл (она предполагала пять-шесть редакций летописи на протяжении XI — начала XII века)⁹³⁹. В этом же ряду стоят концепции Истрина и Никольского. Нешахматовские по содержанию, они копировали саму мысль о том, что можно (и нужно) предложить какую-

⁹³⁵ Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (окончание) // ИОРЯС — 1922. Том XXVII. — Петроград, 1924. — С. 216.

⁹³⁶ Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (начало). — С. 74–75, 77–78.

⁹³⁷ Как отмечается в ряде исследований, гипотезы Истрина и Шахматова развивались в тесной взаимной связи. Сами же ученые, несмотря на расхождения по многим вопросам, находились в постоянном диалоге. См.: Вилкул Т. Л. Літопис і Хронограф. — С. 38–57; Жуков А. Е. А. А. Шахматов и В. М. Истрин // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015. — С. 139–140.

⁹³⁸ Истрин В. М. Моравская история славян и история поляно-руси, как предполагаемые источники начальной русской летописи (начало) // Byzantinoslavica. Т. 3. — Praha, 1931. — С. 308–332; Истрин В. М. Моравская история славян и история поляно-руси, как предполагаемые источники начальной русской летописи (окончание) // Byzantinoslavica. Т. 3. — Praha, 1932. — С. 36–58.

⁹³⁹ Грушевський М. С. Найдавніша кївська літопись. — С. 589–592.

то модель превращения гипотетического начального повествования в известную нам ПВЛ. Так или иначе, каждый альтернативный шахматовскому проект оказывался вторичным и уже поэтому проигрывал образцу.

3.2. Секреты научного успеха

Одну и ту же идею можно представить и как естественное продолжение более ранних научных опытов, и как совершенно независимое изобретение. Фактически Шахматов избрал второй путь. Этому способствовала, во-первых, историографическая ситуация, в которой он находился, во-вторых, его манера работы и риторика.

В книге «Структура научных революций» Томас Кун обосновал концепцию «нормальной науки» – периода, когда ученые пребывают в консенсусе относительно базовых положений и занимаются разработкой частных вопросов. Совокупность базовых положений («парадигма») задает рамку, в которую должны укладываться результаты прикладных исследований. Но если появляется ряд фактов, противоречащих парадигме («аномалии»), «нормальную науку» может постигнуть кризис. Тогда возникает вероятность «научной революции» или изменения парадигмы⁹⁴⁰.

Другое объяснение изменений в интеллектуальной жизни дал Рэндалл Коллинз⁹⁴¹. По мнению социолога, ее динамика обусловлена изменениями в пространстве внимания, которое ограничено в силу закона малых чисел. Усиление конкуренции идей ведет к переходу на более высокий уровень абстракции и рефлексии, ослабление конкуренции – к стагнации, спаду продуктивности и даже снижению уровня абстракции. Вместе с тем, ситуация внутри интеллектуальной среды находится под косвенным влиянием внешних, социальных, условий. Институциональные, политические и другие радикальные сдвиги приводят к разрушению пространства внимания, а соответственно – к разрыву в интеллектуальном континууме. Но как только происходит новая перегруппировка среды, интеллектуальная жизнь становится более рутинной.

Если Кун анализировал изменения в науке как следствие качественных изменений и «аномалий» (открытия новых фактов, появление новых подходов и т. п.), Коллинз подчеркивал количественные,

⁹⁴⁰ Кун Т. Структура научных революций. – С. 34–187.

⁹⁴¹ Collins R. The Sociology of Philosophies. – P. 791–793.

социологические, параметры. Но в обоих случаях авторы писали об определенной (хотя и не предопределенной) цикличности.

Наблюдения над историографией летописания позволяют очертить особенности научной цикличности на историографическом материале. Наложение качественных изменений и благоприятных социологических условий приводит к особенному успеху новых теорий. Они возникают или в ходе первого удачного объяснения предмета, или после «забывания» предшествующей историографии.

Начало цикла – это первые исследования определенной темы. Тогда только начинает формироваться ее историографический фонд. Второй, «зрелый», период характеризуется активной дискуссией, столкновением основных взглядов на проблемы, очерченные на начальном этапе. Далее следует конец цикла – период «переисследованности». Тогда историографический фонд настолько велик, что критический обзор всей предшествующей литературы начинает доминировать над собственно работой с источниками. Ресурсы старых концепций и систем аргументации исчерпаны, но есть перспективы для новых.

Именно в такой ситуации старая историография начинает «мешать». Ее надо «забыть» или осуществить строгую селекцию. После такой «перезагрузки» можно опять исследовать предмет как будто заново. Не беда, что много идей и концепций будут «переизобретены». Это уже будет новый историографический цикл. Его начальный и конечный периоды – самое благоприятное время для появления новой теории.

Можно подозревать, что идеи Шахматова не имели бы такого успеха, если бы он высказал их в середине XIX века. Тогда студии над древнерусским летописанием переживали зрелый период своего первого историографического цикла. Иной была ситуация в конце столетия. Еще со второй его половины ученые один за другим жаловались на слишком большой объем литературы, которой оброс едва ли не каждый вопрос в летописеведении. Стандартными были фразы такого рода: «о летописании написано уже очень много» или «нет настолько хорошо изученной темы нашей древней истории, чем эта». Ощущалась определенное «утомление» от бесконечных напоминаний и разборов длинных старых споров⁹⁴². «Забывание» историо-

⁹⁴² К слову, то же самое наблюдалось и в немецкой историографии: в конце XIX в. исследователи писали о «необозримой» литературе по истории анналистики, которую способны охватить немногие. См., напр.: Kaufmann G. Die karolingischen Annalen // Historische Zeitschrift. Bd. 54. H.1. – Oldenburg, 1885. – S. 55.

графии стояло на повестке дня. И оно произошло непосредственно после публикации основных работ Шахматова.

По замечанию А. Г. Кузьмина, летописеведение в последней четверти XIX века переживало кризис, обусловленный отсутствием перспектив⁹⁴³. Часть ученых (например М. О. Коялович) усматривала выход в возвращении к старым авторитетам, как-то Соловьев или даже Шлецер⁹⁴⁴. Речь шла о том, чтобы крайнему разложению летописи на разнородные составляющие противопоставить «восстановление хотя некоторой ее цельности»⁹⁴⁵. Говоря об общей основе летописей⁹⁴⁶, Коялович имел «явно иной взгляд на характер летописания: оно представлялось ему не рекой, вобравшей в себя множество ручьев, а деревом, идущим от одного корня»⁹⁴⁷.

Европейская философия и наука со времен кризиса позитивизма периодически переживала разные «возвращения» или «повороты» («к Канту», «к Марксу» и т. п.). Как и при жизни Шахматова, в современной историографии его проекты иногда пытаются не вполне корректно представить «возвращением к Шлецеру». Во всяком случае, в его текстах ощутимо отмежевание от господствующей (т. е. уже «старой») историографии. Это созвучно мысли Куна, что наука развивается не «к» (истине, лучшему решению), а «от»: от актуальной концепции, от принятой теории⁹⁴⁸. Это можно назвать принципом «отрицания последнего». Ведь если присмотреться, новые идеи возникают как отрицание уже существующих, самых последних и актуальных в данный момент. Реальное или кажущееся возрождение взглядов «предшественников наших предшественников» — лишь одна из стратегий отрицания⁹⁴⁹. Настоящее «возвращение» происходит редко. Эта метафора скорее легитимизирует новое, а точнее, «другое» знание.

Не секрет, что Шахматов «затмил» предшествующую историографию летописания. Именно его работы в дальнейшем стали точ-

943 Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. — С. 33–34.

944 Там же.

945 Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Изд. третье. — СПб., 1901. — С. 15.

946 Там же. — С. 18–19.

947 Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. — С. 33.

948 Кун Т. Структура научных революций. — С. 219–222.

949 Самая простая и наглядная иллюстрация — отношение к вопросу о Несторе. Ученые первой половины XIX в. всецело верили, что ПВЛ написана Нестором. Следующее поколение — непосредственные предшественники Шахматова — пересмотрели этот тезис, отвергнув Нестора и приняв Сильвестра в качестве автора ПВЛ. Шахматов «возродил» Нестора-летописца в противовес господствующим взглядам, но фактически вернулся к убеждениям своих историографических «дедов».

кой отсчета, а труды его старших коллег стали представляться не вполне научными, недостаточно серьезными, поверхностными и т. д. В современной литературе их используют ограниченно или игнорируют вообще.

Причины этого обычно усматривают в качественно новом, или «высшем», уровне работ Шахматова. Не оспаривая здесь справедливость этого (не настолько очевидного, как казалось бы) тезиса, попробую показать и другие, менее субъективные, объяснения указанного феномена.

Вышедшие в 1908 году, «Разыскания» почти сразу стали классикой жанра, их начали активно использовать как основную работу по летописанию. Эта книга заняла первое место в рекомендованной литературе по древнерусским источникам в уважаемых пособиях, потеснив предыдущих «классиков»⁹⁵⁰. Как отмечал Истрин, «высказанные им (Шахматовым. — В. А.) взгляды обыкновенно принимаются как исходный пункт для дальнейшего развития и построения, а в общих „Историях литературы“ страницы, посвященные Летописи, представляют обычно простое изложение общего построения А. А. истории древнерусского летописания»⁹⁵¹. Характерно, что одна из первых иностранных работ по русскому летописанию, написанных после выхода в свет главных публикаций Шахматова, была кратким пересказом положений «Разысканий»⁹⁵².

Какое же представление о летописеведении мог получить читатель «Разысканий» или тематических пособий, построенных на его исследованиях? Он не мог не увидеть существенного преимущества Шахматова над коллегами, ведь его работами базовая литература по теме практически исчерпывалась.

Главное требование к ученому, наряду с ознакомлением со всей предшествующей литературой по предмету, есть отображение ее

⁹⁵⁰ Напр.: Перетц В. Н. Из лекций по истории древнерусской литературы. Часть 1. Древнейший период (11–13 вв.). — Киев, 1914. — С. 272–273. Тут же находим показательное замечание: «центральный вопрос при изучении летописи, является вопрос об ее древнейших сводах, над восстановлением которых трудился академик Шахматов» (С. 278). Далее (С. 278–282) дается краткий пересказ истории раннего летописания целиком по Шахматову.

Шахматовское исследование как пример реконструкции источников и установления зависимости между ними приводил в своей классической «Методологии истории» Лаппо-Данилевский. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Выпуск первый. — Пг, 1923. — С. 203, 214, 216, 219–220.

⁹⁵¹ Истрин В. М. А. А. Шахматов как ученый // ИОРЯС. Т. 25. 1920. — С. 28.

⁹⁵² Forbes N. The composition of the earlier Russian chronicles // The Slavonic review. Vol. 1. No. 1, 1922. — P. 74–85.

в своем тексте через систему ссылок. В идеале ученый не только помещает сведения о работе коллег, но и демонстрирует всю генеалогию своих идей. В противном случае читатель рискует не узнать о более ранних исследованиях (по крайней мере, без трудностей и специальных поисков) или не обратить внимание на их существование и важность.

Именно этим «противным случаем» и был случай Шахматова. Важнейшие его работы не перегружены ссылками, хотя историографию того или иного вопроса ученый, несомненно, знал⁹⁵³. Показательны его слова из первой крупной лингвистической работы: «Я не счел удобным включить в этот труд указаний на историю предмета и вообще избегал всякой полемики, как с отжившими, так и с существующими воззрениями на исследуемые явления»⁹⁵⁴. То же наблюдается в его летописеведческих текстах. Например, о необходимости ответить на вопрос про соотношение начальных частей двух редакций НПЛ Шахматов писал: «Исследователи отвечали на вопрос, что именно заключалось в начальной части Синод.[ального] сп.[иска], различно. Здесь не место излагать все эти мнения: отсылаю интересующихся литературой предмета к исследованию И. П. Сенигова [...]»⁹⁵⁵. Тут, как и в других местах, заметно некоторое пренебрежение литературой вопроса, которая, очевидно, имела значение только для «интересующихся».

Самого Шахматова, кажется, беспокоило не столько выяснение «историографической ситуации», сколько собственно исследование, якобы не зависящее от нее. Его извинения выглядят немного странно для профессионального ученого: «Поразительно мало сделано еще для изучения великорусских говоров, но, должен признаться, что я в этом исследовании не успел воспользоваться даже всем тем, что напечатано»⁹⁵⁶. Наконец, в предисловии к «Разысканиям» читаем очередное извинение: «я не снабдил своего труда достаточным коли-

⁹⁵³ В публикациях и черновиках ученого можно найти ссылки на специальную и не широко доступную научную литературу. Шахматов ее знал, помнил или довольно легко мог найти, если хотел. Например, перечитывая свое издание ПВЛ, он сделал на полях отметку возле рассказа о путешествии апостола Андрея. Это была ремарка о Готской епархии в Крыму со ссылкой на исследование: *Zeitschrift für Kirchengeschichte* III, 1821. См.: ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 365. Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том 1. — Петроград, 1916 — 402 С. С пометками Шахматова. — Л. 49 (С. 7). Ниже, возле упоминания града Родни, ученый дает постраничную ссылку на соответствующее место из очерка по исторической географии С. М. Середонина. Там же. — Л. 92 (С. 93).

⁹⁵⁴ Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики. — Варшава, 1893. — С. 1–2.

⁹⁵⁵ Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде. — С. 3.

⁹⁵⁶ Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики. — Варшава, 1893. — С. 1.

чеством ссылок на предшествующих исследователей. Перечитывая их труды во время печатания моей работы, я заметил, что в некоторых местах я высказываю положения, уже обнаруженные раньше, а в других — я не обратил внимания на противоречащие моим утверждениям мнения»⁹⁵⁷.

Итак, внимательно перечитать работы предшественников Шахматов решил только после завершения своего сочинения. Эта позиция вряд ли была «злым умыслом». В письме 1909 года к Б. М. Ляпунову он признавал, что не умеет «излагать с достаточной обстоятельностью те или другие научные положения; это зависит от лени; мне скучно справляться относительно того, что я раньше говорил и что говорили другие, я излагаю обыкновенно только свои последние мнения»⁹⁵⁸.

В летописеведческих текстах Шахматова не часто и, как правило, мимоходом упомянуты его старшие коллеги. К примеру, в предисловии к «Разысканиям» помещены вполне этикетные указания на предшественников⁹⁵⁹. Только в отдельных случаях или в специальных работах ученый непосредственно «разбирал» своих оппонентов⁹⁶⁰ или относительно детально характеризовал историографию узких вопросов⁹⁶¹. Да и в этих случаях он сам делал акцент на научности своих работ по сравнению с менее научными работами его предшественников⁹⁶².

В целом Шахматов не заботился о демонстрации генеалогии своих идей, и открыто отмежевывался от предшествующей историографической традиции. В результате его работы могли специфически влиять даже на подготовленного читателя. Они производили впечатление, что предшественники ученого не важны, поскольку не повлия-

⁹⁵⁷ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — СПб., 1908. — С. VIII–IX.

⁹⁵⁸ Робинсон М. А. Эпистолярное наследие академика А. А. Шахматова // Археографический ежегодник за 1973 г. — М.: Наука, 1974. — С. 231.

⁹⁵⁹ Шахматов А. А. Разыскания... — С. iii–iv.

⁹⁶⁰ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о сороковом присуждении награды графа Уварова. СПб., 1899. — С. 103–236; Шахматов А. А. Отзыв о сочинении: Eugen Scepkin 'Zur Nestorfrage' // Шахматов А. А. История русского летописания. — СПб., 2003. — С. 137–145.

⁹⁶¹ Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. Оттиск из Сборника статей в честь В. И. Ламанского. — СПб., 1906. — С. 10–15; Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись // ИОРЯС. Т. XIII. Кн. 1. — СПб., 1908. — С. 16–18.

⁹⁶² Шахматов А. А. Разыскания... — С. V. Здесь — о Костомарове.

яли на него. Даже если и не было разрыва в истории дисциплины, работы Шахматова создавали его видимость⁹⁶³.

Внешнее невнимание и одновременно хорошая ориентация в историографии оборачивались тем, что Шахматов часто использовал высказанные раньше идеи как свои. Иногда он это открыто признавал, как, например, в исследовании русской фонетики 1893 года: «считаю необходимым просить Ф. Ф. Фортунатова извинить меня за то, что, повторяя высказанные впервые им положения, я иной раз не ссылаюсь на него; но мысли Фортунатова становятся понемногу общим достоянием, благодаря ученикам его, которые не могут хранить под спудом всего того, что знают из устных бесед и из лекций своего учителя»⁹⁶⁴.

То же самое наблюдается в работах по летописанию. Шахматов не раскрывал происхождения своих концепций. Иногда ссылка на первенство предшественников в том или ином вопросе существенно «запаздывала». Так, уже около десяти лет эксплуатируя идею о начальной летописи, не разбитой на годы, Шахматов только в 1908 году коротко упомянул в примечании о ее происхождении: «Мысль о том, что первоначальная летопись была расположена раньше не по годам, не новая. Ср. ее у Н. П. Ламбина и С. М. Соловьева»⁹⁶⁵.

Мастерство «осваивать» чужие идеи было одним из факторов невнимания к предшествующей историографии. Используя чужие в своей основе идеи, модели, наблюдения, Шахматов редко копировал их, скорее, творчески обрабатывал, развивал в контексте собственных гипотез. В итоге они уже казались вполне «своими», выводы — самостоятельными, а сам ученый — новатором.

Показателен следующий случай. По наблюдениям Чиркова, в шахматовском разборе сочинения Тихомирова встречается несколько замечаний о методах работы последнего, почти дословно заимствованных из рецензии Преснякова. Кроме того, сравнивая текст Преснякова с позднейшими текстами Шахматова, нельзя не заметить вряд ли случайных совпадений в формулировках, метафорах и содержании методологических размышлений. Но Шахматов не был бы собой, если, признавая справедливыми мысли Преснякова «в целом»,

⁹⁶³ Примерно в 1915 г. Пархоменко писал Шахматову в одном из писем: «как мне кажется, история нашего летописания и состава летописей доселе была слишком мало уяснена; *только Ваши работы пролили свет на этот вопрос*». Цитата по: Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей. — С. 315.

⁹⁶⁴ Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики. — Варшава, 1893. — С. 1–2.

⁹⁶⁵ Шахматов А. А. Разыскания... — С. 97.

не заявил бы об ошибочности конкретных построений⁹⁶⁶. Очень быстро подхватив идеи Преснякова, Шахматов развил их и уже критиковал коллегу за несовершенство некоторых выводов.

Опережая возможный вопрос читателя, отмечу, что такое поведение Шахматова не новость для научного мира того времени. Не случайно, что большинство трудов, закладывающих новые теории, обычно не слишком переполнены ссылками и не всегда раскрывают публике «кухню» появления высказанных там идей. К примеру, в «Происхождении видов» Чарльз Дарвин предстает в образе первооткрывателя-новатора, при том, что его давно и обоснованно подозревают если и не в прямом плагиате, то в не вполне «честной игре»⁹⁶⁷.

Таким образом, специфическая манера работы и риторика Шахматова повлияли на формирование образа ученого – пионера в «действительно научном» изучении летописания. Иллюзия разрыва с предшествующей традицией, которая сформирована текстами Шахматова, была воспринята всерьез и повлекла за собой реальный разрыв в историографии.

Томас Кун отмечал, что новые теории утверждаются вместе с новым поколением ученых, а старые отмирают по мере физического исчезновения старого поколения⁹⁶⁸. «Биологический» фактор играл в пользу Шахматова. По замечанию Вовиной-Лебедевой, большинство критиков Шахматова конца XIX – первой четверти XX века были людьми старой выучки⁹⁶⁹. Это были люди одного с ним поколения, часто его ровесники.

В то же время Шахматов имел несомненный успех среди молодых исследователей. Есть все основания полагать, что авторитет Шахматова у первого поколения его последователей питался личными впе-

⁹⁶⁶ Чирков С. В. А. Шахматов и А. Е. Пресняков (по материалам архива А. Е. Преснякова) // Исторические записки. Т. 88. – М., 1971. – С. 386.

⁹⁶⁷ Как можно понять, Дарвин вообще имел скверный характер и, вероятно, сознательно шел на умалчивание о предшественниках, в частности, об Альфреде Расселе Уоллесе, создавшем подобную дарвиновской теории несколькими годами ранее. Schwartz J. Charles Darwin's Debt to Malthus and Edward Blyth // Journal of the History of Biology. Vol. 7, No 2, 1974. Pp. 301–318; Bergman J. The Dark Side of Charles Darwin: A Critical Analysis of an Icon of Science. Master Books, 2011. P. 11–12, 14, 139–162.

К чести Шахматова, современники единодушно считали его добрейшей души человеком. Посему подозревать его в злом умысле нет оснований. Но результат оказался аналогичным.

⁹⁶⁸ Кун Т. Структура научных революций. – С. 197–198.

⁹⁶⁹ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. – С. 299–300.

чатлениями от общения с ним. Не только научные качества, но и открытость, щедрая разносторонняя поддержка с его стороны (в т. ч. продвижение текстов, содержащих прямую критику в его адрес) подкупала молодых людей. Многие знакомые и коллеги в один голос отмечали чрезвычайную харизматичность Шахматова⁹⁷⁰, его «обаяние» и воздействие на собеседника или слушателя. В частности, для Преснякова Шахматов — образец «нравственной силы», добрый товарищ, помогавший всем без отказа, человек, который был «мил, как всегда»⁹⁷¹. А. И. Лященко сознавался: «не соглашаясь с некоторыми из выводов А. А. Шахматова, я все-таки должен не в первый раз повторить, что он был не только великий ученый, но и замечательный человек, общение с которым доставляло каждому много радостей»⁹⁷².

Своими человеческими качествами Шахматов приобрел немалый символический капитал. Он помогал с публикациями, материально поддерживал молодых (и провинциальных — например, В. А. Пархоменко⁹⁷³ и Е. Ю. Перфецкого⁹⁷⁴) исследователей. Шахматов был едва ли не единственным представителем столичной, академической, науки, с кем можно было легко установить контакт и получить реальную бескорыстную помощь. Многие молодые ученые были благодарны ему, и эта благодарность влияла на отношение к его научным построениям.

Ранняя смерть ученого, который жил последние годы в нужде, была воспринята как невосполнимая утрата. Она стала символом конца «старой доброй» дореволюционной науки. В 1922 году увидел свет сборник ИОРЯС за 1920 год, собравший многочисленные воспоминания и отклики о Шахматове. Грустный повод, когда об ученом можно было писать только *aut bene aut nihil*, задал панегирический тон текстам целой плеяды коллег покойного. Более того, сборник памяти Шахматова стал своего рода некрологом всей «старой» науке.

⁹⁷⁰ Обнорский С. П. Памяти академика А. А. Шахматова // ИОРЯС 1920. Т. 25. — 1922. — С. 474–475; Соколов Б. Памяти академика А. А. Шахматова. — С. 407–408; Виноградов В. В. Алексей Александрович Шахматов. — С. 5–6. Также см.: К 150-летию академика А. А. Шахматова (1864–1920). Ч. 3. «Руководящая социальная личность» / <http://www.ganar.spb.ru/rus/vystavki/id/564/>; Басаргина Е. Ю. А. А. Шахматов и академические комиссии по вопросам печати / <http://www.ganar.spb.ru/files/visual/shakhmatov5.pdf>

⁹⁷¹ Пресняков А. Е. Письма и дневники 1889–1927. — СПб., 2005. — С. 491, 520.

⁹⁷² Лященко А. И. Летописное сказание о мести Ольги древлянам (по поводу статьи проф. А. Брюкнера) // ИОРЯС. Т. 2. Кн. 1. — Л., 1929. — С. 335.

⁹⁷³ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. — С. 311–318; Портнов А. Історії істориків. Обличчя й образи української історіографії XX ст. — К., 2011. — С. 49–50.

⁹⁷⁴ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. — С. 340–342.

Это привело к созданию преувеличенно положительного образа Шахматова, что, в свою очередь, повлияло на все дальнейшие опыты осмысления его научного наследия. Под действием весьма понятных чувств большинства авторов «предположения» Шахматова провозглашались «выводами», интуиция — научной строгостью, его подходы и схемы — эпохально новаторскими и «истинными»⁹⁷⁵. «Когда А. А. Шахматовым был указан истинный путь изучения истории нашего летописания, кажутся до изумительности странными все прежние подходы к этому изучению, над которыми мучились довольно бесплодно для науки предшествующие исследователи», — писал Приселков⁹⁷⁶.

Добрую славу о себе часто удается оставить тем, кто вовремя уходит: из большого спорта, политики, жизни... Шахматову в этом смысле повезло: он умер раньше многих своих коллег и оппонентов (в 1920 году). Он не остался в «дооктябрьском периоде», застал начало советской эпохи, но избежал репрессий и опалы, которая в 1920–1930-х коснулась многих исследователей древнерусской письменности. Он не был репрессирован как Приселков, не стал жертвой различных «дел», не оказался в эмиграции. Очень быстро, еще в довоенное время Шахматов, один из немногих представителей «буржуазной науки», приобрел легитимность в советской академической среде⁹⁷⁷. По сути, Шахматов оказался той единственной фигурой, вокруг которой могло сплотиться изрядно поредевшее к концу 1930-х сообщество исследователей русского летописания. Именно с этим были связаны попытки «осовременить» и «освоить» Шахматова, как

975 Составление панегирического образа Шахматова облегчало еще и то обстоятельство, что незадолго до этого по такой же схеме был выстроен образ Ключевского — основателя «первой научной школы русской историографии», «создателя научной истории России» и вообще «замечательнейшего человека нашего времени». См.: Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. — С. 9–12. Вполне вероятно, что коллеги Ключевского и Шахматова, принадлежавшие к одной и той же академической среде, формировали память об этих знаковых ученых по единому принципу.

976 Приселков М. Д. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // ИОРЯС. Т. 25. 1920. — С. 131.

977 Показательна характеристика Шахматова в книге В. И. Буганова. Высказав поначалу ритуальные слова о «глубокой ошибочности» метода Шахматова (как буржуазного, лишенного классового подхода), автор большую часть главы о досоветской историографии посвятил именно ему. Здесь уже Буганов называет Шахматова «великим русским ученым», «вершиной», «Монбланом» дооктябрьского отечественного летописания, его метод — «блестящим» и хвалит «даже в тех случаях, когда Шахматов допускал ошибки». Шахматовым заканчивается обзор досоветского и начинается освещение советского периода историографии летописания.

Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. — С. 13–29.

можно теснее вплести его в новый историографический контекст⁹⁷⁸. Не исключено, что в пользу Шахматова сыграли также особенности его взглядов на историю летописания, например, принципиальный вопрос о происхождении летописи. Истрин считал, что первая летопись была присоединена к хронографу, составленному из материалов переводных византийских хроник. Т. е. русская историография непосредственно происходила от иностранной, византийской. Такая идея проигрывала на фоне советского «автохтонизма» (развившегося под влиянием сталинской доктрины «советского патриотизма»). В то же время автохтонистам было значительно легче отталкиваться от взглядов Шахматова на генезис летописания. Хотя ученый и писал о болгарском и греческом участии в создании древнейших исторических текстов Руси, он все же прямо не заявлял о вторичности летописания по отношению к тому или иному «иностранному» источнику⁹⁷⁹.

Благоговение перед Шахматовым передавалось из поколения в поколение во многом благодаря личным контактам. Продолжателями Шахматова оказались те ученые, которые знали его лично и находились под прямым впечатлением от него или/и пребывали под влиянием знакомых с ним старших коллег⁹⁸⁰. Будущие крупные летописеведы 1940–1950-х годов (например, Насонов⁹⁸¹ и Лихачев) получали образование в Петрограде в последние годы жизни или вскоре после смерти Шахматова. Там авторитет Шахматова был особен-

⁹⁷⁸ Ср. об исследователе новгородских летописей И. М. Троицком: Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. — С. 538.

⁹⁷⁹ Ср. фрагмент в первом томе «Истории русской литературы» 1941 г. (авторства В. Л. Комаровича), где обсуждался вопрос появления летописи в связи с учреждением киевской митрополии и обретением независимости русской Церковью. История русской литературы: В 10 т. Т. I. Литература XI — начала XIII века / Редкол. тома: А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. — М.; Л., 1941. — С. 259–260. Также ср. замечание Буганова об идеях Приселкова: «вызывает возражения тезис о несамостоятельном происхождении русского летописания, берущий начало из его ошибочной концепции «византиноцентризма». Буганов В. И. Русское летописание в советской историографии // Вопросы истории №12. — С. 154. О том же рассуждал И. У. Будовниц. См.: Будовниц И. У. Об исторических построениях М. Д. Приселкова // Исторические записки. Том 35. — М., 1950. — С. 199–231.

⁹⁸⁰ По воспоминаниям Зимина о своем учителе С. В. Бахрушине, «именно ему я и был обязан тем, что занялся отечественными древностями, и тем, что на всю жизнь полюбил А. А. Шахматова и его удивительную методику источниковедения». Хорошкевич А. Л. (сост.) Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. — С. 61. И это при том, что Бахрушин не принадлежал к активным «почитателям» Шахматова и относился к его концепциям с известной долей скепсиса.

⁹⁸¹ Ср. замечания Зимина о Насонове. Хорошкевич А. Л. (сост.) Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. — С. 71–72.

но силен. Общее представление о летописании они получали прежде всего из «Разысканий» и других работ ученого⁹⁸².

Можно считать, что основная роль в трансляции памяти о Шахматове принадлежала Приселкову — одному из старейших «свидетелей» Шахматова. Его учеником был Насонов, ведущий исследователь и издатель летописей в середине XX века. В том же петроградском/ленинградском ученом кругу взрастал Лихачев, рано воспринявший идеи Шахматова. Более независимые исследователи, такие как Н. Ф. Лавров или В. Л. Комарович, также прямо или опосредованно приобщались к шахматовскому наследию и подверстывали собственные исследования под стандарты знаменитого предшественника⁹⁸³.

Именно эти ученые заняли ведущие позиции в академических структурах, тогда как оппоненты Шахматова (скажем, Бугославский или Истрин) даже не имели учеников, способных развивать конкурентные подходы и концепции истории летописания. Создавалось единое коммуникативное пространство, в котором следование идеям Шахматова и их разработка были научно легитимны и поощряемы, а почитание памяти о нем служило важным инструментом (и одновременно — воплощением) поддержания цеховой идентичности.

Первые последователи Шахматова, Приселков и Пархоменко, в письмах к нему писали, что полностью зависят от него, полагаются на его работы как на фундамент, «настольную книгу», и, даже полемизируя, все равно исходят из его же «изысканий»⁹⁸⁴.

Еще не зная автора близко (ведь письма принадлежат к периоду становления Приселкова и Пархоменко как ученых), они уже находились под огромным впечатлением от его работ. Исследования Шахматова, должно быть, содержали приманку, которая подталкивала, особенно молодых, только формирующихся, ученых, следовать его взглядам.

Кратко излагая шахматовскую схему происхождения индоевропейцев, славян и русского народа, Филин так описывал ее академиче-

⁹⁸² Вовина-Лебедева заметила, что несколько поколений московских ученых первой половины XX в. (А. И. Яковлев, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин) не воспринимали методы и концепции Шахматова как нечто совершенно новое, но подчеркивали его связь с предшествующей историографией. Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. — С. 819–820. Московское и ленинградское «предания» об историографии летописания иначе вписывали Шахматова в ее историю.

⁹⁸³ О личных связях, карьерных судьбах и взглядах этих наследников Шахматова в изучении летописей детально изложено в: Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. — С. 427–497, 545–584, 680–735.

⁹⁸⁴ Там же. — С. 307–314.

скую судьбу: «Смелая и всеобъемлющая концепция А. А. Шахматова уже при его жизни вызвала много возражений, но научный авторитет ее создателя был настолько высок, что в вузовском преподавании она безраздельно господствовала в течении многих лет. Такой успех был обусловлен и тем, что критики А. А. Шахматова не могли противопоставить этой гипотезе свои концепции, которые бы сумели равноценно заменить ее»⁹⁸⁵.

Почти то же самое можно сказать и об истории летописания. Построения оппонентов и предшественников Шахматова были или слишком отрывочными, или слишком всеобъемлющими. Первое не обеспечивало пользователю фундамента для дальнейших исследований, а второе не давало пространства для собственных находок. Концепции Шахматова были одновременно и всеобъемлющими, и не вполне исчерпывающими.

Шахматов стремился дать общую картину того или иного явления, будь то древнерусский язык или летописание. «Сплошной анализ и сплошное обобщение»⁹⁸⁶, которые обеспечивались широким знанием материала, создавали эффект «энциклопедичности». Огромное количество примеров и деталей, приведенных в его работах, будто иллюстрировало заявления автора о «точности» и «научности» по сравнению с трудами предшественников, которые ограничивались более общими утверждениями (хотя и основанными на анализе тех же самых деталей)⁹⁸⁷. Человеку, не желавшему углубляться в тонкости источниковедческого анализа, построения Шахматова (точнее, их упрощенные варианты) казались достаточно подробными и общими. Их было удобно использовать в исследованиях по самым разнообразным вопросам древнерусской истории⁹⁸⁸. По словам Вовиной-Лебедевой, «работы Шахматова вызывали уважение и даже преклоне-

⁹⁸⁵ Филин Ф. П. Проблемы славянского этногенеза в трудах А. А. Шахматова. — С. 200.

⁹⁸⁶ Лихачев Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания // А. А. Шахматов 1864–1920. — С. 267–268.

⁹⁸⁷ Кстати, детальность исследования Бестужева-Рюмина дала повод Филевичу тоже считать его книгу более солидной, чем все предыдущие: «благодаря этому (книге Бестужева-Рюмина – В. А.) наши взгляды на древнее летописание основываются не на предположениях, а на точных данных». Филевич И. История Древней Руси. — С. 356.

⁹⁸⁸ Ср. (впрочем, довольно резкие) рассуждения А. А. Зимина о Б. Д. Грекове: «так как он не имел ни малейшего представления об источниковедении, то с источниками XI–XVI вв. он обращался как варвар, хотя и крестился на Шахматова, когда в том у него возникала необходимость». Хорошкевич А. Л. (сост.) Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. — С. 42.

Можно привести примеры и из современных работ: Стефанович П. С. Древлянская дань киевским князьям // По любви, въ правду, и безо всякие хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. Сборник статей. М., 2014. — С. 20–33; Сте-

ние, часто не сопровождающиеся их подробным разбором и обдумыванием, так как давали в результате эту четкость реконструкции источников»⁹⁸⁹.

В свое время Истрин тонко подметил взаимозависимость положений в шахматовских схемах летописания: «А. А. Шахматов дал своеобразную картину сложения и истории русского летописания, в которой один вывод неминуемо следует за другим. Кто признает существование „Древнейшего свода“ в таком именно виде, в каком его рисует автор, и кто согласится с ним во взгляде на происхождение и характер Новгородской I летописи, тот должен будет признавать и существование „Начального свода“, хотя бы и не соглашался с ним в некоторых частностях как относительно времени его составления (1095 г.), так и относительно способа»⁹⁹⁰.

И все же Шахматов не сводил все в единую строгую концепцию, а скорее давал набор взаимосвязанных концепций, которые перетекали друг в друга и опирались на ряд общих положений, развитых на единой методологической основе. Эта незавершенность побуждала читателя к «додумыванию», таким образом, предоставляя пространство для собственных суждений, но только в предуготованных рамках⁹⁹¹. Поскольку Шахматов наглядно, пошагово демонстрировал как нужно обращаться с материалом, его последователю только и оставалось, как в спорте, ловко скопировать движения тренера.

Вместе с тем, в работах Шахматова было так много сложно переплетенных догадок, фактов и наблюдений, что легче было принять основные положения на веру, нежели разбираться во всех тонкостях его аргументов. Проще было создать для себя «облегченную версию», чем воссоздать во всей полноте хитросплетения шахматовских представлений. В конце концов, легче было начать спор о деталях, пересмотреть отдельные гипотезы, нежели систему в целом.

Истрин вспоминал: «всех поражала новизна постановки самого способа исследования русского летописания, все удивлялись остроумным комбинациям и заключениям автора по ряду интереснейших вопросов в области летописания, но все взгляды автора или прини-

фанович П. С. Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // Новгородский исторический сборник. Вып. 12 (22). СПб., 2010. С. 5–35.

⁹⁸⁹ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. — С. 821–822.

⁹⁹⁰ Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (начало) // ИОРЯС. — 1921. Том XXVI. — Пг., 1923. — С. 80.

⁹⁹¹ Ср. наблюдение Энтони Графтона о том, что незавершенность второй части *Prolegomena ad Homerum* подкрепила успех идей Вольфа в классической филологии. Wolf F. A., Grafton A. *Prolegomena to Homer*, 1795. P. 35.

мались на веру или, в крайнем случае, сопровождалась замечаниям в роде того, какое сделал А. Е. Пресняков...» («всегда будет значительным элемент выводов гипотетических...»)»⁹⁹². Ключевые слова – «принимались на веру». Главное не то, какой статус присваивали коллеги построениям Шахматова (статус твердых выводов или произвольных предположений), а то, использовали ли они их в собственных исследованиях.

При жизни Шахматова «защиту» от критики обеспечивало то, что его исследования, как казалось, никогда не останутся на достигнутых выводах. В одном из писем к Шахматову конца 1890-х годов Истрин упрекал его за то, что у него есть «странная манера в апреле отказываться от того, что сказано в марте», ведь это «представляет большую трудность как для усвоения, так, в особенности, для критических замечаний»⁹⁹³. Позднее, после смерти Шахматова Истрин писал: «появлявшиеся одна за другой статьи автора по вопросам летописания приучили исследователей к мысли, что взгляды автора еще не установились окончательно, что процесс его творчества еще продолжается, и что каждая следующая статья будет вносить новые данные в прежние положения»⁹⁹⁴. Кроме того, «обнаруживаемое Шахматовым изумительное знание летописного материала и необыкновенное его умение владеть им невольно удерживали многих от попыток подвергнуть подробному разбору его исследования»⁹⁹⁵.

Эти слова хорошо дополняют обзоры шахматовских статей М. С. Грушевского. В одном из них (по поводу первой специальной статьи о Начальном своде) историк писал: «пока автор не развил перед нами целой своей теории о генезисе нашего летописания, было бы преждевременно ее оценивать или критиковать»⁹⁹⁶. Та

⁹⁹² Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (начало) // ИОРЯС – 1921. Том XXVI. – Петроград, 1923. – С. 47.

⁹⁹³ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей. – С. 280.

⁹⁹⁴ Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (начало) // ИОРЯС – 1921. Том XXVI. – Петроград, 1923. – С. 47.

⁹⁹⁵ Там же. – С. 48.

⁹⁹⁶ Грушевський М. С. [Рец]: А. А. Шахматов О Начальном Киевском летописном своде I-III, Москва, 1897, ст. 58; А. А. Шахматов Киево-Печерский Патерик и Печерская летопись (ИОРЯС, 1897, Кн. 3); А. А. Шахматов Житие Антония и Печерская летопись (ЖМНП, 1898, III); Ščerkin E. Zur Nestorfrage (Archiv fuer Slavische Philologie, 1897, T. XIX, S. 498–554); А. А. Шахматов – Отзыв о сочинении: E. Ščerkin Zur Nestorfrage (ИОРЯС, 1898, I, С. 116–130); Н. И. Петров – Подлинность поучений преп. Феодосия Печерского о питии и чашах тропарных и о казнях божих (ib. 1897, III, С. 783–5); Д. И. Абрамович – К вопросу об источниках Несторова Жития преподобного Феодосия Печерского (ib. 1898, I, С. 243–6); Д. И. Абрамович – Несколько слов в дополнение к исследованию А. А. Шахматова «Киево-Печерский Патерик» (ib. 1898, I, С. 243–6); Д. И. Абрамович – Несколько слов в дополнение к исследованию А. А. Шахматова «Киево-Печерская летопись» (ib. 1898, I, С. 243–6).

же мысль прослеживается и в других его обзорах⁹⁹⁷. Истрин предостерегал Шахматова, что из-за фрагментарности и нестойкости выводов «можно опасаться, что долгое время Ваши выводы не войдут в достояние науки»⁹⁹⁸. Как оказалось, наоборот — это была одна из причин успеха.

Обилие гипотез и догадок, незавершенность и даже внутренняя противоречивость⁹⁹⁹ текстов Шахматова давали возможность найти в них материал для разных, часто конкурентных, построений исследователей. Несмотря на взаимосвязь шахматовских утверждений, они были достаточно самостоятельны, чтобы их можно было разрабатывать по отдельности. Сохраняя основу шахматовской схемы (схем), можно было редуцировать одни ее звенья и развивать другие.

Даже ближайший последователь ученого Приселков выстраивая свое видение истории летописания на основе шахматовского, модифицировал определенные его положения и добавил свои идеи¹⁰⁰⁰. Это дало возможность критиковать Приселкова, сравнивая с тем же Шахматовым. Урок таков: не выходя за границы шахматовских идей, можно было создавать новые идеи и вести научную дискуссию.

В этом плане Шахматов напоминает «основателей дискурсивности» Мишеля Фуко. Такие люди «являются авторами не только своих произведений, своих книг. Они создали нечто большее: возможность и правило формирования других текстов»¹⁰⁰¹; «они сделали возможным не только какое-то число аналогий, они сделали одинаково возможным и некоторое число отличий»¹⁰⁰².

черский Патерик и Печерская летопись» (ib. 1898, II, С. 536–40) // ЗНТШ. Т. 25. — Львів, 1898. — С. 9.

⁹⁹⁷ Грушевський М. С. [Рец]: Шахматов А. А. Исходная точка летосчисления «Повести временных лет» (ЖМНП, 1897, III, С. 217–222); Хронология древнейших русских летописных сводов (ibid. 1897, IV, 463–482) // ЗНТШ. Т. 21. — Львів, 1898. — С. 6–7; Грушевський М. С. [Рец]: А. А. Шахматов — Начальный летописный свод и его источники (Юбилейный сборник В. Ф. Миллера, 1900, ст. 1–9, 4) // ЗНТШ. Т. 11. Кн. 2. — Львів, 1901. — С. 3.

⁹⁹⁸ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей. — С. 280.

⁹⁹⁹ Разбирая положение Шахматова о третьей редакции ПВЛ, Л. Мюллер отмечал крайнюю запутанность и непоследовательность аргументации. В частности, по поводу одной из несуразностей (вопрос о принадлежности «Поучения» Мономаха к третьей редакции) он писал: «я могу объяснить для себя эти противоречия не иначе, как тем, что А. А. Шахматов сам не ориентировался более в им же самим возвращенных дебрях гипотез». Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. — С. 176.

¹⁰⁰⁰ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. — Л., 1940. — С. 44–45.

¹⁰⁰¹ Фуко М. Что такое автор? // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. — М., 1996. — С. 31.

¹⁰⁰² Там же. — С. 32.

3.3. Культ Шахматова и начала традиции

Есть пророки в отечестве своем. Современники часто не способны или не желают принять их учение, но впоследствии оно овладевает умами. Пророк дает людям новое, комфортное для жизни, мировоззрение.

С раннего детства пророк отличается от других, и уже тогда окружающие понимают, что перед ними необычное существо. Еще ребенок, он поражает известных мудрецов и выигрывает в спорах с учнейшими мужами.

Пророк получает откровение. Ему не нужно объяснять, откуда он взял ту или иную мысль. Он сам – источник мыслей. Пусть его проповеди вырастают из сказанного до него. И пусть на самом деле он – лишь один из многих. Это уже не важно, ведь он – начало традиции.

Пророк изрекает истину. Правда, его высказывания часто противоречивы, а иногда могут показаться вообще ошибочными или устаревшими. Но тогда их переведут в разряд притч, не нуждающихся в буквальном прочтении.

Пророк излучает благодать. Ей будут завидовать не менее остроумные, но лишенные харизмы, мудрецы. Она будет привлекать толпы поклонников. У пророка появятся ученики, апостолы. Некоторые из них придут поздно, даже не успев застать его в живых. Но они могут оказаться самыми рьяными проповедниками его слова.

Не все последователи учения будут исповедовать его одинаково. Возникнут различные течения, отклоняющиеся от предания или исправляющие его. Новые лидеры будут бороться за усовершенствование веры или за возвращение к истокам. Некоторым будет казаться, что они уже далеко ушли от древнего пророка. Но они все равно будут пребывать в поле его влияния.

Когда его учение широко примут, споривших с ним осудят, а в их правде не будут разбираться, напишут житие пророка, и неприглядные страницы в деяниях общины забудут. Реальный ход становления культа не будет интересен. История подрывает веру.

Религиозное сообщество – всего лишь метафора. Она несколько дерзкая, но вполне естественная. Интеллектуальные сообщества – такое же социальное явление. Нарочито секулярный статус научной деятельности скрывает многие черты, сближающие поведение ученых и поведение последователей религиозных культов. Во всяком случае, полезно попробовать «прочитать» некоторые эпизоды становления шахматовской традиции в, так сказать, агиографическом ключе.

Уверенности мне придает то, что уже современники Шахматова описывали следование Шахматову в религиозных категориях. По словам В. З. Завитневича, основу приемов Приселкова «следует искать в [...] труде академика Шахматова, пред „результатами“ которого наш автор благоговейно преклоняется»¹⁰⁰³; «они для него своего рода евангелие, от буквы которого он отступить не смеет»¹⁰⁰⁴. Примечательно также, что в своих воспоминаниях Зимин (в т. ч. говоря о рецепции Шахматова) воспользовался именно религиозной метафорикой для описания сообщества историков¹⁰⁰⁵. Наконец, следует напомнить, что Пол (Пауль) Фейерабенд называл науку «наиболее современным, наиболее агрессивным и наиболее догматическим религиозным институтом»¹⁰⁰⁶. Можно не соглашаться со скандальным определением философа, но извлечь выгоду из самого подхода — сравнения научной практики с религиозной — вполне допустимо.

Завоевание Шахматовым авторитета в летописеведении теснейшим образом связано с формированием его культа. Как и положено, черты святого начали различать в нем уже при жизни. Приведу показательный случай. В 1911 году Шахматов помог молодому Перфецкому, отправленному в ссылку по политическому обвинению. Отец юноши послал ученому благодарственное письмо, в котором написал: «мы видим у Вас что-то божественное, что-то святое — нет сил, нет слова выразить наши чувства, нашу благодарность за Вашу помощь»¹⁰⁰⁷. Отец Перфецкого был сельским священником, и его стиль понятен. Но, надо думать, он только прямо высказал то, что подразумевали и чувствовали многие.

Как следует из многочисленных воспоминаний и отзывов, всегда благожелательный тон Шахматова и готовность помочь на фоне его положения и реального веса в «высоких кругах» вызывали чувства глубокой симпатии и даже привязанности у тех, кому он помогал. Трудно сказать, была ли в этом доля осознанной стратегии Шахматова, но его «благочестивое» поведение конвертировалось в посмерт-

¹⁰⁰³ Завитневич В. З. [Рец.] Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб. 1913. // Труды Киевской Духовной академии. 1914 г. Апрель. — К., 1914. — С. 629.

¹⁰⁰⁴ Там же. — С. 636.

¹⁰⁰⁵ Хорошкевич А. Л. (сост.) Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. — С. 39 (директор института истории как «первосвященник» в «храме науки»), 42 (Б. Д. Греков «крестился на Шахматова»), 329 («Слово [о полку Игореве] — не символ веры») и др.

¹⁰⁰⁶ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 146. Далее автор специально рассуждает о близости науки к мифу и религии. С. 450–466.

¹⁰⁰⁷ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей. — С. 340–341.

ное почитание. Отношение к Шахматову как святому отразилось уже в первых реакциях коллег на известие о его смерти. К примеру, в письме Истрину от 6 сентября 1920 г. Перетц писал: «Как безжалостна наша жизнь, наше время, как безумно расточительно оно, давая гибнуть таким ученым! ... И таким праведникам (подчеркнуто автором. — В. А.). Не потому говорю так, что был близок к покойному и любил его, а потому, что вряд ли кто-ниб[удь] встречал другого, кого можно было бы назвать более этим словом. Я всегда бесконечно изумлялся его удивительному дару делать жизнь всем, кто с ним соприкасался — легче. И едва ли у него были враги — а это в нашей юдоли великое чудо»¹⁰⁰⁸.

В 25-м сборнике ИОРЯС (1922) «некрологические» статьи о Шахматове были преисполнены агиографического духа. В них описывалась благочестивая жизнь и научные чудеса покойного. Рано потерявший родителей мальчик с ранних лет проявлял удивительные способности и добился карьерных успехов. При этом он не забывал о страждущих, помогая каждому просящему, и подвижнически отдавался благородному труду¹⁰⁰⁹ — «крупнейший ученый и гуманнейший человек»¹⁰¹⁰.

По словам Ю. В. Готье, Шахматов — «большое и блестящее солнце», «Колумб», открывший неизвестные страницы истории¹⁰¹¹. Чисто научные, казалось бы, занятия Шахматова предстают в статьях сборника как эзотерическая практика: «силой научной дивинации вызываемая из мглы веков образы летописцев, Шахматов всецело входил в их мир, проникался их интересами, разделял их надежды и опасения [...] в фактах языка Шахматов прозревал душу народа»¹⁰¹².

Как и подобает святому, «это был человек удивительной скромности, удивительной доброты и сердечности», «излучался доброю и мягкостью»¹⁰¹³. Отмечалась его необыкновенная «притягательная сила», которая влекла к нему молодежь¹⁰¹⁴. А. О. Круглый называл по-

¹⁰⁰⁸ См.: Робинсон М. А. Академик А. А. Шахматов: последние годы жизни (к биографии ученого) // Славянский альманах 1999. М., 2000. С. 200–201.

¹⁰⁰⁹ Приселков М. Д. Памяти А. А. Шахматова. — С. 91–92; Ольденбург С. А. А. Шахматов как человек и деятель. — С. 62–63; Лавров П. Первые годы научной деятельности А. А. Шахматова. — С. 44–58, 60.

¹⁰¹⁰ Лавров П. Первые годы научной деятельности А. А. Шахматова. — С. 60.

¹⁰¹¹ Готье Ю. Шахматов — историк. — С. 270, 281.

¹⁰¹² Сакулин П. Научно-общественная деятельность А. А. Шахматова. — С. 308.

¹⁰¹³ Обнорский С. П. Памяти академика А. А. Шахматова. — С. 473–474.

¹⁰¹⁴ Голанов И. Воспоминания о курсах и практических занятиях А. А. Шахматова в Петербургском университете в 1913–1914 уч. году. — С. 329.

койного гением с истинно христианской душой и великим сердцем¹⁰¹⁵. Он также писал: «в отношении ко всем людям А. А. был всепрощающим; я никогда не слышал от него слова, сказанного в осуждение кого-либо [...] ни в одном, кажется, человеке так чудно и так полно не сочетались и не претворились наука и человечность»¹⁰¹⁶, легко заметить христологическую аллюзию (догмат о двух природах Иисуса Христа¹⁰¹⁷).

Образ праведника и мученика создал в своей так и не напечатанной статье о Шахматове А. А. Грушка: «почивший Алексей Александрович был не только великим ученым, но и воистину лучезарной моральной личностью, с дивным совершенством воплощавшей в себе тот тип русского праведника, который так проникновенно умели изображать Достоевский и Лесков [...] да будет вечный позор тем, кто не сумел сохранить для России Шахматова, тем, кто замучил его голодом, холодом и непосильным трудом чернорабочего»¹⁰¹⁸.

В своих воспоминаниях Приселков изображал Шахматова небожителем, также откровенно привлекая библейские мотивы: «путь его шел по тем горным дорогам, которые не доступны обычным переходам [...] никому из нас не удалось подняться или приблизиться к нему. Да, он высоко стоял над всеми нами, так высоко, что даже пороки наши — наша зависть и злоба — не могли дотянуться до него — бесспорного по гениальности исследователя, великого подвижника науки, удивительного и прекрасного человека. К кому же, как не к нему, могли бы быть отнесены слова Писания: „подвигом добрым потрудился“»¹⁰¹⁹.

Раздавались и другие восторженные возгласы: «Так прекрасна была душа Алексея Александровича, так одухотворена была она светом вечной немерцающей Правды!»¹⁰²⁰.

¹⁰¹⁵ Круглый А. Воспоминание об А. А. Шахматове, как директоре 1-го отделения Библиотеки Российской Академии наук. — С. 247.

¹⁰¹⁶ Там же. — С. 252.

¹⁰¹⁷ Здесь божественная природа заменена научной.

¹⁰¹⁸ Этот текст не был опубликован в 25-м сборнике ИОРЯС из-за имевшихся в нем упреков советской власти («тем, кто замучил»). Басаргина Е. Ю. «Жизнь и смерть А. А. Шахматова»: слово профессора А. А. Грушки на заседании памяти А. А. Шахматова в 1921 г. (публикация, предисловие и примечания Е. Ю. Басаргиной) // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015. — С. 36.

¹⁰¹⁹ Приселков М. Д. Памяти А. А. Шахматова. — С. 92–93.

¹⁰²⁰ Расторгуев П. К характеристике личности А. А. Шахматова. — С. 318–319.

В том же духе была выдержана вышедшая в том же 1922 году книга В. В. Виноградова о Шахматове¹⁰²¹. Автор надеялся «составить хоть бледное и грубое [...] представление о величии научного подвига А. А.»¹⁰²².

Эти публикации были началом посмертной канонизации Шахматова. Следующим шагом в этом направлении стало биографическое издание 1930 года. Названное составителями символично «краткая летопись», оно содержало т. н. «биографическую канву», погодное изложение главных вех жизни и творчества ученого. В предисловии указывалось, что «эта летопись может послужить лишь ориентирующим материалом для будущего биографа А. А. Шахматова»¹⁰²³. Как написал бы настоящий летописец, «а о его житьи паки скажем».

Итак, на протяжении первого десятилетия после смерти Шахматова возникла серия квазижитийных текстов. Вложенная в их создание эмоциональная энергия не могла не повлиять на особенности рецепции летописеведческих трудов ученого. В деятельности по увековечиванию памяти возникало ощущение причастности, формировалась особая идентичность и культ.

Святость доказывается и реализуется не только в прижизненных подвигах, но и в посмертных чудесах. Именно такими чудесами стали издания: «Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI веков» (1938) и «Повесть временных лет и ее источники» в четвертом томе ТОДРЛ (1940). Публикация этих уцелевших и спасенных для науки работ актуализировала Шахматова. Его деяния продолжались и после смерти. В дополнение к этому в 1940 году вышла «История русского летописания» Приселкова¹⁰²⁴, дававшая систематическое изложение предмета целиком «по Шахматову». Этот курс вошел в учебную программу Ленинградского университета¹⁰²⁵. Таким образом, на нормативной основе студентам прививались шахматовские (адаптированные Приселковым) взгляды на историю летописания.

Одним из первых, кто ощутил на себе культ Шахматова «в действии», стал М. Н. Тихомиров. В 1927 году он подготовил описание недавно найденного Уваровского списка т. н. «Московского летопис-

¹⁰²¹ Виноградов В. В. Алексей Александрович Шахматов. — СПб., 1922. Правда, она касалась преимущественно лингвистических исследований ученого.

¹⁰²² Там же. — Предисловие.

¹⁰²³ Алексей Александрович Шахматов 1864–1920. — Л., 1930. — С. 2–3.

¹⁰²⁴ Первый вариант книги был написан еще в 1920-х гг., но после ареста автора в 1930 г. пропал. В 1936–1940 гг. Приселков написал книгу заново. См.: Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. — С. 322.

¹⁰²⁵ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. — С. 322.

ного свода конца XV века». Подход и терминология Тихомирова несколько отличались от шахматовских. Но главное, он принял во внимание не все работы Шахматова, где тот касался московского летописания. Отзыв на исследование Тихомирова написал Приселков, причем такой, что статью не пустили в печать¹⁰²⁶.

В ярко негативном отзыве Приселкова интересна прежде всего риторика, отражающая отношение к Шахматову и к тем, кто им пренебрегает. В частности, читаем: «дело изучения наших летописных сводов всею плодотворностью достигнутых результатов обязано трудам покойного акад[емика] А. А. Шахматова: он первый указал на правильный метод изучения сводов [...] Заслуги А. А. Шахматова здесь столь огромны, а выводы его [...] столь поучительны, что, казалось бы, всякому начинающему трудиться над тем же материалом, необходимо прежде всего изучить весь ход ученой работы А. А. в его постепенном плодотворном движении»¹⁰²⁷. Шахматов предстает гигантом и корифеем, в методе которого нельзя сомневаться. Провинившимся в недостаточном почтении дают по рукам.

Столкнуться с охранительным отношением к Шахматову пришлось также Бугославскому. Благодаря архивным разысканиям Ю. А. Артамонова стали известны интересные обстоятельства дискуссии вокруг текста его исследования ПВЛ¹⁰²⁸. Она происходила в Отделе древней русской литературы и литературы XVIII века Института мировой литературы в Ленинграде. Весной 1939 года Бугославский подал подготовленный текст ПВЛ и вступление к нему на рецензию М. Н. Тихомирову и С. К. Шамбинаго. Замечания коснулись в основном вступления, где автор излагал свои взгляды на методы исследования и историографию летописания. Тихомиров рекомендовал «опустить обстоятельную критику построений и научных методов А. А. Шахматова, поскольку она «без достаточной документальной аргументации мало убедительна и может быть принята за недооценку работ крупнейшего исследователя русского летописания»¹⁰²⁹. Как видим, уроки Приселкова сделали свое дело¹⁰³⁰. Шамбинаго тре-

¹⁰²⁶ Детальный разбор ситуации см. в: Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. – С. 827–833.

¹⁰²⁷ Отзыв М. Д. Приселкова на Описание летописца ГИМ, Собр. Уварова, № 1366 // Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. – СПб., 1996. – С. 305–306.

¹⁰²⁸ Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 1: Повесть временных лет [Сост. Ю. А. Артамонов]. – М., 2006. – С. 21–24.

¹⁰²⁹ Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 1. С. 23.

¹⁰³⁰ Точно не известно, был ли известен Тихомирову отзыв Приселкова (Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. – С. 828). Но даже если и не был, то атмосфера явно способствовала бережному обращению с наследием Шахматова.

бовал «выкинуть всю критико-полемическую часть». В результате от объемистого текста осталась относительно небольшая статья¹⁰³¹.

Бугославский учел замечания и в дальнейшем действовал осторожнее. На защите докторской диссертации 16 января 1940 года он обосновывал актуальность своего исследования борисоглебских текстов ссылкой на Шахматова. По его словам, Шахматов включил литературные памятники о Борисе и Глебе «в свою смелую, поразившую научный мир концепцию древнейшего русского летописания»¹⁰³². Защита прошла успешно.

Как это часто бывает, изначальное содержание культа со временем вытесняется другим. Святой получает новую функцию в соответствии с изменяющимися запросами общества. Так произошло и с Шахматовым. На протяжении 1920–1950-х годов можно наблюдать две формы его культа.

Для научной среды 1920-х Шахматов был олицетворением безвременно ушедшей эпохи. Его светлый образ согревал в условиях крушения былой академической системы, когда ученые дореволюционных поколений оказались на грани выживания и поддавались ostracism со стороны новых «марксистских историков» (в частности, из пресловутой «школы Покровского»). Это был неофициальный, внутренне цеховой, «ностальгический» культ. Манифестами этой формы культа стали посвященные Шахматову публикации 1920–1930 годов. Последней в их ряду была биографическая брошюра («краткая летопись») 1930 года. Случай Шахматова не уникален. Общая ностальгия по «старой науке» выражалась в возникновении других, и не менее значимых, культов. Одним из таковых был культ В. О. Ключевского, начавший складываться сразу после смерти ученого в 1911 г. и воплотившийся в серии некрологов. Но именно 1920-е гг. породили наибольший объем похвальных текстов. Формальными поводами для их появления были десятилетие ухода Ключевского из жизни в 1921 г., а также смерти его младших коллег (Н. А. Рожкова, М. М. Богословского). Однако «внутренним двигателем» сакрализации историка

В 1946 г., в докладе о Шахматове, Тихомиров высказывался вполне комплиментарно: «метод изучения летописных сводов, применяемый Шахматовым, по существу метод очень точный» (Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. — С. 834–836).

¹⁰³¹ Бугославский С. А. «Повесть временных лет» (списки, редакции, первоначальный текст) // Старинная русская повесть. Статьи и исследования [под ред. Н. К. Гудзия]. — М. — Л., 1941. — С. 7–37.

¹⁰³² Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 1. — С. 29.

были переживания академического сообщества над судьбой исторической науки в условиях власти большевиков. Как показала Н. В. Гришина, именно в «поминальном» и «юбилейном» комплексе текстов выковался тот образ Ключевского и его «школы», который надолго закрепился в историографии¹⁰³³.

В середине 1930-х произошло переосмысление роли Шахматова, что было связано с коренными «сталинскими» преобразованиями в советской науке. Реорганизация Академии наук превратила ее из автономного элитарного клуба в официальную институцию. Для исторических дисциплин это имело, как известно, серьезные последствия. Вместо подчеркнутого отмежевания от «старой», немарксистской, науки была признана некоторая преемственность¹⁰³⁴. Новая наука искала «национальные» корни. Произошла частичная реабилитация идей дореволюционной историографии¹⁰³⁵ и возвращение ранее репрессированных ученых (например, Е. В. Тарле или М. Д. Приселкова).

На волне этих изменений стала возможной публикация ряда важных работ «старых специалистов». Для летописеведения ключевым событием была публикация на протяжении двух лет (1938–1940) трех важнейших работ. В 1938 году увидело свет существовавшее только в черновиках «Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI веков» Шахматова. В 1940 году в четвертом томе ТОДРЛ была напечатана еще одна его неизданная работа – «Повесть временных лет и ее источники». Наконец, в том же 1940-м вышла из печати «История русского летописания XI–XV веков» Приселкова, основанная на трудах Шахматова. Это означало легитимизацию покойного исследователя в советской науке. Возникла новая редакция культа Шахматова, в рамках которой ученый предстал как «отец» и «корифей» летописеведения.

¹⁰³³ Гришина Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. – Челябинск, 2010. – С. 24–28, 141–154. Обзор ранней литературы о Ключевском см. в: Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. – С. 9–40.

¹⁰³⁴ Репрессии вчерашних триумфаторов – «красной профессуры» и «школы Покровского» – яркий показатель изменения курса «научной политики» в области истории.

¹⁰³⁵ Радикальный сдвиг в интерпретациях иллюстрирует «казус Шамиля» – возвращение к дореволюционным оценкам войны империи с горцами Дагестана. Это было частным случаем изменения отношения к «присоединению народов» Российским государством. Если для ранней советской историографии 1920-х гг., однозначно осуждавшей «царизм», это было злом, то в сталинскую эпоху политика российского центра по отношению присоединяемым соседям была провозглашена благом. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 588–598, 630.

Утверждение Шахматова в новом качестве тесно связано с тем, что происходило в академической среде в целом. В 1930-х годах ко старой российской науке начали обращаться как к фонду, в котором можно найти «основателя» той или иной дисциплины. Яркие примеры легко указать в естественных науках. Печально известный селекционер Т. Д. Лысенко объявлялся продолжателем дела И. В. Мичурина, одиозный физиолог К. М. Быков и его единомышленники – преемниками И. П. Павлова¹⁰³⁶. История едва ли не каждой отрасли знания выстраивалась по общей схеме – «гений и его продолжатели». Такая схема опиралась на вполне конкретный образец – «Сталин – продолжатель дела Ленина»¹⁰³⁷. Навязывание непререкаемого авторитета классиков марксизма как священного писания¹⁰³⁸ становилось образцом, по которому строилось отношение к трудам любых других «основоположников».

Следует заметить, что легитимность дореволюционной науки, и в том числе Шахматова, оказалась в 1948–1953 годах под угрозой из-за разгоревшейся тогда борьбы с «буржуазным объективизмом» и кампании против историков-«ленинградцев»¹⁰³⁹. Многочисленные «обсуждения» и разгромные статьи в эту пору были направлены, в частности, на отрицание преемственности между советской и «буржуазной» исторической наукой. Именно с этим пересмотром старой историографии связано появление статьи В. Т. Пашуто, где резко осуждался Шахматов¹⁰⁴⁰. Впрочем, идеологическая кампания закончилась вскоре после смерти И. В. Сталина и на внутреннюю дисциплинарную жизнь летописцев существенного влияния не оказала. «Присвоение Шахматова» советской наукой состоялось.

«Сталинская редакция» культа Шахматова ярко проявилась в работах его главного апологета в послевоенное время – Д. С. Лихачева. Он изображал Шахматова основателем традиции «научного» исследования летописей, титаном, стоявшим значительно выше как пред-

¹⁰³⁶ Популярное изложение этих сюжетов см.: Шноль С. Э. Герои и злодеи российской науки. М., 1997. – С. 77–103, 245–259, 290–293.

¹⁰³⁷ Именно так называлась статья В. М. Молотова 1939 г., посвященная 60-летию И. В. Сталина

¹⁰³⁸ Дубровский А. М. Историк и власть. С. 132–133.

¹⁰³⁹ Шаханов А. Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна // История и историки. 2004. М., 2005. – С. 188–207; Панеях В. М. Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 году // Вопросы истории. № 10. М., 1993. С. 19–27.

¹⁰⁴⁰ Пашуто В. Т. Шахматов – буржуазный источниковед // Вопросы истории. № 2. – М., 1952. – С. 47–73.

шественников, так и современников-оппонентов¹⁰⁴¹. В статьях Лихачева создавался идеализированный образ Шахматова, составляющими которого были: пронизательные наблюдения, целостные концепции и «действительно научная» методология. За таким прочтением Шахматова крылась стратегия Лихачева по укреплению собственного авторитета в опоре на великого предшественника. «Метод Шахматова» в его работах напоминал тот, которого он придерживался сам¹⁰⁴². Принципы, за которые боролся Лихачев, он преподносил как «завоевания Шахматова»¹⁰⁴³. Так ученый конструировал классика, который легитимизировал бы его собственные текстологические построения.

К середине XX века сложился «канонический» тип исследования начального летописания, выполненный в шахматовской традиции. В качестве примера можно привести статью Насонова 1959 года¹⁰⁴⁴, отражающую манеру других аналогичных работ. Все они написаны по одному сценарию. Вначале следуют пассажи, подобные этому: «в основе изучения начальных этапов киевского летописания лежит признание открытого А. А. Шахматовым Начального свода конца XI в. [...], для восстановления которого исключительное значение имеет текст Новгородской 1-й летописи младшего извода. Это положение, обоснованное Шахматовым на систематическом изучении громадного материала, прочно вошло в науку»¹⁰⁴⁵. Итак, опора исследования — ключевые шахматовские тезисы о Начальном своде и более древних сводах, редакциях ПВЛ и о летописании как системе сводов вообще.

Далее может помещаться короткий историографический экскурс, заключающий в себе беглый очерк «атак» оппонентов Шахматова: Истрина, Бугославского, Никольского и/или кого-то более экзотичного. При этом отмечают нечто вроде этого: «однако аргументация главного шахматовского положения осталась непоколебленной»¹⁰⁴⁶.

¹⁰⁴¹ Лихачев Д. С. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. 5. Вып. 5. — М., 1946. — С. 418–428; Лихачев Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания // А. А. Шахматов 1864–1920. — С. 254–293; Лихачев Д. С. Шахматов — текстолог // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 23, Вып. 6. — М, 1964. — С. 481–486.

¹⁰⁴² Историко-критическому изучению памятника должно было предшествовать «точное восстановление истории самого текста». Лихачев Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания. — С. 291.

¹⁰⁴³ Лихачев Д. С. Шахматов — текстолог. — С. 482.

¹⁰⁴⁴ Насонов А. Н. Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием древнерусского государства // Проблемы источниковедения. Т. VII. М., 1959. С. 417–462.

¹⁰⁴⁵ Там же. — С. 417.

¹⁰⁴⁶ Там же. — С. 418.

Ср. буквальное совпадение в статье Гиппиуса: «таким образом, основополагающий вывод Шахматова об отражении в младшем изводе НПЛ летописного свода, предшеству-

Как правило, используется риторика, происходящая из сталинской эпохи и узнаваемая в сочинениях на совершенно разные темы.

Основная часть работы¹⁰⁴⁷, независимо от конкретных ходов мысли, может представлять собой развитие и/или поправки соответствующих положений Шахматова (в некоторых случаях – его авторитетных последователей, что сути дела не меняет). Автор может полемизировать как с ним, так и с его продолжателями. Но в результате он придет к схеме, отличающейся от шахматовской в деталях, но повторяющей ее общую структуру.

Воспроизведенный множество раз и легко узнаваемый сторонним наблюдателем, очерченный сценарий обычно воспринимается просто как стандарт научного исследования на тему раннего летописания. Но это всего лишь канон одной историографической традиции.

Научному наследию Шахматова Истрин пророчил такое будущее: «чем талантливее исследователь, тем большею субъективностью проникнуты его работы, и тем труднее они могут находить себе прямых продолжателей. Но существо метода останется, и им воспользуются следующие поколения, видоизменяя его и внося свои поправки. [...] Все это особенно приложимо к Шахматову, который в истории разработки древнерусского летописания займет одно из крупнейших мест. Тем более настоятельно подвергнуть его выдающиеся исследования надлежащей оценке, на что, несомненно, потребуются много усилий, вследствие трудности усвоения самого метода автора. Последняя задача всегда является наиболее трудной»¹⁰⁴⁸. Как же происходило это «усвоение»?

«Метод» и «схема» Шахматова окончательно сформировались после смерти ученого. Его исследовательская практика и взгляды подверглись формализации, догматизации и тиражированию в приклад-

ющего ПВЛ, остается непоколебленным». Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. – М., 2006. – С. 60. Автор не делает ссылку на слова Насонова, и потому можно думать, что он либо неосознанно воспроизводит типичное клише, либо/и мыслит сходным образом, что воплощается в единых языковых формах. Перед нами яркий пример единства дискурса, свидетельствующей о единстве традиции.

¹⁰⁴⁷ Нередко исследователи обходятся и без историографических вступлений, а начинают in medias res. Например, первые слова статьи: «А.А. Шахматов доказал, что «Повесть временных лет», созданная в 1110-е годы, была переработкой летописного свода 90-х годов XI в., условно названного им *Начальным сводом*». Михеев С. М. Отражение Начальной летописи в Новгородской I летописи младшего извода // Древняя Русь: вопросы медиевистики. № 1 (31). – М., 2008. – С. 45.

¹⁰⁴⁸ Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (начало) // ИОРЯС – 1921. Том XXVI. – Петроград, 1923. – С. 48–49.

ных работах. Ничего уникального в этом не было: т. н. «метод Лихачева» тоже был формализован его последователями.

По словам Истрина, «смерть унесла его (Шахматова. — В. А.) как раз тогда, когда наука [...] с нетерпением ожидала продолжения его работ, которые должны были [...] поставить его метод на твердый, незыблемый фундамент»¹⁰⁴⁹. Сразу после смерти Шахматова возникла легенда о «тайне» его «метода». Приселков признавал «невозможным открытие во всей полноте тайны самого процесса изучения, сравнения и анализа наших [...] летописных сводов»¹⁰⁵⁰. Для того, чтобы использовать, и даже чтобы полемизировать, необходимо было упорядочить наследие Шахматова.

Начало формализации «метода» Шахматова (описание и анализ его приемов работы с летописными текстами)¹⁰⁵¹ и формулированию единой шахматовской «схемы» истории раннего летописания¹⁰⁵² было положено еще в статьях ИОРЯСа 1922 года.

В дальнейшем главную роль в создании «метода» и «схемы» Шахматова сыграли Приселков и Лихачев. Как неоднократно отмечалось в литературе, Приселков первым построил последовательную историю летописания (чего не сделал Шахматов)¹⁰⁵³. Он свел в единую систему разнородные и часто не согласованные между собой гипотезы. При этом в силу необходимости произошла селекция гипотез и упрощение схемы. Уже в 1941 году эта схема излагалась в десяти-томной «Истории русской литературы»¹⁰⁵⁴ и позднее вошла во все обзоры по летописанию¹⁰⁵⁵. По ней же, как говорилось выше, строились университетские программы.

Доходчиво изложив «схему», Приселков сделал то же и с «правильным методом». По мнению ученого, он заключался в изучении

¹⁰⁴⁹ Истрин В. М. А. А. Шахматов как ученый // ИОРЯС. Т. 25. 1920. — С. 27.

¹⁰⁵⁰ Приселков М. Д. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // ИОРЯС. Т. 25. 1920. — С. 129.

¹⁰⁵¹ Абрамович Д. И. Труды А. А. Шахматова в области истории русской литературы. — С. 112–113, 118; Истрин В. М. А. А. Шахматов как ученый. — С. 28–37; Пресняков А. Е. А. А. Шахматов в изучении русских летописей. — С. 164–169; Приселков М. Д. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. — С. 129–134; Сперанский М. Н. А. Шахматов — историк древнерусской литературы. — С. 290–294;

¹⁰⁵² Сперанский М. Н. А. Шахматов — историк древнерусской литературы. — С. 298–299.

¹⁰⁵³ Лурье Я. С. Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей // ТОДРЛ. Том 44. — Л., 1990. — С. 186; Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. — С. 321–324.

¹⁰⁵⁴ История русской литературы: В 10 т. Т. I. — С. 257–288.

¹⁰⁵⁵ Например, вполне завершённый, можно сказать, классический, пригодный для рядового пользователя, вид «схемы Шахматова» представлен в работе Буганова: Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. С. 21.

летописей как сводов, т. е. компиляций, содержащих в себе более древние своды. Оперирование при этом большим количеством гипотетических текстов Приселков назвал «методом больших скобок»¹⁰⁵⁶.

После Приселкова наиболее яркие попытки систематизации «метода» и «схемы» Шахматова можно найти в работах Лихачева и Я. С. Лурье¹⁰⁵⁷. Иногда отмечают, что в советской науке произошло постепенное искривление (и сужение) представлений о «методе Шахматова»¹⁰⁵⁸. Но «усвоение» приемов работы Шахматова стоит воспринимать не как поступательный процесс, а скорее как несколько различных проектов их формализации. На самом деле, каждый ученый создавал свой собственный образ метода великого предшественника. Важны не детали этих авторских проектов, а то, что они обращались к одному и тому же источнику, к единому образцу для подражания.

В ряде исследований авторы пытались пересадить принципы «шахматовского метода» на другой материал, например, актовых источников¹⁰⁵⁹ или хронологических показаний летописей¹⁰⁶⁰. Такие случаи показательны, так как ученые, не всегда посвященные во все таинства летописеведения, пользовались «концентратом» шахматовской практики. Это и был собственно метод, отчуждаемый от конкретного вида источников. Его формула была простой. Определенная единица материала рассматривалась как принципиально гетерогенная, а точнее,

¹⁰⁵⁶ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. — Л., 1940. — С. 44–45.

¹⁰⁵⁷ Лурье Я. С. Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей. — С. 185–195; Кистрев С. Н. Вехи в историографии русского летописеведения. — С. 22–23; Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. — С. 475, 747–749.

¹⁰⁵⁸ Например, как считает Д. А. Добровольский, если для Приселкова метод «больших скобок» был дополнением классического сравнения списков, то Лурье фактически свел «метод Шахматова» просто к обычным сравнительным приемам критики текста. Добровольский Д. А. В чем состоял «метод Шахматова» // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – XXI веков. — Челябинск, 2011. — С. 116–117.

¹⁰⁵⁹ По воспоминанию Зимина, Л. В. Черепнин в начале 1930-х пытался применить «метод Шахматова» к тексту «Капитулярия о поместьях» Карла Великого: «молодой исследователь, увлеченный уже в те годы новаторскими работами А. А. Шахматова, в своей работе о «Капитуляре» попытался применить шахматовские методы к этому памятнику, расчленив его по «суставам», на логически обособленные куски текста». Хорошкевич А. Л. (сост.) Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. — С. 169.

О том же Черепнин писал позднее в своей статье о П.В. Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — С. 293–294.

¹⁰⁶⁰ Гартман А. В., Цыб С. В. Монгольское нашествие на Северную Русь: хронология исторических событий. Барнаул, 2013. Исследователи представляют хронологические показания летописей в виде многослойной компиляции, так, что даже в рамках одной погодной статьи могут совмещаться датировки по разным эрам и стилям. Отсюда задача — расслить летописную хронологию и реконструировать оригинальные, однородные по стилю датировок, пласты.

многослойная. «Слои» должны были выражаться в разного рода «противоречиях», которые надлежало выявить, а «слои» — по возможности реконструировать и воссоздать историю «наслоений».

Одиозные случаи, как, например, скроенные по-шахматовски схемы древнейших летописей у Б. А. Рыбакова, ясно высвечивают те опасности, которые таил в себе «метод». Ср. слова Зимина: «Рыбаков понял, что в шахматовском методе есть нечто, для него весьма удобное. Оказывается, дошедшие до нас летописи сохранили лишь фрагменты первоначальных летописных сводов. А какие они были на самом деле, первоначально? А, естественно, такие, какими их хочет видеть Рыбаков [...] И соблюдая внешние признаки работ Шахматова (выявление недошедших сводов путем текстологического сличения), Рыбаков начал создавать киевских, черниговских, переяславских летописцев, живших при дворе каждого князя, прославлявших своих патронов [...] Как грибы после обильного дождя возникли летописчики, летописцы, своды и хроники, конечно, с самых незапамятных времен — скажем, князя Ярополка X в., жившего до княжения Владимира, крестившего Святую Русь»¹⁰⁶¹.

Еще при жизни Шахматова началось «соствязание» за «правильное» толкование и применение его идей и методов. Показательна полемика Пархоменко и Приселкова, каждый из которых считал Шахматова своим учителем, а его методологию правильной и непревзойденной¹⁰⁶². Например, Пархоменко укорял Приселкова за «слепо-догматическое пользование данными „Разысканий о древнейших русских летописных сводах“ А. А. Шахматова (кстати сказать, доходящее в данном отзыве г. Приселкова до того, что он отказывается понимать, как это я — в одно и то же время и считаю свою работу „прежде всего“ вызванной новыми изысканиями А. А. Шахматова, и иногда позволяю себе не соглашаться с результатами их)»¹⁰⁶³.

В свою очередь Приселков, оппонировав Пархоменко, противопоставлял ему Шахматова, который восстановил «перед нами с исключительной научной точностью весь ход нашего летописания»¹⁰⁶⁴.

¹⁰⁶¹ Хорошкевич А. Л. (сост.) Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. — С. 199.

¹⁰⁶² Приселков М. Д. [Рец. на]: Пархоменко В. Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX–X вв. — Полтава, 1913. — 191+IV С. // ИОРЯС Т. 19. Кн. 1. — СПб., 1914. — С. 358–369; Пархоменко В. Ответ на рецензию г. Приселкова // ИОРЯС. Т. 19, кн. 4. — СПб., 1914. — С. 257–259.

¹⁰⁶³ Пархоменко В. Ответ на рецензию г. Приселкова // ИОРЯС. Т. 19, кн. 4. — СПб., 1914. — С. 257.

¹⁰⁶⁴ Приселков М. Д. [Рец. на]: Пархоменко В. Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX–X вв. — Полтава, 1913. — 191+IV С. // ИОРЯС Т. 19. Кн. 1. — СПб., 1914. — С. 368.

Эти же тенденции прослеживаются и в дальнейшем. Например, Насонов обличал Лихачева в недостаточном использовании «сравнительно-критического метода, впервые разработанного в трудах Шахматова». У Лурье «самым резким был упрек в отходе от шахматовской школы»¹⁰⁶⁵. Наоборот, полное следование Шахматову его убежденные последователи приравнивали к большой заслуге. К примеру, вот что Приселков видел самым значимым в работе Насонова над псковскими летописями: «главным результатом исследования, дающим ему широкое научное значение, нужно признать правильное применение методических приемов А. А. Шахматова на верно избранном участке изучения»¹⁰⁶⁶.

До последнего времени заметна та же конкуренция за монополию на «правильное» толкование и продолжение исследований Шахматова, на «правильность» поправок и усовершенствование его схемы. Научная традиция отнюдь не монолитна. Случается, что ученый отвергает какую-то из шахматовских гипотез и как бы со стороны критикует последователей Шахматова. Но в то же время он принимает другие (обычно, более значимые) его гипотезы, использует его терминологию, наследует его исследовательские установки и в результате строит схему по тем же шахматовским шаблонам.

В спорах толкователей Шахматова проявилась еще одна важная черта этого направления историографии. Приселков еще в 1914 году писал: «несогласие с выводами А. А. Шахматова налагает на исследователя (и перед самим собою, и перед читателем) обязанность обосновать свое несогласие и доказать свое понимание истории использованных источников»¹⁰⁶⁷. Симптоматично, что и в новейшей историографии происходит «отражение атак» оппонентов Шахматова по этой же логике. Как заметил А. П. Толочко, «скептикам, не убежденным в том, что само ядро шахматовских теорий справедливо и даже не приемлющих самый стиль шахматовской текстологии, всякий раз предлагали сначала „последовательно опровергнуть“ его построения. Иными словами, принять рамки установленного дискурса; позиция не только заранее проигрышная, но и эпистемологически ущербная»¹⁰⁶⁸.

В конце концов, показательно, что «оппоненты» направляли свою критику не столько против того или иного последователя Шахмато-

¹⁰⁶⁵ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. – С. 470, 740.

¹⁰⁶⁶ Там же. – С. 684.

¹⁰⁶⁷ Приселков М. Д. [Рец. на]: Пархоменко В. Начало христианства Руси. – С. 368.

¹⁰⁶⁸ Толочко А. П. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. – С. 165.

ва, сколько против него самого. Это неопровержимо свидетельствует о несамостоятельности «шахматовской» историографии, ее замкнутости на взглядах и исследовательских принципах основателя, когда Шахматов «проступает» в каждой новой (или «новой») концепции.

Создание традиции сопровождалось также «фактуализацией» идей Шахматова независимо от их изначального статуса. Простое предположение «шло в разработку», обрастало деталями, включалось в исторический контекст и начинало приниматься как факт.

Этот эффект на примере развития гипотезы об Иакове Мнихе (якобы авторе «Сказания» о Борисе и Глебе) продемонстрировал Бугославский. По его наблюдениям, «нерешительно, в виде вопроса высказанные догадки Калайдовича и Погодина постепенно, особенно под пером преосв. Макария, становились утверждениями. Забывались со временем основания этих догадок, основания чисто умозрительного характера, а выводы вносились в общие обзоры и приобретали цену научно установленных фактов»¹⁰⁶⁹. Подобное замечали и исследователи каролингских анналов. Как писал Гейнрих фон Зибель, «для первого это вопрос, для второго автора – суждение, для третьего, без дальнейшего специального объяснения, – убеждение, для четвертого и пятого – общеизвестный факт. И они удивляются, если недоверчивый сомневается, а невежда требует доказательств»¹⁰⁷⁰.

Подобное происходило и с идеями Шахматова. Его собственные труды показывают перерастание предположений в факты. Первым под влияние традиции, сложившейся в работах Шахматова и его последователей, попал сам ученый. Срабатывала историографическая инерция: трудно отбросить то, что уже получило признание, было использовано в работах других исследователей, воспроизводилось самим автором в большом количестве публикаций и выступлений. Характерная терминология (например, «Начальный свод»), система гипотез, приемы и модель работы превращались в своеобразный «исследовательский пакет», который начинал жить собственной жизнью.

Долгая жизнь, как оказалось, предстояла Шахматову в рамках академических коммеморативных практик. В 2014 году в Санкт-Петербурге по случаю 150-летия со дня рождения Шахматова была проведена масштабная конференция. Организаторами мероприя-

¹⁰⁶⁹ Бугославский С. А. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру // ИО-РЯС. Т. 29. – Петроград, 1925. – С. 125.

¹⁰⁷⁰ Sybel H. Die karolingischen Annalen // Historische Zeitschrift. Bd. 42. H.3. – Oldenburg, 1879. – S. 267.

тия выступили сразу несколько уважаемых научных институций. По материалам конференции в 2015 году вышел объемистый сборник.

С точки зрения летописеведения интереснее другой, более «узкопрофильный» юбилей, отпразднованный шесть лет «преже сих». 22–24 октября 2008 года в Москве на базе Института славяноведения Российской академии наук была проведена международная конференция «„Повесть временных лет“ и начальное летописание: к 100-летию книги А. А. Шахматова „Разыскания о древнейших русских летописных сводах“».

Бережное отношение к «шахматовским» юбилеям, однако, не коснулось 2016 года. А ведь это столетняя годовщина выхода в свет его второй летописеведческой книги – издания-реконструкции ПВЛ. Предпочтение одного юбилея другому показательно, ведь оно отразило приоритеты организаторов: книга о гипотетических сводах оказалась важнее работы о реально дошедшем памятнике.

Примечательно, что сам Шахматов мог намеренно «подогнать» публикацию ПВЛ к 1916 году. Именно тогда исполнялось 800 лет приписке игумена Сильвестра, где сказано о том, что он написал «Летописец» в 1116-м. По сравнению с датами предполагаемых ранних сводов, это одна из немногих «твердых» дат в истории начального летописания. Исследователь не смог обойти ее вниманием. Как видно, в вопросе о юбилеях Шахматов расставлял акценты несколько иначе, нежели его позднейшие последователи.

3.4. *Описательные модели*

Как описать историографический феномен Шахматова? В литературе для этого обычно используют два понятия: «научная школа» и «научная парадигма». Впрочем, не всегда это делается достаточно аккуратно. Каковы же возможности применения этих понятий к рассмотренному материалу и насколько справедливы утверждения о существовании «школы Шахматова» или «шахматовской парадигмы»?

Последней обобщающей работой, где постулируется существование «школы Шахматова», является книга Вовиной-Лебедевой. Исследовательница определяет школу как «сообщество ученых или научную среду, складывающуюся вокруг лидера, главы, учителя (включая в это понятие и его самого), объединенную общими приемами исследования летописей»¹⁰⁷¹. Речь идет о том, что от старшего ученого

¹⁰⁷¹ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. – С. 11.

младшие перенимают навыки работы, исторические представления, программу исследований и даже манеру мышления.

Однако понятию «школы», что показывает и его употребление в книге Вовиной-Лебедевой, не хватает четкости. «Школа Шахматова» распространяется то на одно, то на несколько поколений; объединяет людей, которые имели как прямые контакты с ученым, так и знали о нем только из публикаций и воспоминаний; одно и то же лицо вписывается одновременно в несколько «школ». Случается даже, что один человек классифицируется как «самостоятельное ответвление шахматовской школы»¹⁰⁷².

Чаще всего в работах по истории российской науки XIX – начала XX века¹⁰⁷³ «научные школы» понимают как небольшие коллективы (часто в рамках одной институции), объединенные вокруг лидера-учителя, работающие на единой теоретической и методологической базе, обладающие коллективной идентичностью и этосом, которые поддерживаются разнообразными коммуникативными практиками¹⁰⁷⁴.

Легко заметить, что такому пониманию «школы» отвечают далеко не все виды взаимодействия ученых. Не укладывается в него и т. н. «школа Шахматова» в изучении летописей. Во-первых, она не имела единой институциональной основы. Во-вторых, последователи Шахматова не составляли единый коллектив, не всегда были современниками и даже представляли различные дисциплины (филологи, историки, иногда – археологи), становясь «шахматовцами» только в работах о (как правило, раннем) летописании. В-третьих, сам Шахматов

¹⁰⁷² Там же. – С. 449. Здесь – о Комаровиче. Также на С. 823 – о Черепнине («своеобразное ответвление от шахматовской школы»).

¹⁰⁷³ Из многочисленной литературы, например, см.: Первозванский А. А. Объективные признаки научной школы // Академические научные школы Санкт-Петербурга. К 275-летию Академии наук. – СПб., 1998. – С. 208–210; Умбрашко К. Б. «Скептическая школа» в исторической науке России первой половины XIX в.: Автореф. дис. на соискание степени д-ра. ист. наук: 07.00.09. – М., 2002. / <http://www.dissercat.com/content/skepticheskaya-shkola-v-istoricheskoi-nauke-rossii-pervoi-pолоviny-xix-v>; Бон Т. М. Русская историческая наука (1880 г. – 1905 г.). Павел Николаевич Милюков и Московская школа. – СПб., 2005. – С. 11–12; Свешников А. В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. С. 24–39, 228–232, 400; Гришина Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. – С. 15–17, 61–66; Тихонов В. В. Московская историческая школа в первой половине XX века: научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. М., СПб., 2012. – С. 14–17.

¹⁰⁷⁴ Примечательно, что подобным образом «научную школу» понимали и во времена Шахматова, в частности он сам. Иконников В. С. Скептическая школа в русской историографии и ее противники. – Киев, 1871. – С. 49–50; Шахматов А. А. Филипп Федорович Фортунатов. Некролог // Известия Императорской академии наук. VI серия. №14. – Петроград, 1914 г. – С. 974.

при всей своей открытости оставался одиночкой, не стремясь создать постоянный исследовательский кружок (в отличие, скажем, от своего современника В. Н. Перетца¹⁰⁷⁵). Наконец, теоретическое обоснование и определение шахматовского способа изучения летописей началось только после смерти ученого и продолжается до сих пор¹⁰⁷⁶.

Как отметила Н. И. Платонова, «в науковедении это понятие (научная школа. — В. А.) остается дискуссионным. В настоящий момент в литературе имеется не менее 30 его определений. Установить для них единые теоретические критерии практически невозможно»¹⁰⁷⁷.

О «школе Шахматова» можно было бы говорить только в том широком значении, которое имеет понятие «школа мысли» (school of thought), распространенное в англоязычной литературе. Оно обозначает круг людей, имеющих близкие взгляды и образ мышления в рамках определенной дисциплины или по отношению к определенному предмету, и может быть применено к сообществам разного уровня. Вполне можно сказать, что люди, разделяющие ключевые воззрения Шахматова на (раннее) летописание, имеющие аналогичные ожидания от исследований этого предмета и демонстрирующие сходный стиль обращения с источниками, принадлежат к единой (если угодно, «шахматовской») «школе мысли». Однако в столь расширенном смысле понятие «школа» теряет свою инструментальную ценность для изучения и структурирования историографии летописания, уступая не менее продуктивным понятиям «научной культуры»¹⁰⁷⁸, «интеллектуальной сети» или «научной традиции».

Есть и другой повод к осторожности. Вскоре после смерти Шахматова в публикациях и, что важно, в личной переписке исследователей периодически появляется выражение «школа Шахматова»¹⁰⁷⁹.

¹⁰⁷⁵ Груздева Е. Н. Владимир Николаевич Перетц в Киеве. 1903–1914 гг. (из переписки В. Н. Перетца с А. А. Шахматовым) // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015. — С. 155–156, 162, 165.

¹⁰⁷⁶ Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции. — С. 39; Гиппиус А. А. Битвы Ярослава Мудрого: структура и стратиграфия летописного нарратива // Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к Новому времени. К юбилею члена-корреспондента РАН Елены Константиновны Ромодановской. Материалы всероссийской научной конференции. — Новосибирск, 2014. — С. 40.

¹⁰⁷⁷ Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. — СПб., 2010. — С. 18.

¹⁰⁷⁸ Чирков С. В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX — начала XX вв. // АЕ. 1989 г. — М., 1990. — С. 25–27.

¹⁰⁷⁹ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. — С. 512, 703, 747, 753–754.

При этом речь идет о маркировании «своих» или «чужих», о «воображаемом сообществе» ученых и создании его коллективной памяти. Поэтому, говоря сейчас о «школе Шахматова», мы рискуем смешать аналитическую категорию с терминами, в которых выражалась идентичность¹⁰⁸⁰.

В этом смысле поучителен пример исследований «школы Ключевского», трактующих ее как реальный, измеряемый и определяемый по совокупности параметров объект. Между тем, анализ текстов о Ключевском показывает, что его «школу» гораздо продуктивнее рассматривать как историографический миф, как понятие, выражавшее коллективную идентичность группы (преимущественно московских) историков, развившуюся после смерти ученого. Как и «школа Шахматова», «школа Ключевского» возникла в коммеморативных практиках и явилась результатом позднейшего осмысления места исследователя в академическом сообществе¹⁰⁸¹.

Употребление термина «парадигма» в спорах о Шахматове также неоднозначно. И прежде всего потому, что несет некоторую оценочную нагрузку. Для одной группы ученых «парадигма» может выступать синонимом правильной науки и поступательного накопления опыта (путем «усовершенствований и поправок» принятых концепций). Для другой группы, напротив, принадлежность к «шахматовской парадигме» указывает на неоправданный консерватизм и узость взгляда. С их точки зрения, наука должна постоянно «подрывать» и пересматривать устоявшиеся системы представлений — «парадигмы». Порой даже слова о принадлежности кого-либо к «шахматовской парадигме» звучат как приговор, который обвиненный старается оспорить.

Понятие «шахматовская парадигма» прямо отсылает к концепции Куна¹⁰⁸², считающейся одной из лучших моделей функционирования науки. У Куна «парадигма» имела два значения. В широком смысле — это «метатеоретическое единство» идеалов и установок, комплекс «символических обобщений», ценностей и методических ру-

¹⁰⁸⁰ Иначе говоря, смешивается этическая и эмическая позиция (etic & emic), т. е. описание чего-либо в универсальных терминах и описание во «внутренних» терминах культуры некоего сообщества.

¹⁰⁸¹ Здесь я опираюсь на работу: Гришина Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. — С. 23–26 (см. также другие материалы, приведенные в этом исследовании).

¹⁰⁸² Кун Т. Структура научных революций. — М., 2003. — С. 13–268; Kuhn T. S. The Relations between History and History of Science // *Daedalus*. Vol. 100. Spring, 1971. — P. 271–304; Kuhn T. S. Second thoughts on paradigms // *The Structure of Scientific Theories*. — Urbana-Chicago-London, 1977. — P. 459–482.

ководств и образцов¹⁰⁸³ (позднее он называл это «дисциплинарная матрица»¹⁰⁸⁴). В узком смысле — это образец решения определенной научной задачи¹⁰⁸⁵.

Понятие парадигмы вполне применимо к описанию многих аспектов историографии летописания второй половины XIX — начала XX века. Это время характеризовалось работой в рамках «теории сборников» как единой системы обобщений и руководств. Принимая базовые положения этой теории, ученые занимались разработкой локальных вопросов¹⁰⁸⁶. Именно так описывал ситуацию анонимный автор обзора литературы о летописях в 1916 году: разделяющие взгляд на ПВЛ как на сборник «авторы сочинений о летописях [...] занимают по большей части узкими и специальными темами, и их наблюдения и выводы так или иначе примыкают к установленным ранее положениям»¹⁰⁸⁷.

Сдвиги в историографии, вызванные появлением работ Шахматова, укладываются в понятие «смена парадигм». Взаимное непонимание между Шахматовым и его коллегами (в частности, Тихомировым) иллюстрирует тезис Куна о несоизмеримости парадигм. Обсуждавшееся выше «забывание» дошахматовской литературы созвучно с такими куновскими соображениями: «Когда научное сообщество отказывается от прошлой парадигмы, оно одновременно отрекается от большинства книг и статей, воплощающих эту парадигму, как непригодных для профессионального анализа»¹⁰⁸⁸. Принятие новой парадигмы американский ученый сравнивал с «обращением в веру», что, как мы тоже видели, можно соотнести со многими аспектами утверждения шахматовского авторитета.

При всех преимуществах концепции Куна, надо учесть, что она разрабатывалась прежде всего для естественных наук (sciences) и не может быть автоматически пересажена на почву гуманитарных наук (humanities). Заметно, что понятия «школы» и «парадигмы» делают упор на разных аспектах интеллектуальной жизни: первое — на коллективной солидарности и организации ученых, второе — на системе теоретических и методологических установок. С двух сторон описывается единое явление, ведь коллективная организация, «школа»,

¹⁰⁸³ Кун Т. Структура научных революций. — С. 5.

¹⁰⁸⁴ Там же. — С. 234–240; Kuhn T. S. Second thoughts on paradigms // The Structure of Scientific Theories. — Urbana-Chicago-London, 1977. — P. 482.

¹⁰⁸⁵ Кун Т. Структура научных революций. — С. 240–241.

¹⁰⁸⁶ Там же. — С. 211–212.

¹⁰⁸⁷ АРАН. — Ф. 665. Оп. I. — Д. 12. — Л. 57.

¹⁰⁸⁸ Кун Т. Структура научных революций. — С. 215.

требует общей системы идей, а «парадигма» – определенных форм организации коллектива.

Заявлять о существовании «школы Шахматова» или «шахматовской парадигмы» означает уловить феномен только частично, лишь некоторые его стороны. Кроме того, оба понятия предполагают некую жесткую структуру, определяющую деятельность исследователей. Но поиск такой структуры на конкретном материале может приводить к искусственности построения.

Однако на «школе» и «парадигме» варианты описательных моделей не заканчиваются. Более эффективный на сегодня путь, как кажется, предлагает социологическая теория интеллектуальной деятельности Рэндалла Коллинза, о которой говорилось в начале. Она учитывает концепции «научных школ» и «парадигм» и ориентирована больше на гуманитарные дисциплины, а потому удобна для описания и понимания шахматовского феномена. Теория интегрирует теоретико-методологический и организационный аспекты, а также позволяет более полно и гибко описать разнообразные феномены интеллектуального мира.

Коллинз настаивает на том, что интеллектуальная работа проводится индивидами, а не «школами» или «группами» как таковыми. При этом каждый интеллектual держит в голове определенный круг людей и их трудов, в котором получает значение его собственная работа. Так снимается противопоставление реального коллектива коллег (в частности, «школы») и воображаемой аудитории. Предполагая друг друга (независимо от формальной организованности), в постоянных дискуссиях и борьбе за место в пространстве внимания, интеллектуалы создают группы – «фракции» (factions). Фракция утверждает себя в воспроизводящихся ритуалах общения и общей борьбе с идейными оппонентами. Фракция, подобно «воображаемому сообществам» Бенедикта Андерсона, одновременно и реальна, и виртуальна.

Фракции формируются вокруг интеллектуальных лидеров – наиболее творчески продуктивных деятелей. Их идеи становятся священными объектами группы, у интеллектуала-«звезды» возникает своего рода героический культ¹⁰⁸⁹. Тексты «звезд» сакрализируются. Особенно заметно это в сообществах, построенных по «схоластической» модели, когда интеллектуалы главным образом выступают охранителями и толкователями канонических текстов (в отличие от «инновационной» модели)¹⁰⁹⁰.

¹⁰⁸⁹ Collins R. The Sociology of Philosophies. – P. 36, 43.

¹⁰⁹⁰ Там же. – P. 31, 793–799.

Идеи, которые становятся эмблемами групповой принадлежности, «будут ярко отсвечивать своим эмоциональным значением, будучи заряжены в интерактивных ритуалах и превращены в священные объекты. Эти идеи, действующие как магнитные полюса в интеллектуальном мышлении, являясь фокусом длительного и серьезного внимания, которое и есть самой напряженной деятельностью интеллектуального мира. [...] они непропорционально влиятельны, формируя более мелкие мысли в индивидуальном сознании, как магнит железную стружку, и создавая натяжение между многими людьми, что и делает их интеллектуальной группой»¹⁰⁹¹.

Сообщество ученых, определяемое по признаку принадлежности к шахматовской традиции, может быть успешно описано как пример интеллектуальной фракции, построенной по схоластической модели и основанной на интеллектуальной сети (из цепочек вертикальных и горизонтальных связей), восходящей к Шахматову. Эта фракция имеет своего сакрализованного лидера-основателя, «священные объекты» (комплекс текстов и идей), поддерживающие ее интерактивные ритуалы и свою динамику развития. Фракции не вечны, традиции прерываемы, священные тексты десакрализируются, на смену старым лидерам приходят новые, а изжившая себя историография выходит из научного обихода. Какое будущее ждет шахматовскую историографическую традицию? – пройдет время, и это станет предметом новых наблюдений.

¹⁰⁹¹ Там же. – Р. 40.

Эпилог

В академической мифологии Шахматов предстает отцом-основателем летописеведческой дисциплины. На самом деле, он – основатель лишь одной, пусть и крайне влиятельной, историографической традиции. Мифологический Шахматов – создатель особой научной школы. В реальности же так называемая «школа Шахматова» сформировалась уже после смерти ученого. Это даже собственно не школа, а определенная фракция исследователей, опирающаяся на единый идейно-методологический каркас и поддерживающая свою идентичность постоянными отсылками к «каноническим» работам Шахматова.

В этих работах, составляющих основу историографического предания, находят уникальный метод и схему раннего летописания. На самом деле, и то, и другое – продукты позднейших толкований. Целостно не сформулированный Шахматовым, но как бы «разлитый» по его текстам метод многократно пытались «сконденсировать», фактически создавая его. Схемы раннего летописания Шахматов часто менял, причем иногда весьма существенно. Но, для удобства пользователей, в литературе закрепился сборный образ единой «схемы»: ее-то и совершенствуют, исправляют, с ней полемизируют.

Существует несколько главных идей-маркеров, которые отличают шахматовскую фракцию и которые она защищает как реликвии. Во-первых, это общее представление о летописании как цепи «летописных сводов», и в частности о древнейших сводах, предшествовавших ПВЛ. Во-вторых, это проект их детальной реконструкции и методологическая установка на поиск признаков, разъединяющих текст (т. е. стратификация, а не интеграция материала). В-третьих, это идея о НПЛмл как втором (в некотором смысле – первом) важнейшем свидетеле раннего летописания, отразившем древнюю летопись (Начальный свод), положенную в основание ПВЛ.

Воспроизведение исследовательских практик и идей Шахматова в изучении раннего летописания – пример историографического явления *longue durée*. Оно не стоит особняком в мировой науке и встраивается в длинный ряд примеров «долгоиграющих» концепций. В большинстве случаев причины их успеха были не вполне научного свойства. Доминантное положение идей Шахматова долгое время поддерживалось их исключительной легитимностью в советской науке (по сравнению с идеями других дореволюционных ученых).

Первоначальный успех Шахматову обеспечили одновременно несколько причин. Еще при жизни, благодаря личным качествам Шахматова, вокруг него сложился ореол святости, перешедший и на его научные проекты. Работы Шахматова появились в очень удачный период, когда фонд литературы по раннему летописанию разросся настолько, что учитывать все предшествующие исследования становилось крайне трудно, а предложить что-то новое казалось маловероятным. Это был удобный момент для «перезагрузки» дисциплины, что фактически и осуществил Шахматов. Тексты Шахматова отличались минимумом ссылок и историографических экскурсов, вследствие чего он казался первопроходцем на непаханом поле. Бремя предшествующей литературы было сброшено, и Шахматов для последующих поколений становился точкой отсчета в новой истории раннего летописания.

Выражаясь в терминах генетики, в начале XX века историография летописания прошла через «бутылочное горло», и, как впоследствии выяснилось, значительное число трудов было отброшено и забыто. Наследие прошлого столетия во многом досталось летописеводам XX века через посредство Шахматова. Сработал «эффект основателя».

Успеху шахматовских концепций способствовали также внутренние особенности текстов ученого. Их огромный охват и насыщенность деталями, уверенность изложения и одновременно некоторая незавершенность построений – все это подкупало молодых исследователей. Они получали образец работы, концептуальную рамку и пространство для развития собственных гипотез.

Наконец, важно помнить, что культ Шахматова – явление советской науки середины XX столетия, которое отразило все основные черты непростой эпохи. Доминирование Шахматова в летописеведении стало продуктом сталинской «научной политики», предполагавшей уничтожение или маргинализацию альтернативных взглядов (и их носителей) и почитание «классиков» и «основоположников».

Однако идеи не возникают на пустом месте, у них всегда есть генеалогия. Летописеведческие исследования Шахматова – и в цен-

тральных положеннях, и в частности – выросли из трудов его предшественников. Даже то, что считается его несомненными нововведениями (например, «теория летописных сводов» или идея раннего свода, отраженного в НПЛмл), предлагали некоторые коллеги Шахматова. Дело лишь в том, что их (сравнительно более скромные) труды в свое время не получили известности и признания и были забыты.

Между Шахматовым и предшествующим летописеведением был гораздо меньший, чем кажется, методологический разрыв. Его приемы реконструкции текстов и критерии оценки текстуальных фактов не были чем-то революционным. Выделение вставок, поиск противоречий в текстах, выявление идеологических уклонов – все это практиковали и до него.

Вообще вся летописная текстология того времени развивалась в русле европейского, а именно немецкого, источниковедения. Вместе с тем, интеллектуальная изолированность и общая методическая слабость приводили к тому, что в летописеведении XIX – начала XX вв. доминировало субъективистское направление. Оно было ориентировано на поиск «общих источников», «утраченных произведений» и реконструкцию недошедших памятников. Шахматов оказался самым ярким его представителем.

Пусть у читателя не возникнет впечатления, будто Шахматов не внес ничего нового в исследование летописей. Сама постановка вопроса о «новом» и «старом» представляется спорной. Признание гипотез или методов «новыми» или «старыми» во многом зависит от позиции наблюдателя и его академической идентичности. В конце концов, это дело оценки, но ведь данная книга не об этом.

Люди не появляются из ниоткуда. Они происходят от своих родителей и похожи на них. У людей есть близкие и дальние родственники, с которыми их объединяют некоторые общие черты. Но в то же время каждый человек самостоятельное и неповторимое существо. В этой книге я не утверждал, что Шахматов не создал ничего самостоятельного. Здесь только было показано, что его идеи имели своих «родителей» и «родственников».

Зачем это было нужно? Чтобы понять, откуда происходит мир тех идей и методов, к которому живет или с которым должен уживаться исследователь древнерусского историописания. Чтобы лучше понять собственную дисциплину. Чтобы приоткрыть забытые или неизвестные страницы «опыта историографии» о летописях.

Кроме того, наблюдая за поворотами мысли Шахматова и его коллег, мы отчасти смотрим в зеркало. Нам открываются дискус-

сии, вопросы, идеи и решения, очень похожие на наши. Так или иначе, они касаются все тех же источников, о которых спорят и сейчас. Быть может, такой взгляд со стороны поможет в очередной раз не наступать на старые грабли?

Наконец, мне хотелось вернуть Шахматова в спокойную научную дискуссию, избавленную от лишних эмоций и предубеждений, без давления традиции и борьбы академических «лагерей». Я буду рад, если Шахматов в изучении летописания предстанет тем, кем он был на самом деле.

Воспроизведение «схемы Шахматова» в работах исследователей летописания XX – начала XXI века

Приведенная ниже таблица иллюстрирует тезис о том, что в большинстве схем истории раннего летописания, которые предлагались исследователями XX – начала XXI вв., несмотря на определенные отличия и «поправки», воссоздана т. н. «схема Шахматова». Авторы этих схем не выходят из круга идей, рассматривавшихся когда-либо Шахматовым.

Материал ограничивается схемами раннего (до начала XII в.), и притом киевского, летописания. Взгляды ученых на древнее летописание Новгорода не учтены. Кроме того, таблица отображает построения далеко не всех исследователей летописания¹⁰⁹². Выбор обусловлен, в частности, желанием показать континуитет традиции, от работ первых последователей Шахматова до новейших публикаций. Я не стремился к «полной каталогизации», только к репрезентативности, а потому старался избрать наиболее показательные работы. Иногда принималась во внимание только часть работ определенного исследователя (в случае их большого количества). Несмотря на постепенную модификацию схем (внесение одних и удаление других элементов, уточнение хронологии гипотетических сводов, их авторства и т. д.), каркас остается стабильным. Именно он особенно интересен.

По вертикали размещаются имена ученых, по горизонтали – гипотетические памятники раннего летописания. Формулировки сознательно обобщенные, дабы вместить незначительные расхождения в гипотезах (точная датировка, авторство, жанровые особенности). Не отражена в таблице и идея М. Х. Алешковского об «анналистиче-

¹⁰⁹² Не учитываются, среди прочего, «локальные» работы, нацеленные не на создание авторских схем истории раннего летописания, а на проверку (часто – подтверждение) отдельных шахматовских идей. Показательное исследование такого типа – статья О. В. Творогова, где проверялась гипотеза Начального свода. Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Том 30. – Л., 1976. – С. 3–26.

ском продолжении» Начального свода (свода 1090-х), поддержанная рядом ученых, начиная с А. А. Гиппиуса. В тех случаях, когда исследователи предполагали не отдельную редакцию ПВЛ, а лишь копирование текста (пусть и с незначительными изменениями), ставится отрицательный знак.

Можно заметить, что наиболее устойчивым элементом схем выступает идея Начального свода или аналогичного летописного свода, якобы составленного в Киеве в 1090-х годах и отраженного в НПЛмл.

Примечательно также, что исследователи конца XX — начала XXI вв. вносят больше «поправок» в «схему Шахматова», чем их предшественники. Амплитуда авторских позиций колеблется от дополнения и легкой коррекции до полного отрицания определенных шахматовских положений. Например, Тимберлейк удаляет из схемы свод 1070-х годов; Зиборов и Цукерман отрицают отражение в НПЛмл свода 1090-х, зато постулируют отражение в ней свода 1070-х (и каждый видит это по-своему). Часть исследователей (Тимберлейк, Цукерман) уменьшает количество редакций ПВЛ до одной. В некоторых работах (Гиппиус) Начальный свод и ПВЛ первой редакции приписываются единому автору; в других (Зиборов) деятельность Нестора-летописца переносится в 1070-е годы.

Больше всего разногласий на протяжении последнего столетия вызывал вопрос о первом летописном (или вообще историческом) произведении на Руси. В новейших работах старый «Древнейший свод» Шахматова заменяет «Древнейшее/Древнее Сказание» (Гиппиус, Гимон, Цукерман, Михеев), что по сути схему не меняет. У истоков историописания Руси оказывается целостный, не разбитый на годы, нарратив. На этом фоне значительным достижением считается внедрение идеи погодных записей (анналов), правда, только как дополнительного компонента в раннем русском летописании наряду с привычными сводами (Алешковский, Гиппиус, Гимон¹⁰⁹³).

Перечень «инноваций» можно продолжать, но здесь важно уловить главное: несмотря на изменения деталей, в многочисленных авторских вариантах схем истории раннего летописания мы неминуемо увидим шахматовские черты. Другими словами, разные концепции исследователей имеют в основе единую матрицу.

¹⁰⁹³ Гимон Т. В., Гиппиус А. А. Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы). — С. 174–200; Гимон Т. В. Повесть временных лет в свете англо-саксонских параллелей // Древняя Русь: вопросы медиевистики № 33. — М., 2008. — С. 18–19.

	1-е русское историческое сочинение (у Шахматова – Дрсв)	Свод Никона / летописное сочинение (у Шахматова – 1073)	Нсв / свод 1090-х	1-я ред. ПВЛ (Нестора / печерск. монаха) 1110–1115	2-я ред. ПВЛ (Сильвестра) 1116	3-я ред. ПВЛ 1117–1118
Приселков ^I	Дрсв 1039	Свод Никона 1073	+	+	+	+
Лихачев ^{II}	Сказание о распространении христианства 1040-х	Свод Никона 1073	+	+	+	+
Черепнин ^{III}	Свод 996, при Десятиной церкви, основанный на повести о «полянах-руси»	Свод 1072	+	+	+	+
Насонов ^{IV}	Дрсв 1030–1040-х	+ «печерские записи» 2-й пол. XI в.	+	+	+	+
Тихомиров ^V	Три сказания об истории Руси, до конца X в. (кон. X – нач. XI в.)	Свод 1060–1070-х	+	+	+	+
Алешковский ^{VI}	–	сочинение 1060-х без хронологии, «Начальная летопись».	+	+	–	+

Приложение № 1. Воспроизведение «схемы Шахматова»

Толочко ^{VI}	Свод 996	+ [или: Софийский свод 1030-х]	+	+	-	+
Зиборов ^{VIII}	Дрsv 1037–1039	Летопись Нестора («основная летопись») 1093–1095	Нсв	+	+	+
Гиппиус ^X	«Нарративное ядро» конца X в.	+ (или: свод Изяслава нач. 1060-х и свод 1070-х)	+	+	-	+
Тимберлейк ^X	Дрsv 1-й пол. XI в.	-	+	+	-	-
Цукерман ^{XI}	«Древнейшее Сказание» 1016/7	Свод 1076	+	+	-	-
Михеев ^{XII}	«Древнее Сказание» 1016–1017 р.	+	+	-	+	+

Приложение № 1. Воспроизведение «схемы Шахматова»

- I Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. – Л., 1940. – гл. 1.
- II Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М.-Л., 1947. – С. 35–44, 58–76, 169–172; Лихачев Д. С. «Повесть временных лет» (историко-литературный очерк) // Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. – СПб.: Наука, 1996. – С. 299–351.
- III Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. Т. 25. – М., 1948. – С. 302–333.
- IV Насонов А. Н. История русского летописания. XI – начало XVIII века. – М., 1969. – С. 13–79.
- V Тихомиров М. Н. Начало русской историографии // Вопросы истории. №5. – М.: Правда, 1960. – С. 41–56; Тихомиров М. Н. Русское летописание. – М., 1979. – С. 27–65.
- VI Алешковский М. Х. «Повість временних літ» та її редакції // УДЖ. № 3. – К., 1967. – С. 37–47; Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. – М., 1971; Алешковский М. Х. К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории. – М., 1976. – С. 146–154.
- VII Толочко П. П. Літописи Київської Русі. – Київ, 1994. – С. 10–34; Толочко П. П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. – СПб., 2003. – С. 12–80; Толочко П. П. Давньоруські літописи і літописці X–XIII ст. – К., 2005. – разделы 1, 2.
- VIII Зиборов В. К. О летописи Нестора. – СПб., 1995; Зиборов В. К. История русского летописания XI–XVIII вв.: Учеб. пособ. – СПб., 2002. – С. 25–60.
- IX Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. – М., 2006. – С. 56–96; Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет I // Славяноведение № 5. – М., 2007. – С. 20–44; Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет II // Славяноведение № 2. – М., 2008. – С. 3–24; Гиппиус А. А. «Рекоша дружина Игореве...». К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian linguistic, 2001. – С. 147–181; Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. – Москва; Вологда, 2012. – С. 36–63.
- X Timberlake A. Redactions of Primary Chronicle // Русский язык в научном освещении. № 1. – М., 2001. – С. 196–218; Timberlake A. «Не преступати предела братня»: the entries of 1054 and 1073 in the Kiev Chronicle // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. – М., 2006. – С. 97–112.
- XI Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисоглебский сборник. Collectanea Borisoglebica. Выпуск 1 (ред. Константин Цукерман). – Париж, 2009. – С. 183–306.
- XII Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? (Славяно-германские исследования. Т. 6.). – М., 2011.

Планы «Разысканий о древнейших летописных сводах» 1903 г. и исследования о «Повести временных лет» 1907 г.

В тексте отображены авторские зачеркивания и пояснения в круглых скобках. Комментарии и отметки помещаю в квадратные скобки. Сокращения слов, орфография, авторские знаки (например, «+», «=») — согласно оригиналу.

«Разыскания о древнейших летописных сводах. Конспект». 4.11.1903¹⁰⁹⁴.

Конспект.

Предварительные замечания.

I Начальный свод¹⁰⁹⁵ Данные ведущие к предположению, что летопись велась и в X в. Соображения Срезневского. Летопись Иакова мниха.

II Первая редакция Начального свода. Сопоставление Новгородской 1-й (и Архангелогородской) с Пов. вр. лет ведет к восстановлению свода, лежащего в основании Повести). Быть может свод этот доведен до крещения Руси притом без годов. Материал — предания.

III Вторая редакция Начального свода (Иоакимовская). Составлена до 1030 г. Доводит эта [нрзб] тоже до крещения Руси и Новгорода. Выделение из Иоак. летописи древнейших данных. Материалы: а) особая ред. Елл. летописца; б) речь философа, в) символ веры, г) обличения латинян, д) слово о женах, е) похвала Ольге или сказание о ней, о ее крещении. М.б. все еще без годов.

IV Третья редакция Начального свода. Составлена в Новгороде при епископе Никите (ср. под 1096 г.) след. между 1096–1108. С годами. Материалы: особая ред. Елл. летописца.

¹⁰⁹⁴ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 148. — Л. 1. «конспект и план», датир. 5 ноября 1903

¹⁰⁹⁵ Подчеркнуто, а потом плотно зачеркнуто.

«Конспект и план». 5.11.1903¹⁰⁹⁶.

[Л. 2.] Конспект и план

I предварительные замечания

II Данные ведущие к предположению, что летопись велась и в X в. Соображения Срезневского. Летопись Иакова мниха.

III Данные для восстановления древнейших сводов. Сопоставление Новг 1-й и Архангелогородской с Пов. вр. лет.

Главный вывод: Комм. сп. (его протограф) основан на X + использует Синод. список. В Части от 1077 он следует общему[?] протографу. В части, обнимающей 1015–1043 заметно два источника – основной это протограф Синод. и дополнительный это X. Можно думать, что в части 989 он следовал протографу Синод. И так протограф Комм. = X от 6362 до 6496, = протограф Синод. под. 989 с прилож. (но здесь поздние прибавки), = X от 6497 до 6523, = протограф Синод. + X под 6523–6551, = X от 6552 до 6582, причем 6559 начинается их сходство, = протогр. Синод. от 6585 до ... [sic], [?] то X это особая ред. Пов. вр. лет. [сверху: «лет. свод»], более древняя чем Пов. вр. лет. Ряд доказательств.

IV Первая редакция Начального свода. (Иоакимовская) без годов!

V Вторая редакция Начального свода (еп. Никиты) с годами и с заимствованиями из Елл. Летописца особой редакции. Была доведена приibl. До 1100 года.

[Л. 2 об.] VI Данные в пользу предположения двух редакций Повести вр. лет

VII первая редакция Нача

VI Данные для восстановления древней летописи Печерской. Состав и [нрзб] этой летописи.

VII Данные в пользу предположения двух ред Повести вр. лет.

VIII Первая редакция Повести вр. лет игумена Сильвестра. Ее источники. Отношение к Начальному своду. Словарь.

IX Вторая редакция Повести временных лет. Летопись Мономаха.

X киевское летописание в течение XII в.

XI Переяславское летописание в течение XII в.

XII Печерская летопись в XII в.

XIII Галицкая летопись в XII в.

XIV Черниговская летопись в XII в.

XV Новгородская летопись в XII в.

XVI Суздальская летопись в XII в.

¹⁰⁹⁶ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 148. – Л. 2–3.

- ~~XVII Владимирский свод нач. XIII в.~~
[Л. 2 об. – напротив пунктов XI-XVII с правой стороны листа]:
~~X Киевский свод 122 [sic]~~
- X Данные для восстановления летописания в Киеве, Чернигове, Переяславле, Галиче в XII в.
- XI Данные для постановления летописания в Новгороде в XII в. Летопись Вояты.
- XII Данные для постановления летописания в Сузд. обл. в XII в.
- XIII Владимирский свод ок. 1216
- XIV Ростовский свод ок. 1220
- XV Переясл. Сузд. свод 1214 г.
[Л. 3] – ~~XVIII Ростовский свод нач. XIII в.~~
- ~~XIX Переяславская Сузд. летопись 1214 года~~
[Л. 3 – продолжение с левой стороны]
- XX Киевская летопись в XIII в.
- XXI Галицкая летопись в XIII в.
- XXII Черниговская летопись в XIII в.
- XXIII Новгородская летопись в XIII в.
- XXIV Владимирская летопись в XIII в.
- XXV Ростовская летопись в XIII в.
- XXVI Тверская летопись в XIII в.
[напротив пунктов XX-XXV по правой стороне]:
- ~~XVI Данные для восстановления~~
- XVI Киевский свод до 1237 года
- XVII Данные для восстановления летописания в Киеве Суздальской области и в Твери в XIII ст.
- XVIII Данные для восстановления летописания в Новгороде в XIII ст.
- XIX Галицковол. свод конца XIII ст.
- XX Черниговский свод конца XIII ст.
[продолжение по левой стороне]:
- XXI Общерусский лет. свод нач. XIV в.
- XXII Лаврентьевская летопись
- XXIII Ипатьевская летопись
- XXIV Новгородская первая
- ~~XXV Древнейшая московская летопись~~
- XXVI Данные для восстановления летописания в Москве, Твери, Влад, Ростове, Нижнем, Рязани в XIV в.
- XXVI Данные для восстановления летописания в Новгороде в XIV в.
- XXVII Данные для восст лет в Смолен в XIV в.
- XXVIII Общер. лет. свод 1423 года [добавлено]: Троицкий список 1409 Летопись Игнат Смолен 1405 года

XXIX Хронограф

XXX Ростовский вл. свод Ефр, Василия

[Л. 3 об.] — XXXa Тверской свод

XXXI Свод 1448 года [добавлено карандашом]: Источн. Новг 1-й лет

XXXII Источн. Новгор 4-й лет

XXXIII Источн Соф 1-й лет [добавлено карандашом]: Западнорус лет

XXXIV Рост. вл. Моск. своды 1472, 1480 г.

XXXV Рост. вл. свод 1499 года

XXXVI Москв. своды 1509, ~~1518 годов~~, Царск.

XXXVII Моск св 1518. Льв. летопись и Архивск. Моск свод 1520 г.

XXXVIII Воскрес. летопись

XXXIX Никоновская летопись

План исследования о ПВЛ, 1907 г¹⁰⁹⁷.

[Л. 1] 1. Какой памятник мог б. назыв. П.вр. лет. 2. Главнейшие списки, в которых сохранилась П. вр. лет. Два главных разряда: 1) вне соединения с новгор летописью, 2) в соединении с новгор летописью. 1) Списки Лавр, Радзив., Ипатьевский, Хлебников, Переяславля Суздальского 2) списки Нг 4-й, Соф 1-й, Воскр, Никон.

[Л. 1 об.] 1. Сложность задач. Единственно научный метод. Два способа изложения данных результатов.

План изложения

1. Нач св. ([нрзб])

2. Краткие сведения о списках, в которых сохр П. вр. лет. Два разряда списков

3. ~~Какие могут быть сделаны выводы о древнейших редакциях П. вр. лет.~~

3. Объем

4. Объем первоначальной редакции ПВЛ. Время составления.

Источники: 1) Начальный свод, 2) Печерская летопись, 3) Амартол, 4) договоры.

5. Объем второй редакции Пов вр лет. Ее списки. Источники [подписано: «1907»]

[Л. 3] I. Списки начальной летописи

A) общие замечания

B) главные списки Пов вр лет

¹⁰⁹⁷ ПФА РАН. — Ф. 134. Оп. 1. — Д. 322. «Повесть временных лет». Подготовительные планы к исследованию. Планы, редакции. [1907–1919] — 151 лл.

- В) Новг свод млад изв
- Г) позднейшие изводы
- II. Сопоставление Новг свода и Пов вр. Нач. свод.
- А) объем и время составления
- Б) источники Нач свода:
 - α) Древн свод и его Прод, [дописано:] Новг свод
 - β) греч хроники
 - γ) Житие Антония
 - δ) паримейник
 - ε) народные предания (Ольга, Святослав)
 - ζ) Слово о казнях Божих
 - η) [нрзб]
- III. Пов вр. лет. Три редакции Нестора, Сильвестра и 3-я.
- 1) Несторова летопись. Объем и вр составления
- Источники
 - А) Амартол
 - Б) Никифор
 - В) Жит Вас нов
 - Г) Сказ о грам
 - Д) договоры
 - Е) Мефодий Патар
- 2) Сильвестровская ред. Источники
- 3) Третья ред. Объем, время сост. Источ
 - А) лет. Василия
 - Б) нар сказ
 - В) Хронограф
 - Г) Мономах летоп?

Черновик А.А. Шахматова: краткое содержание «Разысканий»

Текст размещен на небольшом листе с обеих сторон¹⁰⁹⁸. Точная дата этого черновика неизвестна. Можно предполагать, что она появилась до публикации «Разысканий», но не раньше 1907 г., поскольку высказанные здесь идеи в более ранних работах Шахматова не фиксируются.

Текст написан очень неразборчиво, с многочисленными сокращениями. Конъектуры вместо малопонятных слов подаются в квадратных скобках курсивом. В круглых скобках курсивом – возможное прочтение предшествующего слова.

Александр и Исакий. Следовательно, составлен между 1081 и 1118. Но мы можем сузить эти пределы. Мономахово княжение. 2-я половина Святополкова: победы над половцами. Следов. 1-я половина. Но во всяком случае раньше 1098 года и раньше 1097. След. между 1093 и 1096 годами. Конец свода – поучения 1093 года. Место составл конечно Печерская обитель.

Но можно ли [представить?] свод 1093 года извл (извлекаемая?) вставки в его текст. Рассказ 968 года. Начало Руси. События 922–945 годы. След-но ему предшеств. другой свод. Ближ задача определить этот свод в его объеме. Источник – текст Пов. вр. л. Два приема: 1) приблиз с 1061 года, 2) до него. До этого вр. (времени?) отсутствие дат (12 мая, 4 октября, 12 июля, 4 июля, 24 июля, 5 сентября); исключ 15 июля, но это явно вставка. Отсюда вывод: приб с 1061 года другой летописец. Считаю 1060 сост позднее, не совр., завещ Яр [нрзб] сост 1073 год. След-но можно думать, что составл той лет, [нрзб] с 6562 года – След-но этот свод составлен до этого года, [нрзб]. Имея

¹⁰⁹⁸ ПФА РАН. – Ф. 134. Оп. 1. – Д. 327. Черновики трудов по истории летописания [1890-е – 1900-е]. – Л. 63 – 63 об.

в виду, что [? Упомянут 1044 год, далее неразборчиво, далее упомянуты 1038–1042 гг.] ... в др св. была ст 1037, где [нрзб] о закладке св. Софии [нрзб] 1039 году митр Феоп. И так лет осн по поводу уст Киев митр, основанной митрополитом! Греция...

Далее связный текст разобрать сложно, но общий смысл можно понять по ключевым словам и датам. Речь идет о том, что около 1062 г., после основания Печерского монастыря, туда перешло летописание. Далее – о том, что серия тмутараканских сообщений позволяет считать автором продолжения Древнейшего свода Никона.

Основные гипотезы по истории раннего летописания во взглядах А. А. Шахматова

Пояснения к таблице.

По вертикали – гипотезы Шахматова. Формулировки заведомо широкие, чтобы учесть незначительные расхождения в деталях.

По горизонтали – даты работ. В некоторых случаях Шахматов проставлял дату завершения исследования в самом тексте. Не всегда время определяется точно. В таких случаях в таблице указывается или приблизительный период написания работы, или дата публикации, т. е. крайняя верхняя дата.

Условные обозначения:

- + идея прямо зафиксирована в работе.
- ± идея изложена не полностью, в зачаточном виде или с модификациями.
- +? на идею указано косвенно, или она непосредственно не артикулирована, хотя контекст ее предполагает.

Серым цветом обозначены временные интервалы, когда Шахматов поддерживал соответствующие гипотезы. Определенное построение могло не находить отражения в целой серии работ, написанных в границах интервала. Но это вовсе не означает, что во время написания этих работ Шахматов не поддерживал данное построение. Тексты Шахматова по преимуществу специальные; ему не было нужно вспоминать о своих взглядах, не касавшихся непосредственного предмета исследования. Скорее, показательна периодичность, с которой та или иная идея «проступала» в текстах, а также сохранение контекста, неразрывной частью которого она выступала.

Работы Шахматова, использованные в таблице

- До 03.1890 Шахматов А. А. О сочинениях преподобного Нестора // Шахматов А. А. История русского летописания. – СПб., 2003. – С. 465–475.
- 04.1890 Шахматов А. А. Исследование о Несторовой летописи // Шахматов А. А. История русского летописания. – СПб., 2003. – С. 476–500.
- 1896 Шахматов А. А. Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия // ИОРЯС. Т. 1. Кн. 1. – СПб., 1896. – С.46–47.
- 01.1897 [Шахматов А. А. Кем и когда был составлен летописный свод – повесть временных лет?] Отчет о собрании Императорского общества Любителей древней письменности за 31 января 1897 г. // Отчеты о заседаниях Императорского общества Любителей древней письменности в 1896–1897 гг. – СПб., 1897. – С. 23–24.
- 02–03.1897 Шахматов А. А. Хронология древнейших русских летописных сводов // ЖМНП. 1897. Апрель. – СПб., 1897. – С. 463–464.
- 02–04.1897¹⁰⁹⁹ Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде / Исследования // ЧОИДР 1897 г. Кн. 3. – М., 1897. – С. 8–9, 18, 23–25, 37–58.
- 03.1897 Шахматов А. А. Киево-Печерский Патерик и Печерская летопись // ИОРЯС 1897. Том 2. Кн.3. – СПб., 1897. – С. 820–827.
- 10.1897 Шахматов А. А. Древнейшие редакции Повести временных лет // ЖМНП. 1897. Октябрь. – СПб., 1897 – С. 209–210.
- 1898 Шахматов А. А. Житие Антония и Печерская летопись // ЖМНП. 1898. Март. – СПб., 1898. – С. 114–117, 141–145, 148.

¹⁰⁹⁹ О датировке статьи: Алексей Александрович Шахматов (1864–1920). – Л., 1930. – С. 31.

- 1898 Шахматов А. А. Отзыв о сочинении: Eugen Ščerkin «Zur Nestorfrage» // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 137–145.
- 1900 Шахматов А. А. Начальный Киевский летописный свод и его источники // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 175–185.
- 1900/1901 Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. Часть III–IV. — 1900 (Ноябрь). — С. 163–171, 183–193.
- 06.1902 Шахматов А. А. Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи // ОЛДП. Т. 118. — СПб., 1902. — С. 791–84, 112–113.
- 11–12.1904 Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // ИОРЯС. Т. 9. Кн. 4. — СПб., 1904. — С. 308–314.
- 1904 Шахматов А. А. Толковая Палея и русская летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 248–295.
- 1906 Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. Оттиск из Сборника статей в честь В. И. Ламанского. — СПб., 1906. — С. 74–75, 104.
- 04.1907 Шахматов А. А. Сказание о преложении книг на словенский язык // Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. — Berlin, 1908. — С. 172, 173.
- 01.1908 Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду. ??? — С. 35–47.
- 1908 Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — С. IV.
- Ок. 1913 Шахматов А. А. Несторова летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 501–526.
- 1913 Шахматов А. А. Нестор летописец // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 413–427.
- 1915 Шахматов А. А. Летописи (Статья из «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза—Ефрона, том XXV) // Обзорение русских летописных сводов

- XIV–XVI вв. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1938. — С. 361–363.
- 1916 Шахматов А. А. Повесть временных лет. Том 1. — Пг., 1916. — С. I–XXXVI¹¹⁰⁰.
- После 1916 Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. // Шахматов А. А. История русского летописания. — С. 428–464.
- 1918/1919 Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. Том 4. — М.–Л.: Наука, 1940. — С. 19, 23–28, 36–37, 60, 131.

¹¹⁰⁰ Работа над книгой велась, по меньшей мере, в период 1912–1915 гг. Но нынешний вид она приобрела не ранее 1915 г. Крайней датой служит 1916 г.

Приложение № 4 · Основные гипотезы по истории

Даты работ / гипотезы	До 03.1890	04.1890	1896	01.1897	02-03.1897	02-04.1897	03.1897	10.1897	1898	1898	1900
1. 3-я ред. ПВЛ / ред. 1117-1118	+	±	±	+	+		+	+	+	+	±
2. 2-а ред. ПВЛ / 1116 Сильвестра					+	+	+	+	+	+	+
3. 1-я ред. ПВЛ / ок. 1110 г., Нестора											
4. Нсв кон. XI – нач. XII в. (до 1101)											
5. Нсв 1093-1096											
6. Преди- словие Нсв 1090-х											
7. Нсв 2-й пол. XI в., после 1074, по НПЛмл					+	+		+	+		+
8. ред. ПВЛ 1074	+										
9. Несторова печерская летопись (+) или печерские рассказы (+*)	+	+	+	+			+		+	+	±?
10. Печерская летопись в ред. Сильвестра или анонима	+	+	+	+			+		+	+	
11. Свод Никона / между Дрsv и Нсв, 1070-е											
12. Дрsv (до 1044 / время-на Ярослава Мудрого)											±
13. Повесть о начале Руси						+					
14. Новг.свод 1-й пол.- сер. XI в. / про-должен до 1070-80-х						±					
15. Новг. летопись 1-й пол. XI в. (1017-1036)											

Приложение № 4 · Основные гипотезы по истории

1900/1901	06.1902	11-12.1904	1904	1906	04.1907	01.1908	1908	Ок. 1913	1913	1915	1916	После 1916	1918/1919
+	+	+				+	+	+	+	+	+	+?	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+?	±
							+	+	+	+	+	+?	+
+?	+?	+		+	+			+		+			+?
						+	+		+		+	+	+?
						+	+		+		+	+	+?
+?	+?		+										+?
					+	+							
									+	+	+		
±		+	+	+	±		+	+		+			+
±							+	±		+			
±		±					+						

Указатель

А–Я

- Абрамович Д. И. 171, 241, 242, 263, 276
Адрианова-Перетц В. П. 259
Алешковский М. Х. 221, 292–294
Альфен Л. 109
Андерсон Б. 286
Аничков Е. В. 148–150
Артамонов Ю. А. 243, 270
Арцыбышев Н. С. 54
- Барсов Н. П. 61
Басаргина Е. Ю. 257, 268
Бахрушин С. В. 259, 282
Бёдекер Х. Э. 25
Бедье Ж. 75
Белевский А. 41, 83, 84, 144
Беляев И. Д. 57, 59, 124, 125, 127, 129, 160, 204, 241
Бередников Я. И. 39, 48, 55, 57, 58, 84, 101, 115, 166, 223, 228
Беркут Л. Н. 44, 109, 123
Бестужев-Рюмин К. Н. 19, 38, 43, 57, 59–61, 67, 79, 101, 102, 104, 107, 108, 119, 124, 126, 131–134, 150, 154, 157, 158, 160, 162, 165, 168, 173, 205, 216, 223, 235, 238, 241, 242, 261
Биллярский Н. 169
Блох Э. 113
Бобров А. Г. 47, 171
Богословский М. М. 271
Болтин И. 155, 211
Бон Т. М. 282
Борис и Глеб, св. кн. 117, 183, 201, 271, 280
- Брачев В. С. 40
Брюкнер А. 247, 257
Буганов В. И. 22, 258, 259, 276
Бугославский С. А. 16, 77, 113, 143, 202, 223, 243, 246, 247, 260, 270, 271, 274, 280
Будовниц И. У. 20, 21, 259
Буланин Д. М. 33, 126
Буслаев Ф. И. 53, 99
Бутков П. Г. 36, 56, 169, 203, 205
Быков К. М. 273
Бычков А. Ф. 40, 84, 162, 172, 204, 207
- Вайтц Г. 41, 53, 111, 113, 115, 116, 138, 139, 145
Василий, автор рассказа об ослеплении Василька Теремовльского 168, 200, 201, 210, 228, 229, 236, 237, 295, 301
Василько Теремовльский 209, 228
Ваттенбах В. 117, 123
Вебер М. 82
Вельхаузен Ю. 51
Веселовский С. Б. 282
Весткот Б. Ф. 77
Вибель Х. 35, 43, 74, 110, 111
Вилкул Т. Л. 17, 23, 33, 51, 93, 194, 197, 222, 248
Виноградов В. В. 82, 99, 257, 269
Виттекер Ц. Х. 147
Владимир Мономах, кн. киевский 165, 168, 201, 203, 231, 264, 298, 301, 302

- Владимир Святославич, князь киевский 161, 204, 208, 210, 213, 214, 218, 220, 278
- Вовина-Лебедева В. Г. 17, 18, 24, 25, 38, 47–49, 68, 72, 76, 82, 85, 98, 100, 103, 113, 136, 142, 164, 166, 223, 255, 256, 257, 259, 260–264, 266, 269, 270, 276, 277, 279, 281–283
- Войчеховский Т. 44, 71, 72, 110, 113, 115
- Волчий Хвост, воевода 161
- Вольф Ф. А. 48, 49, 50, 262
- Востоков А. Ф. 100, 228
- Воята, новгородец 65
- Всеволод, кн. киевский 201
- Веслав, кн. полоцкий 156, 191, 213, 214
- Вышеслав, князь новгородский 215
- Гартман А. В. 277
- Георгий Амартол, визант. хронист 183, 184
- Гердер И. Г. 53
- Герман Воята, новгород. книжник 201, 299
- Гизебрехт В. 42, 44, 95, 96, 116, 117, 123
- Гилберт Ф. 101, 234
- Гимон Т. В. 35, 293
- Гиппиус А. А. 14, 38, 189, 209, 221, 222, 274, 283, 293, 294
- Голанов И. 267
- Голиков А. Г. 53
- Голубинский Е. Е. 149, 169, 170
- Горский А. В. 210
- Готье Ю. В. 267, 282
- Гоффарт У. 51, 52, 53
- Греков Б. Д. 261, 266
- Гримм Я. 53
- Грисбах И. 47
- Гришина Н. В. 272, 282, 284
- Груздева Е. Н. 283
- Грушевский М. С. 19, 169, 241, 242, 248, 263, 264
- Грушка А. А. 268
- Грэфтон Э. 262
- Гудзий Н. К. 246, 259, 271
- Гумбрехт Х. У. 118
- Гюрята Рогович, новгородец 165, 231, 232
- Давид, князь волынский 230
- Данилевский И. Н. 231, 234
- Дарвин Ч. 256
- Длугош Ян, польск. историк 247
- Добровольский Д. А. 82, 277
- Добровский Й. 142, 143, 150, 166, 222, 223, 228
- Дубина В. 25
- Дубровский А. М. 272
- Дюмезиль Ж. 138–141
- Дюнцельман Э. 44, 117
- Евсеев И. 77, 147
- Еремин И. П. 16, 121, 127, 129
- Живов В. М. 274, 294
- Жуков А. Е. 248
- Завитневич В. З. 242, 246, 266
- Завитневич 247
- Зайончковский С. 35, 108, 117
- Зибель Г. фон 74, 124, 280
- Зиборов В. К. 293, 294
- Зимин А. А. 259, 261, 266, 277, 278
- Иаков Мних, автор периода Киевской Руси 202, 205, 214, 216, 217, 280, 297, 298
- Иаков, печерский монах 202
- Игорь, кн. киевский 163, 193
- Изяслав, князь киевский 200, 201, 294
- Иконников В. С. 282
- Ильинский Г. А. 147, 148
- Иоаким Корсунянин, новгород. епископ 65, 117, 185, 199, 211, 212, 213, 214, 215, 216
- Иоанн (Иван), игумен печерский 167, 192, 202, 203
- Иордан, историк 51
- Истрин В. М. 16, 21, 77, 78, 99, 103, 109, 134, 136, 194, 196–198, 223, 224, 229, 243–245, 247, 248, 252, 260, 262–264, 267, 274–276

- Казанский П. С. 57, 58, 100, 155, 169, 171, 172
Калайдович К. Ф. 280
Карамзин Н. М. 36, 54, 84, 93, 137, 158, 159, 162, 170, 171, 172, 210, 211
Карл Великий, король франков 277
Кассиодор, историк 51
Кауфман Г. 43, 45, 111, 116, 124, 250
Каченовский М. Т. 49, 56, 76
Кентшинский В. 35, 43, 45, 48, 76, 94, 108, 113, 115, 116
Кистерев С. Н. 16, 22, 31, 38, 68, 277
Ключевский В. О. 132, 133, 241, 258, 271, 272, 282, 284
Козеллек Р. 25
Коллинз Р. 26, 27, 238, 249, 286
Комарович В. Л. 259, 260, 282
Кордуба М. 247
Костомаров 36, 38, 59, 67, 96, 104, 125, 156, 173, 178, 199, 205, 206, 235, 236, 238, 241, 242, 254
Коялович М. О. 131, 251
Кривко Р. Н. 33
Кром М. М. 146
Круглова Т. А. 53
Круглый А. О. 267, 268
Круш Б. 74
Кубарев А. 169
Кузьмин А. Г. 16, 22, 23, 76, 87, 103, 123, 136, 251
Кун Т. 154, 249, 251, 256, 284, 285
Куник А. А. 219
Курце Ф. 35, 71, 74, 77, 108, 109, 111, 112, 113, 116, 117, 123
Кучкин В. А. 261
- Лавров Н. Ф. 166, 260
Лавров П. А. 267
Лавровский П. А. 211
Лакатос И. 154
Ламанский В. И. 149
Ламбин Н. П. 82, 84–87, 107, 114, 157, 162, 168, 172, 204–207, 210, 255
Лаппо-Данилевский А. С. 113, 252
Лаптева Л. П. 45, 147, 148
Лахман К. 32, 69, 70, 73, 75, 77, 112, 142, 150, 276
Лашнюков И. В. 59, 83
- Леве Х. 117
Лейбович Л. И. 54, 91, 150
Ленин В. И. 273
Лихачев Д. С. 15, 21–23, 31, 33, 34, 53, 54, 80, 98, 102–104, 114, 122, 125, 129, 135, 171, 259, 260, 261, 273, 274, 276, 277, 279, 294
Лукин О. В. 53, 150
Лурье Я. С. 98, 276, 277, 279
Лысенко Т. Д. 273
Ляпунов Б. М. 98, 99, 254
Лященко А. И. 257
- Майков Л. Н. 61
Макарий (Булгаков) 280
Макартни К. 52
Маркевич А. И. 60, 61, 62, 79, 81, 83, 101, 126, 130, 133, 145, 157, 170, 201, 205, 210
Масальская Е. А. 73, 148, 150, 154, 171
Миллер В. Ф. 264
Миллер Г. Ф. 118, 130
Милюков П. Н. 282
Михайлов А. В. 77, 78, 99, 147
Михеев С. М. 15, 275, 295
Михеев 293, 295
Мичурин И. В. 273
Моно Г. 109
Мстислав, кн. киевский 203
Мстислав, кн. новгородский 231
Мстислав, кн. черниговский 214
Мыльников А. С. 147
Мюллер Й. 142, 222
Мюллер Л. 16, 222, 264
- Наймушин С. В. 234
Насонов 233, 259, 260, 274, 279, 294
Нестор, древнекиевский автор 19, 78, 79, 84, 85, 86, 89, 90, 104, 114, 116, 117, 118, 125, 127, 128, 129, 130, 134, 145, 155, 157, 159, 160, 162, 166, 167, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 181, 182, 184, 196, 200, 203, 204, 211, 222, 223, 225, 226, 227, 228, 230, 232, 236, 237, 242, 251, 263, 293, 294, 301
Нечкина М. В. 258, 272

- Нибур Б. Г. 49
 Никита 186, 203, 213, 297, 298
 Никольский Н. К. 16, 246, 247, 248, 274
 Никон, игумен печерский 198, 200, 201, 203, 221, 237, 248, 294, 303
 Нэш Дж., математик 179
- Обнорский С. П.** 257, 267
 Оболенский М. А. 197, 198
 Олег, кн. киевский 163, 183, 193, 197, 205, 217, 218
 Оленин А. Н. 47, 48
 Ольга, кн. киевская 257, 301
 Ольденбург С. А. 267
 Орлов А. С. 259
 Островски Д. 17, 33, 34, 144
- Павлов И. П.** 273
 Пархоменко В. А. 103, 113, 158, 255, 257, 260, 278, 278, 279
 Пашуто В. Т. 20, 21, 114, 273
 Первозванский А. А. 282
 Перевощиков В. О. 55, 101, 118, 157, 159, 200
 Перетц В. Н. 94, 95, 113, 143, 252, 267, 283
 Перльбах М. 35, 44, 45, 110, 113, 145
 Пертц Г. 41, 42, 44, 46, 48, 83, 116, 123, 138, 139, 141
 Перфецкий Е. Ю. 44, 257, 266
 Перфурий, новгородский монах 201
 Петров Н. И. 263
 Петухов Е. В. 19, 242, 244
 Платонов С. Ф. 65, 241
 Платонова Н. И. 283
 Погодин М. П. 34, 37, 38, 56, 57, 79, 84, 107, 124–126, 155, 159, 161, 168, 218, 241, 280
 Покровский М. Н. 271, 272
 Полевой П. Н. 133, 216, 217
 Полетаев Н. И. 144
 Поликарп, печерский монах 174
 Портнов А. 257
 Порфирьев И. 61, 205
 Пресняков А. Е. 19, 20, 62, 65, 68, 69, 76, 100, 113, 127, 142, 143, 164, 165, 166, 189, 190, 224, 255, 256, 257, 263, 276
- Приселков М. Д. 21, 93, 94, 95, 103, 113, 129, 143, 173, 242, 246, 247, 258, 259, 260, 264, 266–270, 272, 276–278, 279, 294
 Прохоров Г. М. 17, 23, 66
 Пул Р. Л. 35, 108, 109, 112
- Ранке Л. фон** 71, 116, 123, 124
 Рассудов А. 60, 135, 154, 173, 190, 191, 211, 220, 235, 236
 Расторгуев П. 268
 Регель В. Э. 44, 45, 94
 Репина Л. П. 25
 Ричль Ф. 112
 Робинсон М. А. 149, 254, 267
 Рожков Н. А. 271
 Розенкамф Г. А. 218
 Ромодановская Е. К. 283
 Ростислав, кн. тмутараканский 203
 Роте Г. 53, 148
 Рубинштейн Н. Л. 21
 Русинов В. Н. 17
 Рыбаков Б. А. 138, 278
 Рюрик, легенд. кн. 183
- Сакулин П.** 267
 Свенельд, воевода 84, 162, 172, 204, 207
 Свешников А. В. 282
 Святополк Окаянный, кн. киевский 157, 161, 187, 188, 190, 201, 230, 302
 Святослав, князь киевский 158, 218, 301
 Севальнев А. В. 17
 Семкович В. 74, 110, 113
 Сендерович С. Я. 93
 Сенигов И. П. 61, 62, 100, 154, 162, 163, 164, 168, 199, 201, 202, 211, 215, 216, 253
 Середонин С. М. 253
 Сидоров А. И. 35, 116, 117
 Сикорский Д. 139
 Сильвестр, хронист 60, 90, 127, 128, 157, 165, 170, 173, 175, 177, 181, 186,

- 191, 198, 201, 214, 225, 226, 227,
228, 229, 230, 232, 236, 251, 279,
281, 294, 298, 301
- Симсон Б. 117
- Смолька С. 76, 145
- Соболевский А. И. 187, 188, 189, 190,
191, 243
- Соколов Б. 257
- Соловьев С. М. 124, 135, 162, 189,
190, 206, 218, 241, 251, 255
- Сперанский М. Н. 77, 276
- Срезневский И. И. 36, 37, 58, 61, 79,
80, 84–87, 107, 132, 133, 145, 154,
156–158, 160, 168, 191, 173, 205,
216–218, 241, 242, 297, 298
- Сталин И. В. 273
- Стефанович П. С. 261
- Строев П. М. 19, 49, 55, 56, 58, 61,
119, 120, 130, 133, 158, 159, 165,
189, 241, 242
- Строев С. М. (Скромненко) 56
- Сухомлинов М. И. 58, 61, 120, 145,
161, 168, 205, 211, 241, 242
- Тарле Е. В. 272
- Татищев В. Н. 19, 54, 118, 137, 154,
155, 157, 164, 167, 171, 190, 210, 211
- Творогов О. В. 194, 222, 292
- Тимберлейк А. 66, 293, 294
- Тимковский Р. Ф. 47, 48, 49
- Тимофей, новгородский книжник
201
- Тимпанаро С. 70, 71, 72, 75, 82
- Тихомиров А. И. 97
- Тихомиров И. А. 106
- Тихомиров И. А. 60, 62, 63, 64, 65,
67, 68, 69, 97, 106, 121, 127, 202,
209, 244, 254, 255, 285
- Тихомиров М. Н. 209, 260, 269, 270,
294
- Тихонов В. В. 282
- Толочко А. П. 17, 23, 51, 164, 167, 218,
220, 279
- Толочко П. П. 128, 294
- Троцкий И. М. 259
- Уваров С. С. 49, 147
- Умбрашко К. Б. 282
- Уо Д. К. 119, 120
- Уоллес А. Р. 256
- Устрялов Н. Г. 39, 48, 115
- Фейерабэнд П.** 138, 266
- Феодосий, игумен печерский 176,
177, 200, 214, 263
- Феопемпт, митр. киевский 199, 202,
203, 303
- Филевич И. 86, 87, 157, 158, 164, 180,
184, 185, 205, 207, 208, 211, 261
- Филин Ф. П. 98, 113, 136, 260, 261
- Филлипсон Э. 141
- Фоллин С. 17, 23
- Фортунатов Ф. Ф. 99, 255, 282
- Франко И. Я. 169
- Фуко М. 264
- Хартанович М. Ф. 40
- Херман И. Г. 50
- Хорошкевич А. Л. 259, 261, 266, 277,
278
- Хорт Ф. 77
- Хофман Х. 47, 69, 71, 74, 83, 110, 115,
116, 144
- Хрущев И. П. 170
- Цамутали А. Н.** 98, 136
- Цукерман К.** 293, 295
- Цыб С. В.** 277
- Черепнин Л. В.** 16, 260, 277, 282, 294
- Чирков С. В.** 20, 40, 41, 66, 68, 73,
113, 144, 164, 255, 256, 283
- Шамбинаго С. К.** 270
- Шапиро А. Л. 21
- Шевырев С. П. 53
- Шефер-Бойхорст П. 94, 95, 96
- Ширинский-Шихматов П. А. 166
- Шлейхер А. 70
- Шлецер А.-Л. 19, 34, 36, 39, 46, 47,
54, 58, 77–79, 84–86, 100, 107, 115,
118, 119, 130, 131, 143, 145, 146, 150,
154, 155, 158, 159, 167, 168, 171, 172,
204, 211, 228, 242, 243, 251
- Шрёер Н. 108, 111, 112, 116
- Шушарин В. П. 52

- Щепкин** Е. Н. 145, 146, 169, 241, 254, 263
- Эйнгард** 116, 117, 118
- Ягич** И (В). В. 147, 150
- Яковлев** А. И. 18, 260, 282
- Янин** В. Л. 98
- Яниш** Н. Н. 59, 60, 80, 82, 107, 120, 125, 132, 154, 160, 161, 163, 168, 206
- Ярополк**, кн. киевский 278
- Ярослав**, князь киевский 157, 161, 177, 188, 205, 211, 214, 215, 216, 283

A-Z

- Bagi** D. 52
- Bergman** J. 256
- Bernheim** E. 94, 95, 115
- Boeckh** A. 112
- Bolter** J. 49
- Bresslau** H. 48, 139
- Caro** G. 116
- Colwell** E. C. 75, 77
- David** P. 35, 108, 117
- Dieterich** J. R. 44, 94
- Driscoll** M. J. 46, 70
- Dymmell** P. 70
- Ebrard** F. 44, 116, 123
- Eskildsen** K. R. 123
- Forbes** N. 252
- Gilbert** F. 15, 25
- Gordon** P. E. 25
- Grafton** A. 49
- Gumbrecht** H. U. 46
- Gutschmid** A. von. 53, 112
- Hedeman** A. D. 148
- Hellmann** S. 108
- Hyde** W. W. 50
- Keipert** H. 100, 228
- Kosellek** R. 25
- Lind** J. 18, 40
- Maas** P. 69, 75, 115
- Mahler** A. 49, 119
- McKitteric** R. 35
- Nichols** S. G. 46
- Porter** J. S. 69
- Schwartz** J. 256
- Sherbert** G. 234
- Skinner** Q. 25
- Souter** A. 69, 77
- Spiegel** G. M. 46, 148
- Spychała** L. 52
- Srkulj** St. 241
- Thomson** F. J. 142
- Tucker** A. 69
- Usener** H. 112
- Warmiski** M. St. von. 44, 116
- Węcowski** P. 48
- Wenzel** S. 46
- Zeissberg** H. 43

Наукове видання

ВАДИМ АРІСТОВ

ОЛЕКСІЙ ШАХМАТОВ ТА РАННЄ ЛІТОПИСАННЯ

Метод, схема, традиція

Російською мовою

Редактор: *Микола Климчук*

Коректори: *Костянтин Горобенко, Марія Яковлева*

Макет *Дениса Піорко*

Обкладинка *Катерини Корчагіної*

Відповідальна за випуск *Поліна Лаврова*

Підписано до друку 1.11.2018.

Формат 70 × 100 / 16 (зменшений).

Папір офсетний, друк офсетний. Зам. № 18-207

Гарнітури Aelita (дизайнер *Наталія Васільєва*),

PT Sans Pro (дизайнер *Александра Королькова* за участю
Ольги Умпелевої під керівництвом *Владіміра Єфімова*)

Видавництво Laugus

ДК № 4240 від 23.12.2011

04114, Київ, вул. Дубровицька, 28

Телефон: 0 (44) 234-16-30

laugus.info@yahoo.com

www.laugus.ua

Віддруковано у ТОВ «Друкарня "Бізнесполіграф"»

ДК № 2715 від 07.12.2006. 02094, Київ, вул. Віскозна, 8

Телефон/факс: +380 (44) 503-00-45

Более века наука знала о древнейших летописях то, что рассказал о них великий Алексей Шахматов. Его Обозрение было ветхим, а Разыскания – новым заветом текстологии. Но как формировались воззрения самого Шахматова? Каков их исторический и академический контексты? В чем состоял «Шахматовский метод»? Что обеспечило его гипотезам столь долгую и успешную жизнь в науке? Об этом узнаём из тщательно документированной, теоретически осведомленной и умело написанной книги Вадима Аристова.

АЛЕКСЕЙ ТОЛОЧКО

Национальная Академия наук Украины

Почти всем, что нам известно о Киевской Руси, мы обязаны летописям. Почти все, что мы узнаём из летописей, проходит через интерпретационный фильтр, главным создателем которого считают Алексея Шахматова. Как устроен этот фильтр? Что он оставляет «за кадром»? Что произойдет с нашими представлениями о мире Киевской Руси, если мы этот фильтр уберем? Автор заново ставит вопросы, на которые, казалось бы, в историографии давно уже дан ответ. Это смелый и важный шаг к переосмыслению древнекиевского прошлого.

СЕРГЕЙ ПЛОХИЙ

Гарвардский университет

9 789662 449792

